

В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ

ИНСТИТУТ К.МАРКСА и Ф.ЭНГЕЛЬСА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

**БИБЛИОТЕКА
МАРКСИСТА**

ВЫПУСК XXIII — XXV

КАРЛ МАРКС

**К КРИТИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

19 • ГОСУДАРСТВЕННОЕ • 31
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ

И Н С Т И Т У Т К. М А Р К С А и Ф. Э Н Г Е Л Ъ С А

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК XXIII—XXV

КАРЛ МАРКС

К КРИТИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ПЕРЕВОД И. РУВИНА
С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ Д. РЯЗАНОВА

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

И, 4 Огиз № 19.
Ленинградский Областлит № 765.
22 л. Тираж 20.000. Зак. № 577.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
«КРИТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

(Июнь 1859—июнь 1929)

1

В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс пишет: «Труд, первый том которого я предлагаю публике, представляет продолжение моего сочинения «К критике политической экономии», опубликованного в 1859 г. Причиной длинного перерыва между началом и продолжением была моя длившаяся годы болезнь, которая снова и снова отрывала меня от моей работы.— Содержание прежнего моего сочинения резюмировано в первой главе этого тома. Это сделано не только ради связи и полноты. Самое изложение улучшено. Поскольку это позволяет предмет, пункты, прежде только слабо намеченные, здесь получили дальнейшее развитие, и, наоборот, пункты, подробно развитые там, тут только намечены. Отделы, содержащие историю теорий стоимости и денег, здесь, разумеется, совершенно выпущены. Впрочем, читатель, знакомый с прежним сочинением, найдет в примечангах к первой главе новые источники для истории этих теорий».

Маркс, как видим, ничего не говорит о каком-либо изменении плана своей работы, а между тем достаточно сравнить первый абзац предисловия к «Критике политической экономии» и заключительное замечание в предисловии к первому тому «Капитала», чтобы сейчас же заметить, что такое изменение произошло.

«Я рассматриваю,— писал Маркс в 1859 г.,— систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная зависимость трех других рубрик не требует пояснений».

Через восемь лет Маркс ни одним словом не упоминает об этом плане. Пять рубрик, повидимому, исчезают. Остается только одна — *капитал*. Если по первоначальному плану она состояла из первого выпуска, в котором всего две главы — 1. Товар и 2. Деньги, к которым прибавлены под особой нумерацией три историко-догматических экскурса, — и третьей главы, которая была посвящена специально капиталу и в которой Маркс обещал рассмотреть превращение денег в капитал, то теперь Маркс заявляет, что за первым томом «Капитала», в котором он рассмотрел только процесс производства капитала, последуют еще два тома: процесс обращения капитала (книга вторая), формы общего процесса (книга третья) и заключительный третий том (книга четвертая), в котором он даст историю теории.

Может казаться, — и этот вывод был уже сделан в литературе, — что вместо шести томов или книг, в которых Маркс предполагал еще в 1859 г. рассмотреть всю систему буржуазной экономики, он теперь решил ограничиться только первым отделом — капиталом, — но зато настолько детально, что весь материал должен был уложиться не меньше, чем в трех больших томах.

Прежде чем ответить на этот вопрос, попробуем, на основании материалов, не использованных Каутским, изложить в кратких чертах судьбы главного экономического труда Маркса.

Мы не будем останавливаться на том периоде занятий Маркса по политической экономике, который закончился «*Ницетой философии*» и лекциями о «*Наемном труде и капитале*». Правда, сообщение Маркса об этом периоде — в предисловии к «Критике политической экономики» — нуждается в значительных дополнениях, но мы это сделаем в другом месте.

Мы начнем свое изложение с 1850 г., когда Марксу, по его словам, удалось возобновить свои занятия по политической экономике. В Лондон Маркс попал не раньше конца июля 1849 г. и сейчас же приступил вместе с Энгельсом к изданию «Новой рейнской газеты», на этот раз в форме *политико-экономического обозрения*. Правда, в шести выпусках этого журнала нет ни одной статьи Маркса по основным вопросам политической экономики, хотя в обозрениях и рецензиях ему приходится касаться различных вопросов из области современной экономики. Кроме работы для журнала, много времени отнимала борьба фракций в Союзе коммунистов, которая в сентябре 1850 г. за-

кончилась расколом. Последняя работа Маркса для журнала датирована 1 ноября 1850 г.

При таких условиях, не говоря уже о крайней материальной нужде, которая влекла за собой не мало всяческих хлопот и беготни, Маркс зимой 1850—1851 г. упорно работал над собиранием материалов для своей будущей книги. Он вновь перечитывает классиков и продолжает знакомиться со старой экономической литературой. 7 января 1851 года он излагает Энгельсу свои критические замечания по поводу теории ренты Рикардо.

Поздравляя своего друга с новой теорией ренты, — «не подлежит никакому сомнению, что твое разрешение вопроса правильно, и это даст тебе лишнее основание на звание экономиста земельной ренты», — Энгельс пользуется этим случаем, чтобы побудить Маркса поторопиться. «Ты теперь этот вопрос, — пишет он 29 января 1851 г., — разобрал до конца, и это — лишнее основание для тебя спешить с окончанием и изданием Экономии».

Но уже 3 февраля 1851 г. Маркс пишет Энгельсу подробное письмо с изложением своих взглядов на *scarcity theory*. Если еще в «Нищете философии», как Маркс признает это в одном из позднейших писем, он «сам придерживался теории Рикардо», то теперь он подвергает ее резкой критике.¹

В письме от 31 марта 1851 г. Маркс спрашивается у Энгельса, как исчисляют купцы, фабриканты и т. д. ту часть прибыли, которую они сами проживают.

Работа подвигалась так успешно, что Маркс надеялся уже весной 1851 г. приступить к окончательной обработке своей книги.

«Я уже так далеко продвинулся, — пишет Маркс своему другу 2 апреля 1851 г., — что недель через пять я покончу со всей экономической дрянью и, *cela fait* (сделав это), я буду дома разрабатывать свою Экономиию, а в Музее возьмусь за *другие науки*. *Ça commence à m'ennuyer* (это начинает мне приедаться). *Au fond* (в сущности) эта наука со времени Адама Смита и Давида Рикардо не сделала больше никаких шагов вперед, хотя в отдельных областях сделано много исследований, часто сверхточных».

Энгельс, которому хорошо была известна научная щепетильность Маркса, чрезвычайно обрадовался, получив это письмо.

¹ Так как это письмо и ответ Энгельса дают весьма ценный материал не только как дополнение к главе о деньгах, но и как первый набросок теории Маркса, то мы даем оба письма в приложении.

«Я рад,— пишет он 3 апреля 1851 г., — что ты, наконец, покончил с Экономией. Эта история, действительно, чересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание».

Но Марке ошибся. Прошло больше, чем «пять недель». 27 июня 1851 г. он пишет Вейдемейеру:

«Чаще всего я сижу в Британском музее от 9 часов утра до 7 часов вечера. Предмет, над которым я работаю, настолько сложен и запутан, что даже при самом сильном напряжении не удастся кончить работу раньше, чем через шесть-восемь недель. К этому присоединяются всегда практические затруднения, неизбежные при лондонской системе, в которой здесь приходится прозябать. Несмотря, однако, на все это, работа быстро приближается к концу. Демократические простакки, которые, конечно, не нуждаются в таких работах! И для чего этим счастливицам корпеть над экономическими и историческими материалами! Ведь все так просто, как мне обыкновенно говорил Виллих. Все так просто! В этих путаных головах! В высшей степени простые люди».

Марке, во всяком случае, считал свой труд настолько готовым, что вступил в переговоры с немецкими издателями. Главным посредником был приятель Фрейлиграта Эбнер. Из писем последнего, однако, видно, что Марке ограничился только посылкой конспекта своей работы, который, к сожалению, не сохранился или, по крайней мере, до сих пор еще не найден.

Когда Марке в августе 1851 г. получил предложение сотрудничать в «Нью-йоркской трибуне», он просит Энгельса (письмо от 14 августа 1851 г.) помочь ему, так как он «по горло занят Экономией».

Правда, в это время Марке увлекся критикой новой книги Прудона и собирался написать против него брошюру. К этому делу он хотел привлечь и Энгельса.

«Ты должен мне, наконец, сообщить твои *views* (взгляды) насчет Прудона, хотя бы в кратком виде. Они тем более меня интересуют, что я теперь занят разработкой Экономии. Впрочем, в последнее время я работал в библиотеке, которую я продолжаю посещать, главным образом над технологией, над ее историей и над агрономией, для того чтобы получить хоть некоторое представление об этом предмете».

Из всех этих свидетельств можно было бы сделать вывод, что

Маркс уже приступил к окончательной обработке того труда, по поводу которого он вел переговоры. Но нам до сих пор не удалось найти никаких следов этого манускрипта. Мы уже сказали, что и конспект или перечень глав будущего труда, который упоминается в одном из писем предполагавшегося издателя, исчез пока бесследно. Мы знаем также из писем, что речь шла о нескольких томах. В двух письмах Маркса (от 24 ноября 1851 г.) и Энгельса (от 27 ноября 1851 г.) мы находим — правда скудные — указания на порядок и число этих томов. Из них вытекает, что Маркс отказался от старого плана, ограничившись только критической историей политической экономии и социалистических учений. Во всяком случае, мысль, что ему придется начать с «Истории экономии», как этого требовал издатель, пугает его.

«Что касается того, что делать с «Историей экономии», — успокаивает Маркса Энгельс, — то я думаю, что если Левенталь это действительно имеет в виду, то Эбнеру следует помешать; *не надо опрокидывать всего твоего плана, ведь ты уже начал разрабатывать критику* и т. д.; но если никак нельзя было сделать иначе, то Левенталь должен был бы взять обязательство на два тома... Тогда в качестве третьего тома пошли бы Социалисты и в четвертом — Критика — *ce qu'il en resterait* — и прославленная «положительная часть», — то, чего ты, собственно, хочешь. Эта форма имеет свои недостатки, но она зато имеет то преимущество, что столь ожидаемая тайна будет раскрыта лишь в самом конце, и буржуа, лишь после того, как его любопытство будет возрастать на протяжении трех томов, будет сообщено, что мы не собираемся фабриковать никаких моррисоновских пилюль... К этому еще присоединяется то, что эту историю ты можешь написать только в Лондоне, между тем как Социалистов и Критику ты можешь составить повсюду. Поэтому было бы хорошо, если бы ты воспользовался случаем теперь, прежде чем эти ребята [французы] выкинут какое-нибудь коленце и выведут нас опять на *theatrum mundi* (мировую арену)».

Но успокаивая таким образом Маркса и убеждая его подчиниться необходимости, Энгельс знал очень хорошо, в силу каких соображений Маркс изменил свой первоначальный план написать критическую историю экономических и социалистических учений, план, с которым он носился уже с 1844 г. В статье, которую мы печатаем как вступление, Энгельс прекрасно

излагает соображения Маркса, заставившие его перестроить свой план.

«Критика политической экономии и после выбора метода могла быть построена двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, как и в ее литературных отражениях, развитие в общем и целом идет от более простых к более сложным отношениям, то *литературно-историческое развитие политической экономии* давало естественную руководящую нить, которой критика могла следовать, так что при этом экономические категории в общем и целом следовали бы в том же порядке, как и в логическом развитии. *Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности*, так как прослеживается *действительное*¹ развитие; на самом же деле такое построение способствовало бы в лучшем случае только большей популярности изложения. Историческое развитие идет часто скачками и зигзагообразно, и его пришлось бы проследить во всех его перипетиях, благодаря чему не только пришлось бы слишком часто уделять место и малоценному материалу, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей. К тому же, нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а последняя удлинила бы работу до бесконечности, так как в этой области нет никакого мало-мальски обработанного материала».

Именно в силу этих соображений Маркс, при новой проработке предмета своих исследований, решил во главу угла поставить критическое рассмотрение экономических категорий буржуазного общества, а не «литературно-историческое развитие политической экономии».

Это давало ему возможность, при исследовании основ буржуазного общества, при исследовании отношений между тремя основными классами этого общества,— и тут он первоначально следовал за Рикардо,— начать с первого и наиболее простого отношения, которое дано исторически, или фактически.

Таким образом, уже в 1851 г. Маркс хотел построить свое изложение так, чтобы начать,— как он это делает уже в «К критике политической экономии»,— с рассмотрения *системы буржуазной экономии* и после перейти к истории экономии. Другими словами, он предпочел *логический* метод. Но это отнюдь не означало, что он отказывается от *истории*.

¹ Курсив Энгельса, в остальных случаях мой.

«Логическое развитие вовсе не обязано держаться в области чистой абстракции. Наоборот, оно требует исторической иллюстрации, постоянного соприкосновения с действительностью... Критика отдельных, более или менее односторонних или непоследовательных воззрений дана уже при развитии логической концепции и может быть в исторической части только кратко резюмирована».

Этот план Марксом был осуществлен только в «К критике политической экономии», чтобы после подвергнуться новому изменению.

Обратимся теперь к истории самой «Критики политической экономии».

II

Переговоры об издании труда Маркса не привели ни к какому положительному результату. План Лассалья издать его на акционерных началах остался в области проектов. Политическая конъюнктура складывалась очень неблагоприятно. Имя Маркса в связи с арестами членов Союза коммунистов, а также и в связи с борьбой против прусской полиции в защиту товарищей и, наконец, на самом процессе коммунистов в Кельне, так часто называлось, что ни один книгоиздатель не рискнул бы издать труд такого красного революционера. Маркс, который успел в течение этого времени написать «18 брюмера Луи Бонапарта», должен был выступить еще с резкой критикой прусских порядков, нашедших свое яркое отображение в процессе кельвских коммунистов. Он это сделал в известном памфлете «Разоблачения по поводу процесса коммунистов в Кельне».

«Вы сможете оценить весь юмор этой брошюры,— писал Маркс Вейдемейеру и Клусу 7 декабря 1852 г.,— если вы примете во внимание, что автор, за неимением приличных штанов и обуви, почти вынужден сидеть в заключении и что, кроме того, каждую минуту на голову его семьи грозила обрушиться и уже обрушилась самая отвратительная нужда. Процесс поставил меня еще и потому в тяжелое положение, что я в течение пяти недель, вместо того, чтобы работать для хлеба, вынужден был работать, чтобы защищать партию против правительственных махинаций. В довершение ко всему он окончательно оттолкнул от меня немецких книгоиздателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей «Экономии».

Повторяем: в бумагах Маркса не сохранилось никаких

следов рукописей, относящихся к этому периоду. Имеются только тетради с выписками, среди которых встречаются отдельные замечания. Успел ли Маркс в более или менее завершённой форме подготовить рукопись, по поводу которой он вел переговоры, ограничился ли он только конспектом и подготовкой всего материала, чтобы, сейчас же после заключения договора, взяться за окончательную обработку своего труда, — эти вопросы могут быть решены только предположительно. Во всяком случае ни в переписке Маркса и Энгельса, ни в бумагах Маркса мы до 1857 г. не находим никаких следов существования обработанных рукописей. Правда, в письме от 13 февраля 1855 г. есть одно неопределённое указание:

«Воспаление глаз я навлек на себя тем, что перечитывал свои собственные тетради по экономии, *если не для того, чтобы переработать их*, то, во всяком случае, чтобы овладеть материалом и держать его ready (готовым) для обработки».

Но эти тетради по экономии могли быть опять-таки только тетрадями с выписками из книг по политической экономии. Среди рукописей Маркса имеется, между прочим, одна очень любопытная заметка, которая показывает, как он, соответственно определённому плану, классифицировал свои цитаты, чтобы, при обработке своего труда, поместить их в соответствующем месте.

Как бы то ни было годы 1853—1856 в значительной степени ушли на изучение «побочных вопросов, на первый взгляд не относящихся к предмету, но на которых, — как он пишет в предисловии, — я должен более или менее долго останавливаться». Маркс имеет в виду «статьи о выдающихся экономических явлениях в Англии и на континенте», которые вынудили его «ближе познакомиться с практическими вопросами, находящимися вне сферы научной политической экономии в собственном смысле слова». Маркс мог бы прибавить, что именно в эти годы он потратил не мало времени еще на изучение различных форм «азиатского способа производства» и истории общинного землевладения. А к этому надо прибавить десятки статей по вопросам текущей политики в связи с восточной войной, детальное изучение истории английской дипломатии, истории Швейцарии, Испании и Придунайских княжеств.

Только после окончания восточной войны и ликвидации первых ее последствий, когда экономический барометр начал указывать на симптомы «переменного» состояния, Маркс опять

углубляется в изучение экономических вопросов. Уже 26 сентября 1856 г. он запрашивает у Энгельса его мнение о состоянии денежного рынка: «Я не думаю, чтобы большой денежный кризис разразился позже зимы 1857 г... На этот раз дело принимает, впрочем, такие общеевропейские размеры, как никогда раньше, и я не думаю, чтобы мы еще долго оставались здесь зрителями».

Энгельс настроен не менее оптимистически. «Теоретически говоря, прежде чем произойдет крах, должна была быть целиком втянута в спекуляцию Россия; но, повидимому, этого *ожидать* нельзя, да, пожалуй, так и лучше... на этот раз будет *dies irae* (судный день), как никогда раньше; вся европейская промышленность на-смарку, все рынки переполнены (в Индокитае теперь почти ничего не посылают). Все имущие классы задеты, полное банкротство буржуазии, война и деморализация в высшей степени. И я также думаю, что все это исполнится в лето 1857-е».

Маркс внимательно следит за всеми перипетиями денежного рынка и тщательно отмечает в своих статьях для «Нью-йоркской трибуны» симптомы надвигающегося кризиса. В сохранившихся рукописях мы имеем многочисленные свидетельства, как педантически основательно Маркс собирал все материалы, которые ему казались важными для изучения причин и хода этого кризиса.

Но Маркс не ограничивается этим. Он приступает вновь к прерванной теоретической работе. На этот раз мы имеем уже, начиная с января 1857 г., ряд тетрадей, в которых Маркс лихорадочно набрасывает главные контуры своей экономической системы. Разразившийся, наконец, крах в Соединенных Штатах и вызванный им мировой кризис заставляет Маркса еще более усилить темп своей работы.

«Я работаю, как бешеный, ночи напролет,— пишет он 8 декабря 1857 г. Энгельсу,— над систематизацией своих экономических исследований, чтобы успеть еще до *déluqe* (потопа, т. е. революции) закончить работу в общем виде».

А 21 декабря 1857 г. Маркс пишет Лассалю:

«Теперешний торговый кризис послужил для меня стимулом ввязаться серьезно за разработку моих основ Экономии, а также приготовить кое-что и о теперешнем торговом кризисе. Я вынужден весь день... убивать на хлебную работу. Мне остается, таким образом, только ночь *для настоящей работы*, и тут мешает нездоровье. Издателя еще не подыскиваю, так как по

опыту [знаю, что они] уклоняются, [если речь идет] обо мне».¹

Что Маркс в процессе этой работы приходил к новым выводам, что он исследовал старый предмет с новой точки зрения, открывая в нем каждый раз новые стороны, свидетельствует следующее место из его письма Энгельсу от 14 января 1858 г.:

«Меня чрезвычайно радует, что твое здоровье улучшается. Сам я снова в течение трех недель возился с лекарствами и только сегодня покончил с ними (речь идет о болезни печени). Я чересчур злоупотреблял ночной работой, во время которой пил, правда, только лимонад, но зато выкурил an immense deal of tobacco (огромное количество табаку). Но, впрочем, в работе я достиг хороших результатов. Например, *все учение о прибыли*, как оно было до сих пор, я выбросил за борт. В методе обработки материала мне большую услугу оказало то обстоятельство, что я совершенно случайно опять перелистал «Логикку» Гегеля... Если когда-нибудь снова найдется время для таких работ, то я охотно, в двух-трех печатных листах, изложил бы в доступной здравому человеческому рассудку форме *то рациональное*, что есть в методе, который был открыт Гегелем, но в то же время облечен был в мистическую форму».

Что Маркс пока и не думает о подготовке своей работы к печати, что речь идет пока о самоуяснении новых, весьма сложных деталей интересующего его вопроса, что он в процессе своей работы каждый раз наталкивается на новые трудности, — лучше всего свидетельствует письмо к Энгельсу от 29 января 1858 г.

«В моей экономической работе я подошел теперь к вопросу, по которому хотел бы получить от тебя фактические указания, так как в теоретических сочинениях об этом ничего нельзя найти. Дело идет об *обороте* капитала — его различии в разного рода предприятиях, его влиянии на прибыль и цену. Будет очень хорошо, если ты сможешь сообщить мне что-нибудь об этом». Ответ Энгельса не сохранился.

Еще в начале марта 1858 г. Маркс обращается к Энгельсу с новым вопросом: «Не можешь ли ты сказать мне, через какой промежуток времени, например на вашей фабрике, обновляется машинное оборудование? Беббедж утверждает, что в Манчестере основная часть машинного оборудования обновляется каждые пять лет. Мне это кажется странным и весьма мало вероятным. Средний срок, в течение которого обновляется ма-

¹ В оригинале оторвано несколько строк.

шинное оборудование, является важным моментом для объяснения тех многолетних циклов, через которые проходит промышленное развитие с тех пор, как создалась крупная промышленность».

В связи с этим вопросом, которого Марксу пришлось коснуться только во втором томе «Капитала», между обоими друзьями завязывается интересный обмен мнений (ответ Энгельса от 4 марта и письмо Маркса от 5 марта 1858 г.).

А между тем Лассаль, получив известие, что Маркс хочет приступить к изданию своей Экономии, предложил свои услуги. «Если ты хочешь выпустить его в Берлине, и я могу быть тебе при этом полезен, рассчитывай на меня. Я думаю, что имею некоторое влияние на книгоиздателей, и во всяком случае предоставил бы себя целиком и с прежним усердием в твое распоряжение».

Сообщая Энгельсу об этом предложении Лассаля, Маркс пишет ему, что решил им воспользоваться.

«Я, разумеется, ответил ему, чтобы он порасспросил берлинских книгоиздателей. Я хочу издавать вещь выпусками, так как у меня нет ни времени, ни средств, чтобы спокойно написать ее всю целиком. Это, может быть, повредит форме. Но для распространения это во всяком случае лучше и издателя легче найти».

Но ответ Маркса был гораздо более детален, чем это можно было судить по этому краткому сообщению. Он важен еще и тем, что дает нам показание самого Маркса о том, в каком положении находилась его работа еще в конце февраля 1858 г., когда он уже собирался предлагать ее берлинским книгоиздателям. А Лассаль только потому мог с такой уверенностью предложить свои услуги, что Пруссия вступала тогда в «новую эру», и политический гнет ослабел, уступая место «либеральным веяниям».

«Хочу сообщить тебе,— пишет Маркс 22 февраля 1858 г.,— как обстоит дело с моим экономическим трудом. Я действительно уже несколько месяцев тому назад приступил к окончательной обработке. Дело, однако, подвигается вперед очень медленно, так как предметы, которые в течение многих лет делаешь главным объектом своих занятий, именно тогда, когда хочешь, наконец, подвести им итог, выявляют все новые стороны и возбуждают новые сомнения. К тому же я не господин своего времени, а скорее раб. Для себя самого у меня остается только ночь,

а весьма часто повторяющиеся припадки болезни печени в свою очередь мешают этой ночной работе. При этих условиях для меня было бы всего удобнее, если бы я мог издать весь труд отдельными выпусками, не связанный определенными сроками. Это имело бы, может быть, и то преимущество, что скорее нашелся бы книгоиздатель, так как таким образом в такое издание пришлось бы вложить меньший оборотный капитал. Ты меня, конечно, обяжешь, если справишься, можно ли найти в Берлине такого предпринимателя. Под «выпусками» я подразумеваю такие, как, например, те, в форме которых постепенно выходила в свет «Эстетика» Фишера. — Работа, о которой прежде всего идет речь, это — критика экономических теорий или, если угодно, система буржуазной экономии в критическом изложении. Это в одно и то же время и изложение системы, и критика ее в процессе изложения. Я не знаю точно, сколько печатных листов составит весь труд. Если бы я имел время, спокойствие и средства, чтобы обработать весь труд целиком раньше, чем представить его на суд публики, я бы его сильно сжал, так как я всегда любил метод сжатия. Но так, когда, — быть может, лучше для понимания публики, но, несомненно, ко вреду для формы, — вещь печатается отдельными выпусками, она неизбежно несколько растянется... Изложение — я имею в виду манеру — совершенно научно и, следовательно, с обычной полицейской точки зрения вполне допустимо. Весь труд делится на шесть книг: 1) О капитале (содержит несколько предварительных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок. Разумеется, я не могу избежать того, чтобы там или сям не подвергнуть критике других экономистов, в особенности полемики с Рикардо, поскольку даже он, как буржуа, вынужден делать ошибки *даже с строго экономической точки зрения*. В общем, однако, критика и история политической экономии и социализма должна составлять предмет другой работы. Наконец, краткий *исторический очерк* развития экономических категорий и отношений составит третью работу. Но, в конце концов, я опасаясь, что теперь, когда я после пятнадцатилетних занятий подвинулся настолько далеко, что могу приступить к завершению своей работы, всему делу, вероятно, помешают бурные движения извне. Ничего не поделаешь. Если я буду готов слишком поздно, чтобы встретить внимание со стороны мира к такого рода вещам, то вина, очевидно, моя».

Мы видим, что план работы Маркса в основных чертах тот же самый, который у него уже сложился в 1851 г. В другом письме, в котором он отвечает — 11 марта 1858 г. — на ряд вопросов о размерах выпусков и желательном гонораре, причем выражает согласие, в случае нужды, отказаться от гонорара за первый выпуск, он объясняет, почему именно этот выпуск должен быть больше.

«Первый выпуск во всяком случае должен представлять относительное целое, и так как в нем заключается основа всего дальнейшего развития, то вряд ли он будет меньше 5—6 листов. Но я увижу это при окончательной обработке. Первый выпуск содержит: 1) Стоимость. 2) Деньги. 3) Общая характеристика капитала (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство обоих или капитал и прибыль, процент). Это составляет самостоятельную брошюру. Ты, вероятно, сам заметишь при своих экономических занятиях, что Рикардо, при объяснении прибыли, попадает в противоречие с своим (правильным) определением стоимости и что у его школы это повлекло за собой или полный отказ от основных начал, или самый отвратительный эклектизм. Мне кажется, что я распутал все это дело. (Экономисты, при ближайшем рассмотрении, найдут, во всяком случае, что дело это весьма запутанное.)»

Маркс пробует, хотя бы приблизительно, определить число листов, в которые уложится его труд. Видно, что он весьма неясно представляет себе размеры своего труда. Но он делает при этом одно весьма важное замечание:

«Что касается общего числа листов, то мне это, право, очень неясно, так как материал книги содержится в моих тетрадях только в форме монографий, вдающихся часто в слишком большие подробности, что при окончательной обработке исчезнет. Да я *вовсе не имею намерения все шесть книг, на которые я делю весь труд, разработать равномерно. В трех последних я дам только основные черты*, тогда как в трех первых, содержащих основное экономическое развитие в собственном смысле этого слова, не всегда можно будет избежать более подробного развития содержания. Я сильно сомневаюсь, чтобы все это заняло меньше 30—40 листов».

Первый выпуск Маркс обещал послать издателю к концу мая (1858 г.), но когда Лассаль — в письме от 26 марта — сообщил ему, что Дункер согласился издать его книгу, вмешалось новое препятствие: болезнь Маркса.

«Нездоровье мое,— пишет он Энгельсу 2 апреля 1858 г., — является для меня фатальным, так как я не могу начать работу для Дункера, пока не почувствую себя здоровым и в пальцах снова не появится *viour* (сила) и *grasp* (цепкость)».

Но в этом же самом письме Маркс дает подробный конспект первого выпуска, обещанный им еще в предыдущем письме, чтобы выслушать мнение Энгельса. Так как он имеет большое значение для понимания труда Маркса, мы даем его целиком.

«Вот вкратце содержание первой части. Вся стряпня распадается на шесть книг: 1) О капитале. 2) Земельная собственность. 3) Наемный труд. 4) Государство. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок.

I. Капитал распадается на четыре отдела: а) Капитал вообще (это — тема первого выпуска). б) Конкуренция или взаимодействие многих капиталов. в) Кредит, в котором весь капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как нечто единое. д) Акционерный капитал, как его совершеннейшая форма (подводящая к коммунизму), обнаруживающая в то же время все его противоречия. Переход от капитала к земельной собственности дается в то же время и исторически, так как современная форма земельной собственности является продуктом воздействия капитала на феодальную и иную земельную собственность. Точно так же и переход от земельной собственности к наемному труду изображается не только диалектически, но и исторически, так как последний продукт современной земельной собственности, — а именно всеобщее установление наемного труда, — является базисом всего построения. Well, it is difficult for me to-day to write (ну, ладно, сегодня мне трудно писать), перейдем теперь к *corpus delicti* (составу преступления).

I. Капитал. Первый отдел. Капитал вообще. (Во всем этом отделе предполагается, что заработная плата всегда равна своему минимуму. Движения самой заработной платы и падение или повышение ее минимума относятся к части о наемном труде. Затем земельная собственность приравнивается к нулю, т. е. земельная собственность, как особая экономическая категория, здесь еще не рассматривается. Только таким путем можно избежать необходимости при исследовании каждой отдельной категории говорить обо всех сразу.)

I. Стоимость. Она сводится исключительно к количеству труда; время как мера труда. Потребительная стоимость,— рассматриваемая субъективно, со стороны *usefulness* (пригодно-

сти) работы, или объективно, со стороны utility (полезности) продукта для потребления, — выступает здесь лишь как материальная предпосылка стоимости, которая временно совершенно устраняется из экономического определения формы. Стоимость, как таковая, не имеет другой «материи», кроме самого труда. Такое определение стоимости, впервые только намеченное у Петти и вполне разработанное у Рикардо, является лишь самой абстрактной формой буржуазного богатства. Она сама по себе уже предполагает: 1) исчезновение первобытного коммунизма (Индия и т. д.), 2) всех недоразвитых, добуржуазных способов производства, еще не подчиненных полностью обмену. Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая может возникнуть только на основе определенного экономического развития общества. Все возражения против такого определения стоимости либо вытекают из недоразвитости производственных отношений, либо основываются на путанице, заключающейся в том, что более конкретные экономические отношения, от которых стоимость абстрагирована и которые поэтому, с своей стороны, могут рассматриваться также как дальнейшее развитие стоимости, противопоставляются последней в этой ее абстрактной неразвитой форме. При путанице самих господ экономистов насчет того, каково отношение этой абстракции к более поздним конкретным формам буржуазного богатства, возражения эти имели *plus ou moins* (более или менее) свое оправдание.

Из противоречия между всеобщим характером стоимости и ее материальным существованием в виде определенного товара и т. д. — тот же всеобщий характер затем проявляется и в деньгах — вытекает категория денег.

2. *Деньги.* (Кое-что о благородных металлах как носителях денежных отношений.)

а) *Деньги как мера.* Несколько замечаний об идеальной мере у Стюарта, Аттвуда, Уркарта; в более вразумительной форме у проповедников рабочих денег (Грэй, Брэй и т. д. Мимоходом несколько ударов по прудонистам). Стоимость товара, переведенная на деньги, это — его *цена*, которая пока проявляется лишь в этом *чисто формальном* отличии от стоимости. Следовательно, согласно общему закону стоимости, определенное количество денег выражает лишь определенное количество ове- щественного труда. Поскольку деньги являются мерой, изменчивость их собственной стоимости безразлична.

б) Деньги как орудие обмена или простое обращение. Здесь приходится рассматривать только простую форму этого обращения. Все дальнейшие определяющие его обстоятельства лежат вне нее и потому подлежат рассмотрению лишь впоследствии. (Они предполагают более развитые отношения.) Если назвать товары Т, а деньги Д, то простое обращение проявляется, правда, в двух кругооборотах: Т—Д—Д—Т и Д—Т—Т—Д (последнее составляет переход к *с*), но исходный и конечный пункты отнюдь не совпадают только случайно. Большинство так называемых законов, установленных экономистами, рассматривает денежное обращение не в пределах его собственной сферы, а как включенное в более развитые движения и определяемое ими. Все это надо *écarter* (оставить в стороне). (Это относится отчасти к учению о кредите; отчасти же подлежит рассмотрению в тех пунктах, где деньги снова всплывают, но в своем более развитом определении.) Здесь, стало быть, деньги фигурируют как средство обращения (*монеты*), но в то же время и как *реализация* (не только мимолетняя) цены. Из простого определения, что товар, выраженный в *цене*, уже предполагает мысленный обмен на деньги, раньше чем он реально обменивается на них, следует сам собою важный экономический закон, что *масса циркулирующих средств обращения определяется ценами, а не наоборот*. (Здесь несколько исторических замечаний о полемике по поводу этого пункта.) Отсюда следует далее, что скорость оборота может заменять количество [денег], но что необходимо *определенное количество* для одновременных актов обмена, поскольку сами они не относятся друг к другу, как плюс и минус — взаимное погашение, которого, однако, в данном пункте приходится коснуться лишь в порядке предварительного замечания. Дальнейшее развитие этого отдела я здесь опускаю. Замечу лишь, что распадение на Т—Д и Д—Т является наиболее абстрактной и поверхностной формой, в которой выражается возможность кризисов. Из развития закона, согласно которому обращающееся количество [денег] определяется ценами, вытекает, что здесь создаются предпосылки, которые существуют отнюдь не при всяких общественных формациях; поэтому нелепо, напр., приток денег из Азии в Рим и действие этого на тогдашние цены попросту приравнять к современным коммерческим условиям. Самые абстрактные определения, при более точном рассмотрении их, всегда указывают на дальнейший конкретный, определенный исторический

базис. (Of course (это и понятно), так как от него именно они и абстрагированы в этой определенности.)

с) *Деньги как деньги.* Это — развитие формы Д—Т—Т—Д. Деньги как самостоятельное по отношению к обращению бытие стоимости: материальное бытие абстрактного богатства. Это обнаруживается уже в обращении, поскольку деньги проявляются не только как средство обращения, но и как орудие реализации цены. В этом качестве с, по отношению к которому а и b являются лишь его функциями, деньги выступают как всеобщий товар при заключении контрактов (тут становится важной изменчивость их стоимости, определяемой рабочим временем), как предмет hoarding (собирания сокровищ). Эта функция и сейчас еще играет важную роль в Азии, а в древнем мире и в средние века она была generally (всеобщей); в настоящее время имеет лишь подчиненное значение в банковском деле. Обнаружение важного значения денег в этой форме во времена кризисов. Рассмотрение денег в этой форме с порождаемыми ими всемирно-историческими delusions (иллюзиями) и т. д., разрушительные свойства и т. д. Как реализация всех высших форм, в которых будет выступать стоимость; окончательные формы, в которых находят себе законченное внешнее выражение все отношения стоимости. Но, закрепленные в этой форме, деньги перестают быть экономическим отношением; эта форма исчезает в материальных носителях денег — золоте и серебре. С другой стороны, поскольку они вступают в обращение и снова обмениваются на Т, из экономического отношения выпадает опять-таки заключительный процесс — потребление товара. Простое денежное обращение не включает в себя принципа самовоспроизводства и заставляет поэтому искать его за своими собственными пределами. В деньгах, как показывает развитие их определений, создаются и предпосылки существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время полагающей самое себя, — т. е. существования капитала. Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который создает всегда только деньги. Затем идет возникновение действительного капитала из денег или из купеческого капитала, овладевающего производством.

d) Рассматриваемое само по себе, это простое обращение, — а оно есть поверхность буржуазного общества, в которой исчезли более глубокие процессы, из которых оно происходит —

не знает никакого различия между субъектами обмена, кроме формального и мимолетного. Это — царство свободы, равенства и основанной на «труде» собственности. Накопление, выражающееся здесь в форме hoarding (собираания сокровищ), только при этих условиях является результатом большей бережливости и т. д. Пошлая манера, с одной стороны, проповедников экономической гармонии, современных фритредеров (Бастиа, Кэри и т. д.), применять к более развитым производственным отношениям и их антагонизмам это наиболее поверхностное и абстрактное положение как *свою* истину. Пошлая манера прудонистов и тому подобных социалистов противопоставлять соответствующие этому обмену эквиваленты (или предполагаемые как таковые) идеи равенства и т. д. неравенству и пр., к которому этот обмен приводит и из которого он исходит. Законом присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда и обмена эквивалентов, так что обмен дает лишь ту же самую стоимость, но в другой материальной оболочке. Словом, здесь все «прекрасно», но все кончается ужасно и притом вследствие закона эквивалентности. Мы подходим теперь как раз к

3. К капиталу.

Это, в сущности, самое важное в этом первом выпуске, насчет чего я больше всего нуждаюсь в твоём мнении. Но сегодня я не могу больше писать. История с желчью лишает меня возможности писать, а наклонение головы над бумагой вызывает головокружение».

Насколько ново и оригинально было все это построение, какие большие требования оно предъявляло к читателю, Маркс мог сейчас же увидеть из ответа, полученного им от Энгельса.

«Я был сильно занят изучением твоей abstract (схемы) из первой половины выпуска. Это, действительно, весьма отвлеченная схема, да иначе не могло быть при краткости изложения, и часто мне приходится с трудом искать диалектических переходов, так как я очень отвык от всякого отвлеченного мышления. Распределение всего на шесть выпусков очень удачно и чрезвычайно мне нравится, хотя я не могу еще уяснить себе диалектического перехода от земельной собственности к наемному труду. Очень хорошо изложена проблема денег; в деталях я и здесь еще не разобрался, так как приходится часто еще искать историческую подоплеку. Я думаю, однако, что когда получу окончание главы, мне будет более ясен drift (ход) мыслей, и тогда я смогу написать тебе подробнее. Отвлеченно-

диалектический тон этой схемы, конечно, исчезает при дальнейшей разработке».

Даже беглое сравнение этого конспекта с оглавлением к «Критике политической экономии» позволяет установить крупное расхождение между, казалось бы, готовым планом и его позднейшим осуществлением. Оставляя в стороне весьма важное для истории «Капитала» вступление, от развития которого Маркс отказался, и переходя непосредственно к плану первого выпуска о *капитале вообще*, мы сейчас же замечаем крупное различие. Еще в апреле Маркс начинает этот отдел главою *Стоимость*, в книге он вместо «стоимость» ставит *Товар*. В качестве исходного пункта берется не отвлеченная экономическая категория, а основная клетка, элементарная форма буржуазного богатства — товар. Маркс начинает с конкретного, исторического, носящего определенный социально-исторический штемпель явления.

Дальше. Ни в конспекте, составленном для Лассалья, ни в более подробном — для Энгельса, нет никаких указаний, что каждая глава будет сопровождаться историческим дополнением. А между тем в книге мы имеем три таких дополнения с особой нумерацией: А) К истории анализа товара, В) Теории единицы-меры денег и С) Теории средств обращения и денег.

В письме к Лассалю Маркс, наоборот, категорически заявляет, что критика и история политической экономии и социализма должны составить предмет другой работы. Какие же причины или чьи советы побудили его опять видоизменить свой план? Мы думаем, что Маркс сделал это под влиянием Энгельса.

Болезнь Маркса настолько обострилась в апреле 1858 г., что он не в состоянии был ничего делать, кроме необходимой хлебной работы. «Постоянное стремление взяться за работу, — пишет он Энгельсу 29 апреля, — и неспособность сделать это ухудшали положение. Однако вот уже с неделю мне лучше. Но работать я еще не могу. Если я усаживаюсь на пару часов за писанье, то потом вынужден пару дней лежать пластом. С дьявольским нетерпением жду, что состояние это кончится на следующей неделе. Это случилось как нельзя более некстати. Очевидно, зимою я чересчур злоупотреблял ночной работой».

В конце концов Марксу, по совету врача, пришлось бросить работу. Он уехал к Энгельсу в Манчестер и провел там почти весь май. Вероятно, в течение этого времени они не раз беседовали о работе Маркса. Мы полагаем, что то переплетение чисто

теоретических глав с историческими экскурсами, которое отличает «К критике политической экономии», сделано по совету Энгельса: после, в своей статье по поводу книги, он следующим образом мотивировал необходимость такого изложения.

«Логическое развитие вовсе не обязано держаться в области чистой абстракции. Наоборот, оно требует исторической иллюстрации постоянного соприкосновения с действительностью. Эти иллюстрации и даны здесь в огромном количестве, с одной стороны в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, с другой стороны—в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. *Критика отдельных, более или менее односторонних или непоследовательных воззрений дана уже при развитии логической концепции и может быть в исторической части только кратко резюмирована*».

Рукопись должна была быть послана издателю в конце мая, а Маркс все еще не приступил к работе. В нашем распоряжении имеются два письма Маркса, носящие одну и ту же дату — 31 мая 1858 г.: одно из них адресовано Лассалю, другое — Энгельсу. В первом он сообщает подробно о своей болезни и поездке в Манчестер. Он обещает усердно приняться за работу и просит осведомить издателя о причинах задержки.

В письме к Энгельсу мы находим несколько любопытных деталей: «Я, — пишет Маркс, — теперь работоспособен и снова принимаюсь за подготовку к печати». Но есть маленькая загвоздка. Во время его отсутствия вышла книга Макклэрена о всей истории сипгесу (денежного обращения).

«В библиотеке книги еще нет, да и вообще книги туда попадают лишь месяцы спустя после их выхода в свет. Но я должен, разумеется, прочесть ее, прежде чем буду писать по этому вопросу... Весьма вероятно, что в книге не окажется для меня ничего нового, но по значению, которое ей придает «Economist», и по выдержкам, которые я сам читал, моя теоретическая совесть не позволяет мне писать дальше, не ознакомившись с нею». Книга была куплена при помощи Энгельса и, как читатель легко убедится, использована Марксом.

В этом же письме мы находим и другое важное указание.

«Просмотр своей собственной рукописи отнимет у меня почти неделю. К несчастью, в рукописи (которая составила бы

в печати толстый том) все перемешано в беспорядке, и в ней имеется многое, относящееся к дальнейшим частям. Поэтому мне приходится составлять указатель, в какой тетради и на какой странице находится место, нужное мне сейчас для работы».

На этот указатель я наткнулся еще в 1923 г., когда производил раскопки в рукописном наследстве Маркса.¹ Он найден мною в тетради Маркса, начатой 29 августа 1857 г. Это та самая тетрадь, в которой нашлось печатаемое нами «Введение». Указатель носит заглавие: «Указатель к семи тетрадям (первая часть)». Он вначале почти совпадает с перечнем, который дан Марксом в письме к Энгельсу. За каждым титулом следуют ссылки на страницы соответствующих тетрадей: I. *Стоимость*. II. *Деньги*. Деньги вообще. 1) Деньги как мера. 2) Деньги как средство обмена или простое обращение. Монета. Стоимость денег. 3) Деньги как деньги. 4) Благородные металлы как носители денег. 5) Закон присвоения, как он проявляется в простом обращении. 6) Переход денег в капитал.

Эти шесть подразделений должны были, как это видно из письма Маркса к Энгельсу, составить первый выпуск. Мы уже указали, что и этот план подвергся изменению.

Дальше следуют подразделения, предназначавшиеся для следующих выпусков.

III. *Капитал вообще*. Переход денег в капитал. 1. *Процесс производства капитала*. а) *Обмен капитала на рабочую способность*. (Маркс, отказавшись уже от термина *труд*, употребляет, однако, вместо *Arbeitskraft* (рабочая сила) термин *Arbeitsvermögen*. б) Абсолютная прибавочная стоимость. в) Относительная прибавочная стоимость. г) Первоначальное накопление. е) Превращение закона присвоения.

2. *Процесс обращения капитала*.

На этом указатель обрывается. Дальше следует весьма детальный конспект главы о деньгах.

Но таких тетрадей сохранилось больше, чем те семь, о которых пишет Маркс. Среди рукописей нашлась и тетрадь В'', в которой Маркс составил «Рефераты к моим собственным тетрадям». Мы приведем только несколько примеров, показывающих, какие вопросы затронуты в названных тетрадях и как Маркс реферировал собственные работы.

¹ Д. Рязанов, Очерки по истории марксизма, т. I, стр. 200, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Тетрадь М. Самостоятельные индивиды XVIII столетия. Идеи. Увековечение исторических отношений производства. Производство и распределение вообще. Собственность. Производство. Распределение. Потребление. Обмен. Распределение и производство. Обмен и производство».

Уже с первого взгляда видно, что мы имеем дело с «Введением».

Возьмем теперь реферат к тетради В'. В ней анализируется вопрос о законе присвоения в простом обращении.

«Почему собственность в собственном труде и отчуждении собственного труда, т. е. *собственный труд*, проявляется как основа собственности? Противоречия, возникающие при этом. Царство буржуазной свободы и равенства. Первый закон: присвоение при помощи собственного труда. Второй закон: отчуждение и превращение продукта в общественную форму. Английский арендатор и французский крестьянин. Разделение труда. Особенности полезные труды и т. д. Разделение труда как осуществление свободы и естественной индивидуальности. Свобода личности».

Потребовалось бы слишком много места, чтобы, на основании одних рефератов Маркса, показать, как богато и разнообразно содержание этих тетрадей. Подробный анализ их мы дадим в другом месте. Достаточно сказать, что Маркс затрагивает в них почти все главные вопросы, которые он после опять подробно развил в трех томах «Капитала». Только тогда, когда будут изданы все эти тетради, можно будет видеть, частью какого огромного и сложного целого является первый выпуск «К критике политической экономии»!

Но имея перед собой все эти богатства, из которых он мог свободно черпать материалы для дальнейшей обработки, Маркс едва только успел, оправившись от болезни, приступить к писанию, как на него обрушивается жестокий материальный кризис. Письмо к Энгельсу — 15 июля 1858 г. — опять раскрывает перед нами картину острой нужды, когда «скудные доходы никогда не покрывают расходов наступающего месяца, когда их едва хватает на покрытие долгов в такой мере, чтобы не быть выброшенными на улицу».

«Нужно обсудить совместно, — пишет Маркс своему другу, — есть ли какой-нибудь выход из нынешнего положения, потому что оно становится абсолютно невыносимым. В результате всего этого я сделался совершенно неработоспособным, поскольку я, с одной стороны, теряю лучшее время на беготню и бесплод-

ные попытки найти деньги, а с другой стороны — моя способность к абстрактному мышлению из-за домашних неурядиц притупляется, хотя последнее, быть может, вызвало ухудшение моего физического состояния... Моему злейшему врагу я не пожелал бы пробираться через quagmire (грязную лужу), в которой я барахтаюсь уже восемь недель; с величайшим бешенством я думаю о том, что из-за гнуснейших мелочей гибнут мой интеллект и моя работоспособность».

При таких условиях Маркс, конечно, не в состоянии был выполнить свое обещание. Не получив рукописи до середины июля, издатель (Дункер) просил прислать ее не раньше конца сентября, когда он вернется в Берлин. Кое-как при помощи Фрейлиграта и Энгельса был устроен заем, который дал возможность Марксу выпутаться на время из затруднительного положения. Но работа все же подвигалась медленно.

«Нездоровье, которым я страдал во время пребывания в Манчестере, — пишет он Энгельсу 21 сентября 1858 г., — снова стало хроническим и мучило меня все лето, так что всякое писание стоит мне громадных усилий. Так случилось, что рукопись моя отсылается только теперь (через две недели), но зато сразу два выпуска. Хотя мне приходилось отделять уже написанное, все же я сидел иногда часами, чтобы склеить пару фраз. Впрочем, за последнюю неделю мне лучше, и вообще прохладное время действует на меня более благоприятно».

Но это был опять самообман. На повторные запросы Лассалья, когда же, наконец, будет отослана рукопись, Маркс отвечает 12 ноября 1858 г.:

«Что касается запоздания с отсылкою рукописи, то сначала мне мешала болезнь, а затем пришлось налечь на запущенные работы для заработка. Действительная же причина такова: весь материал лежал передо мной, дело шло только о форме. Но во всем, что я писал, я чувствовал в стиле болезнь печени. А у меня есть двоякое основание не допускать, чтобы этот труд был испорчен в силу медицинских причин: 1) он представляет результат пятнадцатилетней исследовательской работы, следовательно лучшей поры моей жизни; 2) он впервые обосновывает научно важную точку зрения на общественные отношения. Поэтому мой долг перед партией — позаботиться, чтобы эта вещь не была испорчена такой тупой, деревянной манерой письма, какая свойственна больной печени. Я стремлюсь не к эlegantному изложению, а лишь к тому, чтобы писать моей обычной».

средней манерой, что за время болезни было для меня невозможно, по крайней мере по отношению к этой теме, хотя я за это время вынужден был написать и потому написал не меньше двух томов английских передовиц¹ обо всем на свете и еще кое о чем (*de omnibus rebus et quibusdam aliis*). Я уверен, что если бы кто-либо, даже менее искусный, чем ты, изложил это положение дел г-ну Дункеру, то он только одобрил бы мой образ действий, который по отношению к нему, как издателю, сводится просто к тому, что я стараюсь ему доставить за его деньги наилучший товар. — Я буду готов приблизительно через четыре недели, так как в сущности только начал писать. — Есть еще обстоятельство, которое тебе придется, однако, защищать лишь после получения рукописи. Вероятно, что первый отдел, «Капитал вообще», займет сразу *два выпуска*, так как при разработке я нахожу, что именно тут, где приходится излагать наиболее абстрактную часть политической экономии, слишком сжатое изложение сделало бы вещь неудобоваримой для публики. С другой же стороны, этот второй отдел должен появиться *одновременно*. Этого требует внутренняя связь, от этого зависит весь эффект».

Но Маркса дергал не только Лассаль. Незадолго до письма к последнему он на тревожные запросы Энгельса и Лупуса (Вильгельма Вольфа) отвечает: «Рукопись еще не ушла и, несмотря на желание Лупуса, не будет отправлена еще в течение нескольких недель». Но 29 ноября 1858 г. он сообщает Энгельсу более утешительную вещь.

«Жена моя переписывает рукопись, и ранее конца этого месяца рукопись вряд ли будет отослана. Причины задержки: длительное недомогание, теперь с холодной погодой прекратившееся. Слишком много домашних и финансовых хлопот. Наконец: *первая часть разрослась, так как пришлось развить подробнее, чем я первоначально имел в виду, две первых главы, из которых первая, Товар, вовсе не была написана в черновом наброске, а вторая, Деньги, или простое обращение, имела лишь в виде краткого наброска*».

Таким образом, мы можем сравнительно точно установить время, когда Маркс решил главу *о стоимости* заменить главою *о товаре*.

Прошло, однако, еще почти два месяца, пока рукопись была

¹ Для «Нью-Йоркской трибуны»

готова. Маркс может наконец — 15 января 1859 г. — сообщить Энгельсу более точные данные и о размере рукописи, и о ее содержании.

«Рукопись составляет около 12 листов (3 выпуска), и хотя заглавие ее «Капитал вообще», но не падай в обморок — в выпусках этих еще нет *ничего* о капитале, они содержат лишь две главы 1. *Товар*. 2. *Деньги, или простое обращение*. Как видишь, часть наиболее подробно разработанная (еще в мае, когда я был у тебя), пока еще совсем не появится. Это хорошо в двух отношениях. Если вещь пойдет, то третья глава, о капитале, может последовать немедленно. Во-вторых, так как критика опубликовываемой части, по самому существованию ее содержания, не может ограничиться тенденциозной руганью и так как все будет выглядеть в высшей степени серьезно и научно, то я заставлю каналий и впоследствии отнестись более серьезно к моим взглядам на капитал. Вообще же я думаю, что, помимо всяких практических соображений, глава о деньгах будет для знатоков интересна».

Но злключения этим еще не закончились. Через шесть дней Маркс пишет Энгельсу (21 января 1859 г.): «Злосчастная рукопись готова, но не может быть отослана, так как у меня нет ни гроша, чтобы оплатить почтовые расходы и застраховать ее. А последнее необходимо, так как копии у меня нет. Вынужден поэтому просить тебя прислать мне к понедельнику немного денег». Энгельс поспешил на помощь, и 26 января 1859 г. Маркс ему отвечает: «2 ф. ст. получил во-время, рукопись отослана».

Но теперь для Маркса открылся новый источник всяких волнений. Долго не получалось от издателя извещения, что рукопись получена. «А отправку *предисловия* я поставил в зависимость от этого «уведомления». Ты ведь понимаешь, что можно потерять всякое терпение, когда так все не ладится. Я совершенно болен от огорчения». Из письма Маркса к Лассалю мы знаем теперь, что знаменитое предисловие, под которым имеется дата — январь 1859 г. — послано было — и вероятно написано не раньше — только 23 февраля 1859 г.

Корректурные листы приходили с большим запозданием. Маркса это сильно раздражало. До 28 марта, т. е. в течение девяти недель, он получил всего три листа, и только 11 мая Маркс отослал Дункеру три последних листа (9—11). Несмотря на это, книга вышла только в начале июня. Седьмого июня Маркс пишет Энгельсу: «Меня очень порадовало, что первый выпуск

понравился тебе, так как в этом вопросе для меня важно только твое мнение».

Так как заключение окончательного договора с Дункером зависело от хорошего сбыта первого выпуска, то Маркс уже 1 февраля 1859 г. обратился к Вейдемейеру с предложением принять все меры к тому, чтобы немецкие эмигранты в Соединенных Штатах заказывали книгу у Дункера.

«Моя «Критика политической экономии» будет выходить выпусками (первые,— прибавляет весьма оптимистически Маркс,— уже через восемь-десять дней) у Франца Дункера в Берлине. Только чрезвычайной энергии Лассалля и его таланту убеждения удалось подвинуть Дункера на этот шаг. Однако он оставил для себя лазейку. Окончательный договор зависит от продажи первых выпусков». После подробного перечня содержания¹ Маркс указывает Вейдемейеру и на партийное значение книги:

«В первых двух главах в то же время разрушается в самых его основах прудоновский, модный теперь во Франции, социализм, который хочет сохранить частное производство и одновременно с этим организовать обмен частных продуктов,— который хочет иметь товары, но не хочет денег. Коммунизм в первую очередь должен освободиться от этого «ложного брата». Но и независимо от всякой полемики тебе известно, что анализ формы денег представляет самую трудную, потому что самую абстрактную, часть политической экономии.— Я надеюсь, что мне удастся одержать для нашей партии научную победу. Но она должна теперь сама показать, достаточно ли она многочисленна, чтобы купить столько экземпляров, сколько нужно, чтобы успокоить сомнения издателя. От продажи первых выпусков зависит успех предприятия. Если мне удастся заключить окончательный договор, то все будет ладно».

Вейдемейер сейчас же взялся за работу. Еще до выхода книги Маркс сообщает (18 мая 1859 г.) Энгельсу, что через Вейдемейера уже заказано у Дункера для Соединенных Штатов до 100 экземпляров его Экономии. Во всяком случае Дункер согласился

¹ «Первая глава: Товар. А. К истории анализа товара; Вильям Петти (англичанин время Карла II); Буагильбер (Людовик XVI); В. Франклин (первое юношеское произведение в 1719 г.). Физиократы: сэр Джеймс Стюарт, Адам Смит, Рикардо и Сисмонди». Характерно, что и здесь Маркс повторяет хронологическую ошибку, сохранившуюся в тексте. Сочинение Франклина, на которое он ссылается, не могло выйти в 1719 г. Франклину было тогда всего 13 лет. Оно вышло в 1729 г. Удивительно, что никакой Менгер не поймал до сих пор Маркса на этой ошибке!

издать второй выпуск. Маркс предполагал, что он будет готов к декабрю, но ряд новых препятствий — в том числе конфликт с Фогтом — помешал ему окончить работу. Таким образом, дело ограничилось только одним выпуском.

В Германии книга встретила недоуменное или злостное молчание. Первые рецензии — одна в «Bremer Handelsblatt», другая в «Litterarisches Zentralblatt» — появились только в декабре 1859 г. Но это были специальные журналы. Большая пресса молчала. Вопреки ожиданию Маркса, Дункер очень мало сделал для рекламирования книги просто с издательской точки зрения. Партийные товарищи — в первую очередь Лассаль — тоже ничего не сделали, чтобы в прессе обратить внимание на книгу Маркса.

Лучше обстояло дело в Соединенных Штатах, главным образом благодаря Вейдемейеру. Маркс, правда, преувеличивает, когда пишет Лассалю (6 ноября 1859 г., когда в Германии еще не было ни одной заметки), что в Америке первый выпуск был подробно рецензирован во всей немецкой прессе, от Нью-Йорка до Орлеана, но во всяком случае на «заговор молчания» он пожаловаться не мог. Его старый противник, Гейнцен, сейчас же после появления книги обругал ее («Pionier», 2 июля 1859 г.), но все же в заключение прибавил, что критика Маркса, опирающаяся на многолетнее изучение, наверное даст проникательный анализ многих деталей вопросов политической экономии и будет способствовать их выяснению. На одну такую рецензию, которую мы пока еще не нашли, Маркс считал нужным ответить в первом томе «Капитала».

К большому удивлению Маркса, книга его скоро нашла хороший сбыт в России. 15 сентября 1860 г. он пишет Лассалю:

«В России книга моя обратила на себя большое внимание, и какой-то профессор в Москве даже читал о ней доклад. Да и я как раз от русских получил по поводу нее много дружественных писем. Также от французов, читающих по-немецки».

Конечно, это, хотя и вполне понятное, но все же преувеличение. Известие о профессоре Маркс получил от Сазонова.¹ Несмотря на все наши усилия, мы до сих пор не могли установить, о какой лекции идет речь. Во всяком случае «Критика политической экономии» имела уже читателей в России — не

¹ Д. Рязанов, Карл Маркс и Русские люди сороковых годов («Очерки по истории марксизма», т. II, стр. 65 — 66).

только в тогдашних прибалтийских губерниях, но и в обеих столицах — через несколько месяцев после ее появления.¹ В «Gazette du Nord» (5 мая 1860 г.) в корреспонденции из Петербурга от 25 апреля 1860 г. автор, говоря о лекциях Моли-нари, замечает:

«Вряд ли этот брюссельский писатель сам считает себя очень сильным в области политической экономии,— науки, которая насчитывает теперь среди своих представителей таких оригинальных исследователей, как Карл Маркс, Стюарт Милль, Кэри, Прудон и др.»

Правда, первое упоминание о книге Маркса мы встречаем значительно позднее — в «Русском слове», декабрь 1865 г.— в статье П. Ткачева, посвященной Маклеоду и Жуковскому. «Единственно возможный метод изучения явлений социального быта,— пишет Ткачев,— это метод критический; причем само собой разумеется, что эта критика должна быть толковой и всестороннею, не должна ограничиваться одной поверхностью дела, а должна стараться, разлагая явления аналитически, доискаться основных причин, обуславливающих их возникновение и развитие. Такой разумный аналитико-критический метод не раз уже был применяем к изучению явлений социальной жизни и привел ко многим открытиям, вовсе нелестным для экономистов и юристов. Так, например, этот метод привел некоторых социологов и политико-экономов к тому выводу, что все явления, юридические и политические, представляют не более как прямые последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, так сказать, только зеркало, в котором отражается экономический быт народа. Или, говоря словами г. Жуковского, «то, что мы называли началом политическим, есть экономическое начало, оформленное, введенное в обязательный для всех положительный закон». Взгляд этот не нов, и в нашу литературу он перенесен, как и все, что только есть в ней хорошего, из литературы западно-европейской. Еще в 1859 г. известный немецкий изгнанник формулировал это самым точным и определенным образом. («Zur Kritik der politischen Oekonomie», стр. IV, V)»². Только после

¹ Маркс вспоминает об этом в 1868 г. в письме к Кугельману: «Мое сочинение против Прудона (1847 г.) и то, что издал Дункер (1859 г.), нигде не нашли такого сбыта, как в России».

² Дальше следует цитата в несколько своеобразном переводе. «Вся совокупность отношений касательно производства богатств (Produktionsver-

появления «Капитала» имя Маркса становится действительно популярным в России.

III

В основу нашего издания положено первое издание, вышедшее в 1859 г., но с поправками, сделанными Марксом на его собственном экземпляре. Таких поправок немного. На стр. 75, там, где было сказано, что «это их [товаров] существование проявляется как их собственное отношение друг к другу», Маркс вставил слово «soll», т. е. *должно проявляться*. На стр. 76, там, где сказано, что «они [товары] действительно обмениваются друг на друга пропорционально их продолжительности», Маркс прибавляет: «содержащегося в них труда». В примечании на стр. 169 Маркс вместо слов «меновая стоимость товаров» пишет: «форма стоимости товаров». На стр. 222 Маркс вместо «следствием расширения» пишет «относительного расширения». Последняя поправка сделана на стр. 226, где Маркс вместо «уровня национального денежного обращения» говорит: «нормального» уровня, чтобы привести данное положение в соответствие с дальнейшим изложением.

Кроме этих поправок в тексте Марксом сделано несколько (семь) добавлений, которые отнесены нами в примечания, так же как и в издании Каутского (стр. 79, 186, 206, 213, 214, 216, 218).

Вместе с Каутским мы даем найденное им впервые «Введение» и опубликованное им еще в 1903 г. в «Neue Zeit».

«Есть основание предполагать,— пишет Каутский,— что эта работа Маркса представляет собою тот проект «общего введения», о котором Маркс в предисловии говорит, что он его «набросал». Тетрадь, в которой находится эта работа, датирована 23 августа 1857 г. Она сама носит заглавие «Введение». Наконец

hältnisse) образует экономическую структуру общества, основной базис, на котором возвышаются в виде надстроек политические и юридические отношения. Почти то же повторяется и в другом месте его книги (стр. IV). Исследования мои,—говорит он,—привели меня к тому заключению, что правовые отношения, равно как и формы государственного быта, не могут быть понимаемы сами по себе, еще менее из так называемого всеобщего развития человеческого духа, но что они коренятся скорее в материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру французских и английских мыслителей XVIII века, обозначал именем «гражданского общества» (bürgerliche Gesellschaft), и что анатомию этого общества следует искать в политической экономии».

содержание вполне соответствует тому, что мы ожидали найти в подобном введении».

Дальше Каутский перечисляет все трудности расшифровки рукописи Маркса, в которой местами предложения заменяются отрывками слов, а вместо слов очень часто своеобразные сокращения, превращающие чтение иногда в разгадку ребусов и шарад. Неразборчивость почерка Маркса доходит до кульминационных пределов именно в его тетрадках по политической экономии.

Было бы нецелесообразно воспроизводить работу Маркса с филологической точностью. «Работа была бы совершенно неудобочитаема, — справедливо замечает Каутский, — если бы я воспроизвел оригинал, как он есть, или даже отметил для читателя каждое редакционное исправление особым примечанием. Там, где не могло быть сомнения в правильности моих изменений и дополнений, делаю их без оговорок. В сомнительных случаях я заключал мои вставки в квадратные скобки; слова, относительно которых я не был уверен в правильности своей расшифровки, снабжены мною вопросительным знаком: прочие изменения оговорены в подстрочных примечаниях».

Нам тщательно была сверена с оригиналом расшифровка, произведенная Каутским. Несмотря на огромный труд, затраченный им, пришлось внести в текст ряд поправок, иногда очень существенных. Мы сохранили все его примечания, с которыми мы согласны.

Весьма важное дополнение представляет статья Энгельса по поводу книги Маркса, которую мы даем как вступление. Она была опубликована еще в 1859 г. в немецкой газете «Народ», издававшейся в Лондоне («Das Volk», август 1859 г., №№ 14 и 16). Энгельс написал эту статью по предложению Маркса, который просил его обратить внимание на следующие пункты: 1) «кратко о методе и о новом в содержании» и «не забыть: 1) что прудонизм уничтожен в корне, 2) что уже в простейшей форме *товара* выяснен *специфический* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства» (письма Маркса к Энгельсу от 19 и 22 июля 1859 г.).

Статья Энгельса, к сожалению, осталась неоконченной. Указав, что условия исторического развития помешали созданию самостоятельной буржуазной политической экономии в Германии, что только с выступлением на историческую сцену немецкой пролетарской партии, все теоретическое существо которой сло-

жилося на основе изучения политической экономии, датирует научная самостоятельно-немецкая политическая экономия, что последняя основывается по преимуществу на материалистическом понимании истории, Энгельс переходит к вопросу о методе. Единственное, что могло бы служить исходной точкой, это был метод Гегеля. Но его нужно было подвергнуть систематической критике.

«Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение».

Энгельс показывает, почему Маркс построил свое сочинение на систематическом изложении всего комплекса экономических наук, на связанном развитии законов буржуазного производства и обмена, а не на рассмотрении отдельных экономических теорий. Наоборот, выбранный Марксом способ изложения делает возможным одновременно дать критику всей экономической литературы. Но этот логический метод является в то же время и историческим. «Логический метод исследования является поэтому единственно подходящим. Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей».

Энгельс объясняет дальше, почему Маркс начинает свое исследование с *товара*. В последнем уже проступает *общественное* отношение. «Тут мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, красной нитью проходящего через всю политическую экономию и породившего ужасную путаницу в головах буржуазных экономистов: в политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи».

Энгельс подчеркивает, что эта связь впервые раскрыта Марксом.

То обстоятельство, что основное содержание настоящей книги

резюмировано в первом томе «Капитала», нисколько не уменьшает ее значения как основного пособия при изучении экономической системы Маркса. Наоборот, представляя важнейший этап в развитии экономических взглядов Маркса, она дает возможность более точно проследить и установить все исправления и улучшения, которые Маркс, в процессе постоянной переработки и беспощадной самокритики, вносил в свою систему. Он сам после признал, что первоначальное изложение было недостаточно ясно, в особенности *анализ товара*. Оказалось, что «даже хорошие головы не совсем верно понимают предмет». Это показал пример Лассалья, который в «Труде и капитале» сделал не одну ошибку при изложении «квинт-эссенции» взглядов Маркса.

Но «К критике политической экономии» сохраняет и свое самостоятельное значение. В первую очередь потому, что в отличие от «Капитала» она дает три в высшей степени важных экскурса в область истории экономических учений (А, В и С). Вторых, потому, что она и до сих пор остается лучшей монографией в мировой экономической литературе по вопросу о *деньгах*. Критика *количественной теории денег*, данная Марксом, до сих пор еще не превзойдена и нисколько не устарела, несмотря на бесчисленные попытки буржуазных экономистов влить новую жизнь в эту старую теорию.

Теория Маркса построена не только на тщательном изучении истории цен в Англии, но и на детальном анализе явлений денежного обращения в эпоху торгово-промышленного кризиса 1857 г., о чем свидетельствуют его статьи о состоянии денежного рынка для «Нью-йоркской трибуны» и записные тетради.

Нам нечего распространяться о значении *Предисловия*, в котором дана классическая формулировка материалистического понимания истории, и *Введения*, которое проливает такой яркий свет на метод Маркса.

Нам пришлось отказаться от переиздания старого перевода Румянцева — под редакцией А. Мануилова, — вышедшего в 1896 г. Новый перевод сделан И. И. Рубиным. «Введение» печатается нами в переводе Е. Б. Пашуканиса. Чтобы облегчить изучение книги, мы даем в приложении: 1) примечания, составленные И. Рубиным и А. Реуэлем; 2) список цитированных книг, предметный и именной указатели, составленные А. Реуэлем, 3) биографический справочник, составленный Е. Гурвич и А. Рубиным.

Д. Рязанов.

Июнь 1929 г.

ЭНГЕЛЬС О КНИГЕ МАРКСА

*

К. МАРКС

*ВВЕДЕНИЕ К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ*

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

*

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

ЭНГЕЛЬС О КНИГЕ МАРКСА

К. Маркс. К критике политической экономии, выпуск первый,
1859, Ф. Дункер

I

Во всех областях науки немцы давно показали себя не хуже других цивилизованных народов; в значительной части этих областей они доказали даже свое превосходство над большинством последних. Только одна наука не могла указать до сих пор ни одного немецкого имени среди своих корифеев — именно политическая экономия. Причина этого понятна. Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества, и она предполагает поэтому развитые буржуазные отношения, но реформационные и крестьянские войны, и в особенности Тридцатилетняя война, сделали такие отношения невозможными в Германии на целые столетия.

Отделение Голландии от империи оттеснило Германию от мировой торговли и направило с самого начала ее промышленное развитие по руслу мелкобуржуазных отношений. И пока немцы так медленно и с таким трудом оправлялись от опустошений гражданских войн; пока они растрачивали свою гражданскую энергию, которая никогда не была особенно велика, в бесплодной борьбе против таможенных застав и бессмысленных торговых уставов, которым каждый князек и каждый имперский барон подчиняли промышленность своих подданных; пока имперские города погибали в мелочной склоке цехов и патрициата, — за это время Голландия, Англия и Франция завоевали первые места в мировой торговле, основывали колонию за колонией и развили свою мануфактурную промышленность до высочайшего расцвета. В конце этого периода Англия, благодаря открытию пара, придавшего впервые ценность ее залежам угля и железа, стала во главе современного буржуазного развития. Но до тех пор, пока приходилось вести борьбу против таких

нелепых пережитков средневековья, как те, которые до 1830 г. сковывали материальное буржуазное развитие Германии, никакая немецкая политическая экономия не была возможна. Только с основанием Таможенного союза немцы достигли такого положения, при котором они вообще могли *понимать* политическую экономию. С этих пор действительно начался импорт английской и французской политической экономии для нужд немецкой буржуазии. Скоро ученые и бюрократы овладели импортированным материалом и придали ему такую обработку, которая не делает особенной чести «немецкому духу». Пестрая компания пишущих рыцарей промышленности, купцов, профессоров и бюрократов создала немецкую экономическую литературу, которая, по своей вздорности, дилетантизму, бессодержательности, многословности и бесцеремонности в присвоении чужих мыслей, имеет свою аналогию только в немецком романе. В кругах людей практического направления развилась сначала протекционистская школа промышленников, чей авторитет, Лист, все еще является самым значительным из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература, хотя все его прославленные произведения списаны у француза Ферье, духовного родоначальника континентальной системы. В противовес этому направлению возникла в 40-х годах школа свободной торговли купцов прибалтийских провинций, повторявшая с детской, но не бескорыстной доверчивостью аргументы английских фритредеров. Наконец, профессора и бюрократы, которые взяли на себя теоретическую разработку науки, представляли из себя сухих, некритических собирателей фактов, как господин Руа, умничающих спекулянтов, переводивших предложения иностранных авторов на язык плохо понятого ими Гегеля, вроде господина Штейна, или собирателей крох с чужого стола — беллетристов в «культурно-исторической» области, как господин Риль. Из всего этого, в конце концов, получилась камералистика, какая-то каша из всякой всячины, политая эклектически-экономическим соусом, нечто вроде того, что требуется знать кандидату прав к государственному экзамену.

В то время как буржуазия, профессура и бюрократия в Германии трудились над тем, чтобы сколько-нибудь понять и вытвердить наизусть, как неприкосновенные догмы, первые элементы английско-французской политической экономии, выступила на историческую сцену немецкая пролетарская партия. Все ее теоретическое существо сложилось на основе изучения полити-

ческой экономии, и с момента ее выступления датирует также научная самостоятельно-немецкая политическая экономия. Эта немецкая экономия основывается по преимуществу на *материалистическом понимании истории*, основные черты которого кратко изложены в предисловии к вышеназванному произведению. Это предисловие в основной своей части было уже напечатано в «Народе», поэтому мы и отсылаем туда нашего читателя.¹ Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а все науки, не относящиеся к естествознанию, являются историческими) явилось революционизирующим положение, «что способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, всплывающие в ходе истории, могут быть понятны только тогда, когда будут изучены материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и первые будут выведены из этих материальных условий. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Эта мысль настолько проста, что она должна была бы казаться чем-то само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане. Но выводы из нее революционны не только для теории, но и для практики. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими отношениями производства, или (что составляет только юридическое выражение этого) с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции*. С изменением экономического основания медленнее или быстрее преобразуется и вся огромная надстройка... Буржуазные отношения производства представляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а антагонизма, выросшего из общественных условий жизни индивидов. Но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают в то же время материальные условия для разрешения этого антагонизма». При дальнейшем развитии нашего

¹ См. № 5, июнь 1859 г., ст. Карла Маркса.

материалистического тезиса и его применении к современности нам открывается, таким образом, перспектива великой, величайшей революции всех времен.

Однако при более внимательном рассмотрении сейчас же оказывается, что на первый взгляд как будто простая мысль, что сознание людей обуславливается их бытием, а не наоборот, уже непосредственно вытекающими из нее выводами наносит удар всякому идеализму, даже самому замаскированному. Этим положением отрицаются все привычные и традиционные воззрения на все исторические явления... Им опрокидываются все привычные приемы политического мышления; патриотическое благородство с негодованием отвергает такое бесхарактерное воззрение. Новое мировоззрение наталкивается поэтому на оппозицию не только в среде представителей буржуазии, но и в массе французских социалистов, намеревающихся потрясти мир при помощи магической формулы: *liberté, égalité, fraternité* (свобода, равенство и братство). Но особенно велико было негодование, вызванное этой теорией в среде немецких вульгарно-демократических крикунов. Тем не менее последние делали усердные попытки плагиаторски использовать новые идеи, обнаруживая каждый раз свое редкое непонимание их.

Развитие материалистического понимания, хотя бы на одном единственном историческом примере, представляло собой научную задачу, для выполнения которой потребовались бы долготные спокойные исследования, ибо ясно, что одной фразой тут ничего не сделаешь и что только при помощи массового, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно успешно разрешить такую задачу. Февральская же революция бросила нашу партию на политическую авансцену и сделала для нее, таким образом, невозможным преследование чисто научных целей. Тем не менее основное воззрение проходит красной нитью через все литературные произведения партии. В них, в применении к каждому отдельному случаю, доказывается, что политическое выступление всегда являлось результатом материальных импульсов, а не тех фраз, которыми оно сопровождается, что, наоборот, политические и юридические фразы в такой же мере являются результатом материальных импульсов, как и политическое выступление и его результаты.

С наступлением, после поражения революции 1848—1849 гг., момента, когда становилось все более и более невозможным

влиять на политические события в Германии из-за границы, наша партия предоставила всецело вульгарной демократии заниматься эмигрантскими дрызгами, ибо в сфере практической деятельности только одна эта возможность и осталась. И вот в то время, когда последняя с наслаждением отдавалась этой плодотворной деятельности, сегодня таская друг друга за волосы с тем, чтобы завтра брататься, а послезавтра снова стирать все свое грязное белье перед всем миром, в то время как эта демократия побиралась, вымаливая подаяния, по Америке с тем, чтобы вслед за этим начать новый скандал по поводу распределения нескольких добытых талеров, — наша партия была рада воспользоваться наступившим затишьем, чтобы снова отдать своим научным исследованиям. Ее огромное преимущество состояло в том, что она имела своим теоретическим базисом научное мировоззрение, разработка которого ее всецело поглощала. Уже по одному этому она не могла так низко опуститься, как «великие люди» эмиграции. Первым плодом этих исследований является лежащая перед нами книга.

II

В таком сочинении, как то, которое лежит перед нами, не может быть и речи о неметодической критике отдельных глав из политической экономии, о несистематическом рассмотрении тех или других экономических контrovers. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом изложении всего комплекса экономических наук, на связном развитии законов буржуазного производства и обмена. А так как экономисты являются не чем другим, как толкователями и апологетами этих законов, то это развитие является одновременно критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляцию самых простых приемов, которую она применяла ко всему, что попадалось, и к тому еще часто с неловкостью, доходящей до смешного. Все наследство Гегеля сводилось для нее к простому шаблону, при помощи которого обрабатывалась любая тема, и к регистру слов и оборотов, имевших своей единственной задачей восполнить собой, когда требуется, недостаток мыслей и положительных знаний. Так

сложился тот тип гегельянцев, о которых один боннский профессор сказал, что они ничего не понимали, но обо всем могли писать. Конечно, ценность их работ соответствовала их уровню понимания. Однако эти господа, несмотря на свою самонадеянность, в глубине души чувствовали настолько свою слабость, что не брались за всякие задачи; старая научная китайщина удержала свои позиции благодаря своему превосходству в отношении положительного знания. И только когда Фейербах своей критикой нанес сокрушительный удар спекулятивной идее, гегельянство постепенно стало сходить на-нет, причем могло казаться, что в науке снова возрождается старая метафизика с ее неподвижными категориями.

Это было вполне естественно. После режима гегелевских диалогов, представлявшего собой царство бессодержательной фразы, наступила, естественно, эпоха, в которой положительное содержание науки снова возобладало над ее формальной стороной. Но Германия набросилась одновременно с необычайной энергией на естественные науки, что соответствовало ее могучему буржуазному развитию со времени 1848 г., и по мере того, как эти науки, в которых спекулятивное направление никогда не играло особенной роли, становились модой, прокладывая себе снова дорогу старый метафизический метод мышления вплоть до крайне плоского рационализма Вольфа. Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII столетия, имея перед последним в большинстве случаев только преимущество использования более богатого естественно-научного, именно химического и физиологического, материала. Этот органичный филистерский способ мышления докантовского периода мы находим воспроизведенным вплоть до его самых уродливых форм у Бюхнера и Фогта, и даже Молешотт, который клянется Фейербахом, каждую минуту забавнейшим образом запутывается в самых обыкновенных категориях. Неуклюжая кляча обыденного буржуазного разума растерянно останавливается перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия; но кто собирается охотиться на изрезанной почве спекулятивного мышления, тот не должен выезжать на кляче.

Тут, однако, пришлось решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следовало избрать? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика во всей ее абстрактной,

«спекулятивной» форме, какой ее оставил Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по преимуществу рационалистически-метафизический метод, которому и следовали буржуазные экономисты в своих толстых, лишенных системы книгах. Этот последний подвергся такой убийственной критике со стороны Канта и в особенности со стороны Гегеля, что только умственная лень и отсутствие другого *простого* метода делали возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в его *конкретной* форме был абсолютно непригоден. Он был по преимуществу идеалистическим, а тут речь шла о развитии мирозерцания, которое должно было быть более материалистическим, чем все предыдущие. В то время как первый исходил из чистого мышления, здесь надо было исходить из упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этой форме здесь абсолютно неуместен. Тем не менее, из всего имеющегося в наличности логического материала это было единственное, что могло бы, по крайней мере, служить исходной точкой.

Против этого метода не было сделано серьезных возражений, он не был опровергнут: никто из противников великого диалектика не мог пробить бреши в его гордом здании. Он был забыт потому, что гегелевская школа не умела применять его. Прежде всего поэтому надо было подвергнуть гегелевский метод систематической критике.

Преимущество способа мышления Гегеля перед способом мышления всех других философов коренится в том огромном историческом чутье, которое лежало в основе первого. Несмотря на абстрактность и идеалистичность формы, ход его мыслей всегда развертывался параллельно ходу истории, и последний должен был служить только проверкой для первого.

Если действительное отношение между мышлением и действительностью было этим представлено в превратном виде и поставлено на голову, то все же таким путем проникло положительное содержание во все области философии, тем более, что Гегель, в отличие от своих учеников, не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался доказать внутреннюю связь в развитии исторического процесса. И как бы причудливыми ни казались нам теперь кое-какие мысли его философии истории, основная концепция этого произведения своей грандиозностью может и

ныне вызвать удивление, особенно если сравним Гегеля с его предшественниками или с теми, которые после него позволяли себе общие размышления об истории. В его феноменологии, в эстетике, в истории, в философии — повсюду красной нитью проходит это величественное понимание, везде вопросы рассматриваются исторически, в определенной хотя и абстрактно извращенной связи с исторической действительностью.

Это делающее эпоху понимание истории явилось непосредственной теоретической предпосылкой нового, материалистического понимания истории, и уже благодаря этому была дана точка опоры для логического метода. Если эта забытая диалектика уже на почве «чистого мышления» могла вести к таким результатам, если она к тому же как бы играючи разделалась со всей старой логикой и метафизикой, то она во всяком случае не могла представлять собой одну только софистику и буквоедство. Но критика этого метода была нелегкой задачей, перед которой отступала и теперь еще отступает вся официальная философия.

Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей. Выработку метода, лежащего в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение.

Критика политической экономии и после выбора метода могла быть построена двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, как и в ее литературных отражениях, развитие в общем и целом идет от более простых к более сложным отношениям, то литературно-историческое развитие политической экономии давало естественную руководящую нить, которой критика могла следовать, так что при этом экономические категории в общем и целом следовали бы в том же порядке, как и в логическом развитии. Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как прослеживается *действительное* развитие; на самом же деле такое построение способствовало бы в лучшем случае только большей популярности изложения. Историческое развитие идет часто скачками и зигзагообразно, и его пришлось бы проследить во всех его перипетиях, благодаря чему не только пришлось бы слишком часто уделять место и

малоценному материалу, но пришлось бы и часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а последняя удлинит работу до бесконечности, так как в этой области нет никакого мало-мальски обработанного материала. Логический метод исследования является поэтому единственно подходящим. Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме, исторического процесса,— исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

При этом методе исследования мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое нам дано исторически или фактически, следовательно из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы расчлняем.

То обстоятельство, что это есть *отношение*, говорит уже за то, что оно имеет две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы подвергаем изолированному рассмотрению и таким образом познаем форму их взаимоотношения, их взаимодействия. При этом возникают противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в нашей голове, а действительный процесс, совершившийся в известный исторический момент или даже продолжающий еще совершаться в настоящее время, то и эти противоречия будут развиваться на практике и, вероятно, найдут свое разрешение. Мы проследим способ этого разрешения и найдем, что оно вызвало установление нового отношения, две противоположных стороны которого мы должны будем развить, и т. д.

Политическая экономия начинается с *товара*, с того момента, когда продукты — индивидами или первобытными общинами — обмениваются друг на друга. Продукт, вступающий в обмен, является *товаром*. Но он является товаром только потому, что в нем (в вещи, в продукте) воплощается *отношение* двух лиц или общин, отношение между производителем и потребителем

которые здесь больше не сливаются в одном лице. Тут мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, красной нитью проходящего через всю политическую экономию и породившего ужасную путаницу в головах буржуазных экономистов: в политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции — между классами, но эти отношения *всегда связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эта связь, слабое сознание которой, конечно, мелькало уже в отдельных случаях у того или другого экономиста, была впервые раскрыта Марксом в ее значении для всей политической экономии, благодаря чему он мог труднейшие вопросы так упростить и так ясно изложить, что они теперь будут понятны даже буржуазным экономистам.

Если мы будем рассматривать товар в его различных отношениях, и именно товар в его совершенно развитой форме, а не в начале его трудного пути развития, в стадии первоначальной меновой торговли между двумя первобытными общинами, то он нам представится под обоими углами зрения: потребительной стоимости и меновой стоимости, и тут мы уже вступаем в область экономических дебатов.

Если кто-либо хочет убедиться на ярком примере, что немецкий диалектический метод на его нынешней ступени развития настолько же, по крайней мере, превосходит старый, плоскоболтливый, метафизический, насколько современные железные дороги превосходят средства сообщения средних веков, пусть он прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем соответствующие места, и он увидит, как эти господа бились над потребительной и меновой стоимостью и как трудно им разграничить их между собой и понять специфические особенности каждой из них. Ему остается только затем сравнить с этим ясное, простое развитие этих проблем у Маркса.

После того как потребительная и меновая стоимость проанализированы, исследуется товар как непосредственное единство обеих, следовательно товар в той форме, в какой он вступает в *процесс обмена*. Какие противоречия тут возникают, читатель найдет на стр. 20, 21 ¹. Заметим только, что эти противоречия имеют не только абстрактно теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые возникают из природы

¹ [См. стр. 106—107 и след. настоящего издания.]

непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности, в которые неизбежно упирается эта примитивная форма обмена. Разрешение этих невозможностей находится в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальный товар — *деньги*. Деньги или простое обращение рассматриваются затем во второй главе, а именно: 1) деньги как *мерило стоимости*, причем тут же находит свое более точное определение измеряемая в деньгах *стоимость, цена*, 2) как *средство обращения*, 3) как единство обоих определений, как *реальные деньги*, как представитель всего материального буржуазного богатства. Этим заканчивается первый выпуск, оставляя для второго выпуска вопрос о переходе денег в капитал.

Отсюда можно видеть, что если руководиться этим методом, то логическое развитие вовсе не обязано держаться в области чистой абстракции. Наоборот, оно требует исторической иллюстрации, постоянного соприкосновения с действительностью. Эти иллюстрации и даны здесь в огромном количестве, с одной стороны, в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, с другой стороны — в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. Критика отдельных, более или менее односторонних или непоследовательных воззрений дана уже при развитии логической концепции и может быть в исторической части только кратко резюмирована.

В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги.

Ф. Энгельс.

*ВВЕДЕНИЕ К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ*

1. Производство вообще

Предмет исследования, это прежде всего — *материальное производство*.

Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно, общественно-обусловленное производство индивидов, — вот, очевидно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишненным фантазии химерам всезнающего века. Это — робинзонады, которые вовсе не являются, — как воображают историки культуры, — лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природе. Точно так же и «Общественный договор» Руссо, в котором взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами устанавливаются путем договора, ни в малой степени не покоится на подобном натурализме. Все это видимость, и только эстетическая видимость больших и малых робинзонад. Напротив того, мы имеем здесь дело с предвосхищением «буржуазного общества», которое начало развиваться с шестнадцатого столетия, а в восемнадцатом — сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельная личность является освобожденной от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали из нее составную часть определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам восемнадцатого столетия, на плечи которых еще целиком опираются Смит и Рикардо, этот индивид восемнадцатого века, — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — новых производительных сил, начавших развиваться в XVI веке, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому, — не результатом истории, а ее исходным пунктом.

Так как этот индивид казался воплощением естественных свойств и отвечал воззрению на природу человека, то в нем видели нечто, возникшее не историческим путем, а установленное

самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе. Стюарт, который, как аристократ, во многих отношениях, в противоположность восемнадцатому веку, стоит на исторической почве, избежал этой наивности. Чем глубже мы уходим в даль истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, является не самостоятельным, а принадлежащим к более обширному целому: сначала естественная связь соединяет его с семьей, и с семьей, развившейся в род; затем с обществом, различные формы которого возникли из столкновений и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе», различные формы общественных связей выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — отъединившегося индивида, — является как раз эпохой наиболее развитых общественных (т. е. с этой точки зрения, всеобщих) связей. Человек есть в самом буквальном смысле *zoon politikon*, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может отъединиться. Производство отъединившихся личностей вне общества, — возможное, как редкое исключение, для цивилизованного человека, случайно заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себе самом носящего общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и друг с другом говорящих индивидов. На данном пункте поэтому нечего долго оганавливаться. Этого пункта можно было бы и вовсе не касаться, если бы нелепости, понятные у людей XVIII века и имевшие тогда смысл, не были снова, с самым серьезным видом, притянуты в современную экономию Бастиа, Кэри, Прудона и т. д. Прудону и другим, разумеется, очень удобно прибегать к философии истории, чтобы объяснить возникновение какого-либо экономического отношения, историческое происхождение которого ему неизвестно, путем создания мифов об Адаме или Прометее, которым данная идея явилась в готовом и законченном виде, а затем введена была в действительность и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазия обыденного здравого смысла, чем ставший субъектом философствующий *locus communis*.

Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития — о производстве индивидов, живущих в обществе. Может поэтому

казаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо заняться исследованием исторического процесса развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например с современным буржуазным производством, которое, собственно, и является фактически нашей главной темой. Однако всем эпохам производства свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения. *Производство* вообще это — абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Однако это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является весьма расчлещенным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие — общи лишь некоторым. Одни определения являются общими для современной и для древнейшей эпохи, и без них совершенно невозможно мыслить себе производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие. Определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект — человечество, — так и объект — природа — существуют на всех ступенях, не были забыты существенные различия. В забвении этих различий заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений, которые доказывают, напр., что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также орудие производства, — он представляет прошедший, объективированный труд. Отсюда вывод, что капитал есть всеобщее, вечное, естественное отношение. Но это можно утверждать, только откинув то специфическое, что одно лишь превращает «орудие производства», «накопленный труд», в капитал. Поэтому, например, у Кэри вся история производственных отношений представляется как ряд фальсификаций, злокозненно учиненных правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует

также общего производства. Производство всегда представляет собою *особую* отрасль производства, например, земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д., или некоторую совокупность их как целое. Однако политическая экономия — не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени к отдельным формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство выступает перед нами не только в своих особенных формах. Но всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий внутри более или менее богатой совокупности таких отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. [Мы должны, следовательно, различать] производство вообще, особые отрасли производства, производство как целое.

В экономии вошло в моду предпосылать общую часть, которая как раз фигурирует под заглавием «производство» (см., например, у Дж.-Ст. Милля) и где трактуются общие условия всякого производства.

Эта общая часть состоит или должна, повидимому, состоять:

1) Из условий, без которых невозможно производство, т. е. на самом деле состоящих только из важнейших моментов всякого производства. Однако фактически, как мы это увидим, они сводятся к немногим, весьма простым определениям, которые превращаются в пространно изложенные плоские тавтологии.

2) Из условий, которые более или менее способствуют производству, как, например, у Адама Смита [рассуждения] о прогрессирующем и стационарном состоянии общества.

Чтобы эти моменты, имеющие у Смита ценность общих замечаний, поднять до научного значения, было бы необходимо исследовать *развитие степеней производительности* у отдельных народов; такое исследование, собственно, лежит вне границ нашей темы, поскольку же входит в нее, должно быть отнесено к главам о конкуренции, накоплении и т. д. В общей же постановке ответ сводится к общему положению, что у промышленной нации производство достигает наивысшей точки, когда нация вообще достигает исторически кульминационного пункта. Фактически эту высшую степень промышленного развития какого-либо народа [мы наблюдаем] до тех пор, пока главной целью является не прибыль (*Gewinn*), а процесс добывания (*Gewinnen*). Постольку янки стоят выше англичан. Или же, например,

что известные расовые особенности, климат, естественные условия, как близость к морю, плодородие почвы и т. д., более благоприятны для производства, чем другие. Это опять сводится к тавтологии, что богатство тем легче создается, чем больше имеются налицо субъективные и объективные его элементы.

Однако все это вовсе не то, о чем действительно трактуют экономисты в вышеупомянутой общей части. Производство, наоборот, — см., напр., Милля, — изображается, в отличие от распределения, как заключенное в рамки вечных законов природы, не зависящих от истории, чтобы при этом удобном случае подsunуть *буржуазные* отношения в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto. В этом заключается более или менее сознательная цель всего приема. При распределении, напротив, люди по этой теории позволяют себе всяческий произвол. Даже независимо от того, что действительная связь производства и распределения здесь самым грубым образом разорвана, с самого начала должно быть ясно, что какие бы различные формы ни принимало распределение на различных ступенях общественного развития, о нем, так же как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть смешаны и погашены в *общечеловеческих* законах. Например, раб, крепостной, наемный рабочий — все получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или землевладелец — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или левит — за счет десятины, — все они получают [известную долю] общественного производства, которая определяется другими законами, чем доля рабов и т. д. Главными двумя моментами, которые все экономисты относят в эту рубрику, являются: 1) собственность, 2) ее обеспечение судами, полицией и т. д. На это можно вкратце возразить:

ad 1. Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы внутри определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму — *отсутствие собственности*). История, наоборот, показывает нам

коллективную собственность (например, у индусов, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, — форму, которая под видом общинной собственности еще долго играет значительную роль. Мы здесь еще вовсе не занимаемся вопросом о том, развивается ли богатство успешнее при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а следовательно, ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это является тавтологией. Присвоение, которое ничего себе не присваивает, есть *contradictio in subjecto*.

ad 2. Обеспечение собственности и т. д. Если эти тривиальности свести к их истинному содержанию, они скажут больше, чем известно их проповедникам. Именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость понимания и бедность идей в том и заключается, что явления, органически между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. Перед буржуазными экономистами при этом витает лишь представление, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они заявляют только, что и кулачное право есть право и что право сильного продолжает существовать в других формах также и в их «правовом государстве».

Когда общественные отношения, соответствующие определенной ступени производства, только возникают, или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя различной степени и различного действия.

Резюмируем: имеются определения, общие всем ступеням производства, которые, как общие, фиксируются мышлением, однако все так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

2. *Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению*

Прежде чем продолжать дальнейший анализ производства, необходимо обратить внимание на те различные рубрики, которые ставят рядом с ним экономисты. Первое поверхностное представление заключается в следующем: в процессе производ-

ства члены общества приспособляют продукты природы к человеческим потребностям (производят, придают форму); распределение устанавливает пропорцию, в которой каждый индивид принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся объектами пользования (*des Genusses*), индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из общественной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе пользования. Производство является, таким образом, исходной точкой, потребление — конечным пунктом, распределение и обмен — серединой, которая в свою очередь заключает в себе два момента, поскольку распределение отправляется от общества, а обмен — от индивида. В производстве личность объективируется [в потреблении¹], вещь приобретает субъективные свойства; в распределении общество принимает на себя, в виде господствующих всеобщих законов, посредничество между производством и потреблением, в обмене посредником между ними же выступает случайная определенность индивида.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивиду; обмен определяет те продукты, в которых индивид требует свою часть, выпавшую ему при распределении.

Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящий силлогизм: производство составляет в нем общее, распределение и обмен — особенное, а потребление — единичное, замыкающее собою целое. Это, конечно, своего рода связь, но поверхностная. Производство [согласно учению экономистов] определяется общими законами природы, распределение — общественная случайность, оно может поэтому более или менее благоприятно воздействовать на производство; обмен лежит между ними обоими как формально (?) общественный процесс, а заключительный акт — потребление, которое рассматривается не только как конечный пункт, но

¹ [В оригинале «личность».]

также и как конечная цель, лежит, собственно, вне экономики, кроме лишь того, что оно обратно влияет на исходный пункт и дает начало повторению всего процесса.

Противники экономистов, — будь то противники из среды этой самой науки или извне ее, — упрекающие экономистов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной почве, либо *ниже* их. Нет ничего более обычного как упрек экономистам, будто они слишком выдвигают производство, рассматривая его как самоцель. Распределение, мол, имеет точно так же большое значение. В основе этого упрека как раз лежит представление экономистов, будто распределение существует как самостоятельная, независимая сфера на ряду с производством. Или [им делают упрек], что все моменты не охватываются в их единстве. Как будто бы этот разрыв проник не из действительности в учебники, а, наоборот, из учебников — в действительность, как будто бы здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

а) *Производство есть непосредственно также и потребление.*

Двойное потребление — субъективное и объективное. Индивид, который развивает свои способности в процессе производства, также расходует их, потребляет в акте производства, подобно тому как естественный акт воспроизведения потомства представляет собой расходование жизненной силы. Во-вторых, производство есть потребление средств производства, которые поступают в пользование, снашиваются, а отчасти (как, например, при сжигании) распадаются на основные элементы. Точно так же обстоит дело с потреблением сырого материала, который не сохраняет своего естественного вида и свойств, а, наоборот, утрачивает их. Поэтому самый акт производства, во всех своих моментах, есть также акт потребления. Однако со всем этим экономисты согласны. Производство, непосредственно отождествляющееся с потреблением, потребление, непосредственно совпадающее с производством, они называют *производительным потреблением*. Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: «*determinatio est negatio*». Однако это определение производительного потребления устанавливается только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, мыслится как уничтожающая противоположность производства. Рассмотрим поэтому собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собою одну из форм потребления, человек воспроизводит свое собственное тело,— это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, воспроизводит человека. [Это] — потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, происходящий из уничтожения продукта первого. В первом производитель овеществляет себя, во втором — персонифицируется вещь. Таким образом, это потребительное производство, хотя оно является непосредственным единством производства и потребления, существенно отличается от собственно производства. Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, не уничтожает их непосредственную раздвоенность.

Производство, таким образом, является непосредственно потреблением, потребление — непосредственно производством. Каждое непосредственно заключает в себе свою противоположность. Однако в то же время между обоими совершается связывающее их (*vermittelnde*) движение. Производство делает возможным потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы объект. Однако и потребление делает возможным производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение ¹ только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которой не пользуются, которая не потребляется, есть железная дорога только *dunamente*, а не в действительности. Без производства не может существовать потребление, однако и без потребления не может существовать производство, так как производство в таком случае было бы бесцельно. Потребление создает производство в двойном отношении:

Во-первых, тем, что в потреблении продукт становится действительно продуктом, например платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не

¹ [Маркс в оригинале всюду употребляет английский термин *finish*— финиш, довершение, последняя отделка, завершение.]

живут, фактически не является домом; таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, *становится* продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, этим самым дает ему завершение, ибо [результат] производства является продуктом не только как овеществленная деятельность, но лишь при том условии, что он является предметом для действующего субъекта.

Во-вторых, потребление порождает производство, создавая потребность в *новом* производстве, т. е. вызывая идеальный, внутренний, побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, оно создает также и предмет, который в качестве цели определяющим образом влияет на производство. И если ясно, что производство дает потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление создает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как импульс и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно:

1) Доставляет потреблению ¹ материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Однако производство создает для потребления не только предмет,— оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность. Так же как потребление завершает продукт как продукт, так производство дает законченность потреблению. Во-первых, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предудказанным производством. Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается поэтому производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя.

3) Производство не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность. Когда потребление

¹ [В оригинале: «производству».]

выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени являлось бы результатом закосневшего в первобытной дикости производства, — то оно само, как импульс, исходит от предмета. Потребность, которую оно в нем ощущает, создается его восприятием. Предмет искусства, — а также всякий другой продукт, — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Производство поэтому создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно порождает поэтому предмет потребления, способ потребления и импульс потребления. Точно так же потребление [порождает] способности производителя, возбуждая в нем ряд направленных на определенные цели потребностей. Идентичность потребления и производства проявляется, следовательно, в тройном отношении:

1. Непосредственная идентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Экономисты называют то и другое производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует как воспроизводство, второе — как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованием о производительном или непроизводительном труде; исследование второго — исследованием о производительном или непроизводительном потреблении.

2. То, что каждое из них является средством для другого и совершается с его помощью, в чем и выражается их взаимная зависимость. Это — движение, в котором они вступают в отношения друг к другу, являясь как необходимое условие одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу.

Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства, — это положение фигурирует (?) в экономии в различных формах.

3. Производство не только является непосредственно потреб-

лением, а потребление — непосредственно производством; производство выступает не только как средство для потребления, а потребление как цель для производства, т. е. каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них не только заключает в себе непосредственно другое и не только является средством для другого, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое (?). Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность в качестве продукта, уничтожая его, потребляя его самостоятельную, вещественную форму; усиливая способность производить, развивая в первом акте производства, посредством потребности повторения до степени искусства, оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и [тот], благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, порождая определенный способ потребления, и, далее, создает самую способность потребления как потребность, как побудительный мотив. Эта последняя, указанная под цифрой 3 идентичность многократно разъясняется в политической экономии в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление. Их отождествляют не только социалистические беллетристы, но и сами экономисты, как, например, Сэй, в той форме, что если мы станем рассматривать народ или также человечество *in abstracto*, то его производство будет его потреблением. Шторх доказал ошибку Сэя, напомнив, что народ не потребляет, напр., свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. Кроме того, рассматривать общество как единый субъект значит рассматривать его с ложной точки зрения — умозрительно. У единичного субъекта производство и потребление являются моментами одного акта. Здесь нужно отметить только самое важное, рассматривать ли производство и потребление как деятельность единого субъекта или отдельных индивидов, во всяком случае они выступают как моменты процесса, в котором производство является действительным исходным пунктом, а поэтому и господствующим моментом. Потребление, в качестве нужды или по-

требности, само является внутренним моментом производительной деятельности; однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент,— акт, в котором весь процесс снова повторяется сначала. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но к себе как производящему и воспроизводящему себя самого индивиду. Потребление, таким образом, является моментом производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом. Точно так же, если он производит в обществе, то непосредственное присвоение продукта не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет долю производителя в мире продуктов: оно становится, следовательно, между производством и потреблением.

Стоит ли распределение как самостоятельная область рядом с производством и вне его?

б) Производство и распределение.

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, то прежде всего бросается в глаза, что в них все встречается в двойном виде: например, в распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в производстве — земля, труд, капитал фигурируют как агенты производства. Относительно капитала с самого начала ясно, что его понятие устанавливается в двойном смысле: 1) как агента производства, 2) как источника дохода; процент и прибыль [появляются] как определяемые и в то же время определяющие формы распределения, поэтому [они] фигурируют как таковые еще в производстве, представляя собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно как моменты производства самого капитала. Процент и прибыль, как формы распределения, предполагают капитал как агент производства. Они — способы распределения, предпосылкой которых является капитал как агент производства. Они являются также способами воспроизводства капитала.

Заработная плата точно так же представляет собою наемный труд, рассматриваемый в иной рубрике: те определения, под

которыми труд выступает здесь как агент производства, являются [там] моментами, определяющими распределение. Если бы труд не был определен, как наемный труд, то и тот способ, каким он участвует в распределении,¹ не принял бы вида заработной платы, как, например, при рабстве. Наконец, земельная рента, — если взять сразу наиболее развитую форму распределения, в которой земельная собственность участвует в продуктах производства, — предполагает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) в качестве агента производства, но не землю как таковую, так же как заработная плата не имеет предпосылкой труд как таковой. Отношения и способы распределения являются поэтому лишь оборотной стороной агентов производства. Индивид, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, в форме заработной платы принимает участие в результатах производства, в продуктах. Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства, — не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, — но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, — форму, в которой каждый принимает участие в распределении. Поэтому является полнейшей иллюзией, когда в производстве говорят о земле, в распределении — о земельной ренте и т. д.

Поэтому экономисты, как Рикардо, которым был прежде всего брошен упрек, что они имели в виду лишь производство, смотрели в действительности на распределение как на единственный предмет политической экономии; они для наглядности избрали формы распределения как точнейшее выражение, в котором фиксируются агенты производства в данном обществе.

По отношению к отдельному индивиду распределение выступает как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, внутри которой он производит, а, следовательно, предшествующий производству. Индивид не имеет с самого начала ни капитала, ни земельной собственности. От самого рождения общественным распределением ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал, земельная собственность существуют как самостоятельные агенты производства.

¹ [В оригинале — «производстве».]

Рассматривая общества в целом, мы видим, что распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его в качестве, так сказать, пред-экономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство. Или побежденный обращается в рабство, и таким образом рабский труд делается основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на участки и дает, следовательно, этим новым распределением новый характер производству. Или законодательство увековечивает земельную собственность за крупными семьями, или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует ее в кастовом строе.

Во всех этих случаях, — а все они являются историческими, — распределение, повидимому, расчленяется и определяется не в зависимости от производства, но, наоборот, производство расчленяется и определяется в зависимости от распределения.

Распределение в самом поверхностном понимании представляется как распределение продуктов и, таким образом, далеко отстоящим от производства и по отношению к нему якобы самостоятельным. Однако, прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собою дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть, очевидно, результат этого распределения, которое включено в самый процесс производства и которое обуславливает организацию этого последнего. Производство, рассматриваемое независимо от этого, заключающегося в нем распределения, есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как, наоборот, распределение продуктов дано само собою вместе с этим распределением, первоначально составляющим момент производства. Рикардо, задачей которого было понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства *par excellence*, именно поэтому объявляет не производство, а распределение собственной темой современной экономии. За этим снова следуют нелепости экономистов, которые изображают производство с точки зрения вечных истин, отсылая историю в область распределения.

В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, который относится к самому производству. Если скажут, что, по крайней мере, в данном случае, когда производство зависит от известного распределения орудий производства, распределение в этом последнем смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство, действительно, имеет свои предпосылки и условия, которые образуют собою его моменты. Последние могут сначала показаться вытекающими из природы вещей. В самом процессе производства они обращаются из естественных в исторические, и если для одного периода они являются естественными предпосылками производства, то для другого они представляли исторический результат. Внутри самого производства они постоянно меняются. Например, применение машин изменяет распределение как орудий производства, так и продуктов, а современная крупная земельная собственность сама является столько же результатом современной торговли и современной индустрии, сколько результатом применения последней к сельскому хозяйству.

Намеченные выше вопросы сводятся в последнем счете к тому, каким образом общие исторические условия влияют на производство, и к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и развитию самого производства.

Однако в той тривиальной форме, в которой они выше намечены, на них можно дать столь же короткий ответ. При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех этих случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из смешения обоих, определяет собою то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее является предпосылкой для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства и не только исторического вообще, но и определенного исторического способа производства. Например, монголы, опустошавшие Россию, действовали сообразно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые простран-

ства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства, так же как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние системы земледелия. Есть традиционный взгляд, будто в известные периоды существование поддерживалось исключительно грабежом. Однако, чтобы иметь возможность грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, т. е. производство.¹ И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, нация с развитой биржевой спекуляцией² не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ.

В лице раба похищаются непосредственно орудия производства. Однако производство той страны, для которой он захвачен, должно быть устроено таким образом, чтобы оно допускало применение рабского труда, или (как в Южной Америке) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства.

Законы могут какое-либо средство производства, например землю, увековечить в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным способом производства, как, например, в Англии. Во Франции преобладало мелкое сельское хозяйство, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита на куски революцией. Но как быть с увековечением парцелированной собственности, например путем законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов в смысле закрепления условий распределения и их воздействия этим путем на производство следует рассмотреть особо.

с) Обмен и обращение.

Обращение само есть лишь определенный момент обмена, или обмен, рассматриваемый в целом; поскольку *обмен* есть

¹ [Ср. с этим примечание 33 на стр. 51 «Капитала» (3-е немецкое издание): «Поистине забавен господин Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили только грабежом. Но если существование поддерживается грабежом в продолжение многих столетий, то должно постоянно иметься нечто для грабежа, или объект грабежа должен постоянно воспроизводиться».]

² [В оригинале «stockjobbing nation».]

посредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны; поскольку же потребление само является моментом производства, постольку, очевидно, и обмен заключен в последнем как один из его моментов.

Прежде всего ясно, что обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, непосредственно к нему относится и составляет его сущность. Во-вторых, то же самое имеет силу по отношению к обмену продуктов: поскольку он является средством для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления, постольку сам обмен является актом, входящим в производство. В-третьих, взаимный обмен между производителями товаров,¹ по своей организации, всецело определяется производством, равно как представляет собою деятельность, входящую в производство. Обмен представляется независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт непосредственно обменивается для потребления. Однако 1) не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и структурой производства, например обмен между городом и деревней, обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление — одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства. Производство превалирует как над самим собой в противоположности всех определений производства, так и над

¹ [В оригинале: *der sogenannte Exchange zwischen dealers and dealers*. Каутский замечает, что Маркс, очевидно, имел в виду одно место у Адама Смита, в котором говорится: «Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение между торговцами (*dealers*) и обращение между торговцами и потребителями» («*Wealth of Nations*», II книга, гл. 2). Каутский предлагает слово *dealers* перевести *Gewerbsleute*, т. е. промышленники. Но Каутский упустил из виду, что Маркс очень подробно разбирает соответствующее место во втором томе («*Das Kapital*», II, стр. 451 — 453 или в переводе Степанова, стр. 447 — 449). Слово *dealer* Маркс переводит *Handler*, торговец. В данном случае, по нашему мнению, лучше переводить *dealer* не «торговец», а «производитель товаров».]

всеми другими моментами. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, — это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению как к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная [форма] производства обуславливает, таким образом, определенные [формы] потребления, распределения, обмена и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство *в его односторонней форме* с своей стороны определяется другими моментами, например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация.

С изменением распределения изменяется производство, например с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.

3. Метод политической экономии

Когда мы рассматриваем данную страну в экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и приморскою полосой, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годовичного производства и потребления, цен на товары и т. д. Казалось бы наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии с населения, которое образует собой основу и субъект всего общественного процесса производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население, это — абстракция, если я, например, упускаю из виду классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю элементов, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости денег, цены и т. д. Если я, таким образом, начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более частных определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в

представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь, это — тот, по которому политическая экономия исторически следовала при своем возникновении. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, появились экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно включает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно поэтому выступает как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Если идти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому поддается иллюзии, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (*des sich in sich zusammenfassenden*), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого.

Напротив, меновая стоимость, рассматриваемая как катего-

рия, имеет до-дилювиальное существование. Поэтому для сознания, — а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление, это — действительный человек, а логически осознанный мир — действительный мир, — движение категорий кажется действительно созидающим актом, который, к сожалению (?), получает толчок извне; это — акт, результатом которого является мир, и это постольку правильно, — здесь мы снова впадаем в тавтологию, — поскольку конкретная совокупность, в качестве мысленной совокупности, мысленной конкретности, есть действительно продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятие. Целое, каким оно является в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственным доступным ей способом, способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, теоретически. Поэтому и при теоретическом методе [политической экономии] субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Однако не имеют ли эти простейшие категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных категорий? Ça dépend. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые являются гораздо более конкретными отношениями. Поэтому было бы правильнее сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Простейшая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных и родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она является более простым отношением развившегося организма, но конкретный субстрат, отношением которого является владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не будет правоотношением. Невверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между

тем, здесь остается доля истины, а именно, что простейшие категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служит конкретная категория, в то время как развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение.

Деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собой господствующие отношения неразвившегося целого [отношения], которые уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое находит свое выражение в более конкретной категории. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствовали бы действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются в высшей степени развитые и все-таки исторически незрелые общественные формы, где встречаются высшие хозяйственные формы, например сотрудничество, развитое разделение труда и т. д., но совершенно неизвестны деньги, напр. Перу.

Точно так же у славянских общин деньги и обуславливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но встречаются на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно приписывать обмен между членами одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Наоборот, вначале он выступает в отношениях различных общин друг к другу в гораздо большей степени, чем в отношениях членов внутри одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть роль очень рано и в различных отношениях, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций, у торговых наций, и даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое является предпосылкой современного буржуазного общества, наблюдается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория выявляется исторически в своей полной силе только при наиболее развитых общественных отношениях. Она никоим образом не пропитывает все экономические отношения; напр., в Римской империи, в период наибольшего

ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом.

Итак, хотя простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может встречаться только в более сложных общественных формах, в то время как более конкретная категория является совершенно развитой и в менее развитых общественных формациях.

Труд кажется в высшей степени простой категорией. Древним является также представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще. Однако «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию. Монашеская система, например, определяет богатство еще совершенно объективно, как вещь [?] ¹ в деньгах. По отношению к этой точке зрения было большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд. Однако сама эта деятельность все еще понимается в ограниченной форме, а именно как производящая деньги. По отношению к этой системе физнократическая система [представляет дальнейший прогресс]; она полагает в качестве создающей богатство определенную форму труда — сельское хозяйство, а самый объект она видит уже не в денежной оболочке, но как продукт вообще, как общий результат труда. Этот продукт, однако, сообразно ограниченной конкретной деятельности, является всегда продуктом с определенными природными свойствами. Сельское хозяйство производит, земля производит *rag excellence*. Огромным прогрессом со стороны Адама Смита было отвергнуть всякую определенность деятельности, порождающей богатство, поставив на это место труд как таковой, не мануфактурный, не коммерческий, не труд сельскохозяйственный или, вернее, и тот, и другой. Вместе с абстрактным всеобщим понятием деятельности, создающей богатство, мы имеем также всеобщее понятие о продукте вообще, определяемом как богатство, или опять-таки о труде вообще, но уже как прошедшем,

¹ [Здесь совершенно нельзя разобрать два слова. Они выглядят как: *ausser sich*, «вне себя».]

овеществленном труде. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам по временам возвращается к физиократической системе. Может показаться, что таким путем лишь найдено абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает как производитель. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один не является более господствующим. Так, наиболее всеобъемлющие абстракции вообще возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство общее многим или всем элементам. Тогда оно уже не может представляться мышлению только в своей особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще является лишь духовным результатом конкретной совокупности трудовых процессов. Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в наиболее современной из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных Штатах.¹ Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда *sans phrase*, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех общественных форм,

¹ [Ср. «Капитал», том первый (глава 13, прим. 308): «Один французский рабочий пишет по возвращении из Сан-Франциско: «Я никогда не думал, что буду способен работать во всех ремеслах, которыми занимался в Калифорнии. Я был твердо убежден, что ни на что не годен, кроме работы в типографиях... Раз попав в этот мир искателей приключений, которые меняют свои занятия чаще, чем свои рубашки, я поступал так же, как другие. Когда работа в рудниках оказалась недостаточно прибыльной, я ее бросил и переселился в город, где был поочередно типографщиком, кровельщиком, свинцовых дел мастером и т. д. Вследствие этого опыта, показавшего мне, что я годен на всякую работу, я чувствую теперь себя меньше моллюском и больше человеком.»]

является, однако, в этой абстракции практически истинной только как категория наиболее современного общества. Но могут сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, — это безразличие к какому-либо определенному виду труда, — у русских, например, есть врожденное качество. Но, во-первых, огромная разница: варвары ли могут быть ко всему приспособлены, или цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. И затем у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная привычка к определенной работе, от которой их отрывают только внешние влияния.

Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражающие его отношения, понимание его организации, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влечь за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Оброк, десятина и т. д. могут быть поняты нами, если мы знаем земельную ренту, однако нельзя их идентифицировать с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правда, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для других общественных форм, то это надо понимать лишь *cum grano salis*. Они могут содержаться

в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно-измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при строго определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада. Христианская религия достигла объективного понимания прежней мифологии лишь тогда, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать, *dunamēi*. Так и буржуазная экономия лишь тогда достигла понимания феодального, античного и восточного обществ, когда началась самкритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная экономия не идентифицировала себя, впадая в мифологию, начисто (?) с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального [общества], с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, которую христианство совершало по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму.

Как и во всякой исторической, социальной науке, по отношению к экономическим категориям нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект, — в нашем случае современное буржуазное общество, — и что поэтому категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому [политическая экономия] как *наука* никоим образом не начинается только там, где о ней *как таковой* идет речь. Это соображение надо иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания насчет расчленения предмета.

Например, ничто не кажется более естественным, как пачать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, эту первоначальную форму производства во всех, до некоторой степени прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенную отрасль производства, которая преобладает над другими и условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных.

Это — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это —

особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося.

Возьмем, например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, лежат за пределами того пункта, где начинается действительное развитие). У них спорадически встречается известная форма земледелия, и этим определяется земельная собственность. Она является коллективной и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций, например земельная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием, — эта оседлость уже являлась большим прогрессом, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени такой же характер, как и землевладение; [общество] или совершенно зависит от земледелия, ¹ как у древних римлян, или подражает складывающимся в нем отношениям, как в средние века в организации городов. Даже капитал, — поскольку он не является еще чисто денежным капиталом, — имеет в средние века, в виде традиционных орудий ремесла (?) и т. д., этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе, наоборот, земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и подпадает совершенно под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах, где преобладающая роль принадлежит земельной собственности, господствуют естественные отношения. В тех, где преобладает капитал, получают перевес общественные, исторически созданные элементы. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал, это — господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт, и его понятие надлежит развить раньше, чем понятие земельной собственности. Рассмотрев каждое в отдельности, мы должны перейти к их взаимоотношениям.

Таким образом, совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг

¹ [В оригинале «от нее» («ihr».)]

к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным или соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том месте, которое занимают экономические отношения исторически в чередовании различных общественных форм. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее» (*Прудон*), которая есть лишь замаскированное (?) представление исторического процесса. Речь идет об их группировке в рамках современного буржуазного общества.

Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — дана как раз самым преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческому обществу средневековья.

Дальнейшим примером того, как одни и те же категории могут занимать различное место на различных ступенях общественного развития, может служить следующее: одна из последних форм буржуазного общества, акционерные компании, появляется также и в начале последнего, в виде больших привилегированных торговых компаний, наделенных монополиями.

Само понятие народного богатства проскальзывает у экономистов семнадцатого века лишь в том виде, — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства, но что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и производство последнего возвещались как цель современных государств и последние рассматривались лишь как средство для производства богатств.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: сначала [следует развить] общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). В-третьих, развитие буржуазного общества в форме государства. Рассматри-

ваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы.

4. Производство, средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и средства сообщения. Формы государства и собственности в отношении к производственным отношениям и средствам сообщения. Правовые отношения, семья

Нотабене, в отношении тех пунктов, о которых следует здесь упомянуть и которые не должны быть пропущены:

1. *Война* раньше достигла законченных форм, чем мир, [надлежит указать] способ, каким на войне и в армиях и т. д. раньше развились известные экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., чем внутри буржуазного общества. Точно так же и отношение между производительными силами и средствами сообщения особенно наглядно в армии.

2. Отношение прежнего идеалистического метода в истории к реальному. Именно так называемая история культуры, прежняя история религий и государств.

При этом можно будет сказать кое-что о различных видах господствовавшего до сих пор изложения истории. Так называемый объективный метод. Субъективный (моральный и прочие). Философский.

3. *Второстепенное и третьестепенное.* Вообще производные, заимствованные, не первоначальные производственные отношения. Здесь [надлежит рассмотреть] влияние международных отношений.

4. Упреки по поводу материализма такого рода понимания: отношение к натуралистическому материализму.

5. Диалектика понятий, производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия.

6. Неодинаковое отношение развития материального производства, например, к художественному. Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции. В вопросах искусства

и т. д. эта диспропорциональность еще не так важна и не так трудна для понимания, как в сфере практических социальных отношений, например, сравнительное состояние образования в Соединенных Штатах и в Европе. Но пункт, собственно, представляющий затруднение, который надлежит здесь обсудить, заключается в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, испытывают неравномерное (?) развитие. Следовательно, например, отношение римского частного права (к уголовному и государственному праву это относится меньше) к современному производству.

7. Этот взгляд является необходимым результатом развития. Однако признание прав за случаем. *Varia*¹ (свобода и прочее). (Влияние средств сообщения.) Всемирная история собственно (*eigentlich*)² не всегда выступает в истории как всемирно-исторический результат.

8. Исходным пунктом следует, конечно, брать природные условия; субъективные и объективные, племена, расы и т. д.

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир. Относительно некоторых видов искусства, например эпоса, даже признано, что он в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, уже не может быть создан, как только началось художественное творчество в собственном смысле; что, таким образом, в области искусства известные формы, имеющие громадное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства в отношениях между различными его видами, то еще менее это обстоятельство должно поражать, если мы возьмем сферу искусства в целом по отношению к общему социальному развитию. Затруднение начинается только при поисках общего выражения для этих противоречий. Стоит лишь выделить каждое из них, и они уже объяснены. Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его

¹ [В оригинале «*Var.*».]

² [В оригинале: «*eigentlich.*».]

почву. Разве был бы возможен тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого [искусства], при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Разве нашлось бы место Вулкану рядом с Roberts et Co, Юпитеру рядом с громоотводом и Гермесу рядом с Crédit Mobilier? Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над этими силами природы. Что стало бы с богиней Фамою при наличии Printinghousesquare? ¹ Предпосылкою греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже получившие бессознательную художественную обработку в народной фантазии. Это его материал. Но не любая мифология и не любая бессознательная художественная обработка природы. (Здесь под последнюю понимается все предметное, следовательно [также] общество.) Египетская мифология никогда не могла бы стать почвой и местом зарождения греческого искусства. Однако, во всяком случае, это [должна быть] мифология. Следовательно, такое общественное развитие, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое требует от художника независимой от мифологии фантазии, не [могло бы] ни в коем случае [образовать почву для греческого искусства].

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще Илиада наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными общественными формами развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца.

Мужчина не может сделаться снова ребенком, не становясь смешным. Но разве не радуется его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность; и разве в детской натуре

¹ [Типография «Times» в Лондоне.]

в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Греки были нормальными детьми. Обаяние, которым обладает для нас искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной средой из которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, среди которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова.

[Здесь рукопись обрывается.]

КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

О КАПИТАЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная зависимость трех других рубрик не требует пояснений. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, содержит следующие главы: 1) товар; 2) деньги, или простое обращение; 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал собран у меня в форме монографий, которые были написаны с перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Дальнейшая систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я набросал, я опускаю, так как по более долгому размышлению я нашел, что предвосхищение выводов, которые должны еще быть доказаны, может только помешать. Читатель, который вообще захочет следить за моим изложением, должен решиться переходить от единичного к общему. Однако некоторые указания относительно хода моих политико-экономических исследований кажутся мне здесь вполне уместными.

Моей специальностью была юриспруденция, которую я, однако, изучал лишь как подчиненную науку наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг., состоя редактором «Рейнской газеты», я впервые попал в такое положение, когда я вынужден был высказаться о так называемых материальных интересах. Дебаты рейнского ландтага о краже дров и дробности земельной собственности, официальная полемика, в которую г. фон-Шаппер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «Рейнской газетой», о положении мозельских крестьян,

наконец дебаты о свободной торговле и протекционизме послужили первыми толчками для моих занятий экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «итти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Рейнской газете» слышались сопровождаемые слабым философским аккомпанементом отголоски французского социализма и коммунизма. Я протестовал против этого дилетантства, но в то же самое время в полемике с «Всеобщей Аугсбургской газетой» откровенно признался, что мои тогдашние знания не давали мне возможности высказать какое-нибудь определенное суждение о характере французских направлений. Тем с большою охотою я воспользовался иллюзией руководителей «Рейнской газеты», которые воображали, что более умеренным ведением газеты им удастся отвратить тяготевающий над ней смертный приговор, чтобы удалиться с политической арены в свой ученый кабинет.

Первою работою, предпринято мною для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права, — работа, введение к которой появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «Немецко-французских летописях». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты из самих себя или из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, называл «гражданским обществом», но что анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии. Свое изучение последней, которое я начал в Париже, я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа господина Гизо о моей высылке из Парижа. Общие выводы, к которым я пришел и которые после этого служили руководящею нитью моих дальнейших исследований, можно кратко формулировать следующим образом:

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуслов-

ливают собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, — что является только юридическим выражением этого, — с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы медленнее или быстрее преобразуется и вся огромная надстройка. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда проводить различие между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно констатировать с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, — одним словом, идеологическими формами, в которых люди осознают этот конфликт и в которых ведут свою борьбу. Как об отдельном человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию, а, наоборот, следует объяснять это сознание из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем не разовьются все производительные силы, для которых она представляет достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах самого старого общества не созреют материальные условия их существования. Поэтому человечество всегда ставит себе только такие задачи, которые оно в состоянии решить, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся уже в процессе образования. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества. Буржуазные производственные отношения представляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а антагонизма, вытекающего из общественных условий жизни

индивидов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают в то же время материальные условия для решения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому пред-история (Vorgeschichte) человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениального очерка, содержащего критику экономических категорий (в «Немецко-французских летописях»), постоянно письменно обменивался мнениями, другим путем пришел к такому же результату, как и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»), и, когда он весной 1845 г. точно так же поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать противоположность наших взглядов с идеологическими взглядами немецкой философии, т. е. фактически свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись, состоявшая из двух толстых томов in octavo, давно уже была отправлена для издания в Вестфалию, когда мы получили известие, что изменившиеся условия делают печатание ее невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что мы достигли главной своей цели, — уяснения вопроса самим себе. Из отдельных разбросанных трудов, в которых мы в то время знакомили публику с теми или другими сторонами наших взглядов, я упомяну только о написанном Энгельсом совместно со мною «Манифесте коммунистической партии» и опубликованной мною «Речи о свободе торговли» («Discours sur le libre échange»). Основные пункты наших взглядов были впервые научно изложены, хотя и в полемической форме, в моей брошюре, направленной против Прудона, «La Misère de la Philosophie» («Нищета философии»), вышедшей в 1847 г. Печатание моей, написанной по-немецки работы о «Наемном труде», в которой я собрал свои лекции об этом вопросе, читанные в Брюссельском немецком рабочем союзе, было прервано февральской революцией и последовавшим в связи с ней насильственным удалением моим из Бельгии.

Издание «Новой Рейнской газеты» в 1848 и 1849 гг. и последующие события прервали мои экономические занятия, и только в 1850 г. в Лондоне мне опять удалось возобновить их. Богатейший материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, удобный наблюдательный пункт, который представляет Лондон для изучения буржуазного общества, наконец новая стадия развития, в которую последнее, по-

видимому, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, — побудили меня опять приступить к делу с самого начала и критически переработать новый материал. Эти занятия отчасти сами собой приводили к побочным вопросам, на первый взгляд не относящимся к предмету, но на которых я должен был более или менее долго останавливаться. Имевшееся в моем распоряжении время особенно сокращалось еще благодаря необходимости работать для добывания средств к существованию. Мое, теперь уже восьмилетнее, сотрудничество в первой англо-американской газете «New-York Tribune» вызвало чрезвычайное дробление моих занятий, так как газетные корреспонденции, в собственном смысле слова, я писал лишь в виде исключения. Статьи о выдающихся экономических явлениях в Англии и на континенте составляли такую значительную часть моей работы для названного издания, что я принужден был ближе познакомиться с практическими вопросами, находящимися вне сферы научной политической экономии в собственном смысле слова.

Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен только служить доказательством того, что мои взгляды, как бы ни относиться к ним и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, являются результатом добросовестных и многолетних исследований. У преддверия науки, как и у входа в ад, должно быть поставлено требование:

Qui si convien lasciare ogni sospetto,
Ogni viltà convien che qui sia morta.

(Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни!)

Карл Маркс

Лондон, январь 1859 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
КАПИТАЛ ВООБЩЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

На первый взгляд буржуазное богатство представляется как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарная форма. Но каждый товар может быть представлен с двух точек зрения: как *потребительная стоимость* и как *меновая стоимость*.¹

Прежде всего товар, по выражению английских экономистов, есть «какая-нибудь вещь, необходимая, полезная или приятная для жизни», предмет человеческих потребностей, средство существования в самом широком смысле этого слова. Это бытие товара как потребительной стоимости и его естественное, видимое для всех существование совпадают. Пшеница, например, есть особая потребительная стоимость в отличие от потребительных стоимостей хлопка, стекла и т. д. Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и осуществляется только в процессе потребления. Одна и та же потребительная стоимость может быть использована различным образом. Но сумма всех возможных ее полезных применений заключена в

¹ *Aristot. d. Rep. L. 1, C. 9.* (edit. I Bekkeri, Oxon'i 1837): «Пользование каждым объектом владения бывает двойное... в одном случае объектом пользуются для присущей ему цели назначения, в другом случае — для не присущей ему цели назначения; напр., обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ногу, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь, и тот, кто обменивается обувью с имеющим в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не в присущем ей назначении, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения». («*Политика*» *Аристотеля*; пер. С. А. Жебелева, Спб. 1911, стр. 23.)

бытии ее как вещи с определенными свойствами. Далее, потребительная стоимость определяется не только качественно, но и количественно. Соответственно своему естественному своеобразию, различные потребительные стоимости имеют различные меры, например шеффель пшеницы, стопа бумаги, локоть холста и т. д.

Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, первоначально безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя узнать, кто ее произвел: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительные стоимости, хотя и составляют предмет общественных потребностей и потому находятся между собою в общественной связи, не выражают, однако, никакого общественного производственного отношения. Например, данный товар как потребительная стоимость есть алмаз. Но по алмазу нельзя узнать, что он есть товар. Там, где он служит в качестве потребительной стоимости, для эстетических или технических целей, на груди лоретки или в руке шлифовальщика, он является алмазом, но не товаром. Быть потребительною стоимостью есть, повидимому, необходимое условие для товара, но быть товаром, это — определение, безразличное для потребительной стоимости. Потребительная стоимость в этом своем безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне области исследования политической экономии.¹ К области последней потребительная стоимость принадлежит только тогда, когда она сама есть определение формы.² Непосредственно потребительная стоимость является той материальной основой, в которой выражается определенное экономическое отношение — *меновая стоимость*.

Меновая стоимость кажется прежде всего *количественным отношением*, в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они представляют одинаковую меновую величину. Так, том Проперция и 8 унций нюхательного табаку могут представлять равную меновую

¹ Именно по этой причине немецкие компиляторы занимаются с *con amore* потребительною стоимостью, обозначая ее именем «блага». См., например, *L. Stein, System der Staatswissenschaften*, Bd. I, раздел о «благах». — Сведения о благах следует искать в «руководствах по товароведению».

² [Здесь Маркс, как видно из стр. 113 этого издания, имеет в виду потребительную стоимость денег. Ср. на стр. 113: «Последняя (т. е. потребительная стоимость денег) сама представляет собою определенность формы» и т. д.]

стоимость, несмотря на различие потребительных стоимостей табака и элгии. В качестве меновой стоимости одна потребительная стоимость стоит ровно столько же, сколько другая, если только они взяты в надлежащей пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном числе коробок сапожной ваксы. И обратно, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили меновую стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах. Итак, товары, совершенно независимо от естественной формы их существования и от специфической природы потребностей, для которых они служат потребительными стоимостями, в определенных количествах равны друг другу, замещают друг друга в обмене, считаются эквивалентами и, таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство.

Потребительные стоимости суть непосредственно средства существования. Но, обратно, эти средства существования сами суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы, *овеществленный труд*. Как материализация общественного труда, все товары представляют собою кристаллизацию одного и того же единства. Определенный характер этого единства, т. е. труда, проявляющегося в меновой стоимости, мы должны теперь рассмотреть.

Предположим, что 1 унция золота, 1 тонна железа, 1 квартал пшеницы и 20 локтей шелка представляют равновеликие меновые стоимости. Как подобные эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей исчезло, они представляют равные количества одного и того же труда. Труд, равномерно в них овеществляющийся, должен сам быть однообразным, неразличимым, простым трудом, который так же равнодушен к тому, проявляется ли он в золоте, железе, пшенице, шелке, как равнодушен кислород к тому, находится ли он в ржавчине железа, в атмосфере, в соку винограда или в крови человека. Но копать золото, добывать железо, возделывать пшеницу и ткать шелк — это качественно различные виды труда. Действительно то, что вещественно проявляется как различие в потребительных стоимостях, выступает в процессе как различие в деятельности, создающей потребительные стоимости. Так как труд, определяющий ¹ меновую стоимость, является

¹ [У Маркса сказано: «tauschwertsetzende Arbeit», что буквально означает: «труд, полагающий меновую стоимость» (термин *setzen* — полагать, взаимодействует из философии Гегеля).]

равнодушным к особенному веществу потребительных стоимостей, то он является равнодушным и к особенной форме самого труда. Далее, различные потребительные стоимости являются продуктами деятельности различных индивидов и, следовательно, результатом индивидуально различных работ. Но, как меновые стоимости, они представляют одинаковый однородный труд, т. е. труд, в котором исчезла индивидуальность трудящихся. Следовательно, труд, определяющий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд*.

Если 1 унция золота, 1 тонна железа, 1 квартал пшеницы и 20 локтей шелка представляют собою равновеликие меновые стоимости, или эквиваленты, то 1 унция золота, $\frac{1}{2}$ тонны железа, 3 бушеля пшеницы и 5 локтей шелка представляют собою меновые стоимости, различной величины, и это количественное различие есть единственное различие, к которому они, как меновые стоимости, вообще способны. Как меновые стоимости различной величины, они представляют нечто большее или меньшее, большие или меньшие количества простого, однообразного, абстрактно-всеобщего труда, образующего субстанцию меновой стоимости. Спрашивается, как измерить эти количества? Или, вернее, каково количественное бытие самого этого труда, ибо количественные различия товаров, как меновых стоимостей, представляют собою только количественные различия труда, в них овеществленного. Подобно тому как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда, это — *рабочее время*. Различие в продолжительности самого труда есть единственное различие, к которому он способен, предполагая данным его качество. Как рабочее время, труд имеет свой масштаб в естественных мерах времени — часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время есть живое бытие труда, равнодушное к его форме, содержанию, индивидуальности; это его живое бытие, как количественное бытие, и одновременно оно же — имманентное мерило этого бытия. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, которая превращает их в меновые стоимости и, следовательно, в товары, и оно же измеряет определенную величину их стоимости. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, представляют собою эквиваленты, или все потребительные стоимости представляют собою эквиваленты в тех пропорциях, в которых они содержат одинаковое количество

затраченного, овеществленного рабочего времени. Как меновые стоимости, все товары суть только определенные количества *застывшего рабочего времени*.

Для понимания определения меновой стоимости рабочим временем необходимо точно установить следующие основные пункты: приведение труда к простому, так сказать лишенному качеств, труду; специфический характер и форму, в которой труд, определяющий меновую стоимость, т. е. производящий товары, является *общественным трудом*; наконец, различие между трудом, поскольку результатом его являются потребительные стоимости, и трудом, поскольку результатом его являются меновые стоимости.

Для того, чтобы измерять меновые стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем, различные виды самого труда должны быть приведены к неразличимому, однообразному, простому труду — словом, к труду, который качественно один и тот же и потому представляет только количественные различия.

Это приведение кажется абстракцией, но это такая абстракция, которая совершается ежедневно в общественном процессе производства. Превращение всех товаров в рабочее время представляет собой не бóльшую абстракцию и вместе с тем не менее реальную, чем превращение всех органических тел в воздух. Труд, который, таким образом, измеряется временем, выступает в действительности не как труд различных субъектов, а, наоборот, различные трудящиеся индивиды выступают как простые органы *труда*. Или, другими словами, труд, как он представлен в меновых стоимостях, мог бы быть выражен как *всеобщий человеческий труд*. Эта абстракция всеобщего человеческого труда *существует* в виде среднего труда, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества; это — определенная производительная затрата человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д. Это — *простой труд*,¹ которому может быть научен каждый средний индивид и который он должен выполнять в той или иной форме. Характер этого среднего труда различен в различных странах и в различные эпохи культуры, но в данном обществе он является определенным. Простой труд составляет наибóльшую часть всего труда буржуазного общества, как в этом можно убедиться из любой статистики. Произ-

¹ Английские экономисты называют его «unskilled labour» (необученный труд).

водит ли А в продолжение 6 часов железо и в продолжение 6 часов холст, и В точно так же в продолжение 6 часов железо и 6 часов холст, или же А производит в продолжение 12 часов железо, а В в продолжение 12 часов холст, — в обоих случаях, очевидно, имеется только различное применение *того же самого* рабочего времени. Но как обстоит дело с сложным трудом, который поднимается выше среднего уровня как труд высшей энергии, большего удельного веса? Труд такого рода сводится к умноженному простому труду; это — потенцированный (возведенный в степень) простой труд, так что, например, один день сложного труда равен трем дням простого. Законы, управляющие этим приведением сложного труда к простому, сюда еще не относятся. Но очевидно, что такое приведение имеет место, так как продукт самого сложного труда в качестве меновой стоимости в известной пропорции составляет эквивалент продукта простого среднего труда и, следовательно, приравнивается определенному количеству этого простого труда.

Далее, определение меновой стоимости рабочим временем предполагает, что в определенном товаре, например в одной тонне железа, олицетвлено *равновеликое* количество труда, независимо от того, принадлежит ли этот труд А или В; или что различные индивиды употребляют одинаковое рабочее время на производство одной и той же качественно и количественно определенной потребительной стоимости. Иначе говоря, предполагается, что содержащееся в товаре рабочее время есть рабочее время, *необходимое* для его производства, т. е. рабочее время, требующееся для производства нового экземпляра того же самого товара при данных всеобщих условиях производства.

Условия труда, определяющего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть *общественные определения* труда, или определения *общественного труда*, но не просто общественного вообще, а общественного в особенной форме. Эта общественность имеет специфический характер. Прежде всего, несравнимая простота труда есть *равенство* труда различных индивидов, взаимное отношение их труда, как равного, а именно путем фактического приведения всех видов труда к однородному труду. Труд каждого индивида обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он проявляется в меновой стоимости, и он проявляется в меновой стоимости лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидов, как к равному.

Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивида выступает непосредственно как *всеобщее рабочее время*, а этот *всеобщий характер* отдельного труда — как его *общественный характер*. Рабочее время, выраженное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица, не отличающегося от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; поэтому рабочее время, требующееся одному лицу для производства определенного товара, есть *необходимое* рабочее время, которое всякое другое лицо затратило бы на производство этого же товара. Это — рабочее время отдельного лица, *его* рабочее время, но лишь как общее всем рабочее время, для которого, следовательно, безразлично, *какому* именно отдельному лицу оно принадлежит. Как всеобщее рабочее время, оно выражается во всеобщем продукте, *во всеобщем эквиваленте*, в определенном количестве овеществленного рабочего времени; для этого продукта безразлична определенная форма потребительной стоимости, в которой он появляется непосредственно как продукт данного лица; он может быть превращен по усмотрению в любую другую форму потребительной стоимости и, следовательно, может быть представлен как продукт любого другого лица. Лишь как такая *всеобщая* величина, он представляет собою *общественную* величину. Для того чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, труд отдельного лица должен иметь своим результатом *всеобщий эквивалент*, т. е. рабочее время отдельного лица должно быть представлено как всеобщее рабочее время, или всеобщее рабочее время — как рабочее время отдельного лица. Дело происходит так, как если бы различные индивиды сложили свое рабочее время и представили различные количества рабочего времени, которым они сообща располагают, в различных потребительных стоимостях. Таким образом, рабочее время отдельного лица есть в действительности рабочее время, которое требуется обществу для изготовления определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности. Здесь, однако, речь идет только о той специфической форме, в которой труд получает общественный характер. Предположим, что определенное рабочее время прядильщика овеществляется в 100 фунтах льняной пряжи. Такое же количество рабочего времени представляют 100 локтей холста, продукт ткача. Поскольку оба эти продукта представляют равное количество всеобщего

рабочего времени и потому являются эквивалентами для *всякой* потребительной стоимости, содержащей такое же количество рабочего времени, они являются эквивалентами друг для друга. Только благодаря тому, что рабочее время прядильщика и рабочее время ткача представляется как всеобщее рабочее время и их продукты поэтому как всеобщие эквиваленты, — труд ткача осуществляется здесь для прядильщика и труд прядильщика для ткача, труд одного — для труда другого, т. е. труд их для них обоих приобретает общественное бытие. Иначе происходило дело в патриархальной деревенской промышленности, когда прядильщики и ткачи жили под одною кровлею, когда женщины пряли, а мужчины ткали для удовлетворения потребностей собственной семьи; пряжа и холст были *общественными* продуктами, прядење и тканье — *общественным* трудом в пределах семьи. Но их общественный характер состоял не в том, что пряжа как всеобщий эквивалент обменивалась на холст как всеобщий эквивалент, или что они обменивались друг на друга как равнозначные и равноценные выражения одного и того же всеобщего рабочего времени. Напротив, семейная связь со своим естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт труда его специфическую общественную печать. Или возьмем барщину и оброк средних веков. Определенный труд отдельных лиц в его натуральной форме, особенный, а не всеобщий характер труда образует здесь общественную связь. Или, наконец, возьмем общинный труд в его естественно развившейся форме, каким мы находим его на пороге истории у всех культурных народов.¹ Здесь общественный характер труда опосредствован, очевидно, не тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, а продукт его — форму всеобщего эквивалента. Общинная связь, являющаяся предпосылкою

¹ В последнее время распространился забавный предрассудок, будто форма *естественно развившейся* общинной собственности является специфически славянской или даже исключительно русской. Это — первобытная форма, существование которой мы можем доказать у римлян, германцев, кельтов; многочисленные образцы ее самого различного характера существуют еще поныне, хотя отчасти в виде обломков, у индусов. Более глубокое исследование азиатских, в особенности индийских, форм общинной собственности показало бы, каким образом из различных форм естественно развившейся общинной собственности возникают различные формы ее разложения. Так, напр., различные основные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности.

производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом, а его продукту — частным продуктом; напротив, отдельный труд выступает непосредственно как функция члена общественного организма. Труд же, который представляется в меновой стоимости, первоначально выступает как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится только благодаря тому, что принимает форму своей непосредственной противоположности, форму абстрактной всеобщности.

Наконец, труд, определяющий меновую стоимость, характеризуется тем, что общественное отношение людей представляется как бы в превратном виде, а именно как общественное отношение вещей. Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость, постольку труд различных лиц относится друг к другу как равный и всеобщий. Поэтому если вполне правильно положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами,¹ то все же к этому надо прибавить: отношение, скрытое под вещною оболочкою. Как один фунт железа и один фунт золота, несмотря на свои различные физические и химические качества, представляют *один и тот же* вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, в которых содержится равное рабочее время, представляют *одну и ту же меновую стоимость*. Таким образом, меновая стоимость является как общественная определенность, естественно присущая потребительным стоимостям, определенность, которая принадлежит им как вещам и благодаря которой они в процессе обмена замещают друг друга в определенных количественных пропорциях и составляют эквиваленты, подобно тому как простые химические тела соединяются в определенных количественных пропорциях, составляя химические эквиваленты. Только благодаря привычке повседневной жизни кажется тривиальным и само собою понятным, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, вследствие чего отношение лиц в процессе их труда представляется скорее как отношение, в котором находятся вещи друг к другу и к лицам. В товаре эта мистификация еще очень проста. Каждый более или менее понимает, что отношение товаров как меновых стоимостей есть, скорее, отношение лиц в их производительной деятельности друг для друга. В высших производственных отношениях эта видимость простоты исче-

¹ «Богатство есть отношение между двумя лицами». *Galiani, Della moneta*, p. 220, vol. III, в собрании Custodi «Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna», Milano, 1803.

зает. Все иллюзии монетарной системы вызываются отсутствием понимания того, что золото представляет общественное производственное отношение, но в форме естественной вещи с определенными свойствами.¹ У современных экономистов, высмеивающих иллюзии монетарной системы, та же иллюзия обнаруживается, как только они переходят к высшим экономическим категориям, например к капиталу. Эта иллюзия прорывается в наивномизумлении, когда то, что, как им казалось, они только что держали в руках как вещь, вдруг является в виде общественного отношения, а затем то, что они едва успели определить как общественное отношение, опять дразнит их в виде вещи.

Так как меновая стоимость товаров есть в действительности не что иное, как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, не что иное, как вещное выражение специфической общественной формы труда, то тавтологией является утверждение, что труд составляет *единственный* источник меновой стоимости и, следовательно, богатства, поскольку оно состоит из меновых стоимостей. Такою же тавтологией является утверждение, что материя как таковая не содержит меновой стоимости,² так как она не содержит никакого труда, а меновая стоимость как таковая не содержит никакой материи. Однако когда Вильям Петти называет «труд отцом богатства, а землю — его матерью», или когда епископ Беркли спрашивает: «Разве четыре элемента, включая труд человека, не составляют истинного источника богатства?»³ или когда

¹ [П. Румянцев перевел эту фразу следующим образом: «Все иллюзии монетарной системы происходят оттого, что золото рассматривается не как представитель общественного отношения производства, но в форме вещи с определенными естественными свойствами» (Маркс, Критика политической экономии, изд. «Шиповник», 1907 г., стр. 14). Приблизительно в том же смысле перевел аналогичную фразу, имеющуюся в I томе «Капитала», В. Базаров и И. Степанов («Капитал», I, изд. 1923 г., стр. 50) и П. Струве (изд. 1906 г., стр. 37). Ошибочность такого перевода доказывается как буквальный текст указанной фразы в немецком подлиннике «Критики» и «Капитала», так и сопоставлением ее с французским переводом I тома «Капитала», редактированным самим К. Марксом.]

² «Материя в естественном своем состоянии всегда лишена стоимости. (Mac Culloch, Discours sur l'origine de l'économie politique etc., traduit par Prévost, Genève, 1825, p. 57.) Отсюда видно, насколько даже какой-нибудь Мак-Куллох стоит выше фетишизма немецких «мыслителей», которые объявляют элементами стоимости «материю» и еще подложины других субстанций. Ср., напр., L. Stein, l. c., Bd. I, p. 110.

³ Berkeley, The Querist, London, 1750. «Whether the four elements, and man's labour therein, be not the true source of wealth?»

американец Т. Купер популярно объясняет: «Если мы отнимем от каравай хлеба затраченный на него труд пекаря, мельника, земледельца и т. д., что после этого останется? Несколько колосьев травы, дико растущих и непригодных для какого бы то ни было человеческого потребления¹ — то во всех этих утверждениях речь идет не об абстрактном труде как источнике меновой стоимости, а о конкретном труде как источнике материального богатства, — словом, о труде, поскольку он создает потребительные стоимости. Раз предполагается потребительная стоимость товара, то тем самым предполагается особенная полезность, определенная целесообразность затраченного на него труда; этим, однако, ограничивается, с точки зрения товара, весь интерес к труду как к полезному труду. В хлебе как потребительной стоимости нас интересуют свойства его как предмета питания, но никоим образом не труд земледельца, мельника, пекаря и т. д. Если бы благодаря какому-нибудь изобретению ¹⁹/₂₀ этого труда сделались излишними, каравай хлеба оказывал бы нам ту же самую услугу, что и раньше. Если бы он падал готовым с неба, он не потерял бы от этого ни одного атома своей потребительной стоимости. В то время как труд, определяющий меновую стоимость, осуществляется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов, труд как целесообразная производительная деятельность осуществляется в бесконечном многообразии их потребительных стоимостей. В то время как труд, определяющий меновую стоимость, является *абстрактно-всеобщим и равным* трудом, труд, определяющий потребительную стоимость, есть конкретный и особенный труд, который в зависимости от формы и материала разделяется на бесконечно различные виды труда.

Поскольку труд создает потребительные стоимости, было бы ошибочно утверждать, что он — *единственный* источник созданного им, а именно материального богатства. Так как он является деятельностью, направленною на освоение для той или иной цели элементов материального мира, то он нуждается в материи как своей предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и данною от природы материею очень различна, но потребительная стоимость всегда содержит какой-нибудь данный от природы субстрат. Как це-

¹ *Th. Cooper, Lectures on the elements of political economy, London, 1831 (Columbia, 1820), p. 99.*

лесообразная деятельность, направленная на освоение элементов в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, не зависящее от всяких социальных форм условие обмена веществ между человеком и природою. Напротив, труд, определяющий меновую стоимость, есть специфическая общественная форма труда. Труд портного, например, в своей материальной определенности, как особая производительная деятельность, производит сюртук, но не меновую стоимость сюртука. Меновую стоимость сюртука он производит не в качестве портного, а в качестве абстрактно-всеобщего труда, последний же принадлежит общественному строю, которого портной иглой своей не произвел. Так, в античном домашнем производстве женщины производили одежду, не производя ее меновой стоимости. Труд как источник материального богатства был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту.¹

Рассмотрим теперь поближе некоторые определения, вытекающие из приведения меновой стоимости к рабочему времени.

Как потребительная стоимость, товар действует причинно. Например, пшеница действует в качестве средства питания. Машина замещает труд в определенной пропорции. Это действие товара, которое одно только и делает его потребительною стоимостью, предметом потребления, может быть названо его услугою, — услугою, которую он оказывает в качестве потребительной стоимости. Но как меновая стоимость товар рассматривается всегда только с точки зрения результата. Речь идет здесь не о той услуге, которую он оказывает, но о той услуге², которая оказана была ему самому в процессе его производства. Так, например, меновая стоимость машины определяется не тем количеством рабочего времени, которое она замещает, а тем количеством рабочего времени, которое затрачено

¹ Ф. Лист, который никогда не мог понять, — так как вообще отвлеченное понимание чуждо его эгоистическому практическому рассудку — разницу между трудом, поскольку он помогает создавать полезности, потребительные стоимости, и трудом, поскольку он создает определенную общественную форму богатства, меновую стоимость, усмотрел поэтому в современных английских экономистах только плагиаторов Моисея из Египта.

² Легко понять, какую «услугу» категория «услуги» (service) должна оказывать экономистам такого рода, как Ж.-Б. Сэй и Ф. Бастиа, резонирующая мудрость которых, как правильно заметил уже Мальтус, всегда абстрагируется от специфической определенности формы экономических отношений.

на нее и, следовательно, требуется для производства новой машины того же рода.

Если бы, следовательно, количество труда, необходимое для производства товаров, оставалось постоянным, их меновая стоимость не изменялась бы. Но легкость или трудность производства постоянно изменяется. Если производительная сила труда возрастает, он производит ту же самую потребительную стоимость в более короткое время. Если производительная сила труда падает, для производства той же потребительной стоимости требуется больше времени. Поэтому величина содержащегося в товаре рабочего времени, меновая стоимость товара, изменяется; она повышается или падает в обратном отношении к повышению или падению производительной силы труда. Производительная сила труда, которая в обрабатывающей промышленности применяется в заранее определяемой степени, в земледелии и добывающей промышленности зависит также от естественных условий, не поддающихся контролю человека. *Один и тот же труд* доставляет большее или меньшее количество различных металлов, в зависимости от того, насколько сравнительно реже или чаще эти металлы встречаются в земной коре. *Один и тот же труд* овеществляется в урожайный год в двух бушелях пшеницы, а в неурожайный, может быть, только в одном бушеле пшеницы. Кажется, что редкость или обилие, как естественные условия, определяют здесь меновую стоимость товаров, потому что они определяют производительную силу особенного реального труда, зависящую от естественных условий.

Различные потребительные стоимости содержат в неравных объемах одинаковое рабочее время или одинаковую меновую стоимость. Чем в меньшем объеме своей потребительной стоимости, сравнительно с другими потребительными стоимостями, данный товар содержит определенное количество рабочего времени, тем выше его *специфическая меновая стоимость*. Если мы находим, что в различные, очень отдаленные одна от другой эпохи культуры определенные потребительные стоимости образуют ряд специфических меновых стоимостей, которые сохраняют между собою если не точно одно и то же численное соотношение, то все же общее соотношение восходящего и нисходящего порядка, как, например, золото, серебро, медь, железо или пшеница, рожь, ячмень, овес, то отсюда следует лишь то, что прогрессивное развитие общественных производительных сил дей-

ствовало равномерно или приблизительно равномерно на рабочее время, необходимое для производства этих различных товаров.

Меновая стоимость данного товара не проявляется в его собственной потребительной стоимости. Как овеществление всеобщего общественного рабочего времени, потребительная стоимость данного товара поставлена в известное отношение к потребительным стоимостям других товаров. Меновая стоимость одного товара проявляет себя, таким образом, в потребительных стоимостях других товаров. Эквивалент в сущности есть меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого товара. Если, например, мы говорим, что один локоть холста стоит два фунта кофе, то этим меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости. Если эта пропорция дана, мы можем стоимость любого количества холста выразить в кофе. Ясно, что меновая стоимость какого-нибудь товара, например холста, не исчерпывается тою пропорцией, в которой какой-нибудь другой особенный товар, например кофе, образует его эквивалент. Количество всеобщего рабочего времени, представленное в локте холста, реализуется одновременно в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей всех других товаров. Потребительная стоимость всякого другого товара образует для локтя холста эквивалент в той пропорции, в которой она представляет такое же количество рабочего времени. Следовательно, меновая стоимость *данного единичного товара* находит исчерпывающее выражение только в бесконечном числе уравнений, в которых потребительные стоимости всех других товаров образуют его эквивалент. Только в сумме этих уравнений или в совокупности различных пропорций, в которых данный товар может быть обмениваем на любой другой товар, этот товар находит исчерпывающее выражение как *всеобщий эквивалент*.

Например, следующий ряд уравнений:

- 1 локоть холста = $\frac{1}{2}$ фунта чаю,
- 1 локоть холста = 8 фунтам хлеба,
- 1 локоть холста = 2 фунтам кофе,
- 1 локоть холста = 6 локтям ситца

может быть представлен в следующем виде:

1 локоть холста = $\frac{1}{8}$ фунта чаю + $\frac{1}{2}$ фунта кофе + 2 фунта хлеба + $1\frac{1}{2}$ локтя ситца.

Таким образом, если бы мы имели перед собою всю сумму уравнений, в которой стоимость одного локтя холста находит исчерпывающее выражение, мы могли бы представить его меновую стоимость в форме ряда. Но в действительности этот ряд является бесконечным, так как круг товаров никогда окончательно не замыкается, а постоянно расширяется. Но если данный товар измеряет свою меновую стоимость в потребительных стоимостях всех других товаров, то, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются в потребительной стоимости этого одного товара, измеряющегося в них.¹ Если меновая стоимость 1 локтя холста выражается в $\frac{1}{2}$ фунта чая, или 2 фунтах кофе, или 6 локтях ситца, или 8 фунтах хлеба и т. д., то отсюда следует, что кофе, чай, ситец, хлеб и т. д. равны друг другу в той пропорции, в которой они равны третьему, а именно холсту; холст, следовательно, служит общей мерой их меновых стоимостей. Каждый товар как овеществленное всеобщее рабочее время, т. е. как определенное количество всеобщего времени, выражает свою меновую стоимость под ряд в определенных количествах потребительных стоимостей всех других товаров, и, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются в потребительной стоимости этого одного выделенного товара. Но каждый товар как меновая стоимость одновременно является, с одной стороны, тем выделенным товаром, который служит общей мерой меновых стоимостей всех других товаров, и, с другой стороны, он только один из многих товаров, в совокупности которых всякий другой товар непосредственно выражает свою меновую стоимость.

Величина стоимости данного товара не зависит от того, существует ли, кроме него, мало или много товаров другого рода. Однако от большего или меньшего разнообразия других товаров зависит, будет ли больше или меньше ряд уравнений, в которых меновая стоимость данного товара реализуется. Ряд уравнений, в которых представлена, например, стоимость кофе, выражает сферу его обмениваемости, границы, в пределах которых оно функционирует как меновая стоимость. Меновой стоимости товара, как овеществлению всеобщего общественного рабочего

¹ «Еще одно свойство меры заключается в таком отношении с измеряемыми вещами, что измеряемая вещь некоторым образом становится мерою измеряющей вещи». *Montanari. Della Moneta*, p. 48, в собрании *Custodi*, vol. III, *Parte antica*.

времени, соответствует выражение его эквивалентности в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях.

Мы видели, что меновая стоимость какого-нибудь товара изменяется в зависимости от количества рабочего времени, непосредственно содержащегося в нем самом. Реализованная же меновая стоимость его, т. е. выраженная в потребительных стоимостях других товаров, должна находиться в зависимости также от той пропорции, в которой изменяется рабочее время, затрачиваемое на производство всех других товаров. Если бы, например, рабочее время, необходимое для производства шэффеля пшеницы, осталось неизменным, между тем как рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, удвоилось, то меновая стоимость шэффеля пшеницы, выраженная в его эквивалентах, упала бы вдвое. На практике результат получился бы тот же самый, как если бы рабочее время, необходимое для производства шэффеля пшеницы, уменьшилось вдвое, а рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, осталось без изменения. Стоимость товаров определяется пропорцией, в которой они могут быть произведены в продолжение одинакового рабочего времени. Чтобы рассмотреть, каким различным изменениям эта пропорция может подвергаться, предположим существование двух товаров А и В. *Первый случай:* Рабочее время, необходимое для производства В, остается без изменения. В этом случае меновая стоимость А, выраженная в В, уменьшается или увеличивается прямо-пропорционально уменьшению или увеличению рабочего времени, необходимого для производства А. *Второй случай:* Рабочее время, необходимое для производства А, остается без изменения. Меновая стоимость А, выраженная в В, уменьшается или увеличивается обратно-пропорционально уменьшению или увеличению рабочего времени, необходимого для производства В. *Третий случай:* Рабочее время, необходимое для производства А и В, уменьшается или увеличивается в одинаковой пропорции. В таком случае выражение эквивалентности товара А в товаре В остается без изменения. Если бы вследствие каких-нибудь условий производительная сила всех видов труда уменьшилась в одинаковой степени, так что все товары требовали бы для своего производства в одинаковой пропорции больше рабочего времени, то стоимость *всех* товаров увеличилась бы, реальное выражение их меновой стоимости осталось бы без изменения, а действительное богатство общества уменьшилось

бы, так как теперь ему требовалось бы большее количество рабочего времени для производства той же самой массы потребительных стоимостей. *Четвертый случай:* Рабочее время, необходимое для производства А и В, увеличивается или уменьшается для них обоих, но в неодинаковой степени, или же требующееся для А рабочее время увеличивается, а для В уменьшается, или наоборот. Все эти случаи могут быть просто сведены к тому случаю, когда рабочее время, необходимое для производства одного товара, остается без изменения, тогда как для другого товара оно увеличивается или уменьшается.

Меновая стоимость каждого товара выражается в потребительной стоимости любого другого товара, безразлично в целых числах или в дробных долях этой потребительной стоимости. Как меновая стоимость, каждый товар обладает такою же делимостью, как само рабочее время, в нем овеществленное. Эквивалентность товаров так же не зависит от их физической делимости в качестве потребительных стоимостей, как для сложения меновых стоимостей товаров безразлично, каким реальным изменениям подвергается форма потребительных стоимостей этих товаров при превращении их в *один* новый товар.

До сих пор товар рассматривался с двух точек зрения: как потребительная стоимость и как меновая стоимость, каждый раз с односторонней точки зрения. Однако в качестве товара он есть непосредственно *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем он является товаром только в отношении к другим товарам. *Действительное* отношение товаров друг к другу, это — *процесс их обмена*. Это — общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивиды, но они вступают в него только в качестве владельцев товаров; их существование друг для друга — это существование их товаров, и таким образом они на деле являются лишь сознательными носителями процесса обмена.

Товар *есть* потребительная стоимость, например пшеница, холст, алмаз, машина и т. д., но в качестве товара он вместе с тем *не есть* потребительная стоимость. Если бы он был потребительною стоимостью для своего владельца, т. е. прямым средством удовлетворения его собственных потребностей, он не был бы товаром. Напротив, для него он не *потребительная стоимость*, а лишь материальный носитель меновой стоимости, или *средство обмена*; как активный носитель меновой стоимости, потребительная стоимость становится средством обмена. Для своего

владельца товар есть потребительная стоимость лишь постольку, поскольку он является меновой стоимостью¹. Поэтому товар должен еще *сделаться* потребительной стоимостью, сперва для других. Так как товар не является потребительной стоимостью для своего собственного владельца, то он — потребительная стоимость для владельцев другого товара. Если бы этого не было, труд его владельца был бы бесполезным трудом, и, следовательно, результат его не представлял бы собою товара. С другой стороны, товар должен стать потребительной стоимостью *для самого его владельца*, так как средства существования последнего существуют вне этого товара, в потребительных стоимостях чужих товаров. Чтобы *сделаться* потребительной стоимостью, товар должен противостоять определенной потребности, для которой он служит средством удовлетворения. Таким образом, потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями, меняя всесторонним образом свои места, переходя из рук тех лиц, для которых они являются средством обмена, в руки тех лиц, для которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего *отчуждения* товаров труд, содержащийся в них, становится трудом полезным. В этом отношении товаров друг к другу как потребительных стоимостей — отношении, имеющем характер *процесса*, — они не получают никакой новой экономической определенности формы. Напротив, здесь исчезает и та определенность формы, которая характеризовала их как товары. Хлеб, например, при переходе из рук пекаря в руки потребителя не изменяет своего бытия как хлеб. Наоборот, лишь потребитель относится к нему как к потребительной стоимости, как к определенному средству питания, тогда как в руках пекаря он был носителем экономического отношения, чувственно-сверхчувственную вещь. Следовательно, единственное изменение формы, которое товары претерпевают в процессе своего превращения в потребительные стоимости, это — уничтожение их формального бытия, в котором они не представляли потребительной стоимости для своего владельца и являлись потребительной стоимостью для лица, не владеющего ими. Превращение товаров в потребительные стоимости предполагает их всестороннее отчуждение, вступление их в процессе

¹ Именно с точки зрения этой определенности рассматривает меновую стоимость Аристотель (см. место, цитированное в начале этой главы).

обмена, но их существование для обмена, это — их существование в качестве меновых стоимостей. Следовательно, для того чтобы осуществляться как потребительные стоимости, товары должны осуществляться как меновые стоимости.

Если с точки зрения потребительной стоимости единичный товар первоначально являлся как самостоятельная вещь, то, напротив, в качестве меновой стоимости он с самого начала рассматривался в его отношении ко всем другим товарам. Однако это отношение было только теоретическим, мысленным. Выявляется оно только в процессе обмена. С другой стороны, хотя товар *есть* меновая стоимость, поскольку он содержит определенное количество рабочего времени и поэтому представляет собою *овеществленное рабочее время*, однако в своем непосредственном виде он представляет собою только овеществленное индивидуальное рабочее время с особым содержанием, а не *всеобщее* рабочее время. Следовательно, товар *не есть* непосредственно меновая стоимость, но еще должен *стать* таковою. Прежде всего он может быть овеществлением всеобщего рабочего времени лишь постольку, поскольку он представляет рабочее время в его определенном полезном применении, т. е. в виде потребительной стоимости. Это — то материальное условие, без которого содержащееся в товарах рабочее время не может быть признано всеобщим, общественным рабочим временем. Таким образом, если товар может сделаться потребительною стоимостью только посредством осуществления его в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может осуществляться как меновая стоимость только благодаря тому, что в процессе отчуждения он доказывает свою потребительную стоимость. Товар может быть отчужден как потребительная стоимость только тому лицу, для которого он является потребительною стоимостью, т. е. предметом особенной потребности. С другой стороны, он отчуждается только за другой товар или, если мы станем на точку зрения владельца этого другого товара, тот также может отчуждать свой товар, т. е. реализовать его, только благодаря тому, что он ставит его в соприкосновение с особенною потребностью, удовлетворению которой он служит. Таким образом, во всестороннем отчуждении товаров как *потребительных стоимостей* товары относятся друг к другу соответственно их материальным различиям, как особенные вещи, удовлетворяющие своими специфическими качествами особенные потребности. Но, будучи рассматриваемы только в качестве

таких потребительных стоимостей, они являются предметами, друг для друга безразличными и даже не находящимися друг с другом ни в каком отношении. Как потребительные стоимости, они могут обмениваться только вследствие своего отношения к особым потребностям. Однако способностью к обмену они обладают только в качестве эквивалентов, а эквивалентами они являются только как равные количества овеществленного рабочего времени, так что естественные свойства их в качестве потребительных стоимостей и, следовательно, отношение товаров к особым потребностям исчезают из поля зрения. В качестве меновой стоимости товар проявляет свою природу в том, что он как эквивалент по усмотрению замещает определенное количество любого другого товара, независимо от того, является ли он для владельца этого другого товара потребительной стоимостью, или нет. Но для владельца другого товара он становится товаром, лишь будучи для него потребительной стоимостью, а для своего собственного владельца он становится меновой стоимостью, лишь будучи товаром для других. Таким образом, одно и то же отношение должно представлять собою отношение товаров как по существу равных и лишь количественно различных величин, как равенство их в качестве материализации всеобщего рабочего времени, и одновременно отношение их как качественно различных вещей, как особых потребительных стоимостей для удовлетворения особых потребностей, т. е. отношение, в котором они отличаются друг от друга как действительные потребительные стоимости. Но это приравнивание и неприравнивание друг друга исключают. Таким образом, перед нами оказывается не только порочный круг проблем, из которых решение одной уже предполагает решение другой, но и совокупность противоречивых требований, так как выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением условия, противоположного ему.

Процесс обмена товаров должен быть одновременно и разрешением и разрешением этих противоречий, которые, однако, не могут проявиться в нем в таком простом виде. Мы видели только, каким образом сами товары относятся друг к другу как потребительные стоимости, т. е. каким образом товары как потребительные стоимости выступают *внутри* процесса обмена. Напротив, меновая стоимость, как мы рассматривали ее до сих пор, существовала только в нашей абстракции или, если угодно, в абстракции отдельного товаровладельца, у которого товар

как потребительная стоимость лежит на складе, а как меновая стоимость — на совести. Но сами товары должны существовать друг для друга внутри процесса обмена не только как потребительные стоимости, но и как меновые стоимости, и это существование должно проявляться как их собственное отношение друг к другу. Трудность, на которую мы натолкнулись первоначально, состояла в том, что товар для того, чтобы пролиться в качестве меновой стоимости, овеществленного труда, должен быть сперва отчужден, продан в качестве потребительной стоимости, между тем как, обратно, отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает бытие его в качестве меновой стоимости. Но предположим, что эта трудность разрешена. Предположим, что товар сбросил с себя свою особенную потребительную стоимость и отчуждением последней выполнил материальное условие, заключающееся в том, что он должен быть общественно-полезным трудом, а не особенным трудом отдельного лица для себя самого. В таком случае товар должен сделаться в процессе обмена меновою стоимостью, всеобщим эквивалентом, овеществленным всеобщим рабочим временем для других товаров; он должен приобрести, вместо ограниченного действия особенной потребительной стоимости, способность непосредственно выражаться во всех потребительных стоимостях, как в своих эквивалентах. Но каждый товар есть *тот* товар, который таким образом через отчуждение своей особенной потребительной стоимости должен явиться как непосредственное воплощение всеобщего рабочего времени. С другой стороны, однако, в процессе обмена друг другу противостоят только особенные товары, труд частных лиц, воплощенный в особенных потребительных стоимостях. Всеобщее рабочее время само есть абстракция, как таковая для товаров не существующая.

Рассмотрим сумму уравнений, в которых меновая стоимость какого-нибудь товара находит свое реальное выражение, например:

1 локоть холста = 2 фунтам кофе,

1 локоть холста = $\frac{1}{2}$ фунта чая,

1 локоть холста = 8 фунтам хлеба и т. д.

Эти уравнения показывают только то, что в 1 локте холста, 2 фунтах кофе, $\frac{1}{2}$ фунта чаю и т. д. овеществлено всеобщее общественное рабочее время одинаковой величины. Но в действительности индивидуальный труд, представленный в этих особенных

потребительных стоимостях, становится всеобщим и в этой форме общественным трудом только благодаря тому, что они действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности содержащегося в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, лишь в скрытом состоянии и обнаруживается только в процессе их обмена. Исходным пунктом является не труд индивидов как общественный, но, наоборот, особенный труд частных индивидов, — труд, который только в процессе обмена, через уничтожение своего первоначального характера, обнаруживает свой характер всеобщего общественного труда. Следовательно, всеобщий общественный труд не есть готовая предпосылка, но результат. Таким образом, перед нами оказывается новая трудность, заключающаяся в том, что, с одной стороны, товары должны вступать в процесс обмена как овеществленное всеобщее рабочее время, а, с другой стороны, овеществление рабочего времени индивидов как всеобщего само является только продуктом процесса обмена.

Каждый товар должен через отчуждение своей потребительной стоимости, т. е. своего первоначального существования, приобрести соответствующее существование в качестве меновой стоимости. Товар должен поэтому в процессе обмена удвоить свое существование. С другой стороны, его второе существование в качестве меновой стоимости может само быть только другим товаром, так как в процессе обмена друг другу противостоят только товары. Но спрашивается, каким образом можно представить особенный товар непосредственно как *овеществленное всеобщее* рабочее время, или, что то же самое, каким образом индивидуальному рабочему времени, овеществленному в особенном товаре, можно придать непосредственно характер всеобщности? Реальное выражение меновой стоимости какого-нибудь товара, т. е. каждого товара как всеобщего эквивалента, имеет вид бесконечной суммы уравнений например:

- 1 локоть холста = 2 фунтам кофе,
- 1 локоть холста = $\frac{1}{2}$ фунта чаю,
- 1 локоть холста = 8 фунтам хлеба,
- 1 локоть холста = 6 локтям ситца и т. п.

Это представление было теоретическим до тех пор, пока товар только *мысленно* представлялся как определенное количество овеществленного всеобщего рабочего времени. Это бытие

особенного товара в качестве всеобщего эквивалента превращается из голой абстракции в *общественный* результат самого процесса обмена при помощи простой перестановки членов приведенного ряда уравнений. Например:

2 фунта кофе = 1 локтю холста,

$\frac{1}{2}$ фунта чаю = 1 локтю холста,

8 фунтов хлеба = 1 локтю холста,

6 локтей ситца = 1 локтю холста.

Если кофе, чай, хлеб, ситец — словом все товары выражают содержащееся в них самих рабочее время в холсте, то, обратно, меновая стоимость холста выражается во всех других товарах как его эквивалентах, и овеществленное в нем самом рабочее время становится непосредственно всеобщим рабочим временем, которое одинаково выражается в различных количествах всех других товаров. Холст становится здесь *всеобщим эквивалентом* вследствие *всестороннего действия* на него всех других товаров. Как меновая стоимость, каждый товар делается мерой стоимости всех других товаров. Здесь, наоборот, благодаря тому, что все товары измеряют свою меновую стоимость в одном особенном товаре, этот выделенный товар становится адекватным бытием меновой стоимости, бытием ее в качестве всеобщего эквивалента. Бесконечный ряд, или бесконечное множество уравнений, в которых выражалась меновая стоимость каждого товара, сокращается до одного уравнения с двумя только членами. Уравнение 2 фунта кофе = 1 локтю холста представляет теперь исчерпывающее выражение меновой стоимости кофе, так как последняя в этом выражении является непосредственно как эквивалент для определенного количества любого другого товара. Таким образом, внутри процесса обмена товары теперь существуют или являются друг для друга как меновые стоимости в форме холста. То, что все товары в качестве меновых стоимостей относятся друг к другу лишь как различные количества овеществленного всеобщего рабочего времени, проявляется теперь в таком виде, что они как меновые стоимости представляют только различные количества *одного и того же* предмета, холста. Поэтому всеобщее рабочее время, в свою очередь, представляется в виде особенной вещи, товара, существующего на-ряду со всеми другими товарами и вне их. Но вместе с тем уравнение, в котором один товар является для другого товара меновою стоимостью, например 2 фунта кофе = 1 локтю холста, представляет теперь равенство, которое еще

подлежит осуществлению. Только через отчуждение товара как потребительной стоимости, — отчуждение, которое зависит от того, докажет ли он в процессе обмена свой характер предмета, удовлетворяющего какой-нибудь потребности, — он действительно превращается из своего бытия в форме кофе в свое бытие в форме холста; он принимает таким образом форму всеобщего эквивалента и действительно становится меновой стоимостью для всех других товаров. И обратно, благодаря тому, что все товары через отчуждение их как потребительных стоимостей превращаются в холст, последний становится превращенным бытием всех других товаров, и только как результат этого превращения в него всех других товаров он становится непосредственно *овеществлением всеобщего рабочего времени*, т. е. продуктом всеобщего отчуждения, уничтожения индивидуального труда. Если товары удваивают таким образом свое существование для того, чтобы явиться друг для друга меновыми стоимостями, то товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, удваивает свою потребительную стоимость. Помимо своей особенной потребительной стоимости в качестве особенного товара, он приобретает всеобщую потребительную стоимость. Последняя сама представляет собою определенность формы, т. е. она вытекает из той специфической роли, которую этот товар играет благодаря всеобщему действию на него других товаров в процессе обмена. Потребительная стоимость каждого товара как предмета особенной потребности имеет различную стоимость в различных руках; например, в руках лица, отчуждающего товар, она имеет другую стоимость, чем в руках того лица, которое его покупает. Товар же, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, является теперь предметом всеобщей потребности, вырастающей из самого процесса обмена, и имеет для всех ту же самую потребительную стоимость, заключающуюся в его способности быть носителем меновой стоимости, всеобщим средством обмена. Таким образом, в одном товаре разрешается противоречие, которое товар, как таковой, заключает в себе и которое состоит в том, что товар, будучи особенной потребительной стоимостью, одновременно должен быть всеобщим эквивалентом и, следовательно, стоимостью для всякого человека, всеобщей потребительной стоимостью. В то время как все другие товары выражают теперь свою меновую стоимость в виде идеального, подлежащего еще реализации равенства по отношению к выделенному товару, потребительная стоимость этого выделенного товара,

хотя вполне реальная, в самом процессе обмена является только формальным бытием, которое еще должно реализоваться посредством превращения в действительные потребительные стоимости. Первоначально товар представлялся как товар вообще, как всеобщее рабочее время, овеществленное в какой-нибудь особенной потребительной стоимости. В процессе же обмена все товары относятся к выделенному товару, как к товару вообще, как к *единственному* товару, как к бытию всеобщего рабочего времени в особенной потребительной стоимости. Поэтому как *особенные* товары они противопоставляются одному особенному товару как *всеобщему* товару.¹ Таким образом, взаимное отношение товаровладельцев к своему труду как к всеобщему общественному труду представляется в такой форме, что они относятся к своим товарам, как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к другу как меновых стоимостей проявляется в процессе обмена в виде всестороннего отношения их к одному особенному товару, как к адекватному выражению их меновой стоимости, что, обратно, проявляется, в свою очередь, как специфическое отношение этого особенного товара ко всем другим товарам и, следовательно, как определенный общественный характер вещи, как будто присущий ей от природы. Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в виде особенного, выделенного товара, и есть *деньги*. Это — кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена. Таким образом, если товары внутри процесса обмена становятся друг для друга *потребительными стоимостями* благодаря тому, что они сбрасывают с себя всякую определенность формы и относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, то для того, чтобы явиться друг для друга *меновыми стоимостями*, они должны принять новую определенность формы, развиться в форму денег. Деньги не символ, как не является символом бытие потребительной стоимости в форме товара. То обстоятельство, что общественное производственное отношение представляется в виде предмета, находящегося вне индивидов, а определенные отношения, в которые эти индивиды вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются как специфич-

¹ Это выражение встречается у Дженезеви. (Примечание ко второму изданию.)

ческие свойства вещи, — это превращение, эта прозаически реальная, а не воображаемая мистификация характеризует все общественные формы труда, определяющего меновую стоимость. В деньгах она только более ярко проявляется, чем в товаре.

Необходимыми физическими свойствами того особенного товара, в котором должно кристаллизоваться денежное бытие всех товаров, — поскольку эти свойства вытекают непосредственно из природы меновой стоимости, — являются: произвольная делимость, однородность частей, неразличимость всех экземпляров этого товара. Как материализация всеобщего рабочего времени, этот товар должен быть однородным и способным представлять чисто количественные различия. Другим его необходимым свойством является прочность его потребительной стоимости, так как он должен постоянно оставаться внутри процесса обмена. Этими свойствами в наибольшей степени обладают благородные металлы. Так как деньги не являются продуктом сознания или соглашения, но созданы инстинктивно в процессе обмена, то очень различные, более или менее неподходящие товары попеременно выполняли функции денег. Возникающая на известной ступени развития процесса обмена необходимость в полярном разделении определений меновой стоимости и потребительной стоимости между различными товарами, — так что один товар фигурирует, например, в качестве меновой стоимости, между тем как другой товар отчуждается в качестве потребительной стоимости, — эта необходимость приводит к тому, что повсюду один или даже несколько товаров, обладающих всеобщей потребительной стоимостью, вначале случайно играют роль денег. Даже в тех случаях, когда они не требуются для непосредственного удовлетворения наличной потребности, то обстоятельство, что они составляют материально наиболее значимую часть богатства, обеспечивает им более всеобщий характер, чем остальным потребительным стоимостям.

Непосредственная меновая торговля, эта естественно выросшая форма процесса обмена, представляет собою скорее начинающееся превращение потребительных стоимостей в товары, чем превращение товаров в деньги. Меновая стоимость не получает никакой самостоятельной формы, но связана еще непосредственно с потребительной стоимостью. Это обнаруживается двояким образом. Само производство во всей своей структуре направлено на потребительную стоимость, а не на меновую

стоимость, и только излишки потребительных стоимостей сверх количества, необходимого для потребления, перестают быть потребительными стоимостями и превращаются в средство обмена, в товар. С другой стороны, они делаются товарами только в пределах непосредственной потребительной стоимости, хотя и расположенные полярным образом, так что товары, которыми товаровладельцы намерены обменяться, должны быть потребительными стоимостями для них обоих, но при этом каждый товар является потребительной стоимостью для того, кто владеет им. В действительности процесс обмена товаров является первоначально не внутри естественно выросших общин,¹ но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они вступают в соприкосновение с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля, отсюда она переходит во внутреннюю жизнь общины, действуя на нее разлагающим образом. Поэтому те особенные потребительные стоимости, которые становятся товарами в меновой торговле между различными общинами, например рабы, скот, металлы, большею частью образуют первые деньги внутри самой общины. Мы видели, что меновая стоимость какого-нибудь товара тем в большей степени проявляется как меновая стоимость, чем длиннее ряд его эквивалентов или чем *больше* сфера обмена для этого товара. Поэтому постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа меновых актов и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивают товар как меновую стоимость, необходимо вызывают образование денег и тем самым действуют разлагающим образом на непосредственную меновую торговлю. Экономисты имеют обыкновение выводить деньги из внешних трудностей, на которые наталкивается расширенная меновая торговля, но при этом они забывают, что эти трудности происходят из развития меновой стоимости и, следовательно, общественного труда как труда всеобщего. Например: товары в качестве потребительных стоимостей не обладают произвольной делимостью, которую они необходимо должны отличаться в качестве меновых стоимостей. Или товар, принадлежащий А,

¹ Аристотель замечает то же самое относительно частной семьи, поскольку она является первоначальной формой общения. Но первобытной формой семьи является сама родовая семья, из которой частная семья развилась только путем исторического разложения. «В первой стадии развития общения, т. е. в семье, очевидно, не было никакой надобности в обмене» (1. с.).

служит потребительною стоимостью для В, но товар, принадлежащий В, не является потребительною стоимостью для А. Или, например, оба товаровладельца нуждаются в неодинаковых по своей стоимости пропорциях товаров, подлежащих обмену друг на друга и отличающихся неделимостью. Другими словами, экономисты, под предлогом анализа простой меновой торговли, конкретизируют определенные стороны того противоречия, которое скрыто в бытии товара как непосредственного единства потребительной стоимости и меновой стоимости. С другой стороны, исходя отсюда, они последовательно считают эту меновую торговлю адекватною формою процесса обмена товаров; она только связана, по их мнению, с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги являются хитроумно придуманным средством. Исходя из этой совершенно поверхностной точки зрения, один талантливый английский экономист вполне правильно заключил, что деньги представляют собою только материальное орудие, подобное кораблю или паровой машине, но не выражение общественного производственного отношения и, следовательно, не экономическую категорию. По его мнению, политическая экономия, не имеющая ничего общего с технологией, неправильно занимается исследованием денег.¹

Мир товаров предполагает развитое разделение труда или, вернее, последнее непосредственно выражается в разнообразии потребительных стоимостей, которые противостоят друг другу в качестве особенных товаров и в которых воплощены столь же разнообразные виды труда. *Разделение труда*, как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, представляет собою общую картину общественного труда, рассматриваемого с его материальной стороны как труд, производящий потребительные стоимости. Но, как таковой, он существует, с точки зрения товаров и внутри процесса обмена, только в своем результате, в особенных качествах самих товаров.

Обмен товаров есть тот процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных лиц,

¹ «Деньги в действительности являются только инструментом для покупок и продаж (скажите, однако, что вы понимаете под покупками и продажами?), и изучение их относится к политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или прочих инструментов, употребляемых для облегчения производства и распределения богатств» (*The Hodgskin, Popular political economy etc.*, London, 1827, p. 178, 179).

одновременно есть установление определенных общественных производственных отношений, в которые частные лица вступают в этом обмене веществ. Находящиеся в процессе движения отношения товаров друг к другу кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и таким образом процесс обмена одновременно есть процесс образования денег. Этот процесс в целом, представляющийся как последовательность различных процессов, есть *обращение*.

А. К ИСТОРИИ АНАЛИЗА ТОВАРА

Анализ, который сводит товар к труду в двойственной его форме, а именно потребительную стоимость к реальному труду или целесообразно производительной деятельности, а меновую стоимость — к рабочему времени или равному общественному труду, является конечным критическим результатом более чем полуторавековых исследований классической политической экономии, которая начинается в Англии с Вильяма Петти и во Франции с Буагильбера¹ и завершается в Англии Рикардо и во Франции Сисмонди.

Петти сводит потребительную стоимость к труду, несколько, однако, не обманываясь насчет того, что творческая сила труда обусловлена природою. Действительный труд он с самого начала рассматривает в его общественной совокупности как *разделение труда*.² Этот взгляд на источник материального богат-

¹ Сравнительное изучение сочинений и характера Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на противоположность социального строя Англии и Франции в конце XVII и в начале XVIII столетий, дало бы генетическое изображение национального контраста между английскою и французскою политическою экономией. В последствии тот же контраст повторяется в лице Рикардо и Сисмонди.

² Петти выяснил также значение разделения труда как производительной силы и сделал это в более широком масштабе, чем Адам Смит. (См. «An essay concerning the multiplication of mankind etc». 3 edition 1686, p. 35 — 36.) Он показывает здесь выгоды разделения труда для производства не только на примере фабрикации карманных часов, как Адам Смит это сделал позднее на примере фабрикации иголок, но также на примере города и целой страны, которые рассматриваются по аналогии с крупными фабричными предприятиями — «Спектатор» (Spectator) от 26 ноября 1711 года ссылается на эту «Illustration of the admirable Sir William Petty». Поэтому Мак-Куллох ошибается, полагая, что «Спектатор» спутал Петти с другим писателем, который был моложе его на сорок лет. (См. *Mac Culloch, The literature of political economy, a classified catalogue, London, 1846, p. 105.*)

ства не остается, как у его современника Гоббса, более или менее бесплодным, но приводит его к *политической арифметике*, этой первой форме, в которой политическая экономия выделилась как самостоятельная наука. Однако меновую стоимость он берет в том виде, в каком она *проявляется* в процессе обмена товаров, а именно как деньги, а сами деньги — как существующий товар, золото и серебро. Ограниченный представлениями монетарной системы, он объявляет тот особенный вид реального труда, которым добываются золото и серебро, трудом, определяющим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосредственную потребительную стоимость, а товар — потребительную стоимость, которая об-

Петти чувствует себя основателем новой науки. Метод его, как он выражается, «не традиционный». Вместо того чтобы дать пестрый переплет из слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он решил выражаться *in terms of number, weight or measure* (при помощи чисел, весов и мер), пользоваться только аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, *as have visible foundations in nature* (которые имеют видимое основание в природе). Он предоставляет другим изучать причины, зависящие от *mutable minds, opinions, appetites and passions of particular men* (изменчивых склонностей, мнений, желаний и страстей отдельных лиц). («Political arithmetic etc.», London, 1699, Preface.) Его гениальная смелость обнаруживается, напр., в предложении переселить всех жителей и перевести движимое имущество из Ирландии и горной Шотландии в остальные части Великобритании. Этим была бы достигнута экономия в рабочем времени, производительная сила труда увеличилась бы, и «король и его подданные стали бы богаче и сильнее». («Pol. Arith.», ch. 4.) Или, напр., в той главе его «Политической арифметики», в которой он доказывает, что Англия призвана завоевать мировой рынок, и доказывает это в такую эпоху, когда Голландия все еще играла преобладающую роль в качестве торговой нации, а Франция, казалось, становилась господствующей торговой державою: «Th t the king of England's subjects have stock competent and convenient, to drive the trade of the whole commercial world». (Подданные английского короля имеют достаточные и подходящие средства, чтобы вести торговлю всего коммерческого мира) (l. c., ch. 10.) «That the impediments of England's greatness are but contingent and removeable» (l. c., p. 247 sq). Величие Англии препятствуют только случайные и устранимые причины. Все сочинения Петти пропитаны оригинальным юмором. Так, напр., он доказывает, что завоевание мирового рынка Голландией, представлявшее тогда для английских экономистов такую же образцовую страну, какою ныне является для континентальных экономистов Англия, произошло вполне естественным путем «without such angelical wits and judgments, as some attribute to the Hollanders» (без божественного остроумия и разума, приписываемого некоторыми людьми голландцам) l. c., p. 175, 176). Он отстаивает свободу совести как условие торговли, «ибо бедные до тех пор будут прилежны и будут считать

ладает способностью посредством своего отчуждения в меновом процессе быть представленною как золото и серебро, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд. Пример Петти убедительно показывает, что признание труда источником материального богатства никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд есть источник меновой стоимости.

Буагильбер, в свою очередь, приводит, если не сознательно, то фактически, меновую стоимость товара к рабочему времени, определяя «истинную стоимость» (*la juste valeur*) при помощи правильной пропорции, в которой рабочее время индивидов распределяется между отдельными отраслями промышленности, и изображая свободную конкуренцию как тот общественный процесс, который эту правильную пропорцию устанавливает. Но одновременно с этим и в противоположность Петти он фанатически нападает на деньги, которые, по его мнению, своим вмешательством нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена и, подобно фантастическому Молоху,

труд и прилежание своим долгом перед богом, пока им позволено будет думать, что они, хотя и обладают меньшим богатством, но больше понимают толк в делах божественных, что признается ими специальною принадлежностью бедных». Поэтому торговля «связана не с какою-нибудь религией, а скорее с еретическою частью населения» (I. с., p. 183 — 186). Он предлагает специальные налоги в пользу мошенников, так как публично выгоднее самой обложить себя в пользу мошенников, чем быть обложенной ими (I. с., p. 199). Напротив, он возражает против налогов, которые переносят богатство из рук лиц, занимающихся промышленностью, в руки тех, которые «ничего другого не делают, как только едят, пьют, поют, играют, пляшут и занимаются метафизикой». Сочинения Петти стали почти библиографическою редкостью и имеются только в разрозненном виде в старых плохих изданиях; это тем более удивительно, что Вильям Петти не только отец английской политической экономии, но одновременно предок Генри Петти, сиречь маркиза Ленсдоуна, Нестора английских вигов. Впрочем, семья Ленсдоунов вряд ли могла бы издать полное собрание сочинений Петти, не снабдив его биографией автора, а в данном случае применимо то, что верно по отношению к *origines* (родословной) большинства знатных семей вигов, а именно: *the less said of them the better* (чем меньше о них говорят, тем лучше). Смелый мыслитель, но беспринципный военный хирург, который был одинаково способен под эгидою Кромвеля грабить Ирландию, как и выпрашивать у Карла II баронское звание за этот грабеж, — такого предка вряд ли стоит выставить публичке напоказ. Кроме того, Петти в большинстве изданных им при жизни сочинений старается доказать, что Англия переживала пору расцвета при Карле II, а такой взгляд является ересью для наследственных эксплуататоров «*glorious revolution*» (славной революции).

требуют себе в жертву всякое богатство в его натуральной форме. Хотя, с одной стороны, эта полемика против денег связана с определенными историческими условиями, — так как Буагильбер нападает на бессмысленно разрушительную страсть к золоту двора Людовика XIV, его финансовых откупщиков и дворянства,¹ между тем как Петти прославляет страсть к золоту как мощный стимул, толкающий народ к промышленному развитию и к завоеванию мирового рынка, — но одновременно здесь обнаруживается более глубокая принципиальная противоположность, повторяющаяся в качестве постоянного контраста между истинно-английской и истинно-французской² политической экономией. Буагильбер в сущности обращает внимание только на материальное содержание богатства, на потребительную стоимость, на потребление,³ буржуазную же форму труда, производство потребительных стоимостей как товаров и процесс обмена товаров он рассматривает как естественную общественную форму, в которой индивидуальный труд достигает указанной цели. Поэтому там, где он встречается с специфическим характером буржуазного богатства, например в виде денег, он усматривает в этом вмешательство незаконных чуждых элементов и с жаром нападает на буржуазный труд в одной его форме, одновременно утопически идеализируя тот же труд в другой его форме.⁴ Пример Буагильбера доказывает, что рабочее время может быть рассматриваемо как мерило величины стоимости товаров,

¹ В противоположность «финансовой черной магии» тогдашней эпохи Буагильбер говорит: «Финансовая наука есть не что иное, как углубленное знание интересов земледелия и торговли» («Le détail de la France», 1697. Изд. Eugène Daire, «Economistes financiers du XVIII siècle», Paris, 1843, vol. I, p. 251).

² Но не романскую политическую экономией, так как итальянцы в лице двух школ, неаполитанской и миланской, повторяют противоположность между английской и французской экономией; испанцы же более ранней эпохи либо просто меркантилисты или видоизмененные меркантилисты, как Устариц, либо, подобно Ховельяносу (см. его *Obras*, Barcelona, 1839—1840), вместе с Адамом Смитом придерживаются золотой середины.

³ «Истинное богатство... полное удовлетворение не только потребностей жизни, но также в смысле роскоши и всего того, что может доставить удовольствие чувствам» (*Boisguillebert*, *Dissertation sur la nature de la richesse etc.*, I. c., p. 403). Но в то время как Петти был беспринципный и бесхарактерный авантюрист, сам занимавшийся грабежом, Буагильбер, хотя и был интендантом на службе Людовика XIV, с таким же умом, как и смелостью выступал в защиту угнетенных классов.

⁴ Французский социализм в лице Прудона страдает тем же самым наследственным национальным грехом.

хотя труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, смешивается с непосредственной естественной деятельностью индивидов.

Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ, сводящий меновую стоимость к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, импортированные одновременно с их носителями, быстро распустились на почве, возмещавшей недостаток исторической традиции избытком чернозема. Этот человек — *Бенжамин Франклин*, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1719 году и напечатанной в 1721 году, сформулировал основной закон современной политической экономии.¹ Он заявляет, что необходимо найти другую меру стоимости, чем благородные металлы. Такой мерой является труд. «Трудом может так же хорошо измеряться стоимость серебра, как и стоимость всех других вещей. Предположим, например, что один человек занят производством зерна, а другой добывает и очищает серебро. К концу года или какого-нибудь другого определенного периода времени готовые продукты зерна и серебра представляют естественную цену друг друга, и если первый продукт составляет 20 бушелей, а второй 20 унций, то одна унция серебра стоит такое же количество труда, какое затрачено на производство одного бушеля зерна. Если, однако, благодаря открытию более близких, более доступных и обильных рудников один человек может теперь добыть 40 унций серебра с такою же легкостью, как раньше 20 унций, между тем как для производства 20 бушелей зерна требуется прежнее количество труда, то 2 унции серебра будут теперь стоить не больше, чем труд, затраченный на производство одного бушеля зерна, и бушель зерна, расценивавшийся раньше в 1 унцию, будет теперь расцениваться в 2 унции, *caeteris paribus* (при прочих равных условиях). Таким образом, богатство страны должно оцениваться сообразно количеству труда, которое ее жители в состоянии купить».² У Франклина рабочее время с самого начала представляется в экономически одностороннем виде, как мера стоимости. Превращение реальных продуктов в меновые стоимости подразумевается само собою, и поэтому речь идет только о том, чтобы

¹ *B. Franklin*, The works of etc., ed. by J. Sparks, vol II. Boston 1833. «A modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency».

² L. c., p. 265: «Thus the riches of a country are to be valued by the quantity of labour its inhabitants are able to purchase».

найти меру величины их стоимости. «Так как, — говорит Франклин, торговля вообще не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей правильнее всего оценивается трудом»¹. Если вместо выражения «труд» поставить здесь «действительный труд», то немедленно обнаруживается смешение труда в одной форме с трудом в другой форме. Так как торговля состоит во взаимном обмене, например труда сапожника, труда рудокопа, прядильщика, живописца и т. д., то значит ли это, что стоимость сапог оценивается наиболее правильно трудом живописца? Напротив, Франклин полагает, что стоимость сапог, руды, пряжи, картин и т. п. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и потому может быть измерен только с количественной стороны.² Но так как он не развивает понятия труда, содержащегося в меновой стоимости, как абстрактно всеобщего общественного труда, возникающего из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он необходимо игнорирует роль денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда. Поэтому деньги и труд, определяющий меновую стоимость, не находятся у него ни в какой внутренней связи, но, скорее, деньги представляют собою орудие, привнесенное в обмен извне для целей технического удобства.³ Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он исследовал только отдельные вопросы политической экономии в связи с определенными практическими задачами.

Противоположность между действительным полезным трудом и трудом, определяющим меновую стоимость, занимала умы в Европе в продолжение XVIII столетия в форме проблемы: какой особенный вид действительного труда является источником буржуазного богатства? Тем самым уже предполагалось, что не всякий труд, осуществляющийся в потребительных стоимостях или доставляющий продукты, тем самым уже создает непосредственно богатство. Для физиократов, однако, как и для их противников, центральным пунктом спора был ее

¹ «Trade in general being nothing else but the exchange of labour for labour, the value of all things is, as I have said before, most justly measured by labour», l. c., p. 267.

² L. c.: «Remarks and facts relative to the American paper money», 1764.

³ L. c. «Papers on American politics»: «Remarks and facts relative to the American paper money», 1764.

вопрос о том, какой труд создает *стоимость*, а вопрос о том, какой труд создает *прибавочную стоимость*. Они, таким образом, обсуждали вопрос в его сложной форме раньше, чем разрешили его в элементарной форме; это один из примеров того, каким образом историческое развитие всех наук приводит к их действительной исходной точке только через множество перекрещивающихся и обходных путей. В отличие от других строителей, наука не только строит воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложен его фундамент. Не останавливаясь здесь более на физиократах и оставляя в стороне целый ряд итальянских экономистов, которые в более или менее метких замечаниях подходили к правильному анализу товара,¹ мы обратимся теперь к первому англичанину, выработавшему общую систему буржуазной экономики, к сэру *Джемсу Стюарту*.² У него абстрактные категории политической экономии находят еще в процессе отделения от своего вещственного содержания и потому являются в неустановившемся и колеблющемся виде; то же относится и к категории меновой стоимости. В одном месте он определяет *действительную стоимость* рабочим временем (what a workman can perform in a day), но наряду с последним самым путанным образом фигурируют заработная плата и сырой материал.³ В другом месте его неумение преодолеть материальное содержание выступает еще более ярко. Данный от природы материал, заключающийся в товаре, он называет *внутреннюю стоимостью* товара (intrinsic worth), например серебро в серебряной плетеной работе; рабочее же время, содержащееся в товаре, он называет его *потребительной стоимостью* (useful value). «Первая, — говорит он, — есть нечто реальное само по себе... Потребительная стоимость, напротив, должна оцениваться сообразно труду, которого стоило ее производство. Труд, затраченный на видоизменение материи, представляет определенную часть времени человека»,

¹ См. напр., *Galiani*, Della moneta, vol. III, в «Scrittori classici italiani di economia politica. Издание Custodi, Parte moderna, Milano, 1803, p. 75: «Только трудовое напряжение придает стоимость всем вещам». Обозначение труда как fatica характерно для жителей Юра.

² Сочинение *Стюарта*, An inquiry into the principles of political economy, being an essay on the science of domestic policy in free nations, появилось впервые в 1767 году, в двух томах in quarto, в Лондоне, за десять лет до появления «Богатства народов» Адама Смита. Я цитирую по дублированному изданию 1770 года.

³ *Stewart*, l. c., t. I, p. 181 — 183.

и т. д.¹ Стюарт выделяется среди своих предшественников и последователей тем, что он проводит резкое различие между специфическим общественным трудом, представленным в меновой стоимости, и реальным трудом, создающим потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение (*alienation*) создает всеобщий эквивалент (*universal equivalent*), я называю *промышленностью*. Труд в смысле промышленности он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Для Стюарта, это — буржуазная форма труда в противоположность его античным и средневековым формам. Особенно интересует его противоположность между трудом буржуазным и трудом феодальным, который он наблюдал в фазе его упадка как в самой Шотландии, так и во время своих обширных путешествий по континенту. Конечно, Стюарту было отлично известно, что и в добуржуазные эпохи продукт принимал форму товара, а товар — форму денег, но он подробно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежат только периоду буржуазного производства, и, следовательно, характер труда, определяющего меновую стоимость, является специфически буржуазным.²

После того как особенные формы реального труда: земледелие, мануфактура, судоходство, торговля и т. п., один за другим признавались истинными источниками богатства, *Адам Смит* провозгласил, что труд вообще, и притом в его общественной совокупности, как *разделение труда*, составляет единственный источник материального богатства или потребительных стоимостей. В то время как здесь он совершенно игнорирует элемент природы, последний преследует его в сфере чисто общественного богатства, в сфере меновой стоимости. Правда, Смит определяет стоимость товара содержащимся в нем рабочим временем, но он отодвигает действительность этого определения стоимости к до-адамовым временам. Другими словами, то, что ему кажется

¹ *Stewart*, l. c., t. I, p. 361 — 362: «Represents a portion of a man's time».

² Патриархальное земледелие, направленное непосредственно на производство потребительных стоимостей для владельца земли, Стюарт считает поэтому «злоупотреблением», — правда, не по отношению к Спарте, Риму или даже Афинам, но по отношению к промышленным странам XVIII столетия. Эта «*abusive agriculture*» не есть «*trade*», а «только средство существования». Как буржуазное земледелие должно освободить деревню от лишних ртов, так буржуазная мануфактура должна освободить фабрику от лишних рук.

правильным с точки зрения простого товара, делается для него неясным, как только на место последнего выступают высшие и более сложные формы капитала, наемного труда, земельной ренты и т. п. Он выражает это таким образом, что стоимость товаров измерялась содержащимся в них рабочим временем в *paradise lost* (потерянном раю) буржуазии, где люди противостояли друг другу еще не в качестве капиталистов, наемных рабочих, земельных собственников, арендаторов земли, ростовщиков и т. п., а лишь в качестве простых товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами. Он постоянно смешивает определение стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем с определением их стоимости стоимостью труда; обнаруживает непоследовательность в детальном анализе и принимает за субъективное приравнение индивидуальных работ то объективное уравнение, которое общественный процесс с принудительную силой устанавливает между неравными видами труда.¹ Он старается показать, что переход от действительного труда к труду, определяющему меновую стоимость, т. е. к буржуазному труду в основной его форме, совершается через посредство *разделения труда*. Однако насколько верно, что частный обмен предполагает разделение труда, настолько неправильно утверждение, что разделение труда предполагает частный обмен. Например, у жителей Перу разделение труда было в высшей степени развито, хотя не существовало никакого частного обмена, обмена продуктов как товаров.

В противоположность Адаму Смиту, *Давид Рикардо* последовательно развил определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует также над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд противоречащими ему. Исследования Рикардо ограничиваются исклю-

¹ Так, напр., Адам Смит говорит: «Одинаковые количества труда должны иметь для того, кто трудится, одинаковую стоимость во все времена и во всех местах. При нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности и при средней степени умелости, которую он обладает, он должен всегда отдавать одинаковую долю своего спокойствия, свободы и своего счастья. Следовательно, каково бы ни было количество товаров, получаемое им в виде вознаграждения за свой труд, цена, которую он уплачивает, всегда одинакова. Хотя за эту цену можно купить то меньшее, то большее количество товаров, но это только потому, что изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, покупающего их. Таким образом, один только труд никогда не изменяет своей стоимости. Следовательно, он представляет реальную цену товаров» и т. д.

чительно *величиною стоимости*, и по отношению к ней он, по крайней мере, догадывается, что осуществление закона зависит от определенных исторических условий. А именно, он говорит, что определение величины стоимости рабочим временем имеет силу только для тех товаров, «количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых соперничество не подвергается никаким ограничениям».¹ В действительности это только значит, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободною конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество. В остальном Рикардо рассматривает буржуазную форму труда как вечную естественную форму общественного труда. Первобытный рыбак и первобытный охотник обмениваются у него рыбою и дичью в качестве товаро-владельцев, пропорционально рабочему времени, овеществленному в этих меновых стоимостях. При этом случае он впадает в анахронизм, заставляя этого первобытного рыбака и первобытного охотника пользоваться при учете орудий труда таблицами процентных погашений, принятыми на лондонской бирже в 1817 году. Повидимому, «параллелограммы господина Оуэна» представляют единственную известную ему форму общества, кроме буржуазной. Но, хотя и ограниченный этим буржуазным кругозором, Рикардо анализирует буржуазную экономию, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такою теоретическою проницательностью, что лорд Брум мог сказать о нем: «Mr. Ricardo seemed as if he had dropped from an other planet» (Можно подумать, что м-р Рикардо упал с другой планеты). В прямой полемике с Рикардо *Сисмонди* подчеркивает специфический общественный характер труда, определяющего меновую стоимость,² и усматривает «характерную черту нашего экономического прогресса» в том, что величина стоимости сводится к *необходимому* рабочему времени, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, достаточным для удовлетворения этой потребности».³

¹ *David Ricardo, On the principles of political economy and taxation*, 3 edition, London, 1836, p. 3. Цитировано по русскому переводу под редакцией Д. Рязанова, изд. 1908 г., стр. 6.

² *Sismondi, Etudes sur l'économie politique*, t. II, Bruxelles, 1837. «Торговля свела всякую вещь к противоположности между потребительной и меновою стоимостью» (p. 161).

³ *Sismondi*, l. c., p. 163 — 166 seq.

Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что деньги фальсифицируют труд, определяющий меновую стоимость, но если Буагильбер нападает на деньги, то он нападает на крупный промышленный капитал. Если в лице Рикардо политическая экономия бесстрашно делает свои конечные выводы и тем завершает свое развитие, то Сисмонди дополняет этот эпизод, представляя ее сомнение в себе самой.

Так как Рикардо в качестве завершителя классической политической экономии наиболее последовательно формулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем, то, естественно, против него именно направлена полемика, поднятая экономистами. Если эту полемику освободить от ее большей частью нелепой формы,¹ то она сводится к следующим пунктам:

Первый: Труд сам имеет меновую стоимость, а различные виды труда — различную меновую стоимость. Делать меновую стоимость мерою меновой стоимости значит создавать порочный круг, так как измеряющая меновая стоимость сама опять-таки нуждается в мере. Это возражение сводится к проблеме: Принимая рабочее время за имманентную меру меновой стоимости, развить на этой основе заработную плату. Ответ на эту проблему дает учение о наемном труде.

Второй: Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда.² Но в действительности

¹ В наиболее нелепой форме эта полемика выступает в примечаниях Ж.-Б. Сэя к французскому переводу Рикардо, сделанному Констансо, и в наиболее педантически-претенциозной форме в недавно появившейся книге господина *Маклеода*, *Theory of exchange*, London, 1858.

² Это возражение, выставленное против Рикардо со стороны буржуазных экономистов, было позднее подхвачено социалистами. Признавая эту формулу теоретически правильной, они уличали практику в противоречии с теорией и приглашали буржуазное общество осуществить на практике этот мнимый вывод из его теоретического принципа. По крайней мере, в таком виде английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии. На долю господина Прудона осталось не только объявить основной принцип старого общества принципом нового общества, но одновременно провозгласить себя изобретателем формулы, в которой Рикардо выразил общий итог английской классической экономии. Доказано, что даже это утолическое истолкование рикардовой формулы в Англии уже отжило свое время, когда господин Прудон «открыл» ее по ту сторону канала (ср. мое сочинение: «*Misère de la philosophie*» etc., Paris, 1847, параграф о конституированной стоимости).

имеет место обратное. Ergo, это возражение сводится к проблеме: «Каким образом производство на основе меновой стоимости, определяемой только рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше меновой стоимости его продукта?» Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала.

Третий: Рыночная цена товаров падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости в зависимости от изменяющегося отношения между спросом и предложением. Следовательно, меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не содержащимся в них рабочим временем. В действительности этот изумительный вывод ставит только вопрос о том, каким образом на основе меновой стоимости разбивается отличная от нее рыночная цена, или, вернее, каким образом закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности. Эта проблема разрешается в учении о конкуренции.

Четвертый: Последнее противоречие и, повидимому, самое убедительное, если только оно не преподносится, как обычно, в форме курьезных примеров. Если меновая стоимость не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то каким образом могут обладать меновой стоимостью товары, не содержащие никакого труда, или, другими словами, откуда берется меновая стоимость простых сил природы? Эта проблема разрешается в учении о земельной ренте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕНЬГИ, ИЛИ ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Во время парламентских прений по поводу банкового законодательства сэра Роберта Пилля 1844 — 1845 годов Гладстон заметил, что даже любовь сделала не большее число людей дураками, чем размышления о сущности денег. Он обращался к британцам и говорил о британцах. Напротив, голландцы, эти люди, издавна обладавшие, вопреки сомнениям Петти, «божественным остроумием» в денежных спекуляциях, никогда не теряли своего остроумия в спекулятивных размышлениях о деньгах.

Главная трудность в анализе денег преодолена с того момента, когда понято происхождение их из самого товара. При этом условии остается еще только понять в их чистом виде определенности формы, присущие самим деньгам; это отчасти затрудняется тем, что все буржуазные отношения выступают в позолоченном или посеребренном виде, как денежные отношения, и поэтому кажется, что денежная форма имеет бесконечно многообразное содержание, которое в сущности ей самой чуждо.

В дальнейшем исследовании необходимо помнить, что речь идет только о тех формах денег, которые вырастают непосредственно из обмена товаров, но не о тех формах, которые принадлежат высшей стадии процесса производства, каковы, например, кредитные деньги. Для упрощения мы в качестве денежного товара везде предполагаем золото.

1. Мера стоимости

Первый процесс обращения есть, так сказать, теоретический подготовительный процесс к действительному обращению. Товары, существующие в качестве потребительных стоимостей, прежде всего создают для себя форму, в которой они идеально

являются друг для друга как меновые стоимости, как определенные количества овеществленного *всеобщего* рабочего времени. Как мы видели, первый необходимый акт этого процесса состоит в том, что товары выделяют из себя один специфический товар, например, *золото*, в качестве непосредственного воплощения всеобщего рабочего времени или в качестве всеобщего эквивалента. Вернемся на минуту назад к форме, в которой товары превращают золото в деньги:

- 1 тонна железа = 2 унциям золота,
- 1 квартал пшеницы = 1 унции золота,
- 1 центнер кофе = $\frac{1}{4}$ унции золота,
- 1 центнер поташа = $\frac{1}{2}$ унции золота,
- 1 тонна бразильского дерева = $1\frac{1}{2}$ унциям золота,
- У товара = X унциям золота.

В этом ряде уравнений железо, пшеница, кофе, поташ и т. д. являются друг для друга как материализация однородного труда, а именно материализованного в золоте труда, в котором совершенно уничтожены все особенности реальных видов труда, представленных в различных потребительных стоимостях этих товаров. Как стоимости, они тождественны; они представляют собою воплощение *одного и того же* труда или *одну и ту же* материализацию труда, золото. Как однородная материализация одного и того же труда, они обнаруживают только *одно* различие, количественное, или являются как различные величины стоимости, потому что в их потребительных стоимостях содержится *неравное* рабочее время. Вместе с тем в качестве таких отдельных товаров они относятся друг к другу как овеществления всеобщего рабочего времени, таким путем, что они относятся к самому всеобщему рабочему времени как к выделенному товару, золоту. То же самое отношение, — имеющее характер процесса, — благодаря которому они представляются друг для друга как меновые стоимости, приводит к тому, что содержащееся в золоте рабочее время представляется как всеобщее рабочее время, данное количество которого выражается в различных количествах железа, пшеницы, кофе и т. д., — словом, в потребительных стоимостях всех товаров, или непосредственно развертывается в бесконечном ряде товарных эквивалентов. В то время как товары всесторонне выражают свои меновые стоимости в золоте, золото непосредственно выражает свою меновую стоимость во всех товарах. В то время как товары сами придают себе форму меновой стоимости по отношению друг к другу,

они придают золоту форму всеобщего эквивалента, или денег.

Так как *все* товары измеряют свои меновые стоимости в золоте сообразно отношению, в котором определенное количество золота и определенное количество товара содержат равное рабочее время, то золото становится *мерюю стоимостей*; и вначале только это определение золота как меры стоимостей, в качестве которой оно измеряет свою собственную стоимость непосредственно в совокупности всех товарных эквивалентов, и делает золото всеобщим эквивалентом, или деньгами. С другой стороны, меновая стоимость всех товаров выражается теперь в золоте. В этом выражении следует отличать моменты качественный и количественный. Меновая стоимость товара существует как материализация одного и того же однородного рабочего времени; величина стоимости товара представлена исчерпывающим образом, так как в том же отношении, в котором товары приравниваются золоту, они приравниваются и друг другу. С одной стороны, здесь проявляется *всеобщий* характер содержащегося в них рабочего времени, с другой стороны — количество последнего в их золотом эквиваленте. Меновая стоимость товаров, выраженная таким образом как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, или выраженная в единственном уравнении товаров с одним специфическим товаром, и есть *цена*. Цена, это — превращенная форма, в которой меновая стоимость товаров *проявляется* внутри процесса обращения.

Таким образом, в том самом процессе, в котором товары представляют свои стоимости как цены в золоте, они придают золоту характер меры стоимости, т. е. денег. Если бы товары всесторонним образом измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и, следовательно, выражали свои стоимости, как цены, в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерюю стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом. Для того чтобы явиться в обращении в виде цен, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями. Мерюю стоимостей золото становится только потому, что все товары измеряют в нем свою меновую стоимость. Но всесторонний характер этого отношения, протекающего в виде процесса, — всесторонний характер, который один только и сообщает золоту его характер меры стоимостей, — предполагает, что каждый отдельный товар измеряется в золоте в соответствии с содержащимся в них обоим рабочим временем, что, следовательно,

действительною мерою товара и золота служит сам труд, или что товар и золото в непосредственной меновой торговле приравняются друг к другу, как меновые стоимости. Каким образом происходит это приравнение на практике, не может быть объяснено в стадии простого обращения. Тем не менее очевидно, что в странах, производящих золото и серебро, определенное рабочее время воплощается непосредственно в определенном количестве золота и серебра; в странах же, не производящих ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается обходным путем, при помощи непосредственного или посредственного обмена туземных товаров, т. е. определенной доли национального среднего труда, на определенное количество воплощенного в золоте и серебре рабочего времени стран, обладающих рудниками. Для того чтобы служить мерою стоимостей, золото должно представлять стоимость, способную изменяться, так как эквивалентом других товаров оно может сделаться только в качестве воплощения рабочего времени, а между тем одно и то же рабочее время с изменением производительной силы реального труда реализуется в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей. Как при выражении меновой стоимости любого товара в потребительной стоимости другого товара, так и при оценке всех товаров в золоте, предполагается только, что в данный момент золото представляет определенное количество рабочего времени. Что касается изменений в стоимости золота, то здесь имеет силу изложенный выше закон меновых стоимостей. Если меновая стоимость товаров остается без изменений, то общее повышение их цен в золоте возможно только в том случае, если уменьшается меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается без изменений, то общее повышение цен в золоте возможно только в том случае, если увеличиваются меновые стоимости всех товаров. Обратное имеет место в случае общего понижения товарных цен. Если стоимость одной унции золота уменьшается или увеличивается вследствие изменения рабочего времени, необходимого для ее производства, то она уменьшается или увеличивается *равномерно* по отношению ко всем другим товарам; следовательно, и теперь, как и раньше, она представляет по отношению ко всем товарам рабочее время *определенной* величины. Теперь меновые стоимости оцениваются в больших или меньших количествах золота, чем раньше, но они оцениваются соответственно величине своей стоимости; следовательно, их стоимости сохраняют то же самое отношение друг к другу.

Отношение 2:4:8 то же самое, что отношение 1:2:4 или 4:8:16. Изменения в количестве золота, в котором меновые стоимости выражаются в зависимости от изменения стоимости самого золота, так же мало мешают последнему выполнять функцию меры стоимости, как то обстоятельство, что стоимость серебра в 15 раз меньше стоимости золота, не мешает первому вытеснить последнее из этой функции.¹ Так как мерою золота и товара служит рабочее время, золото же делается мерою стоимости лишь постольку, поскольку все товары измеряются в нем, то представление, будто деньги делают товары соизмеримыми, — не более как иллюзия процесса обращения.² Наоборот, только соизмеримость товаров, как овеществленного рабочего времени, превращает золото в деньги.

Реальная форма, в которой товары вступают в процессе обмена, это — форма их потребительных стоимостей. Действительным всеобщим эквивалентом они должны еще сделаться посредством своего отчуждения. Определение их цен есть только идеальное превращение их во всеобщий эквивалент, уравнение их с золотом, подлежащее еще реализации. Но так как товары в своих ценах только идеально превращаются в золото или превращаются лишь в мысленно представляемое золото, так как их де-

¹ [Здесь Маркс имеет в виду процесс вытеснения золота из обращения при биметаллической системе денежного обращения, в случаях падения стоимости серебра.]

² Аристотель, правда, понимает, что меновая стоимость товаров является предпосылкою товарных цеп: «Ясно также, что именно таким способом происходил обмен ранее изобретения денег: нет разницы, дать ли пять локк взамен дома, или стоимость пяти локк». Но так как, с другой стороны, только в цене товары приобретают форму меновой стоимости друг для друга, то, по его мнению, деньги делают их соизмеримыми. «Ими (деньгами) должно быть все оценяемо; таким то способом становится возможным обмен, а вместе с ним и общение. Итак, деньги, будучи мерою, делают сравнимыми все остальные предметы, приравнивают их; и как невозможно общение без обмена, так невозможен обмен без уравнения стоимостей и точно так же невозможно уравнение без сравнимости предметов». Аристотель не скрывает от себя, что эти различные вещи, измеряемые деньгами, представляют собою совершенно несоизмеримые величины. Он ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей, но, как античный грек, не может этого найти. Он выходит из этого затруднения, предполагая, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей, через посредство денег: «Говоря точно, невозможно, чтобы столь различные предметы стали сравнимыми, но для удовлетворения нужды человека это в достаточной мере возможно» (*Arist. Ethic. Nicom., I, 5, edit. Bekkeri, Oxonii 1837*).

нежное бытие еще не отделилось действительно от их реального бытия, то золото превратилось пока только в идеальные деньги, в меру стоимости, и определенные количества золота в действительности функционируют еще только в качестве названий для определенных количеств рабочего времени. От определенного способа, которым товары выражают друг для друга свою собственную меновую стоимость, зависит в каждом случае та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги.

Теперь товары противостоят друг другу в своем двойственном существовании; реально — как потребительные стоимости, идеально — как меновые стоимости. Двойственную форму труда, содержащегося в них, они выражают теперь в своем взаимном отношении таким образом, что особенный реальный труд действительно существует как их потребительная стоимость, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время получает в их цене мысленно представляемое существование, в котором они являются равномерной и только количественно различной материализацией одной и той же субстанции стоимости.

Различие между меновою стоимостью и ценою является, с одной стороны, только номинальным; так, Адам Смит говорит, что труд составляет реальную, а деньги — номинальную цену товаров. Вместо того чтобы оценивать 1 квартал пшеницы в 30 рабочих дней, он оценивается теперь в 1 унцию золота, если одна унция золота является продуктом 30 рабочих дней. Но, с другой стороны, это различие уже потому не является только номинальным, что в нем сосредоточены все превращения, угрожающие товару в действительном процессе обращения. Квартал пшеницы действительно содержит 30 рабочих дней, и поэтому ему не приходится ожидать, пока он будет выражен в рабочем времени. Золото же — товар, отличный от пшеницы, и только в обращении может обнаружиться, действительно ли квартал пшеницы превратится в унцию золота, как об этом заранее объявляет его цена. Это зависит от того, окажется ли он потребительной стоимостью, или нет, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени временем общественно-необходимым для производства квартала пшеницы. Товар, как таковой, *есть* меновая стоимость и *имеет* цену. В этой разнице между меновою стоимостью и ценою проявляется то, что содержащийся в товаре особенный индивидуальный труд еще должен через процесс отчуждения быть представленным как его противоположность, как лишенный индивидуальности абстрактно-

всеобщий, и только в этой форме общественный, труд, т. е. как деньги. Обнаруживает ли он способность к такому превращению, или нет, кажется делом случая. Таким образом, хотя меновая стоимость товара получает в цене только идеально отличное от самого товара существование и двойственный характер содержащегося в товаре труда существует пока еще только в виде различных способов выражения, и поэтому, с другой стороны, материализация всеобщего рабочего времени, золото, противопоставляется реальному товару еще только в качестве мысленно представляемой меры стоимости, — тем не менее, в существовании меновой стоимости как цены, или золота как меры стоимости уже заключается в скрытом виде необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден; словом, заключается в скрытом виде все противоречие, которое происходит от того, что продукт есть товар или что особенный труд частного лица, чтобы приобрести общественное значение, должен быть представлен как его непосредственная противоположность, как абстрактно-всеобщий труд. Поэтому утописты, которые желают сохранить товар, но не деньги, сохранить производство, основанное на частном обмене, но без необходимых условий этого производства, оказываются вполне последовательными, когда они «уничтожают» деньги не только в их осязательной форме, но уже в их воздушной и прозрачной форме меры стоимости. Ведь за невидимую меру стоимостей скрываются реальные деньги.

При наличности процесса, превращающего золото в меру стоимостей, а меновую стоимость — в цену, все товары в своих ценах являются еще только мысленно представляемыми количествами золота разной величины. Как такие различные количества одной и той же вещи, золота, они равны друг другу, сравниваются и измеряются друг с другом; таким образом возникает техническая необходимость относить их к определенному количеству золота, как к *единице-мере*; последняя развивается далее в масштаб таким образом, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части.¹

¹ Тот странный факт, что в Англии унция золота, как единица денежной меры, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим образом: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, — поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, предназначенную

Но количества золота, как таковые, измеряются по весу. Следовательно, имеется уже готовый масштаб в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении служат первоначально также масштабом цен. Так как теперь товары относятся друг к другу уже не как меновые стоимости, подлежащие измерению рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые в золоте, то золото превращается из *меры стоимости* в *масштаб цен*. Сравнение товарных цен между собою, как различных количеств золота, кристаллизуется таким образом в знаках, которые соответствуют мысленно представляемому количеству золота и превращают последнее в масштаб, разделенный на равные части. Золото в качестве меры стоимостей и в качестве масштаба цен обладает совершенно различными определенностями формы, и смешение одной с другою породило самые нелепые теории. Мерюю стоимости золото является как овеществленное рабочее время, масштаб цен—как определенное весовое количество металла. Мерюю стоимости золото становится благодаря тому, что оно как меновая стоимость относится к товарам как к меновым стоимостям; в качестве же масштаба цен определенное количество золота служит единицею для других количеств золота. Мерюю стоимости золото является потому, что его стоимость может изменяться, масштаб же цен—потому, что оно фиксировано в виде неизменной весовой единицы. Здесь, как и при всяких измерениях одноименных величин, устойчивость и определенность отношений меры имеют наиболее важное значение. Необходимость принять определенное количество золота за единицу меры, а части, на которые оно разделено, — за подразделение этой единицы, породила такое представление, будто определенное количество золота, стоимость которого, конечно, изменчива, поставлено, как стоимость, в постоянное отношение к меновым стоимостям товаров; но при этом упускают из виду, что меновые стоимости товаров превращаются в цены, т. е. в количества золота, еще до того как золото развивается в масштаб цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, различные количества золота как стоимости сохраняют всегда одинаковое отношение друг к другу. Если бы стоимость золота понизилась на 1 000 процентов, и в этом случае, как и раньше, 12 унций золота имели бы в 12 раз большую стоимость, чем

исключительно для серебра, то отга унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет» (*MacLaren, History of the currency, p. 16, London, 1858*).

одна унция, а ведь в ценах дело идет только о взаимном отношении различных количеств золота. Так как, с другой стороны, унция золота с понижением или повышением ее стоимости несколько не изменяется в своем весе, то столь же мало изменяется вес частей, на которые она разделена, и таким образом золото, как точно фиксированный масштаб цен, оказывает всегда ту же самую услугу, как бы ни изменялась его стоимость.¹

Исторический процесс, который мы ниже объясним из природы металлического обращения, привел к тому, что то же самое весовое название сохранялось для постоянно изменяющегося и убывающего веса благородных металлов в их функции масштаба цен. Так, английский фунт обозначает теперь менее $\frac{1}{3}$ своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения Шотландии с Англией — только $\frac{1}{36}$, французский ливр — $\frac{1}{74}$, испанское «maravedi» менее $\frac{1}{1000}$, а португальское «те» еще меньшую долю. Так денежные названия весовых частей металла исторически отделились от их общих весовых названий.² Так как определение единицы меры, ее подразделений и их названий носит, с одной стороны, чисто условный характер, а с другой стороны, должно в пределах обращения обладать общепризнанным и обязательным характером, то оно должно быть установлено законом. Таким образом эта чисто формальная операция перешла в руки правительства.³ Определенный же металл,

¹ «Деньги могут постоянно меняться в своей стоимости и тем не менее так же хорошо служить мерою стоимости, как если бы их стоимость оставалась неизменною. Предположим, напр., что их стоимость понизилась... До понижения одна гinea покупала три бушеля пшеницы или 6 дней труда, после понижения — только два бушеля или 4 дня труда. В обоих случаях, если дано отношение пшеницы и труда к деньгам, их взаимное отношение может быть определено; другими словами, мы можем утверждать, что один бушель пшеницы стоит 2 дней труда. Это все, что нам может дать мера стоимости, и она оказывает эту услугу одинаково после понижения стоимости, как и до него. Пригодность какой-нибудь вещи в качестве меры стоимости совершенно не зависит от изменений ее собственной стоимости» (р. 11. *Bailey, Money and its vicissitudes, London, 1837*).

² «Монеты, которые в настоящее время являются только идеальными названиями, на самом деле наиболее древние у всех народов; когда-то они все имели реальное значение (последнее в таком широком объеме неправильно. — *K M*), и так как они имели реальное значение, то на них и велся счет». *Galiani, Della moneta, l. c., p. 153*.

³ Романтик А. Мюллер говорит: «По нашему представлению, каждый независимый государь имеет право присвоить металлу значение денег, определить их общественную номинальную стоимость, категорию, разряд и название» (р. 276, *Band II. A. H. Müller, Die Elemente der Staatskunst*).

служивший в качестве денежного материала, был дан общественными условиями. В различных государствах законный масштаб цен является, конечно, различным. В Англии, например, унция как весовое количество металла делится на pennyweights, grains и carats troy, но унция золота, как единица-мера денег, делится на $5\frac{7}{8}$ соверена, соверен на 20 шиллингов, шиллинг на 12 пенсов, так что 100 фунтов 22-каратного золота (1 200 унций) = 4 672 соверенам и 10 шиллингам. Однако на мировом рынке, где исчезают государственные границы, эти национальные характеры денежных мер также исчезают и уступают место общим мерам веса металлов.

Таким образом, цена товара или количество золота, в которое он идеально превращается, выражается теперь в денежных названиях золотого масштаба. Вместо того чтобы сказать, что квартер пшеницы равняется одной унции золота, в Англии говорят, что он равняется 3 ф. ст. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п. Все цены выражаются, таким образом, в одних и тех же названиях. Особая форма

Berlin, 1809). Что касается названия, то наш господин придворный советник прав; но он забывает о *содержании*. Насколько смутны его «представления», показывает, напр., следующее место: «Каждый человек пошмамет, какое большое значение имеет правильное определение монетной цены, особенно в такой стране, как Англия, где правительство с *великодушию щедростью* бесплатно чеканит монету (повидимому, господин Мюллер полагает, что члены английского правительства покрывают расходы по чеканке монет из собственного кармана), не взимает монетной пошлины и т. п.; если бы это правительство значительно повысило монетную цену золота сравнительно с его рыночной ценою, если бы, напр., оно установило монетную цену одной унции золота в 3 фунта 19 шиллингов вместо 3 фунтов 17 шиллингов $10\frac{1}{2}$ пенсов, то все золото устремилось бы на монетный двор, полученное там серебро было бы обменено на рынке на более дешевое золото и последнее было бы опять доставлено на монетный двор, и все монетное дело пришло бы в беспорядок» (р. 280, 281, l. c.). Мюллер хочет «сохранить в порядке английский монетный двор, но при этом у него самого оказывается не все «в порядке». Шиллинги и пенсы суть только названия определенных частей унций золота, названия, представленные серебряными и медными знаками; Мюллер же вообразил, что унция золота оценивается в золоте, серебре и меди, и таким образом осчастливил англичан тройным «standard of value» (мера стоимости). Правда, серебро в качестве денежной меры, существующей наряду с золотом, было формально отменено только в 1816 году законом 56 Георга III, ст. 68. Но по существу оно было отменено уже в 1734 году законом 14 Георга II, ст. 42, а на практике еще значительно раньше. Двум обстоятельствам А. Мюллер был специально обязан своею способностью к так называемому *высшему* пониманию политической экономии. Это были, с одной стороны, его полное незнакомство с экономическими фактами, а с другой стороны — его исключительно дилетантское, мечтательное отношение к философии.

которую товары придают своей меновой стоимости, превратилась в *денежное название*, при помощи которого они дают знать друг другу, сколько они стоят. Деньги, с своей стороны, превращаются в *счетные деньги*.¹

Превращение товара в счетные деньги в уме, на бумаге или на словах происходит всякий раз, когда какой-нибудь вид богатства оценивается со стороны его меновой стоимости.² Для этого превращения требуется золотой материал, но лишь мысленно представляемый. Для того чтобы оценить стоимость 1 000 кип хлопка в определенном числе унций золота, а затем само это число унций выразить в счетных названиях унции, т. е. в фунтах стерлингов, шиллингах и пенсах, не требуется ни одного атома действительного золота. Так, в Шотландии перед банковым актом сэра Роберта Пиля 1845 года ни одной унции золота не было в обращении, хотя законною мерою цен служила унция золота, и притом выраженная как английский счетный масштаб в 3 ф. 17 ш. 10¹/₂ п. Так, серебро служит мерою цен в товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя на самом деле эта торговля носит исключительно меновой характер. Поэтому для денег как счетных денег безразлично, действительно ли их единица-мера и ее подразделения чеканятся в виде монет или нет. В Англии, в эпоху Вильгельма Завоевателя, фунт стерлингов, равнявшийся тогда одному фунту чистого серебра, и шиллинг, равнявшийся ¹/₂₀ фунта, существовали только в качестве счетных денег, между тем как пенни, составлявший ¹/₂₄₀ фунта серебра, был наиболее крупною из существовавших тогда серебряных монет. Наоборот, в настоящее время в Англии не существует ни шиллингов,³ ни пенсов, хотя они представляют законные счетные названия для определенных частей унции золота. Вообще возможны случаи, когда деньги как счетные деньги имеют только идеальное существование, между тем как действительно существующие деньги вычеканены по совершенно другому масштабу. Так, во многих английских колониях Северной Америки деньги, находившиеся в обращении до конца

¹ «Аналарсис, спрошенный кем-то, для чего эллины употребляют деньги, ответил: для счета» (*Athen. Deipn.*, I, IV, 49, v. 2, ed. Schweighäuser 1802).

² *Г. Гарнье*, одному из первых французских переводчиков Адама Смита, пришла в голову странная мысль установить точную пропорцию между употреблением счетных денег и употреблением реальных денег. Эта пропорция, по его мнению, составляет 10 : 1 (*G. Garnier*, «Histoire de la monnaie depuis les temps de la plus haute antiquité etc.», t. I, p. 78).

³ [Маркс имеет в виду шиллинги, сделанные из золота.]

восемнадцатого столетия, состояли из испанских и португальских монет, в то время как счетные деньги были у них повсюду те же самые, что в Англии.¹

Так как золото как масштаб цен выражается в тех же самых счетных названиях, как и товарные цены, — например, унция золота, как и тонна железа, выражается в 3 ф. 17 ш. 10¹/₂ п., — то эти счетные названия золота называли *монетною ценою* золота. Отсюда возникло удивительное представление, будто золото оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства *постоянную* цену. Фиксацию счетных названий для определенных весовых количеств золота приняли за фиксацию стоимости этих весовых количеств.² Но золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только *постоянной*, но и вообще *никакой* цены. Для того чтобы золото могло иметь цену, т. е. быть выраженным в качестве *всеобщего эквивалента* в одном каком-нибудь *специфическом* товаре, этот последний товар должен был бы играть в процессе обращения такую же исключительную роль, как и золото. Но два товара, которые исключают все другие товары, взаимно исключают друг друга. Поэтому там, где серебро и золото фигурируют рядом как законные деньги, т. е. как мера стоимости, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как *одно и то же вещество*. Предположить, что одинаковое рабочее время овеществляется неизменно в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предположить, что серебро и золото в сущности представляют одну и ту же материю и что стоимость серебра, этого менее ценного металла, составляет неизменную дробную часть стоимости золота. От царствования Эдуарда III до времени

¹ Изданный в Мериленде в 1723 году закон, которым табак был объявлен законною монетою, но стоимость его была переведена на английские золотые деньги, а именно 1 пенни за фунт табаку, напоминает *leges barbarorum* («Варварские Правды»), в которых, наоборот, определенные денежные суммы приравнивались быкам, коровам и т. п. В последнем случае не золото или серебро, а бык и корова составляли действительный материал счетных денег.

² Так, напр., мы читаем в «*Familiar words*» г. *Давида Уркорта*: «Стоимость золота должна измеряться при помощи самого золота; но каким образом может какое-нибудь вещество быть мерилем своей собственной стоимости в других вещах? Стоимость золота должна быть установлена при помощи его собственного веса, которому при этом дается другое, фальсифицированное название, — таким образом получается, что унция золота стоит столько-то фунтов и частей фунта. Но это — фальсификация меры, а не установление мерила».

Георга II история английского денежного обращения представляет непрерывный ряд пертурбаций, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То оценка золота оказывалась слишком высокою, то оценка серебра. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда закон опять изменял соотношение стоимости обоих металлов, но скоро эта новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. В наше время даже очень слабое и преходящее понижение стоимости золота сравнительно с серебром, явившееся результатом спроса Индии и Китая на серебро, вызвало во Франции в больших размерах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. За время 1855, 1856 и 1857 годов ввоз золота во Францию превышал вывоз его из Франции на 41 580 000 фунтов стерлингов, между тем как вывоз серебра превышал его ввоз на 14 704 000 ф. ст. Фактически в таких странах, как Франция, где по закону оба металла являются мерою стоимости и обязательны к приему при платежах, — причем каждый может платить по желанию в том или другом металле, — тот металл, стоимость которого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, между тем как мерою стоимости служит только последний металл. Весь исторический опыт в этой области сводится к тому простому положению, что там, где по закону два товара выполняют функцию меры стоимости, фактически эту функцию сохраняет за собою только один из них.¹

В. ТЕОРИИ ЕДИНИЦЫ-МЕРЫ ДЕНЕГ

То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально и поэтому золото только идеально превращается в деньги, породило теорию *идеальной единицы-меры денег*. Так как при определении цены золото и серебро

¹ «Деньги как мера, употребляемая в торговле, должны, подобно всякой другой мере, по возможности сохранять устойчивость. Но это невозможно там, где деньги состоят из двух металлов, отношение стоимостей которых постоянно изменяется». (*John Locke, Some considerations on the lowering of interest et.*, 1691; p. 65 в его *Works*, 7 ed., London, 1768, vol III.).

функционируют только в мысленно представляемом виде как счетные деньги, то утверждали, что названия фунт стерлингов, шиллинг, пенс, талер, франк и т. п. обозначают не весовые части золота и серебра или в ином виде овеществленный труд, а идеальные атомы стоимости. Таким образом, если, например, стоимость унции серебра повышается, то, значит, она содержит большее число таких атомов и должна поэтому исчисляться и чеканиться в большем числе шиллингов. Эта доктрина, выдвинутая снова во время последнего торгового кризиса в Англии и даже представленная в парламенте в двух специальных отчетах, приложенных к отчету заседавшего в 1858 г. Комитета по банковым делам, появилась в конце семнадцатого столетия.

Ко времени восшествия на престол Вильгельма III монетная цена унции серебра составляла в Англии 5 ш. 2 п., или $\frac{1}{62}$ унции серебра называлась пенни, а 12 таких пенсов составляли шиллинг. В соответствии с этим масштабом, из куска серебра весом, например, в 6 унций чеканили 31 монету под названием шиллинг. Но *рыночная цена* унции серебра поднялась выше ее *монетной цены*, с 5 ш. 2 п. до 6 ш. 3 п., или для того, чтобы купить одну унцию чистого серебра, приходилось платить 6 ш. 3 п. Каким же образом рыночная цена унции серебра могла подняться выше ее монетной цены, если монетная цена есть только счетное название для соответственных частей унции серебра? Эта загадка разрешалась очень просто. Из 5 600 000 ф. с. серебряных монет, находившихся тогда в обращении, четыре миллиона ф. с. состояли из изношенных, стертых и обрезанных монет. Произведенная проба показала, что 57 000 ф. с. в серебряных монетах, которые должны были весить 220 000 унций, весили только 141 000 унций. Монетный двор чеканил по прежнему масштабу, но действительно находившиеся в обращении легкие шиллинги представляли меньшую долю унции, чем показывало их название. Поэтому на рынке за унцию чистого серебра приходилось уплачивать большее число таких уменьшившихся в весе шиллингов. Когда в результате возникшей отсюда путаницы решено было произвести общую перечеканку монет, секретарь казначейства (secretary to the treasury) Лаунде утверждал, что так как стоимость унции серебра повысилась, то впредь из нее надо чеканить 6 ш. 3 п., вместо прежних 5 ш. 2 п. Таким образом, он в сущности утверждал, что так как стоимость унции повысилась, то стоимость ее соответственных частей понизилась. Но эта ложная теория Лаундса должна была

только оправдать правильную практическую цель. Зачем платить в полновесных шиллингах государственные долги, заключенные в легковесных шиллингах? Вместо того чтобы сказать: возвращайте 4 унции серебра там, где вы получили номинально 5 унций, а фактически только 4 унции, Лаунде говорил: возвращайте номинально 5 унций, но сократите их металлическое содержание до 4 унций и назовите шиллингом то, что вы раньше называли $\frac{4}{5}$ шиллинга. Таким образом, Лаунде фактически придерживался металлического содержания, хотя в теории отстаивал счетное название. Противники же его, которые придерживались только счетного названия и потому объявляли шиллинг, потерявший 25 — 30% своего веса, равнозначным полновесному шиллингу, утверждали, наоборот, что они отстаивают только металлическое содержание.

Джон Локк, который защищал новую буржуазию во всех ее формах, а именно промышленных капиталистов против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников,¹ и даже доказывал в специальном сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок, также выступил против Лаундса. Джон Локк одержал победу, и долги, которые получены были в гинейх, содержавших в себе от 10 до 14 шиллингов, были возвращены в гинейх, содержавших 20 шиллингов.² *Сэр Джамес Стюарт* иронически охарактери-

¹ [У Маркса написано: «Staatsschuldner». Вероятно, он имеет в виду налогоплательщиков и других лиц, которые состоят должниками казны и потому терпят ущерб от повышения стоимости денежной единицы.]

² Локк, между прочим, говорит: «Назовите кроною то, что раньше называлось полукроною. Стоимость ее попрежнему определяется металлическим содержанием. Если бы вы могли отбить от серебряной монеты $\frac{1}{20}$ ее веса, не уменьшая этим ее стоимости, то с таким же успехом вы могли бы отбить $\frac{19}{20}$ веса содержащегося в ней серебра. По этой теории фартинг, если назвать его кроною, мог бы покупать такое же количество пряностей, шелка или других товаров, как корона, содержащая в шестьдесят раз более серебра. Все, что вы можете сделать, это придать меньшему количеству серебра штемпель и название большего количества. Но ведь серебро, а не название, погашает долги и покупает товары. Если повысить стоимость денег значит для вас не что иное, как дать соответственным долям куска серебра произвольные названия, например, назвать одну восьмую долю унции серебра пенни, — то вы, действительно, можете поднять стоимость денег так высоко, как вам угодно». Одновременно Локк возражал Лаундсу, что повышение рыночной цены серебра выше его монетной цены происходит «не от повышения стоимости серебра, но от убывания в весе серебряных монет». 77 стертых и обрезанных шиллингов не весят ни на йоту больше

зовал эту операцию следующим образом: «Правительство значительно выиграло на налогах, кредиторы — на капитале и процентах, а народ — единственный обманутый — был на этот счет беззаботен, так как его standard (масштаб его собственной стоимости) не понизился.¹ Стюарт думал, что по мере дальнейшего развития торговли народ поумнеет. Но он ошибся. Приблизительно через 120 лет повторилось то же самое «qui pro quo».

Вполне естественно, что епископ *Беркли*, представитель мистического идеализма в английской философии, придал учению об идеальной единице-мере денег теоретический характер, что упустил сделать практический «секретарь казначейства» (secretary to the treasury). Он спрашивает: «Разве названия: ливр, фунт стерлингов, крона и т. п. не должны быть рассматриваемы как простые названия отношений (а именно отношений абстрактной стоимости как таковой)? Разве золото, серебро или бумажные деньги представляют нечто большее, чем только билеты или знаки для счета, записывания и контроля (отношений стоимости)? Разве богатство состоит не во власти распоряжаться промышленною деятельностью других людей (общественным трудом)? И разве деньги в действительности что-либо другое, чем марка, или знак для перенесения и регистрации такой власти, и представляет ли большую важность, из какого материала эти марки сделаны?»² Здесь мы видим смешение, с одной стороны,

чем 62 полновесных. Наконец, Локк правильно указал, что, независимо от уменьшения серебра в обращающихся монетах, рыночная цена серебра в слитках в Англии может подняться несколько выше монетной цены по той причине, что вывоз серебра в слитках разрешен, вывоз же серебряной монеты воспрещен (см. I. c., p. 54 — 116 passim). Локк очень остерегался затрагивать злободневный вопрос о государственных долгах, равно как осторожно избегал входить в обсуждение одного деликатного экономического вопроса. Последний заключался в следующем. Вексельный курс, а равно отношение между серебром в слитках и серебряною монетою показывали, что находящиеся в обращении деньги обесценились отнюдь не пропорционально действительному уменьшению в них серебра. К этому вопросу мы вернемся в более общей форме в отделе о средствах обращения. *Николай Барбон* в «A discourse concerning coining the new money lighter, into Mr. Locke's — answer considerations» etc., London, 1696, безрезультатно пытался завлечь Локка на эту опасную почву.

¹ *Steuart*, I. c., t. II, p. 154.

² «The Querist», I. c. Вообще «Queries on money» — талантливое произведение. Между прочим, Беркли правильно замечает, что как раз развитие северо-американских колоний «make it plain as day light that gold and silver are not so necessary for the wealth of a nation, as the vulgar of all ranks imagine» (доказало ясно, как день, что золото и серебро не так необходимы для богатства нации, как воображают профаны всех сословий).

меры стоимостей с масштабом цен, а с другой стороны, золота и серебра в качестве меры стоимости и в качестве средства обращения. Из того факта, что в акте обращения благородные металлы могут быть замещены знаками, Беркли заключает, что эти знаки, в свою очередь, представляют только абстрактное понятие стоимости, т. е. не представляют *ничего*.

Учение об идеальной единице-мере денег развито с такою полнотою у сэра *Джемса Стюарта*, что последователи его — последователи бессознательные, так как они его не знали, — не могли найти ни нового оборота речи, ни даже нового примера. «Счетные деньги, — говорит он, — не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости предметов, подлежащих продаже. Счетные деньги — нечто совершенно отличное от монетных денег (*money coin*), представляющих собою цену;¹ они могли бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции, являющейся пропорциональным эквивалентом для всех товаров. Счетные деньги оказывают ту же услугу для стоимости предметов, какую градусы, минуты, секунды и т. д. оказывают для углов или масштабы для географических карт и т. п. Во всех этих изобретениях какое-нибудь наименование принимается всегда за единицу. Как полезность всех этих приемов ограничивается только *указанием пропорций*, так и полезность денежной единицы ограничивается тем же. Поэтому денежная единица не может сохранять определенную неизменную пропорцию с какою-нибудь частью стоимости; это значит, что она не может быть фиксирована за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара. Но если только эта единица дана, мы можем при помощи умножения получить какую угодно большую стоимость. Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на них обстоятельств и от каприза людей, то изменения стоимости товаров могут быть рассматриваемы только в их взаимном отношении. Все то, что нарушает или спутывает точное определение пропорциональных изменений при помощи всеобщего, установленного и неизменного масштаба, должно влиять вредным образом на торговлю. Деньги только *идеальный масштаб* с равными делениями. Если меня спросят, что же должно служить едини-

¹ *Цена* означает здесь реальный эквивалент, в согласии со словоупотреблением английских экономистов XVII столетия.

цею для измерения стоимости какого-нибудь из этих деления, то я отвечу на это другим вопросом: а какова нормальная величина градуса, минуты, секунды? Они не имеют никакой нормальной величины; но если только дано одно какое-нибудь деление, то, в соответствии с природою данного масштаба, из отношения к данному делению необходимо определяются все остальные деления. Примером таких идеальных денег служат банковые деньги в Амстердаме и деньги в Анголе, на побережье Африки».¹

Стюарт ограничивается только *формой проявления* денег в обращении в качестве *масштаба цен и счетных денег*. Если в прейскуранте цены различных товаров обозначены в 15 ш., 20 ш., 36 ш., то, действительно, при сравнении величины их стоимости нас не интересуют ни серебряное содержание шиллинга, ни его название. Пропорция чисел 15 : 20 : 36 говорит нам теперь все, и число 1 сделалось единственною единицею-мерой. Вообще чисто абстрактным выражением пропорции может быть только сама абстрактная пропорция чисел. Поэтому, чтобы быть последовательным, Стюарт должен отказаться не только от золота и серебра, но и от их легальных монетных названий. Не понимая превращения меры стоимостей в масштаб цен, он, естественно, полагает, что определенное количество золота, которое служит единицею-мерой, ставится как мера в отношении не к другим количествам золота, а к стоимостям как таковым. Так как товары благодаря превращению своих меновых стоимостей в цены являются как одноименные величины, то Стюарт отрицает качественное свойство меры, которое и делает их одноименными; так как в этом сравнении различных количеств золота величина того количества золота, которое служит единицею-мерой, имеет условный характер, то он вообще отрицает, что эта величина должна быть точно установлена. Конечно, он может назвать градусом не $\frac{1}{360}$ часть круга, а $\frac{1}{180}$; в таком случае, прямой угол будет измеряться не 90, а 45 градусами, и соответственным образом изменится измерение острых и тупых углов. Тем не менее, мерою угла и теперь, как и раньше, останется, во-первых, качественно определенная математическая фигура — круг, и, во-вторых, количественно определенный отрезок круга. Что касается экономических примеров Стюарта, то одним он опровергает самого себя, а другим ничего не доказывает. Банковые деньги в Амстердаме представляли в действительности только

¹ *Steuart*, l. c., t. II, p. 154, 299.

счетное название для испанских дублонов, которые, лениво покоясь в подвалах банка, сохранили свой полновесный жир, между тем как деятельно обращающаяся ходкая монета от столкновений с грубым внешним миром отошала. Что же касается африканских идеалистов, то мы оставим их в покое до тех пор, пока критически мыслящие путешественники не сообщат нам более точных сведений о них.¹ Более или менее идеальными деньгами в смысле Стюарта можно было бы назвать французские ассигнаты: «*Национальная собственность. Ассигнат в 100 франков*». Правда, здесь точно указана та потребительная стоимость, которую ассигнат доля еи был представлять, а именно конфискованное земельное имущество, но количественное определение единицы-меры было забыто, и «франк» поэтому превратился в слово, лишнее смысла. Ведь количество земли, которое представлял франк в ассигнатах, зависело от результатов публичной распродажи земли. На практике, однако, франк в ассигнатах обращался, как знак стоимости серебряных денег, и поэтому обесцененке его измерялось в этом серебряном масштабе.

Эпоха приостановки Английским банком размена банкнот на золото вряд ли была богаче бюллетенями о сражениях, чем денежными теориями. Обесценение банкнот и повышение рыночной цены золота выше его монетной цены вызвали опять к жизни доктрину об идеальной денежной мере, которую отстаивали некоторые защитники Банка. Классически путаное выражение для этой путаной теории нашел лорд Кестльри, определивший единицу-меру денег как «*a sense of value, in reference to currency as compared with commodities*» (представление о стоимости, вытекающее из сравнения денег с товарами). Когда через несколько лет после заключения Парижского мира обстоятельства позволили возобновить размен банкнот, поднялся почти в неизменной форме тот же самый вопрос, который Лаундс возбудил во время Вильгельма III. Колоссальный государственный долг и накопившаяся за более чем 20-летний период масса частных

¹ В связи с последним торговым кризисом в Англии с определенной стороны раздавались широковещательные похвалы по адресу африканских идеальных денег, причем на этот раз их местопребывание перенесли с побережья в глубь Берберии. Отсутствие у берберов торговых и промышленных кризисов объясняли идеальной единицею-мерою их «bags» (денежной системы). Не проще ли было бы сказать, что *conditio sine qua non* (необходимым условием) торговых и промышленных кризисов является наличие торговли и промышленности?

долгов, обязательств на точно фиксированные суммы и т. п., — все они были заключены в обесцененных банкнотах. Следует ли возвратить эти долги в банкнотах, которые в 4 672 ф. с. 10 ш. представляют не только номинально, но и фактически 100 фунтов 22-каратного золота? *Томас Атвуд*, бирмингамский банкир, выступил в роли *Lowndes redivivus* (воскресшего Лаундса). По его предложению, кредиторы должны получить номинально столько же шиллингов, сколько номинально было условлено при заключении договора; но если, согласно прежней монетной норме, шиллингом называлась $\frac{1}{78}$ унции золота, то теперь следует окрестить шиллингом, скажем, $\frac{1}{90}$ унции. Сторонники Атвуда известны под названием бирмингамской школы «*little shillingmen*» (сторонники малого шиллинга). Спор об идеальной денежной мере, начавшийся в 1819 году, продолжался еще в 1845 году между сэром Робертом Пилем и Атвудом, вся мудрость которого, поскольку она касалась функции денег в качестве меры, исчерпывающим образом выражена в следующей цитате: «Сэр Роберт Пиль в своей полемике с Бирмингамскою торговою палатою спрашивает: что будет представлять ваш банковый билет в 1 фунт стерлингов? Что такое фунт стерлингов?.. Но что следует, наоборот, понимать под теперешнею единицею-меркою стоимости? Означают ли 3 ф. с. 17 ш. и $10\frac{1}{2}$ п. одну унцию золота или ее стоимость? Если унцию золота, то почему не называть вещи своими именами и вместо фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов не говорить: унции, весовые пенни и граны? В таком случае мы вернемся к системе непосредственной меновой торговли... Или они означают стоимость? Но если одна унция = 3 ф. с. 17 ш. $10\frac{1}{2}$ п., то почему же она по временам стоила то 5 ф. с. 4 ш., то 3 ф. с. 17 ш. 9 п?.. Выражение «фунт стерлингов» (£) имеет отношение к стоимости, но не к стоимости, фиксированной за неизменным весовым количеством золота. Фунт стерлингов — идеальная единица... Труд есть та субстанция, к которой сводятся издержки производства, и труд так же сообщает золоту его относительную стоимость, как и железу. Поэтому то самое счетное название, которое употребляется для обозначения дневного или недельного труда человека, выражает всегда также стоимость произведенного за это время товара».¹

В последних словах туманное представление об идеальной

¹ «The currency question, the Gemini letters», London, 1844, p. 260 — 272 *passim*.

денежной мере рассеивается, и проглядывает его подлинное содержание. Счетные названия золота: фунт стерлингов, шиллинг и т. п., должны служить названиями для определенных количеств рабочего времени. Так как рабочее время есть субстанция и имманентная мера стоимости, то, следовательно, эти названия действительно представляют пропорции самой стоимости. Другими словами, действительную единицу-мерой денег признается рабочее время. Тем самым мы уже выходим за пределы Бирмингемской школы, но мимоходом заметим еще, что учение об идеальной денежной мере получило новое значение в споре о разменности или неразменности банкнот. Если бумажные деньги получают свое наименование от золота или серебра, то разменность банкноты, т. е. способность ее обмениваться на золото или серебро, остается требованием экономического закона, каков бы ни был юридический закон. Так, например, прусский бумажный талер, хотя и неразменный по закону, немедленно подвергся бы обесценению, если бы он стоил в повседневном обращении меньше серебряного талера, т. е. если бы он оказался неразменным на практике. Поэтому последовательные защитники неразменных бумажных денег в Англии апеллировали к идеальной денежной мере. Если счетные названия денег, фунты стерлингов, шиллинги и т. п., служат названиями для определенной суммы атомов стоимости, которые то в большем, то в меньшем количестве поглощаются или выделяются данным товаром при обмене его на другие товары, то, например, английская пятифунтовая банкнота так же независима от своего отношения к золоту, как от своего отношения к железу и хлопку. Так как название этой банкноты уже не означает теоретического приравнивания ее к определенному количеству золота или другого товара, то требование разменности банкноты, т. е. приравнивания ее на практике определенному количеству какой-нибудь конкретной вещи, исключается самым понятием этой банкноты.

Учение о рабочем времени как непосредственной единице-мере денег было впервые систематически развито *Джоном Греем*.¹ По его мнению, национальный центральный банк при

¹ *John Gray, The social system. A treatise on the principle of exchange, Edinburgh, 1831.* Ср. его же «*Lectures on the nature and use of money*», Edinburgh, 1848. После февральской революции Грей послал французскому временному правительству докладную записку, в которой доказывал ему, что Франция нуждается не в «*organisation of labour*» (организации труда), а в «*organisation of exchange*» (организации обмена); план последней полнс-

помощи своих филиальных отделений банков должен удостоверить количество рабочего времени, затрачиваемое на производство различных товаров. Производитель получает в обмен за свой товар официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, сколько содержится в его товаре;¹ эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий день, 1 рабочий час и т. п. одновременно служат ассигновками на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка.² Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и везде приспособленный к существующим английским учреждениям. «При такой системе, — говорит Грей, — в любое время можно будет так же легко продать за деньги, как теперь легко за деньги купить; производство будет равномерным, никогда не иссякающим источником спроса».³ Благородные металлы потеряют свое «привилегированное» положение по отношению к другим товарам, «займут подобающее им место на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, и стоимость их будет интересовать нас не более, чем стоимость алмазов».⁴ «Итак, должны ли мы удержать нашу воображаемую меру стоимости, золото, сковывая тем самым производительные силы страны, или мы должны обратиться к естественной мере стоимости, к труду, и освободить производительные силы страны?»⁵

Если рабочее время — имманентная мера стоимости, то почему же наряду с ним появляется другая внешняя мера? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары

стью разработан в измышленной им денежной системе. Бравый Джон не подозревал, что через 16 лет после появления его «Social system» патент на это самое открытие будет взят изобретательным Прудоном.

¹ *Gray, The social system etc.*, p. 63: «Денги должны быть только свидетельством о том, что обладатель их либо передал известную стоимость в национальный запас богатств, либо приобрел право на такую стоимость от лица, передавшего ее туда».

² «Когда определенная стоимость уже овеществлена в продукте, она может быть положена в банк и может быть по первому требованию взята из него обратно, с тем, однако, общепризнанным условием, что лицо, вложившее в проектируемый Национальный банк какое-нибудь имущество, может взять обратно равноценную стоимость в любом другом виде, не будучи обязано брать именно ту самую вещь, которую оно положило в банк» (I. c., p. 68).

³ I. c., p. 16.

⁴ *Gray, Lectures on money etc.*, p. 182.

⁵ I. c., p. 169.

измеряют свою стоимость в одном выделенном товаре, который превращается таким образом в адекватное бытие меновой стоимости, в деньги? Такова была проблема, которую Грею надо было разрешить. Вместо того чтобы ее разрешить, он вообразил, что товары могли бы непосредственно относиться друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, чем они являются в действительности. Товары суть непосредственно продукты обособленного, независимого частного труда, который через свое отчуждение в процессе частного обмена должен доказать свой характер всеобщего общественного труда; или, другими словами, труд на основе товарного производства становится трудом общественным только через всестороннее отчуждение индивидуальных работ. Если же Грей рассматривает содержащиеся в товарах рабочее время как *непосредственно общественное*, то он рассматривает его как общественное рабочее время или как рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. В таком случае, действительно, какой-нибудь один специфический товар, вроде золота и серебра, не мог бы противостоять другим товарам в качестве воплощения всеобщего труда, меновая стоимость не превращалась бы в цену; но вместе с тем и потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и таким образом была бы уничтожена самая основа буржуазного производства. Однако это никоим образом не входит в план Грея. По его мнению, *продукты должны производиться как товары, но не обмениваться как товары*. Выполнение этого благочестивого пожелания Грей возлагает на Национальный банк. С одной стороны, общество в лице банка делает отдельных лиц независимыми от условий частного обмена, с другой стороны, оно позволяет им продолжать производство на основе частного обмена. Однако, хотя Грей хочет только «реформировать» возникающие из товарного обмена деньги, но внутренняя последовательность заставляет его отвергать условия буржуазного производства одно за другим. Так, капитал он превращает в национальный капитал,¹ земельную собственность — в национальную собственность,² а если мы внимательно приглядимся к его банку, то найдем, что он не только одною

¹ «Где каждой страны должны вестись на национальный капитал» (John Gray, The social system, p. 171).

² «Земля должна быть обращена в национальную собственность» (I. c., p. 298).

рукою принимает товары и другою выдает квитанции на доставленный труд, но регулирует и самое производство. В последнем сочинении Грея «Lectures on money», в котором он усердно старается представить свои рабочие деньги как чисто буржуазную реформу, он запутывается в еще более вопиющих нелепостях.

Каждый товар представляет собою непосредственно деньги. Такова была теория Грея, выведенная из его неполного и потому ложного анализа товара. «Органическая» конструкция «рабочих денег», «национального банка» и «товарных складов» — не более как фантазия, которая должна придать догмату вид закона, управляющего миром. Догмат, что товар представляет собою непосредственно деньги, или что содержащийся в нем особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, верным от того, что банк верит в него и действует в соответствии с ним. Напротив, в таком случае банкротству пришлось бы взять на себя роль практической критики. То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что рабочие деньги только прикрывают звучащими в экономическом духе фразами благое желание устранить деньги, вместе с деньгами — меновую стоимость, с меновою стоимостью — товар, а с товаром — буржуазную форму производства, — это прямо высказано некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него.¹ Но только на долю господина Прудона и его школы выпала задача серьезно проповедывать низвержение *денег* и апофеоз *товара* как истинную сущность социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами.²

2. Средство обращения

После того как товар в процессе установления цены получил свою форму, способную к обращению, а золото получило свой характер денег, обращение одновременно представляет и разрешает те противоречия, которые заключал в себе процесс обмена товаров. Действительный обмен товаров, т. е. общественный

¹ См., напр., *W. Thompson*, An inquiry into the distribution of wealth etc. London, 1824 [В подлиннике ошибочно указан 1827 год]; *Bray*, Labours wrongs and labours remedy, Leeds, 1839.

² В качестве сводки этой мелодраматической денежной теории можно рассматривать книгу *Alfred Darimont*, De la réforme des banques, Paris, 1856.

обмен веществ, происходит в виде перемены форм, в которой развивается двойственная природа товара как потребительной стоимости и меновой стоимости, но в которой вместе с тем перемена форм самого товара кристаллизуется в определенных формах денег. Описать эту перемену форм значит описать обращение. Мы видели, что товар является развитою меновою стоимостью только при том условии, если дан мир товаров и тем самым фактически развитое разделение труда; подобно этому, обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянный поток их возобновления. Вторая предпосылка заключается в том, что товары вступают в процесс обмена как товары с определенными ценами или что внутри процесса обмена они проявляются друг для друга в своем двойственном существовании: реально как потребительные стоимости, идеально — в цене — как меновые стоимости.

На самых оживленных улицах Лондона магазины теснятся друг за другом; в их витринах сверкают все богатства мира, индийские шали, американские револьверы, китайский фарфор, парижские корсеты, русские меха и тропические пряности; но все эти привлекательные вещи носят на лбу роковые белые бумажные знаки с арабскими цифрами и лаконическими надписями £, sh., d. (фунт стерлингов, шиллинг, пенсы). Это — картина товаров, вступающих в процесс обращения.

а) Метаморфоз товаров

При ближайшем рассмотрении процесс обращения показывает нам различные формы кругооборотов. Если мы назовем товар Т, а деньги — Д, то обе эти формы мы можем выразить в следующем виде:

$$\begin{array}{c} \text{Т—Д—Т} \\ \text{Д—Т—Д} \end{array}$$

В настоящем отделе мы занимаемся исключительно первою формою, или непосредственною формою товарного обращения.

Кругооборот Т—Д—Т разлагается на движение Т—Д, обмен товара на деньги, или *продажу*; на противоположное движение Д—Т, обмен денег на товар, или *покупку*, и на единство обоих движений, Т—Д—Т, обмен товара на деньги с целью обмена этих денег на товар, или *продажу для покупки*. Результатом же, в котором самый процесс исчезает, является

Т—Т, обмен товара на товар, действительный обмен веществ.

Если за исходный пункт взять первый товар, то Т—Д—Т представляет превращение этого товара в золото и обратное превращение его из золота в товар, или движение, в котором товар существует первоначально в виде особенной потребительной стоимости, затем сбрасывает с себя это существование и приобретает в виде меновой стоимости, или всеобщего эквивалента, существование, освобожденное от всякой связи с его натуральным бытием; потом он сбрасывает с себя также этот вид и, в конце концов, остается в виде действительной потребительной стоимости, предназначенной для отдельной потребности. В этой последней форме он переходит из сферы обращения в сферу потребления. Таким образом, обращение Т—Д—Т в целом представляет собою прежде всего полный ряд метаморфоз, которые каждый единичный товар проходит для того, чтобы стать непосредственной потребительной стоимостью для своего владельца. Первый метаморфоз происходит в первой половине обращения Т—Д, второй — во второй половине Д—Т, а обращение в целом образует *curriculum vitae* (жизнеописание) товара. Но обращение Т—Д—Т представляет собою полный метаморфоз единичного товара только при том условии, что одновременно оно представляет собою сумму определенных односторонних метаморфоз других товаров, потому что каждый метаморфоз первого товара означает превращение его в другой товар, т. е. превращение другого товара в него, т. е. двухстороннее превращение, совершающееся в одной и той же стадии обращения. Мы должны сперва рассмотреть отдельно каждый из обоих процессов обмена, на которые распадается обращение Т—Д—Т.

Т—Д, или *продажа*: Т, товар, вступает в процесс обращения не только как особенная потребительная стоимость, например тонна железа, но как потребительная стоимость с определенной ценою, например в 3 ф. с. 17 ш. 10¹/₂ п. или в 1 унцию золота. Эта цена, будучи, с одной стороны, показателем содержащегося в железе количества рабочего времени, т. е. величины его стоимости, одновременно выражает благое желание железа превратиться в золото, т. е. придать рабочему времени, содержащемуся в нем самом, форму всеобщего общественного рабочего времени. Если этот акт пресуществления не удастся, тонна железа перестает быть не только товаром, но и продуктом, так как она является товаром только потому, что она не потребительная

стоимость для своего владельца, или труд последнего является действительным трудом только в качестве полезного труда для других, для него же самого он является полезным только в качестве абстрактно-всеобщего труда. Поэтому задача железа или его владельца заключается в том, чтобы найти в мире товаров тот пункт, где железо притягивает золото. Но эта трудность, *salto mortale* товара, преодолевается, как только продажа действительно совершается, как мы и предполагаем здесь в анализе простого обращения. Тонна железа, реализуя свой характер потребительной стоимости через посредство своего отчуждения, т. е. своего перехода из рук, где она не есть потребительная стоимость, в руки, где она является таковою, одновременно реализует свою цену и превращается из золота, только мысленно представляемого, в действительное золото. На место названия одной унции золота, или 3 ф. с. 17 ш. 10¹/₂ п. вступает теперь одна унция действительного золота, а тонна железа очистила свое место. Через посредство продажи Т—Д не только товар, который в своей цене был идеально превращен в золото, превращается реально в золото, но посредством того же самого процесса золото, которое в качестве меры стоимостей было только идеальными деньгами и в сущности фигурировало только как денежное название самих товаров, превращается в действительные деньги.¹ Если раньше золото сделалось идеальным всеобщим эквивалентом благодаря тому, что все товары измеряли в нем свою стоимость, то теперь, в качестве продукта всестороннего отчуждения товаров на золото, — а продажа Т—Д и является процессом этого всеобщего отчуждения, — золото становится абсолютно отчуждаемым товаром, реальными деньгами. Но золото становится в продаже реальными деньгами только потому, что меновые стоимости товаров в своих ценах уже представляли идеально золото.

В продаже Т—Д, как и в покупке Д—Т, друг другу противостоят два товара, из которых каждый представляет собою единство меновой стоимости и потребительной стоимости; но в товаре меновая стоимость его существует только идеально, в виде

¹ «Монета бывает двух родов, идеальная и реальная, и употребляется двойным образом для оценки вещей и для покупки их. Для оценки идеальная монета так же пригодна, как и реальная, и, может быть, даже лучше. Другое употребление монеты состоит в покупке тех самых вещей, которые она оценивает... Цены и контракты оцениваются в идеальной монете, а приводятся в исполнение — в реальной» (*Galvani*, I. c., p. 112 sq.).

цены, между тем как в золоте, хотя оно само представляет собою действительную потребительную стоимость, его потребительная стоимость существует только как носитель меновой стоимости, следовательно только как формальная потребительная стоимость, не относящаяся ни к какой действительной индивидуальной потребности. Таким образом, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью разделяется полярным образом между обоими членами Т—Д, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, которая должна еще реализовать в золоте свою идеальную меновую стоимость, цену, между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость, которая только в товаре реализует свою формальную потребительную стоимость. Только посредством этого раздвоения товара на товар и золото и, далее, посредством двойственного противопоставления, в котором каждый крайний член идеально представляет собою то, чем противоположный ему член является реально, и реально представляет собою то, чем противоположный член является идеально, т. е. только посредством представления товаров, как двухсторонне полярных противоположностей, разрешаются противоречия, заключающиеся в процессе их обмена.

До сих пор мы рассматривали Т—Д как продажу, превращение товара в деньги. Но если мы станем на сторону другого крайнего члена, тот же самый процесс представится нам, напротив, как Д—Т, покупка, превращение денег в товар. Продажа необходимо представляет собою одновременно и свою противоположность, покупку; это — продажа, если смотреть на процесс с одной стороны, и покупка, если смотреть с другой. Иначе говоря, в действительности этот процесс обнаруживает только ту разницу, что в Т—Д инициатива исходит со стороны товара или продавца, а в Д—Т со стороны денег или покупателя. Следовательно, если мы представляем первый метаморфоз товара, превращение его в деньги, как результат завершения первой стадии обращения Т—Д, то мы вместе с тем предполагаем, что какой-то другой товар уже превратился в деньги и, значит, находится уже во второй стадии обращения Д—Т. Таким образом, мы попадаем в заколдованный круг предпосылок. Само обращение представляет собою этот заколдованный круг. Если мы не будем рассматривать Д в Т—Д как совершившийся уже метаморфоз какого-нибудь другого товара, то мы вырвем данный акт обмена из процесса обращения. Но вне последнего исчезает

форма Т—Д, и друг другу противостоят только два различных Т, например, железо и золото, обмен которых представляет собою не особый акт обращения, а акт непосредственной меновой торговли. На месте своего производства золото такой же товар, как и всякий другой товар. Здесь относительная стоимость золота и железа или любого другого товара представляется в тех количествах, в которых они друг на друга взаимно обмениваются. Но в процессе обращения эта операция уже заранее предполагается; в товарных ценах собственная стоимость золота уже дана. Поэтому не может быть ничего ошибочнее того представления, будто *внутри процесса обращения* золото и товар вступают между собой в отношение непосредственной меновой торговли и, следовательно, их относительная стоимость устанавливается обменом их как простых товаров. Если нам кажется, что в процессе обращения золото обменивается на товары как простой товар, то иллюзия эта происходит просто оттого, что в ценах определенное количество товара уже приравнено определенному количеству золота, т. е. отнесено уже к золоту как к деньгам, как к всеобщему эквиваленту, и именно *поэтому* может непосредственно обмениваться на него. Поскольку цена товара *реализуется* в золоте, он обменивается на золото как на товар, как на особенную материализацию рабочего времени; но поскольку в золоте реализуется именно *цена* товара, последний обменивается на золото, не как на товар, а как на деньги, т. е. на золото как всеобщую материализацию рабочего времени. Но в обоих этих отношениях количество золота, на которое товар обменивается внутри процесса обращения, не определяется обменом, но, наоборот, обмен определяется ценою товара, т. е. его меновой стоимостью, оцененною в золоте.¹

Внутри процесса обращения золото, в чьих бы руках оно ни находилось, является результатом продажи Т—Д. Но так как Т—Д, продажа, одновременно есть Д—Т, покупка, то оказывается, что в то время как Т, товар, с которого процесс начинается, совершает свой первый метаморфоз, другой товар, противостоящий ему в виде крайнего члена Д, совершает свой второй метаморфоз и поэтому проходит вторую половину обращения, между тем

¹ Разумеется, это не исключает того, что рыночная цена товаров может превышать их стоимость или не достигать ее. Однако это соображение чуждо простому обращению и относится к совершенно другой сфере, которая подлежит рассмотрению позже, где мы подвергнем исследованию отношение между стоимостью и рыночною ценою.

как первый товар находится еще в первой половине своего пути.

Результатом первого процесса обращения, продажи, является исходный пункт второго процесса, деньги. На место товара в первоначальной его форме вступает его золотой эквивалент. Этот результат может прежде всего образовать пункт остановки, так как товар в этой второй форме обладает собственным прочным существованием. Товар, не представлявший в руках своего владельца никакой потребительной стоимости, находится теперь в форме, которая пригодна всегда для обмена и, следовательно, пригодна всегда для употребления, и только от обстоятельств будет зависеть, когда и в каком пункте поверхности товарного мира он вступит опять в обращение. Существование товара в виде золотой куколки образует самостоятельный период в его жизни, в котором он может пребывать более короткое или продолжительное время. В то время как в меновой торговле обмен одной особенной потребительной стоимости связан непосредственно с обменом другой особенной потребительной стоимости, в распадении и произвольном разделении актов покупки и продажи проявляется всеобщий характер труда, определяющего меновую стоимость.

Д—Т, *покупка*, представляет собою обратную сторону продажи Т—Д и одновременно второй или заключительный метаморфоз товара. В форме золота или в своем бытии всеобщего эквивалента товар может быть непосредственно представлен в потребительных стоимостях всех других товаров, которые в своих ценах все стремятся к золоту как к своей потусторонней форме, но вместе с тем точно указывают, какое именно количество звонкой монеты требуется для того, чтобы их тела, потребительные стоимости, перескочили на сторону денег, а душа их, меновая стоимость, переселилась в самое золото. Всеобщим продуктом отчуждения товаров является абсолютно отчуждаемый товар. Для превращения золота в товар не существует никакого качественного предела, но лишь количественный, определяемый его собственным количеством или величиною стоимости. «Все куплю, — сказала злато». В то же время как в движении Т—Д товар, посредством своего отчуждения в качестве потребительной стоимости, реализует свою собственную цену и потребительную стоимость чужих денег, в движении Д—Т он, посредством своего отчуждения в качестве меновой стоимости, реализует свою собственную потребительную стоимость и цену другого товара. Если товар, реализуя свою цену, тем самым превращает золото

в действительные деньги, то своим обратным превращением он превращает золото в свое собственное, только преходящее денежное бытие. Так как товарное обращение предполагает развитое разделение труда, т. е. многосторонность потребностей единичного лица, находящуюся в обратном отношении к односторонности его продукта, то покупка $D—T$ иногда представляется в виде уравнения с одним товарным эквивалентом, иногда же раздробляется на целый ряд товарных эквивалентов, определяемый кругом потребностей покупателя и размерами его денежной суммы. Как продажа является одновременно покупкою, так покупка есть одновременно продажа, $D—T$ есть $T—D$, но здесь инициатива принадлежит золоту, или покупателю.

Если мы вернемся теперь к обращению $T—D—T$ в целом, то окажется, что в нем товар проходит полный ряд своих метаморфоз. Но в то время как он начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и, наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то самое время, когда третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение $T—D—T$ в целом, как полный метаморфоз одного товара, одновременно представляет собою всегда конец полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара, т. е. ряд, не имеющий ни начала, ни конца. Для ясности, чтобы отличать товары друг от друга, обозначим T на обоих концах различным образом, например, $T^1—D—T^2$. В действительности первый член $T^1—D$ предполагает D как результат другого члена $T—D$, т. е. $T^1—D$ сам является только вторым членом $T—D—T^1$; второй же член $D—T^2$ в своем результате представляет собою $T^2—D$, т. е. представляется сам как первый член $T^2—D—T^3$ и т. д. Далее, оказывается, что последний член $D—T$, хотя деньги являются результатом только *одной* продажи, может представляться в виде $(D—T^1) + (D—T^2) + (D—T^3) +$ и т. д., т. е. может раздробиться на множество покупок и, значит, множество продаж, т. е. на множество первых членов новых полных метаморфоз товаров. Таким образом, полный метаморфоз единичного товара является не только членом одной, нигде не начинающейся и не кончающейся цепи метаморфоз, но членом многих таких цепей; поэтому про-

цесс обращения товарного мира, — так как каждый единичный товар проходит обращение $T-D-T$, — представляется бесконечно переплетенным клубком таких цепных движений, постоянно кончающихся и постоянно же вновь начинающихся в бесконечно различных пунктах. Но вместе с тем каждая единичная продажа или покупка существует в качестве самостоятельного, изолированного акта; другой акт, являющийся его дополнением, может быть временно и пространственно отделен от него и поэтому не должен непременно непосредственно примыкать к нему, как его продолжение. Так как каждый отдельный процесс обращения $T-D$ или $D-T$, как превращение одного товара в потребительную стоимость и другого в деньги, как первая и вторая стадии обращения, представляет для обеих сторон самостоятельный пункт остановки, а, с другой стороны, все товары начинают свой второй метаморфоз и занимают исходный пункт второй половины обращения в общей для них всех форме всеобщего эквивалента, золота, — то в действительном обращении любое $D-T$ может примыкать к любому $T-D$, вторая фаза жизненного пути одного товара к первой фазе жизненного пути другого товара. Например, А продает железо за 2 ф. с., следовательно совершает $T-D$, или первый метаморфоз товара железо, но покупку откладывает на более позднее время. Одновременно В, продавший две недели тому назад 2 квартера пшеницы за 6 ф. ст., на эти же 6 ф. ст. покупает костюм у фирмы «Мозес и сын», т. е. совершает $D-T$ или второй метаморфоз товара пшеницы. Оба эти акта $D-T$ и $T-D$ кажутся здесь только звеньями одной цепи, так как в D , золоте, один товар имеет такой же вид, как другой, и по золоту нельзя узнать, есть ли оно превращенное железо или превращенная пшеница. Таким образом, в действительном процессе обращения $T-D-T$ представляется в виде бесконечно случайного сосуществования и последовательности пестро перемешанных членов различных полных метаморфоз. Действительный процесс обращения *кажется* нам не полным метаморфозом товара, не движением его чрез противоположные фазы, но простым агрегатом множества покупок и продаж, случайно протекающих рядом или следующих друг за другом. Таким образом, определенность формы этого процесса исчезает, и исчезает тем полнее, что каждый единичный акт обращения, например продажа, одновременно является своею противоположностью, покупкою, и наоборот. Но, с другой стороны, процесс обращения *есть* движение метаморфоз товарного мира и потому

должен отражать это движение в своем собственном общем движении. Каким образом он отражает его, мы рассмотрим в следующем разделе. Здесь же заметим только, что в Т—Д—Т оба крайние члена Т находятся, с точки зрения формы, не в одинаковом отношении к Д. Первый Т относится к деньгам, как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся ко второму Т, как всеобщий товар к единичному товару. Таким образом, с абстрактно логической точки зрения Т—Д—Т может быть сведено к форме силлогизма О—В—Е, где первый член выражает особенный характер товара, посредствующий средний член — всеобщий характер, а последний член — единичный характер товара.

В процесс обращения товаровладельцы вступили просто как держатели товаров. В пределах этого процесса они выступают друг против друга, в противоположной форме покупателей и продавцов; один, например, выступает как персонифицированная голова сахара, другой — как персонифицированное золото. Как только голова сахара превращается в золото, продавец становится покупателем. Следовательно, эти определенные социальные характеры происходят отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в определенной форме товара. Отношение между покупателем и продавцом так мало носит чисто индивидуальный характер, что оба они вступают в это отношение лишь постольку, поскольку индивидуальный характер их труда отрицается, поскольку последний превращается в деньги только как труд, *лишенный индивидуальности*. Поэтому одинаково слепо видеть в этих буржуазных экономических характерах покупателя и продавца вечные общественные формы человеческой индивидуальности, как и неправилы о горевать по тому поводу, что они будто бы уничтожают индивидуальность.¹

¹ Как глубоко страдают чувствительные души даже от той совершенно поверхностной формы антагонизма, к которой проявляется в покупке и продаже, — показывает нижеследующая выдержка из книги г-на *Исаака Перейра*, *Leçons sur l'industrie et les finances*, Paris, 1832. Тот факт, что этот же самый Исаак есть парижский биржевой волк, приобревший печальную известность в качестве изобретателя и диктатора «Crédit mobilier», вместе с тем показывает, какое значение имеет эта сантиментальная критика политической экономии. Господин Перейр, тогда еще ап-стол Сен-Симона, пишет: «Вследствие того, что все индивиды изолированы, отделены друг от друга как в своем труде, так и в потреблении, между ними существует взаимный обмен продуктами их производств. Из необходимости обмена возникла необходимость

Эти характеры представляют необходимое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства. Кроме того, в противоположности между покупателем и продавцом антагонистическая природа буржуазного производства выражена еще столь поверхностным и формальным образом, что эта противоположность присуща также добуржуазным формам общества, так как она требует только, чтобы отдельные лица относились друг к другу, как владельцы товаров.

Если мы рассмотрим теперь результат T—D—T, то он сводится к обмену веществ T—T. Товар обменивается на товар, потребительная стоимость на потребительную стоимость, и превращение товара в деньги, или существование товара в виде денег, служит только посредником этого обмена веществ. Деньги, следовательно, являются только *средством обмена* товаров; но это не средство обмена вообще, а средство обмена, характеризующее процессом обращения, т. е. *средство обращения*.¹

Из того, что в T—T процесс обращения товаров исчезает и поэтому кажется только меновой торговлею, совершаемою при посредстве денег, или вообще из того, что T—D—T не только распадается на два изолированных процесса, но одновременно представляет их находящееся в движении единство, нельзя делать вывод, что существует только единство покупки и продажи, но не их разделение; это значило бы обнаружить такой способ мышления, критика которого относится к области логики, а не политической экономии. Разделение в меновом процессе покупки и продажи, разрывая местные, естественно выросшие, традиционно-благочестивые, наивно-нелепые границы общественного обмена веществ, вместе с тем представляет собою всеобщую форму разрыва связанных друг с другом моментов этого общественного

определять относительную стоимость предметов. Таким образом, идея стоимости и обмена внутренне связаны между собою, и обе они в теперешней своей форме выражают индивидуализм и антагонизм... Определять стоимость продуктов приходится только потому, что существуют продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Интересоваться ценою и стоимостью приходится только там, где существуют продажа и покупка, т. е. где всякий индивид вынужден *бороться* для того, чтобы обеспечить себе предметы, необходимые для его существования» I. с., р. 2, 3. *nassim*).

¹ *Boisquillebert*, Le détail de la France, 1697, в сборнике Eugène Daire «Economistes financiers du XVIII siècle», vol. I, Paris, 1843, p. 210: «Деньги только средство и способ, между тем как товары, полезные для жизни, представляют конечную цель».

обмена веществ и противопоставления их другу другу; одним словом, представляет собою всеобщую возможность торговых кризисов, но, однако, только потому, что противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде. Поэтому денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь место без денежного обращения. Это значит только, что там, где основанный на частном обмене труд еще не развился до образования денег, он, конечно, тем менее в состоянии вызвать такие явления, которые предполагают полное развитие буржуазного процесса производства. Исходя из этого, можно оценить по достоинству всю глубину той критики, которая стремится отменою «привилегий» благородных металлов и при помощи так называемой «рациональной денежной системы» устранить «недостатки» буржуазного производства. С другой стороны, в качестве образца экономической апологетики достаточно привести одну теорию, которую рекламировали как необычайно остроумную. *Джеймс Милль*, отец известного английского экономиста *Джона Стюарта Милля*, говорит: «Никогда не может быть недостатка в покупателях по отношению ко всем товарам. Тот, кто предлагает товар для продажи, хочет получить в обмен за него другой товар, и, следовательно, он является покупателем уже в силу одного того факта, что он продавец. Таким образом, покупатели и продавцы всех товаров, вместе взятые, должны в силу метафизической необходимости сохранять равновесие. Поэтому, если на один товар имеется больше продавцов, чем покупателей, то на другой какой-нибудь товар должно быть больше покупателей, чем продавцов».¹ Милль создает это равновесие благодаря тому, что он превращает процесс обращения в непосредственную ме-

¹ В ноябре 1807 года в Англии появилось сочинение Вильяма Спенса под заглавием «*Britain independent of commerce*», основную идею которого Вильям Коббет развил в своем «*Political register*» под более резкою формою «*Perish commerce*». В противовес этому Джеймс Милль выпустил в 1808 г. свое сочинение «*Defence of commerce*», в котором уже имеется помещенный в тексте аргумент, взятый нами из его «*Elements of political economy*». Ж.-Б. Сэй в своей полемике с Сисмонди и Мальтусом о торговых кризисах присвоил себе эту хитроумную находку, а так как нет возможности указать, какую именно новую идею этот комический «*prince de la science*» обогатил политическую экономию, — его заслуга заключается скорее в том беспристрастии, с которым он одинаково извращал своих современников: Мальтуса, Сисмонди и Рикардо, — то его континентальные поклонники торжественно провозгласили его автором счастливой идеи о метафизическом равновесии между покупателями и продавцами.

новую торговлю, а затем в эту непосредственную меновую торговлю опять тайком вводит фигуры покупателей и продавцов, взятые из процесса обращения. Выражаясь его запутанным языком, можно сказать, что в такие моменты, когда все товары не находят покупателей, — например, в Лондоне и Гамбурге, в известные моменты торгового кризиса в 1857 — 1858 гг., — действительно имеется больше покупателей, чем продавцов, на *один* товар, именно на *деньги*, и больше продавцов, чем покупателей, на *все другие виды денег*, а именно на товары. Метафизическое равновесие между покупками и продажами ограничивается тем, что каждая покупка есть продажа и каждая продажа — покупка, что, однако, не представляет особенного утешения для товаровладельцев, которые лишены возможности продать, а тем самым и купить.¹

Отделение продажи от покупки создает возможность появления, на-ряду с торговлею в точном смысле слова, множества фиктивных сделок до окончательного обмена между производителями и потребителями товаров. Это дает возможность множеству паразитов проникнуть в процесс производства и извлекать пользу из указанного разделения. Но это опять-таки только значит, что вместе с деньгами, как всеобщую форму буржуазного труда, дана *возможность* развития противоречий последнего.

в) Обращение денег

Действительное обращение представляется прежде всего в виде множества покупок и продаж, случайно протекающих

¹ Как изображают экономисты различные определения формы товара, можно увидеть из следующих примеров: «Владея деньгами, мы должны совершить только один обмен для получения желаемого предмета; если же мы имеем другие продукты, для нас излишние, мы должны совершить два обмена, из которых первый (получение денег) несравненно труднее, чем второй» (*G. Opdyke, A treatise on political economy, New York, 1851, p. 277—278*).

«Высшая способность денег к отчуждению есть прямой результат или естественное следствие меньшей способности предметов, к отчуждению». (*Th. Corbet, An inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals etc., London, 1841, p. 117*). «Деньги обладают способностью обмениваться всегда на то, что они измеряют» (*Bosanquet, Metallic, paper and credit currency etc., London, 1842, p. 100*).

«Деньги могут всегда купить другие товары, между тем как другие товары не всегда могут купить деньги» (*Th. Tooke, An inquiry into the currency principle, 2 ed., London, 1844, p. 10*).

рядом друг с другом. Как в покупке, так и в продаже товар и деньги противостоят друг другу всегда в одном и том же отношении: продавец находится на стороне товара, а покупатель — на стороне денег. Поэтому деньги в качестве средства обращения проявляются всегда в виде *покупательного средства*, вследствие чего различные определения денег в противоположных фазах товарного метаморфоза становятся незаметными.

Деньги переходят в руки продавца в том же самом акте, в котором товар переходит в руки покупателя. Таким образом, товар и деньги совершают движение в противоположных направлениях, и эта перемена мест, при которой товар переходит на одну сторону, а деньги на другую, совершается одновременно в неопределенно большом числе пунктов на поверхности буржуазного общества. Однако первый шаг, который товар делает в обращении, есть одновременно и его последний шаг.¹ Безразлично, передвигается ли товар из своего места потому, что золото притягивается им (Т—Д), или потому, что он притягивается золотом (Д—Т), но одним этим движением, одною переменою места он переходит из сферы обращения в сферу потребления. Обращение есть постоянно продолжающееся движение товаров, но всегда новых товаров, каждый из которых совершает только однократное движение. Вторую половину своего обращения каждый товар начинает не в виде того же самого товара, а в виде другого товара, золота. Следовательно, движение превращенного товара есть движение золота. Та же самая денежная монета или тот же самый кусок золота, который в акте Т—Д один раз переменяется местом с одним товаром, появляется опять в виде исходного пункта Д—Т и таким образом переменяет место второй раз, с другим товаром. Подобно тому как эта денежная монета перешла из рук покупателя В в руки продавца А, так теперь она переходит из рук А, ставшего покупателем, в руки С. Таким образом, движение форм товара, его превращение в деньги и обратное превращение его из денег, или движение полного метаморфоза товара представляется как видимое движение одной и той же денежной монеты, которая два раза переменялась местами с двумя различными товарами. В каком бы раздробленном и случайном виде ни протекали рядом друг с другом покупки и продажи, но в дей-

¹ Тот же самый товар может многократно покупаться и опять продаваться, но в этом случае он обращается не в качестве простого товара, а в другом качестве, которое еще не существует с точки зрения простого обращения, простой противоположности товара и денег.

ствительном обращении покупателю всегда противостоит продавец, и деньги, переходящие на место проданного товара, должны были уже однажды перемениться местом с каким-нибудь другим товаром, прежде чем они попали в руки покупателя. С другой стороны, раньше или позже они опять перейдут из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца, и в этом своем частом повторении перемены места деньги выражают цепную связь метаморфозов товаров. Таким образом, те же самые денежные монеты передвигаются с одного места обращения на другое, всегда в направлении, противоположном движению товаров, одна монета чаще, другая реже, описывая при этом более длинную или короткую дугу обращения. Эти различные движения одной и той же денежной монеты могут следовать друг за другом только во времени, как, наоборот, многочисленность и раздробленность покупок и продаж проявляется в одновременных, протекающих рядом в пространстве, однократных переменах места товаров и денег.

Обращение товаров Т—Д—Т в простой своей форме совершается в виде перехода денег из рук покупателя в руки продавца и из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца. Этим метаморфоз товара закончен, и вместе с тем закончено движение денег, поскольку оно является выражением этого метаморфоза. Но так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому должны быть постоянно снова брошены в обращение, то Т—Д—Т повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, израсходованные ими в качестве покупателей, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекачиваются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но одновременно описывают множество различных маленьких кругооборотов, исходя из бесконечно различных пунктов и возвращаясь к тем же пунктам, чтобы снова повторить то же самое движение.

Так как перемена форм товаров кажется нам только перемещением денег, и непрерывность движения обращения проявляется целиком на стороне денег, — ибо товар делает всегда только один шаг в направлении, противоположном движению денег, деньги же делают всегда второй шаг вместо товара и говорят Ъ там, где товар сказал А, — то нам *кажется*, что все движение

исходит от денег, хотя при продаже товар притягивает деньги из их места и, следовательно, так же приводит в движение деньги, как при покупке деньги приводят в движение товар. Далее, то обстоятельство, что деньги противостоят товару всегда в одном и том же отношении, именно как *покупательное средство*, а в качестве такового приводят товары в движение лишь посредством реализации их цен, — придает всему движению обращения такой вид, что деньги меняются местами с товарами, реализуя их цены либо в одновременных, протекающих рядом отдельных актах обращения, или же в последовательных актах, в которых одна и та же денежная монета реализует под ряд цены различных товаров. Если, например, мы рассмотрим $T-D-T^1-D- -T^2-D-T^3$ и т. д., оставляя в стороне качественные моменты, которые в действительном процессе обращения становятся незаметными, то мы увидим только одну и ту же монотонную операцию. D , реализовав цену T , реализуют подряд цены T^1 , T^2 , T^3 и т. д., и товары T^1 , T^2 , T^3 и т. д. занимают всегда место, оставленное деньгами. Таким образом, нам кажется, что деньги, реализуя цены товаров, приводят последние в движение. В этой функции, заключающейся в реализации цен, деньги находятся сами постоянно в обращении, то меняя только место, то пробегая дугу обращения, то описывая маленький круг, в котором исходный пункт и пункт возвращения совпадают. В качестве средства обращения деньги имеют свое собственное обращение. Поэтому движение форм товаров, находящихся в процессе обращения, кажется собственным движением денег, осуществляющим обмен товаров, которые сами по себе неподвижны. Таким образом, движение процесса обращения товаров представляется в виде движения золота как средства обращения — в виде *обращения денег*.

Если товаровладельцы представляют продукты своего частного труда как продукты общественного труда, превращая одну вещь, золото, в непосредственное бытие всеобщего рабочего времени и тем самым в деньги, то теперь их собственное всеобщее движение, посредством которого они осуществляют обмен веществ своего труда, противостоит им в виде собственного движения этой вещи, в виде обращения золота. Само общественное движение является для товаровладельцев, с одной стороны, внешнею необходимостью, с другой — только формальным, посредствующим процессом, который дает каждому индивиду возможность извлекать из обращения за ту потребительную стои-

мость, которую он туда бросил, другие потребительные стоимости, имеющие равновеликую стоимость. Потребительная стоимость товара начинает реализоваться с уходом его из сферы обращения, потребительною же стоимостью денег как средства обращения является само движение их в обращении. Движение товара в обращении представляет собою только преходящий момент, между тем как функцией денег становится непрерывное движение в обращении. Эта специальная функция денег в пределах процесса обращения придает деньгам как средству обращения новую определенность формы, которую мы должны теперь подробнее развить.

Прежде всего очевидно, что денежное обращение представляет собою движение бесконечно раздробленное, так как в нем отражаются бесконечное раздробление процесса обращения на покупки и продажи и произвольное распадение дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза. Правда, в небольших кругооборотах денег, в которых исходный пункт и пункт возвращения совпадают, обнаруживается движение, имеющее тенденцию к возвращению назад, действительное круговое движение; но таких исходных пунктов имеется столько же, сколько и товаров, и уже благодаря своему неопределенному множеству эти кругообороты недоступны никакому контролю, измерению и вычислению. Так же мало является определенным промежуток времени между удалением от исходного пункта и возвращением к нему. Наконец, совершенно безразлично, имеет ли место в данном случае подобный кругооборот, или нет. Нет более общеизвестного экономического факта, чем тот, что можно одною рукою расходовать деньги, не получая их опять другою рукою. Деньги выходят из бесконечно различных пунктов и возвращаются в бесконечно различные пункты, но совпадение исходного и конечного пунктов представляет случайность, так как в движении Т—Д—Т обратное превращение покупателя в продавца не является необходимым условием. Тем менее представляет денежное обращение такое движение, которое излучалось бы из одного центра ко всем пунктам периферии и из всех пунктов последней возвращалось бы к тому же центру. Так называемое круговое движение денег, рисующееся нашему воображению, ограничивается тем, что во всех пунктах заметны их появление и исчезновение, непрерывная перемена ими места. В высших сложных формах денежного обращения, например в обращении банкнот, мы увидим, что условия выдачи денег заключают в себе и условия их обратного притока. Напротив, в простом денежном

обращении является делом случая, что тот же самый покупатель становится опять продавцом. Там, где в простом денежном обращении обнаруживаются действительные круговые движения постоянного характера, они являются только отражением более глубоких процессов производства. Например, фабрикант берет в пятницу деньги у своего банкира, в субботу выплачивает заработную плату своим рабочим, рабочие немедленно отдают большую часть этих денег лавочникам и т. п., а последние в понедельник приносят их обратно банкиру.

Мы видели, что в покупках и продажах, самым пестрым образом расположенных рядом друг с другом в пространстве, деньги одновременно реализуют данную массу цен и только один раз меняются местами с товарами. Но, с другой стороны, поскольку в движении денег проявляются движения полных метаморфозов товаров и цепная связь этих метаморфозов, одна и та же денежная монета реализует цены различных товаров и таким образом совершает большее или меньшее число оборотов. Если мы возьмем процесс обращения какой-нибудь страны за данный промежуток времени, например, за один день, то количество золота, необходимое для реализации цен и, следовательно, для обращения товаров, определяется двумя моментами: во-первых, общою суммою этих цен и, во-вторых, средним числом оборотов одной и той же золотой монеты. Это число оборотов, или быстрота обращения денег, с своей стороны, определяется тою среднею быстротою (или служит лишь ее выражением), с которою товары пробегают различные фазы своих метаморфозов, — быстротою, с которою эти метаморфозы вытягиваются в цепь, и товары, пробежавшие свои метаморфозы, замещаются в процессе обращения новыми товарами. Таким образом, если в процессе определения цен меновая стоимость всех товаров идеально превратилась в количество золота равновеликой стоимости и в обоих изолированных актах обращения $D—T$ и $T—D$ одинаковая сумма стоимости существовала в удвоенном виде, на одной стороне в виде товара, на другой стороне в виде золота, — то существование золота как средства обращения определяется не изолированным его отношением к единичным неподвижным товарам, но характером его движения в движущемся мире товаров; его функцией, заключающейся в том, что оно своею переменою мест выражает перемену форм товаров и, следовательно, быстротою своей перемены мест выражает быстроту перемены форм товаров. Его действительное наличное существование в процессе обращения, т. е. действитель-

ная масса золота, находящаяся в обращении, распределяется теперь его функциональным существованием в самом процессе, взятом как целое.

Предпосылкою денежного обращения является товарное обращение, и притом деньги приводят в обращение товары, имеющие цену, т. е. идеально уже приравненные к определенным количествам золота. При этом определении цен самих товаров величина стоимости того количества золота, которое служит единицею-мерю, или стоимость золота, предполагается уже данной. При таком условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общою суммою товарных цен, подлежащих реализации. Но эта общая сумма, в свою очередь, определяется: 1) уровнем цен, относительно высоким или низким уровнем меновых стоимостей товаров, оцененных в золоте, и 2) количеством товаров, обращающихся по определенным ценам, т. е. количеством покупок и продаж, совершаемых по данным ценам.¹ Если квартал пшеницы стоит 60 ш., то для того, чтобы привести его в обращение или реализовать его цену, необходимо в два раза большее количество золота, чем если бы он стоил только 30 ш. Для обращения 500 кварталов по 60 ш. требуется в два раза больше золота, чем для обращения 250 кварт. по той же цене. Наконец, для обращения 10 кварталов по 100 ш. требуется только половина того количества золота, которое необходимо для обращения 40 кварталов по 50 ш. Отсюда следует, что, несмотря на повышение цен, необходимое для обращения, количество золота может уменьшиться, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается в большей пропорции, чем возрастает общая сумма цен; и, наоборот, масса средств обращения может увеличиться, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается, но одновременно сумма их цен повышается в большей степени. Превосходные детальные исследования англичан показали, например, что в Англии в первых стадиях

¹ Масса денег безразлична, «pourvu qu'il y en ait assez pour maintenir les prix contractés par les denrées» («лишь бы их было достаточно для того, чтобы поддерживать цены, соответствующие товарам»). *Boisguillebert*, l. c., p. 210. «Если обращение товаров в 400 млн. фунтов стерлингов требует массы золота в 40 млн. и эта пропорция в $\frac{1}{10}$ представляет нормальный уровень, то в том случае, если стоимость находящихся в обращении товаров повысится по естественным причинам до 450 млн., масса золота, чтобы остаться на надлежащем уровне, должна увеличиться до 45 млн». *W. Blake*, *Observations on the effects produced by the expenditure of government etc.*, London, 1823, p. 42.

вздорожания хлеба масса находящихся в обращении денег увеличивается, потому что сумма цен уменьшившейся массы хлеба превышает прежнюю сумму цен большей массы хлеба, а вместе с тем масса остальных товаров продолжает еще некоторое время нормально обращаться по прежним ценам. Напротив, в позднейшей стадии вздорожания хлеба масса находящихся в обращении денег уменьшается по той причине, что остальные товары, за исключением хлеба, продаются либо по прежним ценам, но в меньшем количестве, либо в прежнем количестве, но по более низким ценам.

Количество находящихся в обращении денег зависит, однако, как мы видели, не только от общей суммы подлежащих реализации товарных цен, но вместе с тем от быстроты, с которою деньги обращаются, т. е. от продолжительности времени, в течение которого они совершают эту реализацию. Если один и тот же товар совершает в один день десять покупок товара, каждый раз ценою в один товар, переходя таким образом 10 раз из рук в руки, то он совершает точь-в-точь такую же работу, как 10 товаров, из которых каждый в продолжение дня совершает только один оборот.¹ Таким образом, быстрота оборота золота может возместить его количество; иными словами, существование золота в процессе обращения определяется не только его характером эквивалента, находящегося рядом с товаром, но также ролью его в сфере движения товарных метаморфозов. Однако быстрота оборота денег возмещает их количество только до известного предела, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные покупки и продажи расположены рядом друг с другом в пространстве.

Если сумма цен находящихся в обращении товаров возрастает, но в меньшей степени, чем быстрота оборота денег, то масса средств обращения уменьшается. Если, наоборот, быстрота обращения уменьшается в большей степени, чем сумма цен находящихся в обращении товарной массы, то масса средств обращения увеличивается. Увеличение количества средств обращения при всеобщем понижении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен представляет одно из наиболее точно констатированных явлений в истории товарных

¹ «Небольшое количество монет оказывается достаточным благодаря скорости оборотов монеты, а не благодаря количеству металла». *Ghani*,¹, с., р. 99.

цен. Однако причины, которые вызывают повышение уровня цен и одновременно еще большее увеличение быстроты оборота денег, равно как и обратное движение, находятся вне области исследования простого обращения. В виде примера можно, между прочим, указать, что в периоды расширенного кредита быстрота оборота денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при ослаблении кредита цены товаров понижаются медленнее, чем уменьшается быстрота обращения. Поверхностный и формальный характер простого денежного обращения обнаруживается как раз в том, что все моменты, определяющие количество средств обращения, а именно масса находящаяся в обращении товаров, цены, повышение или понижение цен, число одновременных покупок и продаж, быстрота оборота денег, зависят от процесса метаморфозов товарного мира, который, в свою очередь, зависит от общего характера способа производства, количества народонаселения, соотношения между городом и деревней, развития транспорта, большего или меньшего разделения труда, кредита и т. п., — словом, от обстоятельств, которые все лежат *вне* простого денежного обращения и в нем только находят свое отражение.

Если быстрота обращения дана, то количество средств обращения определяется просто ценами товаров. Таким образом цены высоки или низки не потому, что в обращении имеется большее или меньшее количество денег, но обратно: в обращении имеется большее или меньшее количество денег потому, что цены высоки или низки. Это один из важнейших экономических законов, детальное доказательство которого при помощи истории товарных цен представляет, быть может, единственную заслугу послерикардовской английской политической экономии. Если наблюдение показывает, что уровень металлического обращения или количество находящегося в обращении золота или серебра в данной стране хотя и подвержено временным, иногда очень сильным, отливам и приливам,¹ но в общем на протяжении более

¹ Пример чрезвычайного уменьшения металлического обращения ниже среднего уровня представляла Англия в 1858 г., как можно видеть из следующей выдержки из «London Economist»: «По самой природе явления (а именно раздробленного характера простого обращения.—К. М.) невозможно точно установить количество наличных денег, находящихся в обращении на рынке и в руках классов, которые не связаны с банками. Но, быть может, деятельность или бездеятельность монетных дворов больших торговых наций является одним из лучших показателей изменений этого количества. Много монеты чеканится, когда ее требуется много, и мало — когда ее тре-

или менее долгих периодов остается постоянным, и отклонения от среднего уровня представляют лишь слабые колебания, — то это явление объясняется просто противоположною природою условий, определяющих массу находящихся в обращении денег. Одновременное изменение этих условий парализует их влияние и оставляет все по-старому.

Закон, по которому при данной быстроте оборота денег и данной сумме товарных цен количество находящихся в обращении денег представляет определенную величину, может быть также выражен таким образом, что, если даны меновые стоимости товаров и средняя быстрота их метаморфозов, то количество находящегося в обращении золота зависит от собственной его стоимости. Поэтому, если бы стоимость золота, т. е. необходимое для его производства рабочее время, увеличилась или уменьшилась, то товарные цены повысились бы или понизились в обратном отношении, и этому всеобщему повышению или понижению цен соответствовало бы, при прежней быстроте оборотов, большее или меньшее количество золота, необходимое для обращения той же самой товарной массы. Такая же перемена наступила бы в том случае, если бы прежняя мера стоимости была вытеснена другим металлом с более высокою или низкою стоимостью. Так, когда Голландия из нежных чувств к государственным кредиторам и из боязни последствий открытия калифорнийских и австралийских рудников заменила золотые деньги серебряными, ей потребовалось для обращения той же самой товарной массы серебро в количестве, превышавшем в 14 — 15 раз прежнее количество золота.

Из того, что количество находящегося в обращении золота зависит от изменившейся суммы товарных цен и от изменяющейся быстроты обращения, следует, что масса металлических средств обращения должна обладать способностью к сокращению и расширению, т. е., что в соответствии с потребностями процесса обращения золото то должно вступать в этот процесс как средство обращения, то должно опять выходить из него. Каким образом процесс обращения сам осуществляет эти условия, мы увидим в дальнейшем.

буется мало... На английском монетном дворе было выпущено монет: в 1855 г. 9 245 000 фунтов стерлингов, в 1856 г. — 6 176 000 ф. ст., в 1857 г. — 5 293 855 ф. ст. В продолжение 1858 г. монетный двор почти не имел работы» («Economist», July 10, 1858). Одновременно с этим в подвалах банка лежало золота приблизительно на 18 миллионов фунтов стерлингов.

с) Монета. Знак стоимости

Золото в своей функции средства обращения получает особенный вид, оно становится *монетой*. Чтобы обращение его не задерживалось техническими затруднениями, оно чеканится в виде монет соответственно масштабу счетных денег. Кусочки золота, оттиск и фигура которых показывают, что они содержат весовые количества золота, обозначаемые счетными названиями денег, фунтами стерлингов, шиллингами и т. п., суть монеты. Как и определение монетной цены золота, техническая операция чеканки является делом государства. Деньги в качестве монеты, как и в качестве счетных денег, приобретают *местный* и *политический* характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры. Поэтому сфера, в которой деньги обращаются как монета, отличается, как *внутреннее* товарное обращение, ограниченное пределами данного государства, от *всеобщего* обращения товарного мира.

Однако золото в слитках и золото в монете отличаются друг от друга не в большей мере, чем отличаются друг от друга его монетное название и название весовое. То, что в последнем случае представляет различие в названии, является в первом случае только различием внешней формы. Золотая монета может быть брошена в тигель и опять превращена в золото *sans phrase*, как и обратно: достаточно послать золотой слиток на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной внешней формы в другую является чисто технической операцией.

За 100 фунтов или 1200 унций *троу* 22-каратного золота на английском монетном дворе можно получить $4\ 672\frac{1}{2}$ фунтов стерлингов или золотых соверенов; если положить эти соверены на одну чашку весов, а 100 фунтов золота в слитках на другую, то они уравновесят друг друга; это доказывает, что соверен есть не что иное, как определенное весовое количество золота, обозначенное в английской монетной цене названием соверена и имеющее особую внешнюю форму и особый штемпель. Эти $4\ 672\frac{1}{2}$ золотых соверена выбрасываются из различных пунктов в обращение и, поглощаемые им, совершают в продолжение дня определенное число оборотов, один соверен большее число оборотов, другой — меньше. Если бы среднее число ежедневных оборотов каждой унции равнялось 10, то 1200 унций золота реализовали бы товарные цены на общую сумму 12 000 унций, или

46 725 соверенов. Как ни вертеть в руках унцию золота, она никогда не будет весить 10 унций золота. Но здесь, в процессе обращения, 1 унция действительно имеет вес 10 унций. Существование монеты внутри процесса обращения равно содержащемуся в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов. Таким образом монета, сверх своего действительного существования в виде отдельного кусочка золота определенного веса, получает идеальное существование, вытекающее из ее функции. Однако совершает ли соверен один оборот, или десять оборотов, но в каждой отдельной покупке или продаже он действует только как один соверен. Он похож на генерала, который в день сражения своевременным появлением в 10 различных пунктах заменяет 10 генералов; но в каждом из этих пунктов это тот же самый генерал. Идеализация средства обращения, возникающая в денежном обращении благодаря замене количества монет быстротою оборотов, относится только к функциональному существованию монеты внутри процесса обращения, но не касается существования отдельной денежной монеты.

Денежное обращение представляет собою, однако, внешнее движение, и соверен, хотя и *non olet*, вращается в очень смешанном обществе. От соприкосновения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет здесь один золотой атом, там другой и, шлифуясь в своих скитаниях по миру, все более теряет в своем внутреннем содержании. В употреблении она изнашивается. Посмотрим на соверен в тот момент, когда его прочный от природы характер, повидимому, еще не потерпел значительного урона. «Пекарь, который сегодня только что получил из банка совершенно новенький соверен и завтра уплачивает его мельнику, отдает не тот же самый настоящий (*véritable*) соверен; он легче, чем в тот момент, когда пекарь его получил». ¹ «Ясно что по самой природе вещей монеты должны постоянно одна за другую обесцениваться, в результате хотя бы только обычного и неизбежного стирания. Физически невозможно на некоторое время, хотя бы на один день, совершенно изъять из обращения легкие монеты». ² По расчету Джекоба, из 380 миллионов фун-

¹ *Dodd, Curiosities of industry etc., London, 1854.*

² «The currency question reviewed etc. by a banker». Edinburgh, 1845, p. 69 etc. «Если бы один экю, немного потертый, имел несколько меньшую стоимость, чем совершенно новый экю, то обращение постоянно испытывало

тов стерлингов, существовавших в 1809 году в Европе, к 1829 году, т. е. по прошествии 20 лет, 19 миллионов фунтов стерлингов совершенно исчезли в результате стирания. ¹ Таким образом, если товар после первого же своего шага, которым он входит в сферу обращения, из нее выпадает, то монета после нескольких своих шагов в сфере обращения является представителем большего металлического содержания, чем она действительно имеет. Чем более продолжительное время монета обращается при прежней быстроте оборотов, или чем быстрее ее обращение в продолжение того же периода времени, тем более существование ее в качестве монеты отделяется от ее золотого или серебряного существования. То, что остается, — это *magni nominis umbra* (тень великого имени). Тело монеты сделалось только тенью. Если вначале процесс обращения придал ей больший вес, то теперь она сделалась благодаря ему легче, но продолжает в каждой отдельной покупке или продаже считаться за первоначальное количество золота. Соверен продолжает, как *призрачный* соверен, как призрачное золото, выполнять функцию законной золотой монеты. В то время как другие существа от соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета от практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела. Эта вторичная идеализация металлических денег, вызываемая самим процессом обращения, или отделение их номинального содержания от реального, эксплуатируется отчасти правительствами, отчасти частными авантюристами при помощи самых разнообразных подделок монеты. Вся история монетного дела с начала средневековья до конца восемнадцатого столетия сводится к истории этих двусторонних и антагонистических подделок, и многотомное собрание итальянских экономистов, изданное Кустоди, вращается в большой мере вокруг этого вопроса.

Однако призрачное существование золота в сфере его функции вступает в конфликт с действительным его существованием. В обращении одна золотая монета потерпела больший урон в своем металлическом содержании, другая — меньший, и потому один соверен имеет теперь в действительности большую стоимость, чем другой. Но так как в своем функциональном существовании

бы задержки, и не было бы ни одного платежа, который не стал бы предметом спора» (*G. Garnier*, l. c., t. I, p. 24).

¹ *W. Jacob*, An inquiry into the production and consumption of the precious metals, London, 1831, vol. II, ch. XXVI.

В качестве монет они считаются равноценными и соверен, действительно составляющий $\frac{1}{4}$ унции, стоит не больше, чем соверен, только по видимости составляющий $\frac{1}{4}$ унции, то полновесные соверены часто подвергаются в руках недобросовестных владельцев хирургическим операциям, и над ними искусственно проделывается то, что само обращение естественным путем проделало над их легковесными собратьями. Они обрезаются и подделываются, и их излишний золотой жир переходит в тигель. Если бы 4 672 $\frac{1}{2}$ золотых соверена, положенные на чашку весов, весили в среднем только 800 унций вместо 1 200, то на рынке золота они могли бы купить уже только 800 унций золота, или рыночная цена золота поднялась бы выше его монетной цены. Каждая золотая монета, хотя бы и полновесная, в своей монетной форме стоила бы меньше, чем в слиточной форме. В таком случае полновесные соверены превращались бы обратно в свою слиточную форму, в которой большее количество золота имеет большую стоимость, чем меньшее количество золота. С того момента, когда уменьшение металлического содержания охватило бы достаточное число соверенов, чтобы вызвать длительное превышение рыночной цены золота над его монетною ценою, — счетные названия монеты, хотя и остались бы те же самые, впредь показывали бы меньшее количество золота. Другими словами, изменился бы масштаб денег, и золото в дальнейшем чеканилось бы соответственно этому новому масштабу. Идеализация золота в качестве средства обращения рикошетом изменила бы установленные законом условия, при которых оно было масштабом цен. Через некоторое время такая же революция повторилась бы опять, и таким образом золото в своей функции масштаба цен, как и средства обращения, подвергалось бы постоянным переменам, причем перемена в одной форме вызывала бы перемену в другой, и обратно. Этим объясняется упомянутое выше явление, что в истории всех современных народов то же самое денежное название сохранялось за постоянно убывающим металлическим содержанием. Противоречие между золотом как монетою и золотом как масштабом цен становится вместе с тем противоречием между золотом как монетою и золотом как всеобщим эквивалентом, в качестве которого оно обращается не только в границах отдельных стран, но и на мировом рынке. Как мера стоимости, золото является всегда полновесным, так как оно служит только в качестве идеального золота. Как эквивалент в изолированном акте T — D, золото из своего состояния движения сейчас же

переходит обратно в состояние покоя; но с точки зрения золота как монеты его естественная субстанция находится в постоянном конфликте с его функцией. Избежать полностью превращения золотого соверена в призрачное золото не представляется возможным, но законодательство старается предотвратить функционирование такого соверена в качестве монеты, выбрасывая его из обращения при известном уменьшении его субстанции. Например, согласно английскому закону, соверен, потерявший в весе более 0,747 грана, перестает быть законным совереном. Английский банк, в котором за время с 1844 по 1848 год были взвешены 48 миллионов золотых соверенов, имеет для взвешивания золота машину Коттона, которая не только показывает разницу между двумя соверенами в $\frac{1}{100}$ грана, но, подобно разумному существу, немедленно сбрасывает неполновесный соверен на доску, откуда он попадает в другую машину, безжалостно разрезающую его на части.

При таких условиях золотая монета вообще не могла бы обращаться, если бы оборот ее не был ограничен определенными сферами обращения, в пределах которых она не так быстро изнашивается. Поскольку золотая монета принимается в обращение за $\frac{1}{4}$ унции, тогда как она весит только $\frac{1}{5}$ унции, она в сущности на $\frac{1}{20}$ унции сделалась простым знаком или символом золота; таким образом всякая золотая монета самым процессом обращения превращается в большей или меньшей степени в простой знак, или символ, своей субстанции. Но ни одна вещь не может быть своим собственным символом. Нарисованный виноград представляет собою призрачный виноград, а не символ действительного винограда. Еще менее того может легковесный соверен быть символом полновесного, как не может отощавшая лошадь быть символом жирной. Так как золото превращается в свой собственный символ, но служить символом самого себя не может, то в тех сферах обращения, в которых оно изнашивается наиболее быстро, т. е. в сферах, в которых покупки и продажи постоянно возобновляются в мелких размерах, оно получает символическое, серебряное или медное существование, отдельное от его золотого существования. В этих сферах постоянно должна была бы обращаться в качестве монеты определенная доля — хотя и не те же самые золотые монеты — общей суммы золотых денег. В этой части золото замещается серебряными или медными знаками. Таким образом, если в качестве меры стоимости и, следовательно, денег внутри данной страны может функционировать

только один специфический товар, то в качестве монеты рядом с деньгами могут служить различные товары. Эти вспомогательные средства обращения, например серебряные или медные знаки, являются внутри обращения представителями определенных долей золотой монеты. Поэтому их собственное серебряное или медное содержание определяется не отношением стоимости серебра и меди к стоимости золота, но произвольно устанавливается законом. Требуется только, чтобы они выпускались в таких количествах, в которых представляемые ими мелкие доли золотой монеты постоянно находились бы в обращении либо для размена более крупных золотых монет, либо для реализации незначительных товарных цен. В пределах розничного товарного обращения серебряные и медные знаки, в свою очередь, принадлежат к различным сферам. По самой природе вещей быстрота их оборотов находится в обратном отношении к цене, которую они реализуют в каждой отдельной покупке и продаже, или к величине той доли золотой монеты, которую они представляют. Если принять во внимание огромные размеры повседневного розничного обращения в такой стране, как Англия, то сравнительно незначительная пропорция общего количества вспомогательных монет, находящихся в обращении, доказывает быстроту и непрерывность их обращения. Из недавно изданного парламентского отчета мы, например, узнаем, что в 1857 году английский монетный двор вычеканил золота на сумму 4 859 000 ф. с., серебра же по номинальной стоимости на 733 000 ф. с., а по металлической стоимости — на 363 000 ф. с. В продолжение десятилетия, кончая 31 декабря 1857 года, было вычеканено всего золота на 55 239 000 ф. с., а серебра — только на 2 434 000 ф. с., медная монета равнялась в 1857 году только 6 720 ф. с. по номинальной стоимости и 3 492 ф. с. по стоимости меди; причем 3 136 ф. с. приходилось на пенсы, 2 464 ф. с. — на полупенсы и 1 120 ф. с. — на фартинги. Общая стоимость медной монеты, вычеканенной в продолжение последнего десятилетия, составляла 141 477 ф. с. по номинальной стоимости и 73 503 ф. с. по металлической стоимости. Подобно тому как золотая монета не может сохранить навсегда свою функцию монеты благодаря тому, что закон определяет степень потери металла, при которой она монетизируется, так, обратно, серебряные и медные знаки не могут перейти из своих сфер обращения в сферу обращения золотой монеты и там утвердиться в качестве денег благодаря тому, что установлен размер цены, которую они по закону могут реа-

лизовать. Так, например, в Англии медь обязательна к приему при платежах только на сумму до 6 пенсов, серебро—на сумму до 40 шиллингов. Если бы серебряные и медные знаки были выпущены в большем количестве, чем то соответствует потребностям их сфер обращения, товарные цены от этого не повысились бы, но эти знаки скопились бы у розничных торговцев, которые в конце концов вынуждены были бы продать их в качестве металла. Так в 1798 году английские медные монеты, израсходованные частными лицами, скопились на сумму 20 350 ф. с. у торговцев-разносчиков, которые тщетно пытались пустить их опять в обращение и в конце концов вынуждены были продать их как товар на медном рынке.¹

Серебряные и медные знаки, которые в определенных сферах внутреннего обращения являются представителями золотой монеты, имеют установленное законом серебряное и медное содержание, но, поглощенные обращением, они стираются подобно золотой монете и еще быстрее, соответственно быстроте и непрерывности своего обращения, превращаются в идеальные, прозрачные тела. Чтобы провести опять предельную линию уменьшения металлического содержания, за которую серебряные и медные знаки утрачивали бы свой характер монеты, необходимо было бы внутри определенных кругов их собственной сферы обращения заместить их опять другими символическими деньгами, например железными или свинцовыми; такое замещение одних символических денег другими было бы процессом без конца. Поэтому во всех странах с развитым обращением потребности самого денежного обращения вынуждают сделать монетный характер серебряных и медных знаков совершенно независимым от степени утраты ими металла. В этом проявляется обстоятельство, вытекающее из природы вещей, а именно, что они суть символы золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, не потому, что они имеют стоимость, а поскольку они никакой стоимости не имеют.

Отсюда следует, что функционировать в качестве символов золотых денег могут вещи, относительно лишенные всякой стоимости, например *бумажные* знаки. Существование вспомогательной монеты в виде металлических знаков, серебряных, медных и т. п., объясняется большей частью тем, что в большинстве стран

¹ *David Buchanan, Observations on the subjects treated of in Doctor Smith's Inquiry on the wealth of nations etc., Edinburgh, 1814, p. 8.*

менее ценные металлы, например серебро в Англии, медь в древней Римской республике, Швеции, Шотландии и т. п., обращались как деньги до того времени, когда процесс обращения низвел их до уровня разменной монеты и поставил на их место более благородный металл. Вообще вполне в природе вещей, что денежный символ, вырастающий непосредственно из металлического обращения, первоначально сам является тоже металлом. Подобно тому как часть золота, которая постоянно должна была бы находиться в обращении в качестве разменной монеты, замещается металлическими знаками, так и та часть золота, которая постоянно поглощается сферой внутреннего обращения в качестве монеты и, следовательно, должна постоянно находиться в обращении, может быть замещена знаками, не имеющими стоимости. Уровень, ниже которого количество обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране опытом. Таким образом, разница между номинальным содержанием металлической монеты и ее металлическим содержанием, вначале незаметная, может в своем развитии дойти до абсолютного их разделения. Монетное название денег отделяется от их субстанции и существует вне последней, в бумажных знаках, не имеющих никакой стоимости. Если меновая стоимость товаров в процессе их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, то золотые деньги в обращении утончаются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме знаков, не имеющих стоимости, в форме бумажек, т. е. простого *знака стоимости*.

Однако золотая монета произвела себе заместителей, сперва металлических, а потом бумажных, только благодаря тому, что она, несмотря на потерю части металла, продолжала функционировать в качестве монеты. Она обращалась не потому, что, стираясь, утончилась до символа, но она утончилась до символа потому, что обращалась. Лишь поскольку золотые деньги внутри процесса обращения становятся сами простым знаком своей собственной стоимости, они могут быть замещены простыми знаками стоимости.

Поскольку движение Т—Д—Т есть протекающее в виде процесса единство двух непосредственно переходящих один в другой моментов Т—Д и Д—Т, или поскольку товар пробегает процесс своего полного метаморфоза, он развивает свою меновую стоимость в цену и в деньги для того, чтобы сейчас же опять сбро-

свить эту форму и сделаться снова товаром или, вернее, потребительной стоимостью. Следовательно, меновая стоимость товара получает *только кажущееся самостоятельное существование*. С другой стороны, мы видели, что золото, поскольку оно функционирует только как монета или постоянно находится в обращении, в действительности представляет лишь цепную связь метаморфозов товаров и их *мигломлетное денежное существование*; оно реализует цену одних товаров только для того, чтобы потом реализовать цену других товаров, но нигде не выступает как находящееся в покое бытие меновой стоимости или как находящийся в покое товар. Реальность, которую меновая стоимость товаров получает в этом процессе и которая представлена золотом в его обращении, есть только реальность электрической искры. Золото, хотя и действительное, функционирует здесь лишь как кажущееся золото и потому может быть замещено в этой функции знаком самого себя.

Знак стоимости, функционирующий как монета, например бумажка, является знаком количества золота, выраженного в его монетном названии, следовательно, *знаком золота*. Как определенное количество золота само по себе не выражает отношения стоимости, так не выражает его и знак, замещающий золото. Знак золота является представителем стоимости лишь постольку, поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, имеет определенную величину стоимости. Но величина стоимости, представляемая этим знаком, зависит каждый раз от стоимости представляемого им количества золота. По отношению к товарам знак стоимости представляет *реальное существование их цены*, он есть *signum pretii* (знак цены) и знак их стоимости только потому, что стоимость товаров выражена в их цене. В процессе Т—Д—Т, поскольку он представляется лишь как протекающее в виде процесса единство обоих метаморфозов или как непосредственный переход одного в другой, — а именно таковым он представляется в сфере обращения, в которой функционирует знак стоимости, — меновая стоимость товаров получает в цене только идеальное, а в деньгах только мысленно представляемое, символическое существование. Меновая стоимость, таким образом, проявляется *только как мысленно представляемая вещь*, но она не обладает никаким *реальным существованием* вне самих товаров, в которых овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому *кажется*, будто знак стоимости представляет *непосредственно* стоимость товаров, выступая не

как знак золота, а как знак меновой стоимости товара, которая в цене только выражена, но существует в самом товаре. Это, однако, ложная видимость. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены*, следовательно *знак золота*, и только посредственно он становится знаком стоимости товара. В отличие от Петра Шлемиля, золото не продало свою тень, но покупает при помощи своей тени. Поэтому знак стоимости действует лишь постольку, поскольку он внутри процесса обращения представляет цену одного товара по отношению к другому товару или постольку он по отношению к каждому товаровладельцу *представляет золото*. Определенная вещь, сравнительно лишенная стоимости, например кусочек кожи, бумажка и т. п., первоначально становится в силу обычной знаком денежного материала, но она утверждается в этой роли только при том условии, если существование ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев, т. е. если она в силу закона получает условное существование и, следовательно, принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом, — это законченная форма *знака стоимости* и единственная форма бумажных денег, вырастающая непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения. *Кредитные деньги* принадлежат к высшей сфере общественного процесса производства и управляются совершенно другими законами. Символические бумажные деньги в сущности не отличаются от вспомогательной металлической монеты, они только действуют в более широкой сфере обращения. После того как чисто техническое развитие масштаба цен или монетной цены и, далее, внешнее превращение слиточного золота в золотую монету уже вызвали вмешательство государства и благодаря этому внутреннее обращение явно отделилось от всеобщего товарного обращения, — это разделение завершается развитием монеты в знак стоимости. Вообще деньги, рассматриваемые исключительно как средство обращения, могут получить самостоятельное существование только в пределах сферы внутреннего обращения. Наше изложение показало, что монетное существование денег в виде знака стоимости, отделенного от самой золотой субстанции, возникает из самого процесса обращения, а не из какого-нибудь соглашения или вмешательства государства, Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили кожи и меха, противоречие между этим непрочным и неподходящим материа-

лом и его функцией средства обращения породило обычай заменять его мелкими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом, превращались в ассигновки, оплачиваемые шкурами и мехами. Впоследствии они превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 года, когда Петр Великий приказал обменять их на выпущенные государством мелкие медные монеты.¹ Древние писатели, которые могли наблюдать только явления металлического обращения, уже рассматривали золотую монету как символ или знак стоимости. Таковы взгляды Платона² и Аристотеля.³ В странах, где кредит совершенно не развит, например в Китае, бумажные деньги с

¹ *Henry Storch, Cours d'économie politique etc. avec des notes par J.-B. Say, Paris, 1823, t., IV, p. 179.* Шторх издал свое сочинение в Петербурге на французском языке. Ж.-Б. Сэй немедленно перепечатал его в Париже, дополнив своими якобы «примечаниями», которые на самом деле не содержали в себе ничего, кроме общих мест. Шторх принял это дополнение «*prince de la science*» (принца науки) к его сочинению отнюдь не любезно (см. его «*Considérations sur la nature du revenu national*», Paris. 1824).

² *Plato, De Rep. L. II: νόμισμα σύμβολον τῆς ἀλλαγῆς.* Opera omnia, etc. ed. G. Stallbaumius. London, 1850, p. 304. Платон развивает понятие денег только в двух определениях их, а именно как меры стоимости и как знака стоимости; но, кроме знака стоимости, служащего для внутреннего обращения, он требует другого знака стоимости для сношений с Грецией и другими странами. (Ср. также 5-ю книгу его «Законов».)

³ *Aristoteles, Ethic. Nicom. l. 5., ch. 8., l. c.:* «Монета же явилась как бы представителем нужды по всеобщему соглашению. Отсюда-то и ее название νόμισμα, ибо она не по природе таковая, а по человеческому соглашению, и в нашей власти изменить монету и сделать ее неупотребительною». Аристотель понимал деньги несравненно многостороннее и глубже, чем Платон. В следующем отрывке он превосходно показывает, как из меновой торговли между различными общинами возникает необходимость придать характер денег одному специфическому товару, т. е. субстанции, которая сама по себе имеет стоимость. «По мере того, как шло изменение в развитии отношений взаимопомощи — посредством импорта тех предметов, в которых чувствовался недостаток, и путем экспорта тех предметов, которые были в излишке, неизбежно стала ощущаться потребность в монете... ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, представляя само по себе ценность, было бы вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное, этому подобное» (*Arist., De Rep., lib. I, c. 9, l. c.* Русский перевод: *Аристотель, «Политика».* 1911 г., стр. 24). Мишель Шевалье, который либо не читал Аристотеля, либо не понял его, цитирует это место для доказательства того, что, согласно мнению Аристотеля, средство обращения должно состоять из субстанции, которая сама по себе имеет стоимость. Напротив, Аристотель ясно говорит, что деньги в качестве простого средства обращения имеют, повидимому, только условное или законом установленное существование; это доказывается уже

принудительным курсом встречаются уже очень рано.¹ У более старых защитников бумажных денег встречается также ясное указание на то, что превращение металлической монеты в знак стоимости происходит из самого процесса обращения. В таком смысле высказываются Вениамин Франклин² и епископ Беркли.³

Сколько стоп бумаги, разрезанной на билеты, может обращаться в качестве денег? Такая постановка вопроса нелепа. Знаки, не имеющие стоимости, являются знаками стоимости лишь постольку, поскольку они замещают внутри процесса обращения золото, а они замещают золото лишь постольку, поскольку оно само входило бы как монета в процесс обращения, — это количество определяется его собственной стоимостью, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфозов. Билеты с наименованием в 5 ф. с. могли бы обращаться только в количестве, в пять раз меньшем по сравнению с билетами с наименованием в 1 ф. с.; если бы все платежи совершались в билетах в

их названном объеме, а также тем обстоятельством, что свою потребительную стоимость в качестве монеты деньги получают в действительности только от своей функции, а не от какой-нибудь потребительной стоимости, присущей им самим.

¹ *Sir John Mandeville, Voyages and Travels, London, ed. 1705, p. 105:* «Этот император [китайский] может тратить столько, сколько хочет, без всякого расчета. Ибо он не тратит и не заготавливает никаких других денег, кроме как из штемпелеванной кожи или из бумаги. И когда эти деньги обращаются так долго, что начинают портиться, люди несут их в императорское казначейство и там получают новые деньги вместо старых. И эти деньги ходят по всей стране и по всем провинциям... они не изготавливают денег ни из золота, ни из серебра», и поэтому, как полагает Мандевилль, «он [император] может тратить безгранично и по усмотрению».

² *Benjamin Franklin, Remarks and facts relative to the american paper money, 1764, p. 348, l. c.:* «В настоящее время даже серебряные деньги в Англии обязаны частью своей стоимости своей роли законного платежного средства; эта та часть стоимости, которая составляет разницу между их реальным весом и их наименованием. Большая часть шиллингов и шестипенсовых монет, обращающихся в настоящее время, потеряла от изнашивания в весе 5, 10 и 20%, а некоторые шестипенсовые монеты даже 50%. Этой разнице между реальным и номинальным содержанием не соответствует никакая внутренняя стоимость; ей не соответствует даже бумага, ей ничто не соответствует. Серебряная монета стоимостью в 3 пенса обращается как 6 пенсов только потому, что она законное платежное средство, и все знают, что ее легко можно сбыть по той же стоимости».

³ *Berkeley, l. c.:* «Если наименование монеты сохранится после того, как ее металл разделит судьбу всех тленных вещей, разве торговый оборот не будет продолжаться?»

1 шиллинг, то их требовалось бы для обращения в 20 раз больше, чем если бы обращались билеты в 1 фунт стерлингов. Если бы золотая монета была представлена билетами разного наименования, например билетами в 5 фунтов стерлингов, 1 фунт стерлингов и 10 шиллингов, то количества этих различных сортов знаков стоимости определялись бы не только количеством золота, необходимым для общего обращения, но и количеством золота, необходимым для сферы обращения каждого отдельного сорта билетов. Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов (эта цифра принята в английском банковом законодательстве, но не для монеты, а для кредитных денег) представляли тот уровень, ниже которого обращение в данной стране никогда не падает, то могли бы обращаться 14 миллионов бумажных билетов, из которых каждый представлял бы знак стоимости в 1 фунт стерлингов. Если стоимость золота упадет или повысится вследствие того, что уменьшилось или увеличилось необходимое для его производства рабочее время, то при неизменившейся меновой стоимости той же товарной массы количество обращающихся однофунтовых билетов увеличится или уменьшится в обратном отношении к изменению стоимости золота. Если бы золото в качестве меры стоимости было заменено серебром, то, — при отношении стоимости серебра к стоимости золота 1 : 15 и при том условии, что впредь каждый билет будет представлять такое же количество серебра, как раньше золота, — вместо 14 миллионов билетов теперь должны были бы находиться в обращении 210 миллионов однофунтовых билетов. Следовательно, количество бумажных билетов определяется количеством золотых денег, которое они замещают в обращении, а так как они являются знаками стоимости лишь постольку, поскольку они замещают деньги, то стоимость их определяется просто их *количеством*. Таким образом, в то время как количество находящегося в обращении золота зависит от товарных цен, стоимость обращающихся бумажных билетов зависит, наоборот, исключительно от их собственного количества.

Вмешательство государства, выпускающего бумажные деньги с принудительным курсом, — а только о таких бумажных деньгах мы здесь говорим, — на первый взгляд как бы уничтожает экономические законы. Государство, которое в монетной цене только давало определенному весовому количеству золота легальное название, а при чеканке только накладывало на золото свой глэмпель, теперь, позидимому, магической силой своего

штемпеля превращает бумажки в золото. Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, то никто не может помешать государству навязать обращению произвольно большое число этих билетов и напечатать на них любые монетные названия, например в 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билет, раз попавший в обращение, не может быть оттуда выброшен, так как пограничные столбы данного государства задерживают его движение, а вне обращения он теряет всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванный от своего функционального бытия, он превращается в ничего не стоящий клочок бумаги. Однако эта власть государства только кажущаяся. Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но с этим механическим актом его контролю приходит конец. Поглощенные обращением знаки стоимости или бумажные деньги подпадают его имманентным законам.

Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов представляли сумму золота, необходимую для товарного обращения, а государство бросило бы в обращение 210 миллионов бумажных билетов наименованием каждый в 1 фунт стерлингов, то эти 210 миллионов билетов превратились бы в представителей золота на общую сумму 14 миллионов фунтов стерлингов. Здесь случилось бы то же самое, как если бы государство сделало однофунтовые билеты представителями другого металла, стоимость которого в 15 раз ниже стоимости золота, или представителями такого количества золота, вес которого в 15 раз меньше прежнего количества. Ничто не изменилось бы, кроме наименования масштаба цен, а это наименование, естественно, носит условный характер, безразлично, изменяется ли оно непосредственно, от изменения содержания монеты, или косвенно, от увеличения числа бумажных билетов в размере, соответствующем новому, более низкому масштабу. Так как название «фунт стерлингов» обозначает теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все товарные цены повысились бы в 15 раз, и 210 миллионов одлофунтовых билетов оказались бы теперь, действительно, столь же необходимыми, как раньше 14 миллионов. В той же мере, в которой увеличилась бы общая сумма знаков стоимости, уменьшилось бы количество золота, представляемое каждым знаком. Повышение цен было бы только реакцией процесса обращения, принудительно приравнивающего знаки стоимости тому количеству золота, которое они своим обращением замещают.

В истории порчи монеты, которую производили английское и французское правительства, мы неоднократно видим, что цены повышались не в такой степени, в какой серебряная монета портилась. Объясняется это просто тем, что степень, в которой количество монеты возрастало, не соответствовала той степени, в которой она фальсифицировалась, т. е. количество выпущенных монет с более низким металлическим содержанием не было достаточно велико для того, чтобы меновые стоимости могли впредь расцениваться в металле более низкого состава, как в мере стоимости, и реализоваться посредством монет, соответствующих этой более низкой единице меры. Этим разрешается трудность, оставшаяся неразрешенною в турнире между Локком и Лаундсом. Пропорция, в которой знаки стоимости, безразлично, — бумажные или фальсифицированные золотые и серебряные, замещают весовые количества золота или серебра, соответствующие монетной цене, зависит не от материала самих этих знаков, а от количества их в обращении. Трудность понимания этого отношения про исходит оттого, что деньги в обеих своих функциях, а именно меры стоимости и средства обращения, подчиняются законам, которые не только противоположны, но, повидимому, противоречат характеру обеих этих противоположных функций денег. Как для меры стоимости, в которой деньги служат лишь счетными деньгами, а золото лишь идеальным золотом, решающее значение имеет природный материал денег. Меновые стоимости, расцененные в серебре или в виде серебряных цен, имеют, естественно, совершенно другой вид, чем расцененные в золоте или в виде золотых цен. Наоборот, в функции средства обращения, в которой деньги не только мысленно представлены, но и должны существовать в наличности, как действительная вещь рядом с другими товарами, материал денег является безразличным, и все зависит от их количества. Для единицы-меры имеет решающее значение, представляет ли она фунт золота, серебра или меди; наоборот, только число монет, независимо от их собственного материала, делает их соответственным воплощением каждой из этих единиц-мер. Но здравому человеческому смыслу как будто противоречит, что в деньгах, только мысленно представляемых, все зависит от их материальной субстанции, а в материально существующей монете все зависит от идеального численного соотношения.

Таким образом, повышение или падение товарных цен в зависимости от увеличения или уменьшения количества бумажных

билетов, — там, где средствами обращения служат исключительно бумажные билеты, — представляет собой только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости — количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении. Поэтому, с другой стороны, любое количество бумажных билетов может быть поглощено и переварено процессом обращения, так как знак стоимости, с каким бы золотым титулом он ни вступил в обращение, внутри последнего сжимается и превращается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться на его месте.

В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения кажутся нам перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от количества их, находящегося в обращении. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается в зависимости от повышения или падения товарных цен, товарные цены, повидимому, повышаются или падают в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты, — ввиду чего попеременное сокращение и расширение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, — бумажные деньги могут, повидимому, вступать в обращение в любом количестве. В то время как государство портит золотую и серебряную монету и тем самым нарушает функционирование ее в качестве средства обращения, если оно выпускает монету хотя бы только на $\frac{1}{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпускаемая лишенная всякой стоимости бумажные билеты, не имеющие с металлом ничего общего, кроме их монетного названия. В то время как золотая монета, очевидно, представляет стоимость товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте или представлена в виде цены, знак стоимости, повидимому, представляет непосредственно стоимость товара. Отсюда

понятно, почему наблюдатели, изучавшие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли понять имманентные законы денежного обращения. Действительно, в обращении знаков стоимости эти законы не только извращены, но и незаметны, так как бумажные деньги, если они выпущены в надлежащем количестве, совершают такие движения, которые им как знакам стоимости не свойственны, между тем как свойственное им самим движение проистекает не непосредственно из метаморфоза товаров, а из нарушения правильной пропорции между бумажными деньгами и золотом.

3. Деньги

Деньги в отличие от монеты, являясь результатом процесса обращения в форме $T-D-T$, образуют исходный пункт процесса обращения в форме $D-T-D$, т. е. обмена денег на товар с целью обмена товара на деньги. Исходным и конечным пунктом движения в форме $T-D-T$ является товар, а в форме $D-T-D$ — деньги. В первой форме деньги служат посредником обмена товаров, в последней форме товар служит посредником превращения денег в деньги. Деньги, которые в первой форме представляли только простое средство, в последней форме являются конечной целью обращения; товар же, который в первой форме представлял конечную цель, во второй является только простым средством. Так как деньги сами являются уже результатом обращения $T-D-T$, то в форме $D-T-D$ результат обращения является вместе с тем его исходным пунктом. В то время как в $T-D-T$ действительное содержание процесса составлял обмен веществ, действительное содержание второго процесса $D-T-D$ образует само формальное бытие товара, порожденное этим первым процессом.

В форме $T-D-T$ оба крайние члена суть товары одной и той же стоимости, но вместе с тем качественно различные потребительные стоимости. Их обмен $T-T$ есть действительный обмен веществ. Напротив, в форме $D-T-D$ оба крайние члена суть золото, и притом золото одной и той же стоимости. Обменивать золото на товар для того, чтобы обменять товар на золото, или, рассматривая результат $D-D$, обменивать золото на золото кажется нам бессмысленным. Однако, если мы выразим $D-T-D$ формулою: *покупать* для того, чтобы *продавать*, — что означает

не что иное, как обменивать при помощи посредствующего движения золото на золото, — то мы сейчас же узнаем в ней господствующую форму буржуазного производства. На практике, однако, не покупают только для того, чтобы продавать, но покупают дешево для того, чтобы продавать по более дорогой цене. Деньги обмениваются на товар для того, чтобы этот же товар обменять опять на большее количество денег, так что крайние члены Д и Д различаются, хотя и не качественно, но количественно. Такая количественная разница предполагает *обмен не эквивалентов*, а между тем товар и деньги, как таковые, суть только противоположные формы самого товара, т. е. различные формы существования одной и той же величины стоимости. Следовательно, кругооборот Д—Т—Д скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения и в сфере простого обращения является лишь отражением более сложного движения. Нам необходимо поэтому деньги, рассматриваемые в отличие от средства обращения, вывести из непосредственной формы товарного обращения Т—Д—Т.

Золото, т. е. тот специфический товар, который служит мерою стоимостей и средством обращения, становится без дальнейших усилий со стороны общества *деньгами*. В Англии, где серебро не является ни мерою стоимостей, ни господствующим средством обращения, оно не становится деньгами, как в Голландии золото перестало быть деньгами с того момента, когда его лишили роли меры стоимостей. Итак, какой-нибудь товар становится впервые деньгами как единство меры стоимостей и средства обращения, или единство меры стоимостей и средства обращения есть деньги. Но в качестве такого единства золото обладает и самостоятельным существованием, отличным от существования его в обеих этих функциях. Как мера стоимостей золото представляет собою только идеальные деньги или идеальное золото; как простое средство обращения, оно представляет собою символические деньги или символическое золото; но в своей непосредственной металлической плоти золото есть деньги или деньги — действительное золото.

Рассмотрим теперь находящийся в покое товар — золото, который является деньгами, в его отношении к другим товарам. Все товары представляют в своих ценах определенную сумму золота; они, следовательно, суть только мысленно представляемое золото или мысленно представляемые деньги, *представители золота*, как, обратно, деньги в виде знака стоимости выступали

только простым представителем товарных цен.¹ Так как, следовательно, все товары суть только мысленно представляемые деньги, то деньги являются единственным действительным товаром. В противоположность товарам, которые являются только представителями самостоятельного бытия меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото есть *материальное бытие абстрактного богатства*. С точки зрения потребительной стоимости каждый товар своим отношением к особой потребности выражает только один момент вещественного богатства, только одну отдельную сторону богатства. Деньги же удовлетворяют всякой потребности, поскольку они могут быть непосредственно обмениваемы на предмет любой потребности. Их собственная потребительная стоимость реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей, образующих их эквивалент. В своей прочной металлической плоти они содержат в скрытом виде все вещественное богатство, развернутое в мире товаров. Таким образом, если товары в своих ценах являются представителями всеобщего эквивалента, или абстрактного богатства, т. е. золота, то золото в своей потребительной стоимости является представителем потребительных стоимостей всех товаров. Поэтому золото — *материальный представитель вещественного богатства*. Оно — «*représ de toutes les choses*» (Буагильбер), конденсат общественного богатства. Оно одновременно по форме своей является непосредственным воплощением всеобщего труда, а по содержанию представляет совокупность всех видов реального труда. Оно есть всеобщее богатство, как отдельный индивид.² В своей форме посредника обращения золото терпело всякого рода обиды, обрезывалось и даже утончалось до простого символического клочка бумаги. Но в качестве денег оно возвращает себе свое золотое величие.³

¹ «Не только благородные металлы являются представителями вещей... но и, наоборот, вещи... являются представителями золота и серебра». *A Genovesi. Lezioni di Economia civile* (1765), p. 281, в собрании *Custodi*, Part. med. l. VIII.

² *Petty*: Золото и серебро суть «всеобщее богатство» (universal wealth). «*Pol. Arith.*», l. c., p. 242.

³ *E Misselden*, *Free trade or the means to make trade flourish etc.*, London, 1662. «Естественный предмет торговли составляет товар, то, что купцы по окончании производства признают полезностью» (which merchants from the end of the trade have stiled commodities). Искусственным предметом торговли являются деньги, получившие название нервов войны и государства (of sinewes of warre and of state). Хотя товар (merchandize) и по существу, и хро-

Из слуги оно становится господином, из простого подручного — богом товаров.¹

а) Образование сокровищ

Первоначально золото в качестве денег отделяется от средства обращения благодаря тому, что товар прерывает процесс своего метаморфоза и застывает в виде золотой куколки. Это происходит каждый раз, когда продажа не переходит в покупку. Таким образом самостоятельное обособление золота в качестве денег является прежде всего внешним выражением распада процесса обращения или товарного метаморфоза на два раздельно существующих акта, безразличных друг к другу. Сама монета становится деньгами, как только ее движение прерывается. В руках продавца, получившего монету за свой товар, она представляет собою деньги, а не монету; как только она уходит из его рук, она становится опять монетою. Каждый является продавцом того одностороннего товара, который он производит, но покупателем всех других товаров, в которых он нуждается для своего общественного существования. Между тем как выступление его в качестве продавца зависит от рабочего времени, необходимого для производства его товара, выступление его в качестве покупателя обусловлено постоянным возобновлением его жизненных потребностей. Чтобы иметь возможность покупать, не продавая, он должен раньше продавать, не покупая. И действительно, обращение Т—Д—Т представляет собою протекающее в виде процесса единство продажи и покупки лишь постольку, поскольку оно одновременно представляет собой постоянный процесс их разделения. Для того чтобы деньги постоян-

нологически предшествует деньгам, но в настоящее время деньги на практике получили первенствующее значение (*yet for as much as it is now in use has become the chiefe*) (р. 7). Он сравнивает товар и деньги с «двумя сыновьями древнего Иакова, который правую руку возложил на младшего сына, а левую — на старшего» (1. с.). *Boisguillebert*, *Dissert. sur la nature des richesses etc.*, 1. с. (р. 395, 399): «Раб торговли стал ее господином... Бедствия народов происходят только от того, что бывшего раба сделали господином или, вернее, тираном».

¹ *Boisguillebert*, 1. с.: «Из этих металлов, т. е. золота и серебра, сделали идола и, пренебрегая тем предметом и целью, ради которых они были введены в торговлю, — а именно, чтобы служить залогом при обмене и взаимной передаче, — их почти оставили от этой службы и превратили в божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем неразумная древность приносила в жертву своим ложным божествам» (1. с., р. 395).

но текли в виде монеты, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянной задержкою ее в больших или меньших количествах в виде резервных монетных фондов, повсюду возникающих внутри обращения и одновременно являющихся его условиями; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, но процесс их исчезновения никогда не прекращается. Это никогда не прекращающееся превращение монеты в деньги и денег в монету Адам Смит выразил таким образом, что каждый товаровладелец, наряду с тем особым товаром, который он продает, должен иметь всегда в запасе известную сумму всеобщего товара, при помощи которого он может покупать. Мы видели, что в обращении Т—Д—Т второй член Д—Т раздробляется на целый ряд покупок, которые совершаются не сразу, но последовательно во времени, так что одна часть Д обращается в качестве монеты в то самое время, когда другая часть покоится в качестве денег. В сущности деньги здесь только *задержанная монета*, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы являются попеременно то в одной форме, то в другой. Таким образом, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного обращения.¹

Первая, естественно возникшая форма богатства — это излишек, или избыток, т. е. та часть продуктов, которая не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости, или же запас таких продуктов, потребительная стоимость которых выходит за пределы первой необходимости. Рассматривая переход товара в деньги, мы видели, что на неразвитых ступенях производства именно этот излишек, или избыток продуктов образует

¹ По мнению Буагильбера, первый же переход денег, этого *perpetuum mobile*, в неподвижное состояние, т. е. отрицание их функционального существования в качестве средства обращения, уже скрывает в себе самостоятельное обособление денег по отношению к товарам. «Деньги, — говорит он, — должны находиться в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают подвижностью; как только они становятся неподвижными, все погибло» («dans un mouvement continu, ce qui ne peut être que tant qu'il est meuble, mais sitôt qu'il devient immeuble tout est perdu». «Le détail de la France», p. 231). Он не понимает, что эта остановка денег есть условие их движения. В сущности он хочет, чтобы форма стоимости товаров являлась только мимолетной формой их обмена вещества, но никогда не застывала как самоцель.

сферу товарного обмена. Избыточные продукты становятся обмениваемыми продуктами или товарами. Адекватною формою существования этого излишка являются золото и серебро, первая форма, в которой богатство сохраняется как абстрактное общественное богатство. Товары не только могут быть сохранены в форме золота или серебра, т. е. в денежном материале, но золото и серебро суть богатство в его сохраненной форме. Каждая потребительная стоимость как таковая служит тем, что она потребляется, т. е. уничтожается. Потребительная же стоимость золота состоит в том, чтобы быть в качестве денег носителем меновой стоимости и в качестве неоформленного металла — воплощением всеобщего рабочего времени. В неоформленном металле меновая стоимость обладает непреходящею формою. Золото или серебро, приведенные таким образом в неподвижное состояние в качестве денег, составляют *сокровище*. У народов с чисто металлическим обращением, напр. у древних, образование сокровищ представляет повсеместный процесс, к которому прибегают как отдельные лица, так и государство, охраняющее свое государственное сокровище. В более древние времена, в Азии и в Египте, эти сокровища, охраняемые царями и жрецами, являются скорее свидетельством их могущества. В Греции же и в Риме образование сокровищ, как постоянно обеспеченной и пригодной для употребления формы избытков, становится постоянным правилом политики. Быстрое перенесение таких сокровищ из одной страны в другую завоевателями и частичный внезапный прилив их в обращение составляют особенность античной экономики.

Как овеществленное рабочее время, золото гарантирует величину своей собственной стоимости, а так как оно есть материализация *всеобщего* рабочего времени, то процесс обращения гарантирует ему его постоянное действие в качестве меновой стоимости. Благодаря одному тому факту, что товаровладелец может удерживать товар в его форме меновой стоимости или же самую меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенной форме золота становится мотивом самого обращения. *Метаморфоз* товара Т—Д совершается ради самого этого метаморфоза, с целью превратить товар из особенного натурального богатства во всеобщее общественное богатство. Вместо обмена веществ самоцелью становится перемена форм. Из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения. Товар может сохраниться как богатство, как товар, лишь постольку, поскольку он остается в пределах сферы обращения.

а в этом текучем состоянии он остается лишь постольку, поскольку затвердевает в серебро и золото. Он остается в таком текучем состоянии в качестве кристалла процесса обращения. Золото же и серебро, с своей стороны, сохраняют характер денег лишь постольку, поскольку они не являются средствами обращения. *Как не средства обращения, они становятся деньгами.* Следовательно, извлечение товара из обращения в форме золота представляет единственное средство удерживать его постоянно в сфере обращения.

Товаровладелец может получить обратно из обращения в виде денег лишь столько, сколько он даст обращению в виде товара. Постоянно продавать, непрерывно бросать товары в обращение, — таково, следовательно, первое условие образования сокровищ с точки зрения товарного обращения. С другой стороны, деньги постоянно исчезают как средство обращения в самом процессе обращения, постоянно осуществляясь в потребительных стоимостях и растворяясь в преходящем потреблении. Поэтому необходимо вырвать деньги из разрушительного потока обращения, или задержать товар в его первом метаморфозе, не давая деньгам возможности выполнять их функцию покупательного средства. Товаровладелец, ставший теперь собирателем сокровищ, должен возможно больше продавать и возможно меньше покупать, как этому учил уже старый Катон: *patrem familias vendasset, non emasset esse.* Как трудолюбие является положительным, так бережливость является отрицательным условием образования сокровищ. Чем менее эквивалент товара извлекается из обращения в виде особенных товаров или потребительных стоимостей, тем более извлекается он оттуда в форме денег или меновой стоимости.¹ Таким образом присвоение богатства в его всеобщей форме требует отречения от богатства в его вещественной реальности. Жизненным стимулом собирания сокровищ является, следовательно, *скупость*, которая чувствует потребность не в товаре как потребительной стоимости, но в меновой стоимости как товаре. Чтобы овладеть излишком в его всеобщей форме, особые потребности должны рассматриваться как роскошь и излишества. Так, в 1593 году кортесы сделали Филиппу II представление, в котором между прочим говорится: «Кортесы в Вальядолиде в 1586 году просили ваше величество не разрешать впредь

¹ «Чем более возрастает запас в товарах, тем более уменьшается запас, существующий в виде сокровища (in treasure)» (*E. Misselden*, l. c., p. 7).

ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных драгоценностей, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей на золото, как будто бы испанцы были *индейцами*. Собиратель сокровищ презирает светские, временные и преходящие наслаждения, гоняясь за вечным сокровищем, которого не ест ни тля, ни ржа, сокровищем всецело небесным и в то же время всецело земным. «Всеобщая конечная причина нашего недостатка в золоте, — говорит Миссельден в указанном сочинении, — заключается в чрезмерно большом потреблении нашим королевством иноземных товаров, которые оказываются для нас *discommodities* (вредными), а не *commodities* (полезными), так как они лишают нас столь больших сокровищ, которые в противном случае ввозились бы вместо этих безделушек (*toys*). Мы потребляем чрезмерно большое количество вина из Испании, Франции, Рейнской области, Леванта; изюм из Испании, коринка из Леванта, лино-батист (сорт тонкого полотна) и кембрик из Геннегау (Hainault), шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии — все это не представляет для нас никакой *абсолютной потребности*, и тем не менее эти вещи покупаются за звонкое золото».¹ Богатство в виде золота и серебра имеет непреходящий характер, как потому, что меновая стоимость существует в неразрушаемом металле, так, в частности, потому, что золоту и серебру не дают возможности превратиться, в качестве средства обращения, в мимолетную денежную форму товара. Преходящее содержание приносится таким образом в жертву непреходящей форме. «Если путем налогов деньги отнимаются от того, кто их проедает и пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на улучшение земли, на рыболовство, горное дело, мануфактуры или даже на платье, то для общества это всегда представляет выгоду, потому что даже платье имеет не столь преходящий характер, как яства и пития. Если деньги употребляются на домашнюю мебель, то выгода тем больше; она будет еще больше, если деньги употребляются на постройку домов и т. д., и больше всего, если в страну ввозятся золото и серебро, так как только эти вещи имеют непреходящий характер и ценятся как богатство во все времена и во всех местах; все же прочее представляет собой богатство только *pro hic et nunc*».² Если деньги вырываются из потока

¹ L. c., p. 11—13, *passim*.

² *Petty. Political Arith.*, l. c., p. 196.

обращения и предохраняются от общественного обмена веществ, то это проявляется также и внешним образом в том, что их зарывают в землю, так что общественное богатство как скрытое под землю, непроходящее сокровище ставится в совершенно скрытое частное отношение к товаровладельцу. Врач Бернье, который прожил некоторое время в Дели при дворе Ауренгзеба, рассказывает, как купцы тайно зарывают свои деньги глубоко в землю, особенно немагометане-язычники, которые держат в своих руках почти всю торговлю и все деньги; они «проникнуты верою, что золото и серебро, которые они зарывают при жизни, будут служить им после смерти в загробном мире».¹ Вообще же собиратель сокровищ, поскольку аскетизм его связан с деятельным трудолюбием, по религии своей является в сущности протестантом и еще более пуританином. «Нельзя отрицать, что купля и продажа — вещь необходимая, без которой обойтись невозможно; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага. Это — дары бога, которые он дает из земли и делит между людьми. Но иностранная торговля, которая из Каликута, Инди и и тому подобных мест привозит в качестве товара драгоценные шелка, золотые изделия и пряности, служащие роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, — не должна быть допущена, хоть будь у нас целый легион князей. Но об этом я не хочу теперь писать; ибо я полагаю, что в конце концов, когда у нас не будет уже более денег, эта торговля прекратится сама собою, равно как роскошь и обжорство: до тех же пор, пока нас не заставят нужда и нищета, никакие писания и поучения не помогут».²

В периоды потрясений в общественном обмене веществ даже

¹ *François Bernier, Voyage contenant la description des états du grand Mogul*, парижское издание 1830 года, tome I, conf. p. 312—314.

² *Dr. Martin Luther, Bücher vom Kaufhandel und Wucher*, 1524. В том же месте Лютер говорит: «По поущению божию мы, немцы, должны отдавать свое золото и серебро в чужие страны; мы обогащаем весь мир и сами остаемся нищими. Англия имела бы менее золота, если бы Германия оставляла ей ее сукно, и король португальский также имел бы его менее, если бы мы оставляли ему его пряности. Если ты подсчитаешь, как много вывозится из немецких стран на одну франкфуртскую мессу (ярмарку), без всякой надобности и без оснований, то ты придешь в удивление, каким образом в немецких странах остается еще хоть один грош. Франкфурт — это та серебряная и золотая дыра, через которую из немецкой страны вытекает все то, что только течет и растет, чеканится и превращается в монету у нас; если бы эту дыру заткнули,

в развитом буржуазном обществе имеет место зарывание в землю денег как сокровища. Общественная связь в своей компактной (уплотненной) форме — для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватною формою товара являются деньги — предохраняется от общественного движения. Общественный *pergus tegum* (нерв вещей) предается земле рядом с телом, нервом которого он служит.

Сокровище представляло бы собою только бесполезный металл, его денежная душа отлетела бы от него, и оно осталось бы как перегоревший пепел обращения, как его *saput mortuum*, если бы оно не находилось в состоянии постоянно напряженного стремления к обращению. Деньги, или самостоятельно обособившаяся меновая стоимость, с качественной стороны представляет собой существование абстрактного богатства, но, с другой стороны, всякая данная сумма денег представляет собой количественно ограниченную величину стоимости. Количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности, и собиратель сокровищ чувствует эту границу как ограничение, которое на деле немедленно превращается в качественное ограничение или придает сокровищу характер лишь ограниченного представителя вещественного богатства. Как мы видели, деньги в качестве всеобщего эквивалента представляются непосредственно в виде уравнения, в котором одну сторону образуют они сами, а другую сторону — бесконечный ряд товаров. От величины меновой стоимости зависит, насколько деньги в своей реализации

нам не приходилось бы теперь слышать жалоб, что повсюду только долги и нет денег, что все области и города разорены от ростовщических долгов. Но пусть все идет, как должно идти: мы, немцы, должны остаться немцами! Мы не перестанем, мы должны так поступать».

Миссельден в цитированном сочинении хочет удержать золото и серебро, по крайней мере, в кругу христианских народов: «Деньги уменьшаются благодаря торговле с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией. Эта торговля ведется большею частью на наличные деньги, однако совершенно иначе, чем торговля между самими христианами. Ибо, хотя торговля в пределах христианского мира ведется на наличные деньги, но деньги остаются всегда заключенными в своих границах. Действительно, в торговле между христианскими странами существуют течения и противотечения, приливы и отливы денег, потому что иногда в одном месте имеется денег больше, в другом месте меньше, в зависимости от того, что одна страна испытывает недостаток, а другая имеет избыток; деньги приходят, уходят и обращаются в кругу христианских народов, но остаются всегда в своих границах. Деньги же, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда расходуются и никогда не возвращаются назад».

приближаются к такому бесконечному ряду, т. е. насколько они соответствуют своему понятию меновой стоимости. Вообще движение меновой стоимости, как меновой стоимости, как автомата, может заключаться только в том, чтобы выходить за свою количественную границу. Но как только количественная граница сокровища перейдена, создается новое ограничение, которое должно быть опять устранено. Не данная граница сокровища, а всякая его граница представляет собою ограничение. Образование сокровищ не имеет, следовательно, в самом себе никакой присущей ему внутренней границы, никакой меры, но есть бесконечный процесс, который в каждом достигнутом им результате находит мотив своего начала. Если сокровище умножается только через сохранение, то, с другой стороны, оно сохраняется только через умножение.

Деньги представляют собою не только *один* из предметов страсти к обогащению, но *единственный* предмет ее. Эта страсть по существу есть *augī sasga fames* (проклятая жажда золота). Страсть к обогащению, в отличие от страсти к определенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, каковы платье, украшения, стада и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализировалось в виде особого предмета и потому может быть сохранено в виде единичного товара. Деньги, следовательно, являются настолько же предметом, как и источником страсти к обогащению.¹ В сущности в основе здесь лежит тот факт, что целью становится меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение. Скупость крепко держит в руках сокровище, не позволяя деньгам сделаться средством обращения, но жажда золота сохраняет денежную душу сокровища, его постоянное стремление к обращению.

Деятельность, посредством которой сокровище собирается, представляет собой, с одной стороны, извлечение денег из обращения путем постоянно повторяемых актов продажи, а с другой стороны — простое собирание, *накопление*. Действительно, накопление богатства как таковое имеет место только в сфере простого обращения, а именно в форме собирания сокровищ, между тем как остальные так называемые формы накопления, как мы увидим позднее, считаются накоплением совершенно произвольно,

¹ «От монеты берет свое начало скупость... постепенно она разгоралась неистовым образом; то была уже не скупость, но жажда золота» (*Plin., Hist. nat.*, l. XXXIII, c. XIV).

только в воспоминание о простом денежном накоплении. Все другие товары накапливаются либо в виде потребительных стоимостей, и в таком случае способ их накопления определяется особенностью их потребительной стоимости. Накопление хлеба, напр., требует особых приспособлений. Накопление овец делает меня пастухом, накопление рабов и земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. п. Собираение запасов особенных видов богатства требует особых процессов, отличных от простого акта накопления как такового и развивает особые стороны индивидуальности. Или же богатство в форме товаров накапливается как меновая стоимость, и в таком случае накопление представляет собою купеческую или специфическую экономическую операцию. Представитель этой операции становится хлеботорговцем, скототорговцем и т. п. Золото же и серебро суть деньги не благодаря какой-нибудь деятельности индивида, накапливающего их, а как кристаллы процесса обращения, происходящего без его содействия. Этому индивиду не приходится делать ничего другого, как только откладывать золото и серебро и присоединять одну весовую их единицу к другой, — совершенно бессодержательная деятельность, которая, будучи применена ко всем другим товарам, лишила бы их всякой стоимости.¹

Наш собиратель сокровищ является в роли мученика меновой стоимости, благочестивого аскета на вершине металлического

¹ Гораций, следовательно, ничего не смыслит в философии собирания сокровищ, когда говорит (Satir. I, II, Satir. III):

Ежели цитр кто накупит и в общую сложит их груду,
Сам не учая на цитре, из муз не любя ни единой,
Если с ножом и колодками сам не сапожник, а также
Купит морских парусов, ненавидя торговлю, — безумцем
По справедливости он прослышет. От таких чем отличен
Тот, кто деньги и золото прячет, не зная, что делать
С тем, что скопил, и боясь коснуться его как святыни.

(К. Гораций Флакк в переводе
А. Фета, Москва, 1883, стр. 287.)

Лучше понимает это дело господин *Сениор*: «Деньги, повидимому, единственный предмет, стремление к которому является универсальным, и это происходит потому, что деньги — *абстрактное богатство*, и люди, владея ими, могут удовлетворять все свои потребности, какого бы рода они ни были» («Principes fondamentaux de l'Éc. pol.», traduit par le comte Jean Arrivabene, Paris 1836, p. 221) или *Шторх*: «Так как деньги являются представителем всех других богатств, то достаточно накопить их, чтобы можно было достать все существующие в мире виды богатства» (I. c., t. II, p. 134).

столба. Он интересуется богатством только в его общественной форме и потому зарывает его от общества. Он стремится к товару в его постоянно пригодной для обращения форме и потому извлекает его из обращения. Он грезит о меновой стоимости и потому отказывается от обмена. Текучая форма богатства и его окаменелая форма, жизненный элексир и философский камень, как в алхимии, яростно сталкиваются между собой. В своей фантастической безграничной жажде наслаждений он отказывается от всякого наслаждения. Так как он хочет удовлетворить все социальные потребности, то он едва удовлетворяет свои естественные потребности. В то время как он удерживает богатство в его металлической телесности, оно испаряется до роли простого призрака. Однако в действительности накопление денег ради денег представляет собой варварскую форму производства ради производства, т. е. развития производительных сил человеческого труда за пределы традиционных потребностей. Чем менее развито товарное производство, тем более важное значение имеет это первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег, собирания сокровищ, которое играет поэтому большую роль у древних народов, в Азии до настоящего времени, и у современных земледельческих народов, где меновая стоимость еще не охватила всех производственных отношений. Специфическую экономическую функцию образования сокровищ в сфере самого металлического обращения мы сейчас рассмотрим, но предварительно отметим еще другую форму образования сокровищ.

Серебряные и золотые товары, совершенно независимо от своих эстетических свойств, могут — поскольку материал, из которого они состоят, является денежным материалом — быть превращены в деньги, как, обратно, золотые деньги или золотые слитки могут быть превращены в эти товары. Так как золото и серебро представляют собою материал абстрактного богатства, то употребление их как конкретных потребительных стоимостей является наилучшим средством выставить напоказ богатство, и, если на известных ступенях производства товаровладелец скрывает свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он чувствует влечение явиться перед другими товаровладельцами в качестве *rich homme* (богатого человека). Он старается позолотить себя и свой дом.¹ В Азии, в частности в

¹ Насколько *inner man* (внутренний человек) товарного индивида остается неизменным даже там, где последний цивилизуется и развивается в на-

Индии, где образование сокровищ не является подчиненною функцией механизма процесса производства в целом, как в буржуазной экономии, но где богатство сохраняется в этой форме как последняя цель, золотые и серебряные товары представляют в сущности только эстетическую форму сокровища. В средневековой Англии золотые и серебряные товары рассматривались законом, как простая форма сокровища, так как стоимость их лишь в незначительной мере увеличивалась от прибавленного к ним грубого труда. Назначение их состояло в том, чтобы быть опять брошенными в обращение, и поэтому проба их предписывалась с такою же точностью, как и проба самих монет. Рост употребления золота и серебра, как предметов роскоши, по мере возрастания богатства представляет собою столь простую вещь, что древним она была вполне понятна,¹ тогда как новые экономисты выставили ложное положение, согласно которому потребление серебряных и золотых товаров возрастает будто бы не пропорционально росту богатства, а лишь пропорционально падению стоимости благородных металлов. Данные этих экономистов о потреблении калифорнийского и австралийского золота, в общем вполне точные, обнаруживают всегда изъян, так как возросшее потребление золота в качестве сырого материала в их представлении не оправдывается соответствующим падением его стоимости. За время с 1810 по 1830 год, в результате войны американских колоний с Испанией и перерыва в горных работах вследствие революций, ежегодное среднее производство благородных металлов сократилось более чем наполовину. В 1829 году, по сравнению с 1809 годом, убыль находящихся в обращении монет составляла в Европе почти $\frac{1}{8}$. Хотя размеры производства таким образом сократились и издержки производства, — если они вообще изменились, — возросли, тем не менее потребление благородных металлов как предметов роскоши чрезвычайно возросло, — в Англии уже во время войны, а на континенте со времени Парижского мира. Оно возросло вместе с ростом всеобщего богатства.² В качестве общего закона можно выставить положе-

питалиста, показывает пример лондонского представителя одного международного банкирского дома, повесившего за стеклом и в раме банковый билет в 100 000 ф. ст. в качестве подходящего фамильного герба. Вся соль заключается здесь в том, что этот билет иронически и свысока взирает на обращение.

¹ Смотри цитируемое ниже место из Ксенофонта.

² *Jacob*, l. c., t. II, ch. 25 и 26.

ние, что превращение золотых и серебряных денег в предметы роскоши происходит преимущественно во время мира, а обратное превращение их в слитки или монеты — в тревожные времена.¹ Насколько значительно отношение золотого и серебряного сокровища, существующего в форме предметов роскоши, к благородному металлу, служащему в качестве денег, можно видеть из того, что в 1829 г. это отношение, по данным Джекоба, составляло в Англии 2:1, а во всей Европе и Америке количество благородного металла в предметах роскоши было на $\frac{1}{4}$ больше, чем в деньгах.

Мы видели, что денежное обращение есть только проявление метаморфоза товаров или перемены форм, в которых происходит общественный обмен веществ. Поэтому в зависимости от изменения суммы цен находящихся в обращении товаров или размера их одновременных метаморфозов, с одной стороны, и от данной быстроты перемены их форм, с другой стороны, общее количество денег, находящихся в обращении, должно было постоянно расширяться и сокращаться; это возможно только при том условии, если общее количество денег, существующих в данной стране, находится в постоянно изменяющемся отношении к количеству денег, находящихся в обращении. Это условие выполняется благодаря образованию сокровищ. Если цены падают или быстрота обращения увеличивается, то резервуары сокровищ поглощают часть денег, выпадающую из обращения; если же цены повышаются или быстрота обращения уменьшается, то сокровища открываются и частично приливают обратно в обращение. Это застывание обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение представляют собою попеременное колебательное движение, в котором преобладание того или другого направления определяется исключительно колебаниями товарного обращения. Таким образом сокровища являются приводными и отводными каналами находящихся в обращении денег, так что в качестве монеты всегда обращается лишь количество денег, обусловленное непосредственными потребностями самого обращения. Если размеры всего обращения сразу расширяются и текучее единство покупок и продаж большею частью преобладает, но при этом, однако, общая сумма подлежащих реализации цен возрастает еще

¹ «Во времена больших волнений и опасностей, особенно во времена внутренних волнений и нашествий, золотые и серебряные вещи быстро превращаются в деньги; в периоды же спокойствия и процветания деньги превращаются в утварь и драгоценности» (t. II, p. 357, l. c.).

быстрее, чем быстрота денежного обращения, то сокровища заметно опоражниваются; как только в общем движении наступает значительная заминка или движение покупок и продаж замедляется, средства обращения в значительной пропорции застывают в виде денег, и резервуары сокровищ переполняются на много выше среднего их уровня. В странах с чисто металлическим обращением или находящихся на неразвитой ступени производства сокровища бесконечно распылены и рассеяны по всей поверхности страны, тогда как в развитых буржуазных странах они концентрируются в резервуарах банков. Не надо смешивать сокровища с монетным резервом, который сам образует составную часть общего количества денег, постоянно находящегося в обращении, тогда как активное отношение между сокровищем и средствами обращения предполагает уменьшение или увеличение указанного общего количества денег. Золотые и серебряные товары также, как мы видели, образуют отводный канал для благородных металлов и скрытый источник их прилива. Но в обычные времена только первая их функция имеет важное значение для экономии металлического обращения.¹

в) Платежное средство

Обе формы, в которых деньги до сих пор различались от средства обращения, были: форма *задержанной монеты* и форма *сокровищ*. Первая форма отражала в преходящем превращении

¹ В следующем месте Ксенофонт развивает понятие денег в их специфической определенности формы в качестве денег и сокровища: «Из всех дел, какие мне известны, только в одном этом никто не завидует устроителям. Чем богаче оказываются серебряные рудники и чем больше добывается серебра, тем больше людей стекается к этому делу. Движимость, если кто приобрел ее в количестве, достаточном для своего дела, больше не прикупается. Денег же никто не приобрел еще в таком количестве, чтобы не нуждаться в них, а если у кого-нибудь они оказываются в избытке, то он их закапывает в землю и наслаждается ими не меньше, чем если бы пользовался ими. Когда государства процветают, то люди сильно нуждаются в деньгах; мужчины желают их употребить на красивое оружие, добрых коней и на великолепные дома и строения; женщины же стремятся к ценным нарядам и золотым украшениям. Когда же государства страдают от недорода или от войны, при которой обработка земли сокращается еще больше, тогда они нуждаются в деньгах и на покупку провианта и на наем союзных войск» (*Хел.*, De vestig., с. IV). *Аристотель* в «Республике» (с. 9, л. 1) развивает оба движения обращения Т—Д—Т и Д—Т—Д в их противоположности под названиями «экономики» и «хрематистики». Греческими трагиками, а именно Эврипидом, обе эти формы противопоставляются, как *δίχῃ* и *κέρδος*.

монеты в деньги то обстоятельство, что второй член Т—Д—Т, покупка Д—Т, должен в пределах определенной сферы обращения раздробиться на ряд последовательных актов покупки. Образование же сокровищ основывалось просто на обособлении акта Т—Д, который не имел своим продолжением Д—Т; иначе говоря, образование сокровищ представляло собой только самостоятельное развитие первого метаморфоза товара; деньги выступали здесь в качестве отчужденного бытия всех товаров, в противоположность средству обращения как бытию товара в его постоянно пригодной для отчуждения форме. Монетный резерв и сокровище были деньгами только потому, что они не служили средствами обращения, а средствами обращения они не были потому, что не обращались. Что же касается того определения, в котором мы рассматриваем деньги теперь, то они обращаются или вступают в обращение, но не в функции средства обращения. В качестве средства обращения деньги были всегда покупательным средством, теперь же они действуют не как покупательное средство.

Как только деньги, благодаря образованию сокровищ, развились в качестве абстрактного общественного богатства и материального представителя вещественного богатства, они в этой своей определенности в качестве денег получают своеобразные функции в сфере процесса обращения. Если деньги циркулируют как простое средство обращения и тем самым как покупательное средство, то предполагается, что товар и деньги одновременно противостоят друг другу и, следовательно, одна и та же величина стоимости имеется в двойном виде: на одном полюсе — в виде товара в руках продавца, на другом полюсе — в виде денег в руках покупателя. Это одновременное существование обоих эквивалентов на противоположных полюсах и одновременная перемена ими мест или взаимное их отчуждение, в свою очередь, предполагает, что продавец и покупатель относятся друг к другу только как владельцы наличных эквивалентов. Между тем процесс метаморфоза товаров, который создает различные определенности формы денег, метаморфозирует также и товаровладельцев или изменяет общественные характеры, в которых они друг другу являются. В процессе метаморфоза товара товаровладелец столько же раз меняет свою кожу, сколько раз товар меняет свой характер или сколько раз деньги отливаются в новую форму. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу только в качестве товаровладельцев; потом один

стал продавцом, другой покупателем, затем каждый из них становился попеременно то покупателем, то продавцом, после этого они были собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они вступили в него. В действительности различные определенности формы, принимаемые деньгами в процессе обращения, представляют собою только кристаллизованную перемену форм самих товаров, которая, в свою очередь, является только вещным выражением изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен веществ. В процессе обращения возникают новые отношения обмена, и, как носители этих изменившихся отношений, товаровладельцы получают новый экономический характер. Подобно тому как деньги в сфере внутреннего обращения идеализируются и простая бумага в качестве представителя золота выполняет функцию денег, точно так же этот процесс придает покупателю или продавцу, который вступает в него лишь как представитель денег или товара — т. е. представляет лишь будущие деньги или будущий товар, — значение действительного продавца или покупателя.

Все определенности формы, в которых золото развивается в деньги, представляют собой только развитие тех определений, которые заключаются в метаморфозе товаров, но которые в простом денежном обращении, — т. е. при появлении денег в качестве монеты или в движении $T-D-T$, как протекающем в виде процесса единства, — либо не выделились в самостоятельную форму, либо же являлись только простыми возможностями, как, напр., приостановка метаморфоза товара. Мы видели, что в процессе $T-D$ товар как действительная потребительная стоимость и идеальная меновая стоимость относился к деньгам, как к действительной меновой стоимости и лишь идеальной потребительной стоимости. Продавец, отчуждая товар как потребительную стоимость, реализовал его собственную меновую стоимость и потребительную стоимость денег. Наоборот, покупатель, отчуждая деньги как меновую стоимость, реализовал потребительную стоимость денег и цену товара. Соответственно этому происходила перемена мест товара и денег. Теперь же живой процесс этой двусторонней полярной противоположности опять раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но цену его реализует вначале только в идее. Он продал товар по его цене, которая, однако, будет реализована лишь

позднее, в точно фиксированный срок. Покупатель покупает в качестве представителя будущих денег, тогда как продавец продает в качестве владельца наличного товара. На стороне продавца товар как потребительная стоимость действительно отчуждается, хотя цена его в действительности еще не реализована; на стороне покупателя деньги действительно реализуются в потребительной стоимости товара, хотя как меновая стоимость они в действительности еще не отчуждены. Здесь символическим представителем денег выступает не знак стоимости, как то было раньше, а сам покупатель. Но как раньше всеобщая символика знака стоимости предполагала гарантию и принудительный курс со стороны государства, так теперь личная символика покупателя вызывает частные контракты между товаровладельцами, подлежащие по закону принудительному исполнению.

Обратно, в процессе Д—Т деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство, и цена товара может быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме абонементной подписки; или же в той форме, в которой английское правительство закупает опиум у райотов в Индии или проживающие в России иностранные купцы закупают у русских значительную часть земледельческих продуктов. Однако деньги действуют здесь только в известной уже нам форме покупательного средства и поэтому не получают никакой новой определенности формы.¹ Мы поэтому не останавливаемся на последнем случае; однако в применении к той видоизмененной форме, в которой здесь выступают оба процесса Д—Т и Т—Д, отметим, что различие между покупкою и продажей, которое непосредственно в обращении только мысленно предполагается, теперь становится действительным различием, так как в одной форме имеется в наличности только товар, в другой — только деньги, в обеих же формах имеется только крайний член, от которого исходит инициатива. Кроме того обе формы имеют то общее, что в обеих один из эквивалентов существует только в общей воле покупателей и продавца, — воле, связывающей обоих и получающей определенные законом формы.

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником.

¹ Конечно, капитал авансируется также в форме денег, и авансированные деньги могут быть авансированным капиталом; однако эта точка зрения не входит в кругозор простого обращения.

Если товаровладелец как хранитель сокровища играл роль скорее комической фигуры, то теперь он становится страшным, так как он уже не в себе в самом, но в своем ближнем усматривает только определенную денежную сумму и его, а не себя делает мучеником меновой стоимости. Из верующего он становится верителем (кредитором), от религии переходит к юриспруденции.

I stay here on my bond!

В той видоизмененной форме Т—Д, в которой товар имеется в наличности, а деньги только представлены, последние функционируют, во-первых, как мера стоимостей. Меновая стоимость товара расценивается в деньгах как в своей мере; но цена, как меновая стоимость, измеренная в договоре, существует не только в голове продавца, но одновременно как мера обязательства покупателя. Во-вторых, деньги функционируют здесь как покупательное средство, хотя они лишь отбрасывают впереди себя тень своего будущего существования. Они перемещают товар с его места, из рук продавца в руки покупателя. Когда наступает срок исполнения договора, деньги вступают в обращение, перемещая место и переходя из рук бывшего покупателя в руки бывшего продавца. Но они вступают в обращение не как средство обращения или как покупательное средство. В качестве покупательного средства деньги функционировали здесь раньше, чем имелись в наличности, а появились они уже после того, как перестали функционировать в качестве такового. Напротив, они вступают в обращение как единственный адекватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как заключительное слово менового процесса, — одним словом, как деньги, и притом как деньги в определенной функции *всеобщего платежного средства*. В этой функции платежного средства деньги являются как абсолютный товар, но внутри самого обращения, а не вне его как сокровище. Различие между покупательным средством и платежным средством даст себя чувствовать весьма неприятным образом в эпохи торговых кризисов.¹

Первоначально превращение продукта в деньги в обращении являлось только индивидуальной необходимостью для товаровладельца, поскольку его продукт не представляет для него потребительной стоимости, но еще должен сделаться таковою через

¹ Различие между покупательным средством и платежным средством подчеркивается Лютером. [Примечание ко 2-му изданию. Ср. «Капитал», т. I, отдел 1, примечание 90.]

свое отчуждение. Но чтобы уплатить в обусловленный договором срок, он должен раньше продать товар. Таким образом, благодаря движению процесса обращения продажа превратилась для него в общественную необходимость, совершенно независимо от его индивидуальных потребностей. Как бывший покупатель товара, он по необходимости становится продавцом какого-либо другого товара, не для того, чтобы получить деньги как покупательное средство, но для того чтобы получить деньги как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости. Превращение товара в деньги, как завершающий акт, или первый метаморфоз товара, как самоцель, — метаморфоз, который в процессе образования сокровищ, казалось, зависел от прихоти товаровладельца, — теперь сделался экономической функцией. Мотив и содержание продажи для возможности уплаты представляет собою содержание процесса обращения, возникающее из самой формы этого последнего.

В этой форме продажи товар меняет свое место, находится в обращении, между тем как его первый метаморфоз, превращение его в деньги, отсрочен. Напротив, на стороне покупателя второй метаморфоз совершается, т. е. деньги превращаются обратно в товар, раньше чем совершился первый метаморфоз, т. е. чем товар превратился в деньги. Таким образом первый метаморфоз является здесь во времени после второго. И благодаря этому деньги, этот образ товара в его первом метаморфозе, получают новую определенность формы. Деньги, или самостоятельное развитие меновой стоимости, представляют собою уже не посредствующую форму товарного обращения, но его завершающий результат.

Что подобные *продажи на срок*, в которых оба полюса продажи существуют раздельно друг от друга во времени, возникают естественным образом из простого товарного обращения, — не требует подробных доказательств. Прежде всего развитие обращения приводит к тому, что взаимное отношение тех же самых товаровладельцев друг к другу, как продавца и покупателя, повторяется неоднократно. Это повторяющееся явление не остается только случайным, но, например, товар заказывается на какой-нибудь будущий срок, когда он должен быть доставлен и оплачен. В этом случае продажа совершается здесь идеально, т. е. юридически, без появления товара и денег в их телесном виде. Обе формы денег, как средства обращения и как платежного средства, здесь еще совпадают, так как, с одной стороны, товар

и деньги меняют свои места одновременно, а с другой стороны, деньги не покупают товара, но реализуют цену товара, запроданного ранее. Далее, в силу самой природы целого ряда потребительных стоимостей оказывается, что они действительно отчуждаются не в момент фактической передачи товара, но лишь путем предоставления последнего на определенный срок. Например, при найме дома на один месяц потребительная стоимость дома передается полностью лишь по истечении месяца, хотя дом перешел из рук в руки в начале этого месяца. Так как фактическая передача потребительной стоимости и действительное ее отчуждение здесь во времени друг с другом не совпадают, то и реализация цены ее также происходит после перемены ею места. Наконец, разница в продолжительности и времени производства различных товаров приводит к тому, что одно лицо выступает в качестве продавца тогда, когда другое лицо еще не может выступить в качестве покупателя; при более частом повторении покупок и продаж между теми же товаровладельцами, оба момента продажи, таким образом, распадаются в соответствии с условиями производства их товаров. Таким образом между товаровладельцами возникает отношение кредитора и должника, — отношение, которое, правда, образует естественную основу кредитной системы, но может вполне развиться и ранее существования последней. Ясно, однако, что с развитием кредитного дела и, следовательно, буржуазного производства вообще функции денег как платежного средства будут расширяться за счет функции их в качестве покупательного средства и еще более в качестве элемента собирания сокровищ. В Англии, например, деньги в качестве монеты оттеснены почти исключительно в сферу розничной и мелкой торговли между производителями и потребителями, тогда как в качестве платежного средства они господствуют в сфере крупных торговых сделок.¹

¹ Господин Маклеод хотя доктринерски кичится своими определениями, настолько не понимает самых элементарных экономических отношений, что выводит происхождение денег вообще из их наиболее развитой формы, из формы платежного средства. Он говорит между прочим: «Так как люди пуждаются во взаимных услугах не всегда одновременно и не на одинаковую сумму стоимости, то остается известная разница или количество услуг, причитающихся от одного лица другому, т. е. долг. Владелец этого долга нуждается в услугах какого-нибудь третьего лица, которое в его услугах непосредственно не нуждается, и передает этому третьему лицу долг, причитающийся ему от первого. Удостоверение о долге таким образом переходит из рук в руки. — это и есть обращение... Когда лицо получает обязательство,

В качестве всеобщего платежного средства деньги становятся *всеобщим товаром* в контрактах, — сперва только в сфере товарного обращения.¹ Однако по мере развития денег в этой функции все другие формы платежей постепенно сводятся к денежным платежам. Степень развития денег как единственного платежного средства показывает ту степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме.²

Масса денег, обращающихся в качестве платежного средства, определяется прежде всего суммой платежей, т. е. суммой цен отчужденных товаров, а не товаров, подлежащих отчуждению, как при простом денежном обращении; однако определенная таким образом сумма двойным образом видоизменяется: во-первых, под влиянием быстроты, с которой одна и та же денежная монета повторяет одну и ту же функцию или с которою масса платежей следует друг за другом в виде движущейся цепи платежей. А уплачивает В, после чего В уплачивает С и так далее. Быстрота, с которой одна и та же денжная монета повторяет свою функцию платежного средства, зависит, с одной стороны, от сцепления отношений кредитора и должника между товаровладельцами, — так что один и тот же товаровладелец является кредитором по отношению к одному лицу и должником по отношению к другому и т. д., — а с другой стороны, от продолжительности промежутков времени, разделяющих сроки различных платежей. Эта цепь

выраженное в металлических деньгах, оно может распоряжаться услугами не только первоначального должника, но и всех членов промышленного общества». *Macleod, Theory and practice of banking etc., London, 1855, v. I, ch. 1.*

¹ *Bailey, l. c., p. 3*, говорит: «Деньги составляют общий предмет обязательств, или тот предмет, в котором заключается большинство имущественных сделок, подлежащих исполнению в какой-нибудь позднейший срок».

² *Сениор, l. c., p. 221*, говорит: «Так как стоимость всех вещей в течение определенного времени изменяется, то в качестве платежного средства принимают вещь, которая наименее изменяется в своей стоимости и наиболее долгое время сохраняет дальнюю среднюю покупательную способность. Таким образом деньги становятся выражением или представителем стоимостей». Наоборот, золото, серебро и т. п. становятся всеобщим платежным средством именно потому, что они стали деньгами, т. е. бытием меновой стоимости, получившей самостоятельное существование. Как раз тогда, когда появляется отмеченный господином Сениором интерес к устойчивости величины стоимости денег, т. е. в периоды, когда деньги силою обстоятельств становятся всеобщим платежным средством, — начинают замечать также колебания в величине стоимости денег. Таким периодом в Англии была эпоха Елизаветы, и в это время лорд Берлей и сэр Томас Смит, принимая во внимание явное обесценение благородных металлов, провели парламентский акт, который объявлял Оксфордский и Кембриджский университеты выговаривать себе треть земельной ренты в пшенице и солоде.

платежей или отсроченных первых метаморфозов товаров качественно отличается от той цепи метаморфозов, которая выражается в обращении денег как средства обращения. Последняя цепь метаморфозов не только проявляется во временной последовательности, но и впервые *возникает* в ней. Товар становится деньгами, потом опять товаром и таким образом дает другому товару возможность превратиться в деньги и т. д., или продавец становится покупателем, благодаря чему какой-нибудь другой товаровладелец становится продавцом. Эта связь возникает случайно в самом процессе товарного обмена. Иначе происходит дело тогда, когда деньги, которые А уплатил В, последний уплачивает далее С, а С уплачивает Д и т. д., и притом в быстро следующие друг за другом промежутки времени; в этой внешней связи лишь обнаруживается общественная связь, существовавшая уже ранее в готовом виде. Одни и те же деньги пробегают через различные руки не потому, что они являются платежным средством, но они обращаются как платежное средство потому, что различные товаровладельцы уже заключили договор.¹ Таким образом быстрота, с которою деньги обращаются как платежное средство, показывает гораздо более глубокое вовлечение индивидов в процесс обращения, чем быстрота, с которою деньги обращаются в качестве монеты или покупательного средства.

Сумма цен одновременных и, следовательно, расположенных рядом в пространстве покупок и продаж образует предел для замещения количества монет быстротою их обращения. Для денег, функционирующих как платежное средство, это ограничение отпадает. Если платежи, которые должны быть сделаны одновременно, концентрируются в одном месте, — что первоначально происходит, естественно, только в крупных узловых пунктах товарного обращения, — то платежи взаимно выравниваются, как отрицательные и положительные величины, так как А должен одновременно уплатить В и получить платеж от С и т. д. Следовательно, сумма денег, потребных в качестве платежного средства, определяется уже не суммою подлежащих одновременной реализации платежей, но большею или меньшею концентрацией их и величиною баланса, остающегося после взаимного погашения их, как отрицательных и положительных величин. Соответ-

¹ [У Маркса непереводаемая игра слов: «weil die verschiedenen Hände schon ineinander geschlagen haben» (т. е. различные товаровладельцы уже ударили по рукам.)]

ственные учреждения для этих взаимных расчетов возникают совершенно независимо от развития кредитной системы, как, например, в древнем Риме. Однако рассмотрение их сюда не относится, равно как рассмотрение общих платежных сроков, которые фиксируются повсюду в определенных общественных кругах. Здесь заметим только, что специфическое влияние, оказываемое этими сроками на периодические колебания в количестве образующихся денег, подверглось научному исследованию только в последнее время.

Поскольку платежи взаимно погашаются как положительные и отрицательные величины, появление на сцену действительных денег вовсе не имеет места. Деньги развиваются здесь только в своей форме меры стоимостей: с одной стороны — в цене товара, с другой стороны — в сумме взаимных обязательств. Следовательно, меновая стоимость не получает здесь, кроме идеального своего бытия, никакого самостоятельного бытия, даже бытия знака стоимости; деньги становятся только идеальными счетными деньгами. Таким образом функция денег как платежного средства включает в себе то противоречие, что, с одной стороны, поскольку платежи выравниваются, деньги действуют только в качестве идеальной меры, с другой же стороны, поскольку платежи должны быть действительно произведены, вступают в обращение не как мимолетное средство обращения, но как покоящееся бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар, — одним словом, как деньги. Поэтому там, где цепь платежей и искусственная система их выравнивания достигли известного развития, при потрясениях, насильственно прерывающих течение платежей и нарушающих механизм их выравнивания, деньги сразу превращаются из своего газообразного, призванного образа меры стоимости в звонкие деньги или платежное средство. Таким образом, в период развитого буржуазного производства, когда товаровладелец давно уже стал капиталистом, когда он уже знает своего Адама Смита и снисходительно высмеивает предрассудок, будто только золото и серебро суть деньги или будто деньги вообще представляют собой абсолютный товар в отличие от других товаров, — деньги неожиданно выступают опять не как посредник обращения, но как единственная адекватная форма меновой стоимости, как единственное богатство, в том же смысле как понимает его собиратель сокровищ. В качестве такой единственной формы богатства деньги проявляются не в воображаемом только, как в монетарной системе, но в действительном

понижении стоимости всякого материального богатства и полном обесценении его. Это особый момент кризисов мирового рынка, носящий название денежного кризиса. В подобные моменты *summi bonum* (высшее благо), которого страстно добиваются как единственного богатства, составляют деньги, наличные деньги, а рядом с ними все другие товары, именно потому, что они, потребительные стоимости, представляются чем-то бесполезным, пустяками и безделушками, или, как говорит наш д-р Мартин Лютер, лишь предметами щегольства и обжорства. Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения проникаются ужасом перед непостижимой тайною своих собственных отношений.¹

Платежи, в свою очередь, делают необходимым резервный фонд, накопление денег как платежных средств. Образование этих резервных фондов уже не является деятельностью, чуждою самому обращению, как образование сокровищ, или простою техническою задержкою монеты, как то было при монетном резерве; но деньги должны постепенно накапливаться для того, чтобы быть в наличности в определенные будущие сроки платежей. Таким образом, в то время как образование сокровищ в той абстрактной форме, в которой оно считается обогащением, по мере развития буржуазного производства уменьшается, указанное образование сокровищ, требуемое непосредственно процессом обмена, увеличивается, или, вернее, часть сокровищ, образующихся вообще в сфере товарного обращения, поглощается в качестве резервного фонда платежных средств. Чем развитее буржуазное производство, тем более эти резервные фонды ограничиваются необходимым минимумом. Локк в своем сочинении о понижении нормы уровня процента² дает интересные данные относительно размера

¹ *Буагильбер*, который хотел бы помешать буржуазным производственным отношениям становиться на дыбы против самих буржуа, наиболее охотно рассматривает те формы денег, в которых они являются лишь в идеальном или в мимолетном виде. Таково было прежде средство обращения, таково же платежное средство. Но *Буагильбер*, однако, не видит непосредственного перехода денег из идеальной формы в их внешнюю действительность, не видит, что звонкие деньги скрыто содержатся уже в мысленно представляемой мере стоимости. То обстоятельство, говорит он, что деньги — только форма самих товаров, обнаруживается в крупной торговле, где обмен происходит без вмешательства денег, после того как «*les marchandises sont apprécies*» (товары оценены). «*Le détail de la France*», I. c., p. 210.

² *Locke*, I. c., p. 17, 18.

этих резервных фондов в его время. Из них видно, какую значительную часть денег, находившихся вообще в обращении, поглощали в Англии резервуары платежных средств как раз в ту эпоху, когда начинало развиваться банковое дело.

Закон, регулирующий количество находящихся в обращении денег, в том виде, как он вытекал из анализа простого денежного обращения, существенно видоизменяется под влиянием обращения платежных средств. При данной быстроте обращения денег, в качестве ли средства обращения или в качестве платежных средств, общая сумма денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, определяется общей суммой подлежащих реализации товарных цен плюс общая сумма платежей, приходящихся на тот же промежуток времени, минус платежи, взаимно уравнивающиеся путем погашения. Общий закон, согласно которому масса находящихся в обращении денег зависит от товарных цен, ни в малейшей мере этим не нарушается, так как сумма платежей сама определяется ценами, установленными в контрактах. Но при этом ясно обнаруживается, что даже при предположении неизменяющейся быстроты оборота денег и неизменяющейся экономии в платежных средствах сумма цен товарных масс, находящихся в обращении в течение определенного периода времени, например, в течение одного дня, и масса обращающихся в течение того же дня денег никоим образом не совпадают, так как в обращении находятся масса товаров, цена которых будет реализована в деньгах лишь впоследствии, и масса денег, которой соответствуют товары, давно уже выпавшие из обращения. Последняя масса денег, в свою очередь, зависит от того, как велика по своей стоимости сумма платежей, приходящихся на тот же день, хотя бы контракты по ним были заключены в самое различное время.

Мы видели, что изменение в стоимости золота и серебра не влияет на их функцию меры стоимости или счетных денег. Но это изменение приобретает существенную важность для денег в качестве сокровища, так как вместе с повышением или падением стоимости золота и серебра повышается или падает величина стоимости золотого или серебряного сокровища. Еще важнее это изменение для денег как платежного средства. Платеж производится в более позднее время, чем совершается покупка товара, или деньги действуют в два различных периода времени в двух различных функциях, сперва как мера стоимостей, а потом как платежное средство, соответствующее этому измерению. Если же

за этот промежуток времени изменяется стоимость благородных металлов или необходимое для их производства рабочее время, то то же количество золота или серебра в тот момент, когда оно выступает как платежное средство, будет иметь большую или меньшую стоимость, чем в то время, когда оно служило мерою стоимостей или когда заключался контракт. Функция, выполняемая особенным товаром, например золотом и серебром, в качестве денег или получившей самостоятельное существование меновой стоимости, приходит здесь в коллизию с природою его как особенного товара, величина стоимости которого зависит от изменения в издержках его производства. Великая социальная революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе, представляет столь же общеизвестный факт, как противоположная революция, вызванная в раннюю эпоху древнеримской республики повышением стоимости меди, в которой были заключены долги плебеев. Не вдаваясь в дальнейшее исследование влияния изменений стоимости благородных металлов на систему буржуазной экономии, мы видим уже здесь, что падение стоимости благородных металлов приносит выгоду должникам за счет кредиторов, повышение же их стоимости, наоборот, приносит выгоду кредиторам за счет должников.

с) М и р о в ы е д е н ь г и

Золото становится деньгами в отличие от монеты, сперва удаляясь из обращения как сокровище, затем вступая в него не как средство обращения и, наконец, ломая границы внутреннего обращения, чтобы функционировать в мире товаров как всеобщий эквивалент. Таким образом золото становится *мировыми деньгами*.

Подобно тому как первоначальными мерами стоимости служили общие меры веса благородных металлов, так в сфере мирового рынка счетные названия денег опять превращаются в соответствующие весовые названия. Подобно тому как неоформленный сырой металл (*aes rude*) был первоначальной формою средств обращения, а сама монетная форма была первоначально лишь официальным свидетельством веса, содержащегося в кусках металла, так благородный металл в качестве мировой монеты опять сбрасывает с себя свою фигуру и чеканку и возвращается в безразличную форму слитка; или же — если национальные монеты, как русские импералы, мексиканские талеры и английские

соверены, обращаются за границую, — их название становится безразличным, и только их содержание имеет значение. Наконец, благородные металлы в качестве международных денег выполняют опять свою первоначальную функцию средств обмена, — функцию, которая, как и самый товарный обмен, возникла не внутри естественно выросшей общины, а в пунктах соприкосновения различных общин. Таким образом, деньги в качестве мировых денег получают опять свою естественно возникшую первоначальную форму. Покидая сферу внутреннего обращения, они опять сбрасывают с себя те особенные формы, которые выросли из развития процесса обмена внутри этой особенной сферы: они сбрасывают свои локальные формы в качестве масштаба цен, монеты, разменной монеты и знака стоимости.

Мы видели, что во внутреннем обращении страны мерою стоимостей служит только один товар. Но так как в одной стране эту функцию выполняет золото, а в другой — серебро, то на мировом рынке употребляется двойная мера стоимости, и во всех других своих функциях деньги также получают двойное существование. Перевод товарных стоимостей из золотых цен в серебряные и обратно определяется каждый раз относительною стоимостью обоих металлов, которая постоянно изменяется и поэтому постоянно находится в процессе установления. Товаровладельцы каждой внутренней сферы обращения вынуждены употреблять для внешнего обращения попеременно то золото, то серебро и, таким образом, обменивать металл, признаваемый деньгами внутри страны, на металл, который им требуется в качестве денег за границую. Каждая нация, следовательно, употребляет в качестве мировых денег оба металла, золото и серебро.

В международном товарном обращении золото и серебро выступают не как средство обращения, а как *всеобщее средство обмена*. Но всеобщее средство обмена функционирует только в обеих развитых формах *покупательного средства и платежного средства*, отношение между которыми становится, однако, на мировом рынке обратным. В сфере внутреннего обращения деньги, поскольку они были монетою и представляли собою посредствующий член движущегося единства Т—Д—Т или чисто преходящую форму меновой стоимости в непрерывной перемене мест товаров, действовали исключительно как покупательное средство. На мировом же рынке имеет место обратное. Золото и серебро выступают здесь как покупательное средство тогда, когда обмен веществ является только односторонним, и поэтому

покупки и продажи не покрывают друг друга. Например, пограничная торговля у Кяхты фактически и согласно договору является меновой торговлей, в которой серебро является только мерою стоимости. Война 1857 — 1858 годов заставила китайцев продавать, не покупая. Тогда серебро сразу появилось как покупательное средство. Считаясь с буквальным текстом договора, русские переделывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые и служили в качестве средства обмена. Серебро постоянно функционирует как покупательное средство между Европой и Америкой, с одной стороны, и Азией — с другой, где оно оседает в качестве сокровища. Далее, благородные металлы функционируют как международное покупательное средство в тех случаях, когда обычное равновесие в обмене веществ между двумя нациями неожиданно нарушается, как, например, при неурожае, который вынуждает одну из этих наций покупать в чрезвычайно большом количестве. Наконец, благородные металлы являются международным покупательным средством для тех стран, где производятся золото и серебро и где они представляют собою непосредственный продукт и товар, а не превращенную форму товара. Чем более развивается товарный обмен между различными национальными сферами обращения, тем более развивается функция мировых денег как *платежного средства* для выравнивания международных балансов.

Международное обращение, как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то опорожняется, то опять наполняется, в соответствии с колебаниями товарного обмена.¹ Кроме тех отдельных движений, при которых мировые деньги передвигаются из одной национальной сферы обращения в другую и обратно, они обладают общим движением, исходные пункты которого лежат у источников производства золота и серебра, откуда золотые и серебряные потоки растекаются по мировому рынку в различных направлениях. Здесь золото и серебро вступают в мировое обращение в качестве товаров и обмениваются как эквиваленты, сообразно заключенному в них рабочему вре-

¹ «Накопленные деньги прибавляются к той сумме, которая для того, чтобы быть действительно в обращении и удовлетворять возможным потребностям торговли, удаляется и выходит из сферы самого обращения» (*G. R. Carli*, примечание к *Verrì, Meditazioni sulla Economia Politica*, p. 196, t. XV, в собрании *Custodi*, l. c.).

мени, на товарные эквиваленты, прежде чем попасть в сферы внутреннего обращения. Поэтому в последних они появляются уже с данной величиною стоимости. Ввиду этого каждое уменьшение или увеличение в их издержках производства соответственно изменяет на мировом рынке их относительную стоимость, которая, с другой стороны, нисколько не зависит от того, в какой мере различные национальные сферы обращения поглощают золото или серебро. Доля металлического потока, улавливаемая каждою отдельною сферою товарного мира, уходит частью непосредственно во внутреннее денежное обращение для замещения стирающихся металлических монет, частью задерживается в различных запасных резервуарах монеты, платежных средств и мировых денег, частью превращается в предметы роскоши, и, наконец, остаток становится просто сокровищем. На развитой ступени буржуазного производства образование сокровищ ограничивается минимумом, которого требуют различные процессы обращения для свободного действия своего механизма. Сокровищем как таковым здесь становится только праздно лежащее богатство, — если только это не мимолетная форма избытка в платежном балансе, результат прерванного обмена веществ и, следовательно, застывание товара в первом его метаморфозе.

Если золото и серебро как деньги, по самому своему понятию, представляют собою всеобщий товар, то в мировых деньгах они получают соответствующую форму существования, — форму универсального товара. В той мере, как все продукты отчуждаются за золото и серебро, последние становятся превращенной формою всех товаров и поэтому всесторонне отчуждаемым товаром. Они становятся действительно воплощением всеобщего рабочего времени в той мере, как обмен веществ реальных видов труда охватывает весь земной шар. Они становятся всеобщим эквивалентом в той мере, как развивается ряд особенных эквивалентов, образующих сферу их обмена. Так как в мировом обращении товары развивают свою собственную меновую стоимость универсальным образом, то форма последней, превращенная в золото и серебро, является в виде мировых денег. Если, следовательно, нации товаровладельцев при помощи своего всестороннего производства и всеобщего обмена превращают золото в адекватные деньги, то производство и обмен являются для них только средством для того, чтобы извлекать из мирового рынка деньги в форме золота и серебра. Таким образом золото и серебро как мировые деньги являются в той же мере продуктом

всеобщего товарного обращения, как и средством дальнейшего расширения его границ. Как за спиной алхимиков, в их стремлении делать золото, выросла химия, так за спиной товаровладельцев, в их погоне за товаром в его зачарованном образе, открываются источники мировой промышленности и мировой торговли. Золото и серебро содействуют образованию мирового рынка, предвосхищая в своем понятии денег его существование. Необычайно сильное влияние, оказанное открытием новых золотоносных земель в середине XIX столетия на мировой обмен, доказывает, что это магическое действие золота и серебра никоим образом не ограничивается одним только детским возрастом буржуазного общества, а необходимо вырастает из той превратной формы, в которой носителям товарного мира представляется их собственный общественный труд.

Как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита. Космополитическое отношение людей друг к другу первоначально представляет собою только отношение их как товаровладельцев. Для товара самого по себе не существует ни религиозных, ни политических, ни национальных границ, ни границ языка. Его всеобщий язык, — цена, а его общая сущность — деньги. Но вместе с развитием мировых денег в противоположность национальной монете развивается космополитизм товаровладельцев, как вера практического разума, в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, тормозящим обмен веществ среди человечества. Когда то самое золото, которое прибывает в Англию в форме американских eagles («орлов»), становится здесь совереном, через три дня обращается в Париже как наполеондор, а через несколько недель оказывается в Венеции в виде дуката, сохраняя, однако, постоянно одну и ту же стоимость, — товаровладельцу становится ясно, что национальность «is but the guinea's stamp» (есть только знак гиней). Возвышенная идея, в которой для него растворяется весь мир, это — идея единого рынка, *мирового рынка*.¹

¹ *Montanari*, Della moneta (1863), I. c., p. 40. «Сообщение народов между собою распространилось по всему земному шару до такой степени, что, можно сказать, весь мир сделался почти одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех продуктов, где каждый, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что производится землей, животными и человеческой промышленностью. Удивительное изобретение».

4. *Благородные металлы*

Буржуазный процесс производства первоначально овладевает металлическим обращением, как переданным ему в готовом виде органом, который, хотя постепенно и преобразовывается, но постоянно сохраняет свою основную конструкцию. Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Мы поэтому только резюмируем в общем виде наиболее существенные пункты.

Так как всеобщее рабочее время само допускает только количественные различия, то и предмет, который должен играть роль его специфического воплощения, должен обладать способностью представлять чисто количественные различия, что предполагает качественную тождественность, однородность. Это первое условие для функционирования товара как меры стоимости. Если, напр., я расцениваю все товары в быках, кожах, зерне и т. п., то на деле я должен измерять их в идеальных средних быках, средней коже и т. п., так как один бык качественно отличается от другого, одна часть зерна — от другой, одна кожа — от другой кожи. Напротив, золото и серебро, как простые тела, всегда равны самим себе, и поэтому равные количества их представляют равновеликие стоимости.¹ Другим условием для товара, который должен служить всеобщим эквивалентом, — условием, непосредственно вытекающим из функции, заключающейся в том, чтобы представлять чисто количественные различия, — является возможность разрезать данный товар на произвольные части и вновь соединять их вместе, так чтобы счетные деньги могли быть выражены осязательным образом. Золото и серебро обладают этой способностью в высшей степени.

Как средства обращения, золото и серебро по сравнению с другими товарами обладают тем преимуществом, что их высокому удельному весу, при котором они представляют относительно большую тяжесть в малом пространстве, соответствует их экономический удельный вес, при котором они в малом объеме содержат относительно много рабочего времени, т. е. большую меновую стоимость. Этим обеспечивается легкость их транспортирования, перемещения их из одних рук в другие и из одной

¹ «Металлы отличаются той особенностью, что только в них одних все отношения сводятся к одному, которое является их количеством, так как они от природы не отличаются различными качествами ни по внутреннему своему составу, ни по внешней форме и строению» (*Galvani*, I. с., р. 130).

страны в другую, способность столь же быстро появляться, как и исчезать, — словом, материальная подвижность, это *sine qua non* (необходимое условие) товара, долженствующего служить в качестве *perpetuum mobile* (вечного двигателя) процесса обращения.

Высокая специфическая стоимость благородных металлов, их прочность, относительная неразрушаемость, способность не окисляться на воздухе, а специально у золота — его нерастворимость в кислотах, за исключением царской водки, — все эти естественные свойства делают благородные металлы естественным материалом для образования сокровищ. Поэтому Петр Мученик, который был, повидимому, большим любителем шоколада, говорит о мешках какао, представлявшего собою один из видов мексиканских денег: «О счастливая монета, которая доставляет человеческому роду приятный и полезный напиток и сохраняет своих обладателей свободными от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять» («De orbe novo»).

Большое значение металлов вообще внутри непосредственного процесса производства связано с функцией их как орудий производства. Не говоря уже о редкости золота и серебра, их значительная мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их неспособными к такому употреблению в качестве орудий производства и, таким образом, лишает их в большой степени того свойства, на котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны внутри непосредственного процесса производства, настолько же не являются они необходимыми и как средства существования, как предметы потребления. Поэтому любое количество их может вступить в общественный процесс обращения, без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительная стоимость не вступает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро являются не только отрицательно излишними, т. е. не необходимыми предметами, но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, — словом, положительною формой излишка и богатства. Они являются в известной степени самородным светом, добытым из подземного мира, так как серебро отражает все световые лучи в их первоначальном смешении, а золото отражает

цвет наивысшего напряжения, красный. Чувство же цвета является наиболее распространенною формою эстетического чувства вообще. Этимологическая связь между названиями благородных металлов и цветовыми отношениями в различных индогерманских языках была доказана Яковом Гриммом (смотри его «Историю немецкого языка»).

Наконец, способность золота и серебра к превращению из монетной формы в слиточную форму, из последней в форму предметов роскоши и обратно, их преимущество по сравнению с другими товарами, заключающееся в том, что они не обречены принять раз навсегда данные, определенные потребительные формы, делает из них естественный материал денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую.

Природа так же мало создает деньги, как и банкиров или вексельный курс. Но так как буржуазное производство должно кристаллизировать богатство в виде фетиша, имеющего форму отдельной вещи, то золото и серебро являются соответствующим воплощением этого богатства. Золото и серебро не суть по природе своей деньги, но деньги по своей природе суть золото и серебро. С одной стороны, серебряный или золотой денежный кристалл есть не только продукт процесса обращения, но фактически единственный его продукт, остающийся в этом процессе. С другой стороны, золото и серебро — готовые продукты природы, и они являются продуктом обращения в том же своем непосредственном виде, в каком они являются продуктами природы, не обнаруживая в этом отношении никакого различия формы.¹ Всеобщий продукт общественного процесса, или самый общественный процесс как продукт, представляет собою отдельный продукт природы, — металл, скрытый в недрах земли и отсюда добываемый.²

Мы видели, что золото и серебро не могут удовлетворять тому требованию, которое предъявляется к ним как к деньгам, а именно сохранять неизменяющуюся величину стоимости. Однако, как заметил уже Аристотель, они обладают более

¹ [Эта фраза Маркса означает, что золото есть деньги непосредственно в своей натуральной форме (слиток), не нуждаясь непременно в чеканке.]

² В 760 году множество бедных людей переселились к югу от Праги с целью промызгать там речной золотой песок, и три человека могли в один день извлекать три марки золота. В результате наплыв людей к «diggings» (копанию) и число рабочих рук, оторванных от земледелия, настолько возросло, что в следующем году страну посетил голод (см. *M. G. Körner, Abhandlung von dem Altertum des Böhmischen Bergwerks, Schneeberg, 1758*).

постоянною величиною стоимости, чем в среднем остальные товары. Оставляя в стороне всеобщее влияние, оказываемое вздорожанием или обесценением благородных металлов, колебания в соотношении стоимости между золотом и серебром имеют особенно важное значение, так как они параллельно служат на мировом рынке в качестве денежного материала. Чисто экономические основания такого изменения стоимости, — завоевания и другие политические перевороты, оказывавшие большое влияние на стоимость металлов в древнем мире, имеют только местное и преходящее действие, — должны быть сведены к изменениям в рабочем времени, необходимом для производства этих металлов. Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности добывания их в виде чистого металла. Фактически золото было первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа дает его в форме самородного кристалла, индивидуализированного, химически не соединенного с другими телами, или, как говорили алхимики, в девственном состоянии; с другой стороны, сама природа принимает на себя технический труд в виде великой промывательной работы, совершаемой реками. Таким образом со стороны человека требуется только самый простой труд для добывания золота, либо из рек, либо на наносной земле, между тем как добывание серебра предполагает рудопромышленные работы и вообще сравнительно высокое развитие техники. Поэтому первоначально стоимость серебра, несмотря на его меньшую абсолютную редкость, была относительно выше, чем стоимость золота. Утверждение Страбона, что у одного арабского племени 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота за 1 фунт серебра, отнюдь не кажется неправдоподобным. Но по мере того как развиваются производительные силы общественного труда, и вследствие этого продукт простого труда дорожает по сравнению с продуктом сложного труда, по мере того как кора земли все более раскалывается и первоначальные поверхностные источники добычи золота истощаются, стоимость серебра падает по сравнению со стоимостью золота. Наконец на определенной ступени развития техники и средств сообщения большое значение имеет открытие новых стран, обладающих золотом или серебром. В древней Азии соотношение стоимости золота и серебра было как 6 : 1 или как 8 : 1, — последнее соотношение существовало в Китае и Японии еще в начале XIX столетия; существовавшее во времена Ксенофонта соотношение 10 : 1 может рассматри-

ваться как нормальное для среднего периода древности. Эксплоатация испанских серебряных рудников Карфагеном и позднее Римом оказала в древнее время приблизительно такое же действие, как открытие американских рудников в современной Европе. Для эпохи Римской империи за приблизительно среднюю цифру можно принять соотношение 15 или 16 : 1, хотя часто встречаем в Риме более сильное обесценение серебра. Такое же движение, начинающееся с относительно низкой стоимости золота и кончающееся падением стоимости серебра, повторится в последующую эпоху, продолжающуюся от средних веков до новейшего времени. В средние века нормальное соотношение, как и во времена Ксенофонта, составляет 10 : 1, а в результате открытия американских рудников превращается опять в отношение 16 или 15 : 1. Открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских золотых источников делает вероятным новое падение стоимости золота.¹

С) ТЕОРИИ СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕГ

Подобно тому как всеобщая жажда золота погнала народы и государей в шестнадцатом и восемнадцатом столетиях, в этот детский период современного буржуазного общества, в заокеанские крестовые походы за золотою чапкою,² так первые истолкователи

¹ До сих пор австралийское и прочие открытия еще не оказали влияния на соотношение стоимости золота и серебра. Противоположные утверждения Мишеля Шевалье имеют ровно такую же цену, как и социализм этого бывшего сеп-симониста. Правда, котировки серебра на лондонском рынке показывают, что средние цены серебра, выраженные в золоте, за время 1850—1858 годов превышают на неполных 3% цены периода 1830—1850 годов. Но это повышение объясняется просто спросом на серебро со стороны Азии. За период 1852—1858 годов цена серебра колеблется по отдельным годам и месяцам *исключительно* в зависимости от этого *спроса*, а отнюдь не от доставки золота из новооткрытых источников. Таблица цен на серебро, выраженных в золоте, на лондонском рынке следующая:

Цена серебра за унцию:										
Год	1852	Март	60 $\frac{1}{8}$	пенсов.	Июль	60 $\frac{1}{4}$	пенсов.	Ноябрь	61 $\frac{7}{8}$	пенсов.
.	1853	.	61 $\frac{3}{8}$.	.	61 $\frac{1}{2}$.	.	61 $\frac{7}{8}$.
.	1854	.	61 $\frac{7}{8}$.	.	61 $\frac{8}{8}$.	.	61 $\frac{1}{2}$.
.	1855	.	60 $\frac{7}{8}$.	.	61 $\frac{1}{2}$.	.	60 $\frac{7}{8}$.
.	1856	.	60	.	.	61 $\frac{1}{4}$.	.	62 $\frac{1}{8}$.
.	1857	.	61 $\frac{8}{8}$.	.	61 $\frac{8}{8}$.	.	61 $\frac{1}{2}$.
.	1858	.	61 $\frac{5}{8}$.	.	—	.	.	—	.

² «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (*Колумб в письме с Ямайки в 1503 г.*). [Примеч. ко 2-му изданию. Ср. «Капитал», т. I.]

современного мира, основатели монетарной системы. одним из вариантов которой является меркантильная система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они вполне правильно объявили призванием буржуазного общества «делать деньги», следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать нетленное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа. Нельзя опровергать монетарную систему указанием на то, что тонна железа ценю в 3 фунта стерлингов представляет собою такую же величину стоимости, как и 3 фунта стерлингов в золоте. Дело здесь не в величине меновой стоимости, но в ее адекватной форме. Если монетарная и меркантильная системы признавали единственными истинными источниками богатства или денег мировую торговлю и особые отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировой торговлею, то необходимо принять во внимание, что в ту эпоху большая часть национального производства находилась еще в феодальных формах и служила непосредственным источником существования для самих производителей. Продукты большею частью не превращались еще в товары и, следовательно, в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, они поэтому не выступали как овеществление всеобщего абстрактного труда и, действительно, не составляли буржуазного богатства. Деньги, как цель обращения, — это значит, что меновая стоимость или абстрактное богатство, а не какой-либо вещественный элемент богатства, составляет определяющую цель и движущий мотив производства. Указанные непризнанные пророки, — как это вполне соответствовало неразвитой ступени буржуазного производства, — крепко держались за массивную, осязательную и блестящую форму меновой стоимости, за ее форму всеобщего товара в противоположность всем особым товарам. Подлинно буржуазною экономическою сферою была в то время сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом. Непрерывающаяся борьба современных экономистов против монетарной и меркантильной системы проистекает в значительной степени оттого, что последняя в грубо-наивной форме разбалтывает тайну буржуазного производства, полное господство в нем меновой стоимости. Рикардо делает в одном месте замечание, — хотя и неправильно пользуется им, — что даже во время голода хлеб ввозится не потому, что народ голодает, а потому,

что хлеботорговец выручает таким образом деньги. Следовательно, политическая экономия делает ошибку в своей критике монетарной и меркантильной системы, когда она нападает на нее как на простую иллюзию и ложную теорию и не узнает в ней варварскую форму своего собственного основного положения. Кроме того, эта система сохраняет не только историческое право, но внутри определенных сфер современной экономики сохраняет полностью и право гражданства. На всех ступенях буржуазного процесса производства, в котором богатство принимает элементарную форму товара, меновая стоимость принимает элементарную форму денег, и во всех фазах процесса производства богатство постоянно возвращается опять на один момент во всеобщую элементарную форму товара. Даже в наиболее развитой буржуазной экономике специфические функции золота и серебра как денег, в отличие от их функции средства обращения и в противоположность всем другим товарам, не уничтожаются, а только ограничиваются, и, следовательно, монетарная и меркантильная системы сохраняют свое право. Тот католический факт, что золото и серебро, как непосредственное воплощение общественного труда и, следовательно, как бытие абстрактного богатства, противостоят остальным плебейским товарам, оскорбляет, конечно, протестантский *point d'honneur* буржуазной экономики, и последняя из страха перед предрассудками монетарной системы на долгое время утратила правильное понимание явлений денежного обращения, как это покажет дальнейшее изложение.

Вполне естественно, что, в противоположность монетарной и меркантильной системам, которым деньги известны только в их определенности как кристаллический продукт обращения, классическая экономия рассматривала деньги прежде всего в их текучей форме, как возникающую внутри самого товарного метаморфоза и вновь исчезающую форму меновой стоимости. А так как товарное обращение рассматривается исключительно в форме $T-D-T$, и последняя опять-таки исключительно в качестве движущегося единства актов продажи и покупки, то и деньги признаются в их определенности формы как средство обращения, в противоположность их определенности формы в качестве денег. Если же само средство обращения обособляется в своей функции монеты, то оно превращается, как мы видели, в знак стоимости. А так как первоначально классическая экономия видела перед собою в качестве господствующей формы обращения металлическое обращение, то она рассматривала металлические деньги

как монету, а металлическую монету — как простой знак стоимости. Таким образом, она устанавливает, — в соответствии с законом обращения знаков стоимости, — то положение, что цены товаров зависят от массы обращающихся денег, а не наоборот, что масса обращающихся денег зависит от цен товаров. Такой взгляд мы находим более или менее намеченным у итальянских экономистов семнадцатого столетия; этот же взгляд то принимается, то отрицается *Локком* и определенно развивается в «*Spectator*» (в номере от 19 октября 1711 года), у *Монтескье* и у *Юма*. Так как *Юм* самый выдающийся представитель этой теории в восемнадцатом столетии, то мы с него и начнем наш обзор.

При известных условиях увеличение или уменьшение количества находящихся в обращении денег оказывает на товарные цены, повидимому, равномерное действие, безразлично, идет ли речь о металлических деньгах или о знаках стоимости. Если стоимость золота и серебра, в которых меновые стоимости товаров определяются как цены, падает или повышается, то цены повышаются или падают в результате изменения их меры стоимости, а вследствие повышения или понижения цен большее или меньшее количество золота и серебра находится в обращении в качестве монеты. Но при этом в глаза бросается только изменение цен вследствие увеличения или уменьшения количества средств обращения, при неизменившейся меновой стоимости товаров. С другой стороны, если количество обращающихся знаков стоимости уменьшается или увеличивается ниже или выше их необходимого уровня, то оно насильственно сводится к последнему путем падения или повышения товарных цен. В обоих случаях кажется, что одинаковые результаты вызваны одними и теми же причинами, и *Юм* крепко держится за эту видимость явлений.

Всякое научное исследование отношения между количеством средств обращения и движением товарных цен должно принять стоимость денежного материала за данную. *Юм*, напротив, исследует исключительно эпохи революций в стоимости самих благородных металлов, следовательно, революций в мере стоимостей. Повышение товарных цен, происходившее одновременно с возрастанием количества металлических денег современности открытия американских рудников, образует исторический фон теории *Юма*, как полемика против монетарной и меркантильной системы обнаруживает ее практический мотив. Разумеется, предложение благородных металлов может увеличиться при неизменяю-

щихся издержках их производства. С другой стороны, уменьшение в их стоимости, т. е. в необходимом для их производства рабочем времени, первоначально обнаруживается только в увеличенном их предложении. Следовательно, — говорили позднейшие ученики Юма, — понизившаяся стоимость благородных металлов обнаруживается в возрастающей массе средств обращения, а возрастающая масса средств обращения — в повышении товарных цен. В действительности, однако, возрастает только цена экспортных товаров, которые обмениваются на золото и серебро, как на товары, а не как на средства обращения. Таким образом цена этих товаров, расцениваемых в золоте и серебре, стоимость которых понизилась, возрастает по сравнению со всеми другими товарами, меновая стоимость которых продолжает расцениваться в золоте или серебре сообразно масштабу прежних издержек их производства. Такая двойная расценка меновой стоимости товаров в одной и той же стране может носить, конечно, только временный характер, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны выравниваться пропорционально самим меновым стоимостям, так что, в конце концов, меновые стоимости всех товаров расцениваются в соответствии с новой стоимостью денежного материала. Развитие этого процесса сюда не относится, как и вообще характер и способ того процесса, благодаря которому меновая стоимость товаров осуществляется среди колебаний рыночных цен. Новые критические исследования о движении товарных цен в шестнадцатом столетии убедительно доказали, что в менее развитые эпохи буржуазного производства этот процесс выравнивания происходит лишь весьма постепенно, в продолжение долгих периодов, и, во всяком случае, отстает от возрастания количества обращающихся наличных денег.¹ Совершенно неуместными являются излюбленные ссылки учеников Юма на повышение цен в античном Риме в результате завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Свойственное древнему миру внезапное и насильственное перемещение накопленных денежных сокровищ из одной страны в другую, временное уменьшение издержек производства благородных металлов для данной страны при помощи простого процесса грабежа, так же не изменяет имманентных законов денежного обращения, как бесплатная раздача египетского и сицилийского

¹ Эту постепенность Юм, впрочем, признает, хотя она не соответствует его основному положению. См. *David Hume, Essays and treatises on several subjects*, London, 1777, vol. I, p. 800.

хлеба в Риме не изменяет общего закона, регулирующего цену хлеба. Юму, как и всем остальным писателям восемнадцатого столетия, недоставало материалов, необходимых для детального изучения денежного обращения, каковы, с одной стороны, достоверная история товарных цен, а с другой — официальная текущая статистика расширения и сокращения количества средств обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. п.; такой материал появляется вообще только с полным развитием банковского дела. Теория обращения Юма резюмируется в следующих положениях: 1) цены товаров в данной стране определяются количеством находящихся в ней денег (реальных или символических); 2) обращениями всех находящихся в ней товаров являются представителями всех находящихся в ней товаров; по мере увеличения числа представителей, т. е. денег, на каждого отдельного представителя приходится большее или меньшее количество представляемой вещи; 3) если количество товаров возрастает, цена их падает или стоимость денег возрастает. Если же возрастает количество денег, то, наоборот, цена товаров возрастает, а стоимость денег падает.¹

«Дороговизна всех вещей, — говорит Юм, — в результате избытка денег невыгодна для всякой существующей торговли, так как она позволяет более бедным странам успешно конкурировать с более богатыми на всех иностранных рынках».² «Если рассматривать данную нацию отдельно от других, то наличие большего или меньшего количества монет для счета или представительства товаров не оказывает никакого влияния, ни хорошего, ни дурного, как изменится баланс какого-нибудь купца, если в бухгалтерии он будет употреблять вместо арабской системы счисления, требующей немногих цифр, римскую, требующую большего их количества. Большее количество денег, подобно римским счетным знакам, представляет даже неудобство и требует большего труда как для их сохранения, так и для транспорта».³ Чтобы вообще доказать что-нибудь, Юм должен был бы показать, что при данной системе счетных знаков количество употребляемых цифр не зависит от величины их числового значения, а что, наоборот, последняя зависит от количества употребляемых знаков. Вполне правильно, что никакой выгоды не представляет

¹ Ср. *Steuart*, l. c., t. I, p. 394—400.

² *David Hume*. l. c., p. 300.

³ Там же, стр. 303.

расценивать или «считать» товарные стоимости в золоте или серебре, стоимость которых упала; поэтому по мере роста суммы стоимостей обращающихся товаров народы всегда находили более удобным считать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того, как они богатели, они превращали менее ценные металлы во вспомогательную монету, а более ценные — в деньги. С другой стороны Юм забывает, что для счета стоимостей в золоте и серебре ни золото, ни серебро не должны непременно иметься в «наличности». Для Юма счетные деньги и средства обращения совпадают, и те и другие представляют собою монету (coin). Из того обстоятельства, что изменение стоимости, происшедшее в мере стоимостей или в благородных металлах, функционирующих как счетные деньги, вызывает увеличение или уменьшение товарных цен и, следовательно, также количества обращающихся денег при неизменяющейся скорости обращения, Юм делает вывод, что повышение или падение товарных цен зависит от количества обращающихся денег. Из факта закрытия европейских рудников в шестнадцатом и семнадцатом столетиях Юм мог бы убедиться, что в это время не только увеличилось количество золота и серебра, но одновременно уменьшились издержки их производства. В шестнадцатом и семнадцатом столетиях товарные цены в Европе повышались вместе с количеством ввозимого американского золота и серебра; следовательно, товарные цены в каждой стране определяются количеством находящегося в ней золота и серебра. Таков был первый «необходимый вывод» Юма.¹ В шестнадцатом и семнадцатом столетиях цены возрастали не в одинаковой степени с увеличением количества благородных металлов; протекло более полу столетия, прежде чем обнаружилось *какое бы то ни было* изменение в товарных ценах, и даже после этого прошло еще много времени, прежде чем все меловые стоимости товаров начали расцениваться соответственно понизившейся стоимости золота и серебра, следовательно, прежде чем революция охватила все товарные цены. Следовательно, заключает Юм, — который в полном противоречии с основами своей философии некритически превращает во всеобщий закон односторонне наблюдаемые факты, — цена товаров или стоимость денег определяется не абсолютным количеством находящихся в данной стране денег, а скорее количеством золота и серебра, которое действительно входит в обращение;

¹ Там же, стр. 303.

однако в конце концов все находящееся в стране золото и серебро должно быть поглощено обращением в качестве монеты.¹ Ясно, что если золото и серебро обладают собственной стоимостью, то, — оставляя в стороне все другие законы обращения, — только определенное количество золота и серебра может находиться в обращении как эквивалент данной суммы товарных стоимостей. Следовательно, если каждое случайно находящееся в данной стране количество золота и серебра должно входить как средство обращения в процесс товарного обмена независимо от суммы товарных стоимостей, то золото и серебро не обладают никакою имманентною стоимостью и поэтому в сущности не являются действительными товарами. Таков третий «необходимый вывод» Юма. По его мнению, товары входят в процесс обращения без цены, а золото и серебро — без стоимости. Он поэтому никогда не говорит о стоимости товаров и о стоимости золота, но лишь об их взаимных количествах. Уже Локк сказал, что золото и серебро имеют только воображаемую или условную стоимость; это — первая грубая форма противоречия утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость. То обстоятельство, что денежное бытие золота и серебра проистекает только из их функции в общественном процессе обмена, истолковывается в таком смысле, будто они обязаны общественной функции своей собственной стоимостью и, следовательно, величиною своей стоимости.² Таким образом золото и серебро суть вещи, лишенные всякой стоимости, но внутри процесса обращения они получают фиктивную величину стоимости как *представители товаров*. Этот процесс превращает их не в деньги, а в стоимость. Эта стоимость их определяется пропорцией между собственным их количеством и количеством товаров, так как оба эти количества должны взаимно покрываться.

¹ «Очевидно, что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и денег, имеющих у данной нации, сколько от количества товаров, могущих быть доставленными на рынок, и от количества денег, находящихся в обращении. Если монета запирается в сундук, то влияние ее на цены будет такое же, как если бы она была уничтожена; если товары будут сложены в виде запаса в магазинах и складах, действие будет такое же. Так как деньги и товары в этих случаях никогда не встречаются, то они не могут влиять друг на друга. В конечном счете общий уровень цен достигает в точности пропорции, соответствующей новому количеству денег, имеющих в стране» (I. с., р. 303, 307, 308).

² См. у Ло и Франклина о дополнительной стоимости, которую золото и серебро получают благодаря своей функции денег; также Форбонне. [Примечание ко 2-му изданию.]

Если, таким образом, Юм вводит золото и серебро в мир товаров как не-товары, то, наоборот, как только они появляются в форме монеты, он превращает их в обыкновенные товары, которые обмениваются на другие товары в простой меновой торговле. Если бы товарный мир состоял из одного только товара, напр., из одного миллиона кварталов зерна, то было бы весьма просто представить себе, что один квартал обменивается на две унции золота, если золота имеется 2 миллиона унций, и на 20 унций золота, если золота имеется 20 миллионов унций; что, следовательно, цена товара и стоимость денег повышаются или падают в обратной пропорции к наличному количеству денег.¹ Но товарный мир состоит из бесконечно различных потребительных стоимостей, относительная стоимость которых никоим образом не определяется их относительными количествами. Как же представляет себе Юм этот обмен между массой товаров и массой золота? Он удовлетворяется бессмысленным наивным представлением, будто каждый товар, как дробная доля совокупной товарной массы, обменивается на соответствующую дробную долю золотой массы. Таким образом, протекающее в виде процесса движение товаров, которое возникает из содержащегося в них противоречия между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, которое проявляется в обращении денег и кристаллизуется в различных определенностях формы денег, здесь исчезает, и его место занимает воображаемое механическое уравнение между весовой массой находящихся в стране благородных металлов и одновременно существующею товарною массой.

Сэр *Джеймс Стюарт* начинает свое исследование о монете и деньгах с подробной критики Юма и Монтескье.² Стюарт, действительно, был первый, кто поставил вопрос: определяется ли количество обращающихся денег товарными ценами или, наоборот, товарные цены — количеством обращающихся денег? Хотя его изложение затемняется фантастическими взглядами на меру стоимостей, неясным представлением о меновой стоимости вообще и отрывками меркантилизма, он, однако, открывает существенные определенности формы денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну

¹ Эта фикция дословно встречается у Монтескье. [Примечание ко 2-му изданию. Соответствующее место из Монтескье приведено в «Капитале», т. I, отдел I, примечание 80.]

² *Stewart, l. c., t. I, p. 394 seq.*

сторону и деньги на другую, но действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена. «Употребление денег для внутреннего обращения может быть сведено к двум основным пунктам: это — уплата того, что кто-либо должен, и покупка того, что кому-либо требуется; оба, вместе взятые, образуют спрос на наличные деньги (*ready money demands*)... Состояние торговли и мануфактур, образ жизни и обычные расходы жителей — все это, вместе взятое, регулирует и определяет размер спроса на наличные деньги, т. е. количество отчуждений. Чтобы осуществить это многообразие платежей, необходима известная пропорция денег. Эта пропорция, в свою очередь, может увеличиваться или уменьшаться, в зависимости от обстоятельств, хотя количество отчуждений остается неизменным... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег».¹ «Рыночная цена товара определяется сложным действием спроса и конкуренции (*demand and competition*), которые несколько не зависят от находящегося в стране количества золота и серебра. Что же делается с золотом и серебром, которые не требуются в качестве монеты? Они накапливаются как сокровище или подвергаются обработке как материал для предметов роскоши. Если количество золота и серебра падает ниже необходимого для обращения уровня, то их заменяют символическими деньгами или другими вспомогательными средствами. Если благоприятный вексельный курс приносит в страну избыток денег и одновременно прекращает спрос на пересылку их за границу, то они часто попадают в сундуки, где становятся столь же бесполезными, как если бы лежали в рудниках».² Второй закон, открытый *Стюартом*, заключается в том, что обращение, основанное на кредите, возвращается к своему исходному пункту. Наконец, он выясняет, какое действие оказывает различие нормы процента в различных странах на международный отлив и прилив благородных металлов. Оба последних пункта мы отмечаем здесь только полноты ради, так как они не относятся к нашей теме простого обращения.³ Символические деньги или кредитные

¹ *Steuart*, l. c., t. II, p. 377—379 *passim*.

² *L. c.*, p. 379—380 *passim*.

³ «Добавочные монеты будут запряганы или превращены в утварь... Что касается бумажных денег, то, как только они выполнили первую задачу удовлетворения спроса взаимщиков, они вернутся к последним и будут реализованы... Поэтому, в какой бы пропорции ни возрастало или ни уменьшалось

деньги — Стюарт еще не различает обе эти формы денег — могут замещать благородные металлы, как покупательное и как платежное средство, во внутреннем обращении, но не на мировом рынке. Поэтому бумажные деньги суть деньги данного общества (money of the society), тогда как золото и серебро суть деньги всего мира (money of the world).¹

Народы с «историческим» развитием в смысле исторической школы права отличаются тем, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, несмотря на то, что спор об отношении между товарными ценами и количеством средств обра-

личество наличных денег в стране, товары будут дорожать или дешеветь согласно принципам спроса и конкуренции, а последние будут всегда зависеть от склонностей лиц, владеющих собственностью или каким-либо другим эквивалентом для покупки, но никогда не от количества монет, которым они владеют... Пусть количество наличных денег в стране очень незначительно, но если в ней существует реальная собственность того или иного рода и стремление владельцев ее к потреблению, то цены будут удержаны на высоком уровне при помощи товарообмена, символических денег, зачета и тысячи других изобретений... Если данная страна имеет сношения с другими нациями, то должна существовать известная пропорция между ценами на многие виды товаров внутри страны и за границей, и внезапное увеличение или уменьшение наличных денег, если мы предположим, что оно само по себе могло бы вызвать повышение или падение цен, было бы задержано в своем действии иностранною конкуренцией» (I. c., t. I, p. 400—402). «В каждой стране денежное обращение должно быть пропорционально промышленности жителей, которые производят товары, поступающие на рынок... Поэтому, если количество монет в стране не достигает пропорции, которая соответствует ценам на промышленные изделия, предлагаемые к продаже, то будут сделаны изобретения, как, напр., символические деньги, обеспечивающие эквивалент для этих изделий. Если же наличные деньги будут пропорционально превышать размеры промышленности, они не вызовут повышения цен и не вступят в обращение: они будут накапливаться как сокровище... Каково бы ни было у данной нации количество денег сравнительно с другими странами, но в обращении сможет всегда оставаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых жителей и труду производительности бедных жителей», а эта пропорция не определяется «количеством фактически находящихся в стране денег» (I. c., p. 403—408 *passim*). «Все нации будут стараться направить свои наличные деньги, не необходимые для их собственного обращения, в такую страну, где процент на деньги высок по сравнению с их собственною страной» (I. c., t. II, p. 5). «Самая богатая нация в Европе может быть самою бедною по количеству обращающихся наличных денег» (I. c., t. II, p. 6). (См. полемику *Артуға Юнга* против Стюарта.)

¹ *Stewart*, I. c., t. II, p. 370. Лун Блан превращает эти «money of the society», означающие по своему смыслу внутренние, национальные деньги, в социалистические деньги, лишённые всякого смысла, и вполне последовательно превращает Джона Ло в социалиста (см. первый том его «История французской революции»).

щения не переставал волновать парламент в течение первой половины текущего столетия и вызвал в Англии тысячи памфлетов, больших и малых, Стюарт оставался «мертвюю собакою» еще в большей степени, чем Спиноза для Моисея Мендельсона во времена Лессинга. Даже новейший историк «сигтесу» (денежного обращения) Макларен превращает Адама Смита в автора стюартовой теории, как Рикардо — в автора юмовской теории.¹ Но в то время как Рикардо улучшил теорию Юма, Адам Смит только регистрирует результаты исследований Стюарта как мертвые факты. Свое мудрое шотландское изречение, согласно которому «если ты приобрел немного, тебе часто легко будет приобрести многое», *Адам Смит* применял и к духовному богатству и потому с мелочною заботливостью скрывал источники, откуда он черпал то немного, из которого он сделал истине многое. Часто он предпочитает притуплять острые вопросы там, где резкая формулировка заставила бы его считать с его предшественниками. Это относится и к теории денег. Он молчаливо принимает теорию Стюарта там, где рассказывает, что находящиеся в стране золото и серебро частью употребляются как монета, частью накапливаются как резервный фонд для купцов в странах, не имеющих банков, или как банковские резервы в странах с кредитным обращением, частью служат сокровищем для выравнивания международных платежей, частью, наконец, перерабатываются в предметы роскоши. Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно, как простой товар.² Его вульгаризатор, пошлый *Ж.-Б. Сэй*, которого французы называли «prince de la science» (принцем науки), — подобно тому как Иоганн-Кристоф Готтшед назвал своего Шенайха Гомером, а Пиетро Аретино назвал самого себя «terror principum» и «lux mundi», — с величайшею важностью возвел эту не совсем наивную ошибку Адама Смита в догму.³

¹ *Maclaren*, 1. с., р. 43 seq. Патриотизм побудил одного преждевременно умершего немецкого писателя (Густава Юлиуса) противопоставить старого Бюша, в качестве авторитета, школе Рикардо. Достопочтенный Бюш перевел гениальный английский язык Стюарта на плоский гамбургский и по мере возможности искажал своими исправлениями оригинал.

² Это неточно. В некоторых местах *Адам Смит*, напротив, правильно формулирует закон. [Примечание ко 2-му изданию.]

³ Поэтому в «Wealth of nations» («Богатство народов») Адама Смита мы не находим различия между «сигтесу» и «шопеу», т. е. средством обращения и деньгами. Введенный в заблуждение кажущимся беспристрастием Адама

Вообще резкая полемика против иллюзий меркантильной системы мешала Адаму Смиту объективно понять явления металлического обращения, между тем как взгляды его на кредитные деньги являются оригинальными и глубокими. Подобно тому как в теориях восемнадцатого столетия об окаменелостях постоянно пробивается скрытое течение, проистекающее из критического или апологетического отношения к библейской традиции всемирного потопа, так за всеми теориями денег восемнадцатого столетия скрывается тайная борьба с монетарною системою, этим призрак, который стоял на страже у колыбели буржуазной экономики и продолжал еще отбрасывать свою тень на законодательство.

Исследования о сущности денег в девятнадцатом столетии были непосредственно вызваны не явлениями металлического обращения, а скорее явлениями банкнотного обращения. К первым обращались только для того, чтобы открыть законы последних. Приостановка размена банкнот на золото Английским банком с 1797 года, последовавшее затем повышение цен многих товаров, превышение рыночной цены золота над его монетною ценою,¹ обесценение банкнот, особенно с 1809 года, дали непосредственный практический повод для борьбы партий в парламенте и для теоретического турнира вне парламента, причем оба они отличались одинаковою страстностью. Историческим фоном для этих дебатов служили: история бумажных денег в XVIII столетии, крах банка Ло, идущее параллельно с возрастанием количества знаков стоимости обесценение провинциальных банкнот в английских колониях Северной Америки с начала до середины XVIII столетия, позднее бумажные деньги (*continental bills*), принудительно установленные законом американского центрального правительства во время войны за независимость, и, наконец, проведенный в еще большем масштабе опыт с французскими ассигнатами. Английские писатели того времени в большинстве своем смешивают банкнотное

Смита, который отлично знал своего Юма и Стюарта, честный Макларен замечает: «Теория зависимости цен от размеров денежного обращения до настоящего времени не привлекала к себе внимания; и доктор Смит, как и Локк (Локк в своих взглядах колеблется. — *K. M.*) усматривает в металлических деньгах не что иное, как только товар» (*Maclaren*, I. c., p. 44).

¹ [У Маркса сказано: «понижение монетной цены золота по сравнению с его рыночною ценою»; на самом деле не первая упала, а последняя поднялась.]

обращение, которое определяется совершенно другими законами, с обращением знаков стоимости или государственных бумажных денег с принудительным курсом; хотя они утверждают, что объясняют явления этого принудительного бумажного обращения из законов металлического обращения, но на самом деле они, наоборот, выводят законы последнего из явлений первого. Мы проходим мимо всех этих многочисленных писателей периода 1800 — 1809 годов и обращаемся прямо к Рикардо, как потому, что он дает резюме своих предшественников и резче формулирует их взгляды, так и потому, что теория денег в том виде, который он ей придал, господствует в английском банковом законодательстве до настоящего времени. Рикардо, как и его предшественники, смешивает обращение банкнот или кредитных денег с обращением простых знаков стоимости. Он всецело находится под впечатлением факта обесценения бумажных денег и одновременного возрастания товарных цен. Чем американские рудники являлись для Юма, тем для Рикардо являются станки для печатания бумажных денег на Thread-needle street, и в одном месте он сам прямо отождествляет оба эти фактора. Его первые сочинения, посвященные исключительно денежному вопросу, относятся к периоду сильнейшей полемики между Английским банком, на стороне которого стояли министры и военная партия, и его противниками, вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, виги и партия мира. Эти сочинения явились непосредственными предшественниками знаменитого доклада комитета 1810 года о слитках, в котором были приняты взгляды Рикардо.¹ Тот странный факт, что Рикардо и его сторонники, объявляющие деньги простым знаком стоимости, носили название «бульонистов» (сторонники золотых слитков), объясняется не только названием этой комиссии, но и содержанием учения Рикардо. В своем сочинении о началах политической экономии Рикардо повторил и развил далее те же взгляды, нигде, однако, не исследуя сущности самих денег, как он это сделал относительно меновой стоимости, прибыли, ренты и т. п.

Вначале Рикардо определяет стоимость золота и серебра, как и всех других товаров, количеством рабочего времени, овеще-

¹ *David Ricardo*, The high price of bullion a proof of the depreciation of banknotes, 4 edition, London, 1811 (первое издание появилось в 1809 г.). Далее: Reply to Mr. Bosanquets practical observations on the report of the bullion committee, London, 1811.

ствленного в них.¹ Стоимости всех других товаров измеряются в золоте и серебре, как в товарах, имеющих определенную стоимость.² Таким образом количество средств обращения в какой-нибудь стране определяется стоимостью единицы денежной меры, с одной стороны, и суммой меновых стоимостей товаров— с другой. Это количество видоизменяется благодаря экономии в платежных средствах.³ Так как, следовательно, количество, в котором могут обращаться деньги с данною стоимостью, составляет определенную величину, и в самом процессе обращения их стоимость проявляется только в их количестве, то простые знаки стоимости, если они выпущены в пропорции, определяемой стоимостью денег, могут в обращении замещать последние; и в самом деле, «денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит целиком из бумажных денег, но бумажных денег, стоимость которых равняется стоимости представляемого ими золота».⁴ Таким образом, до сих пор Рикардо утверждал, что, при данной стоимости денег, количество средств обращения определяется ценами товаров, и деньги как знак стоимости являются для Рикардо знаком определенного количества золота, а не, как для Юма, лишенным стоимости представителем товаров.

Там же Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он сейчас же обращается к международному обращению благородных металлов и, таким образом, запутывает проблему привнесением

¹ *David Ricardo, On the principles of political economy etc.*, p. 77. «Стоимость благородных металлов, как и всех других товаров, зависит исключительно от количества труда, необходимого для получения металла и доставки его на рынок [см. *Рикардо, Начала политической экономии*, русск. перев. Д. Б. Рязанова, изд. 1:05 г., стр. 47].

² *L. c.*, p. 77, 180, 181 [см. цитиров. русск. перев. стр. 47—48, 122, 123].

³ *Ricardo, l. c.*, p. 421. «Количество денег, которое может быть употребляемо в стране, определяется их стоимостью; если бы употреблялось только одно золото, как средство обращения товаров, то количество, которое требовалось бы для этой цели, было бы в пятнадцать раз меньше того количества серебра, которое потребовалось бы, если бы серебро, в свою очередь, было единственным средством обращения» (см. русск. перев., стр. 238). См. три также *Ricardo, Proposals for an economical and secure currency, London 1816*, p. 17, 18, где он говорит: «Количество обращающихся банкнот зависит от количества их, необходимого для обращения страны, а последнее определяется стоимостью единицы денежной меры, суммою платежей и экономией в их реализации».

⁴ *Ricardo, Principles of political economy*, p. 432, 433. [См. цитиров. русск. перев., стр. 245.]

в нее чуждых точек зрения. Следуя за внутренним ходом его мыслей, мы сперва отбросим в сторону все искусственные, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, где благородные металлы обращаются как деньги. Единственный закон, вытекающий из предыдущего изложения Рикардо, заключается в том, что при данной стоимости золота количество обращающихся денег определяется товарными ценами. Следовательно, масса обращающегося в стране в данный момент золота определяется просто меновой стоимостью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых стоимостей уменьшается, потому ли, что производится меньшее количество товаров по прежним меновым стоимостям, или потому, что в результате увеличения производительной силы труда та же самая товарная масса имеет меньшую меновую стоимость. Или, предположим, наоборот, что сумма меновых стоимостей увеличивается, потому ли, что при неизменяющихся издержках производства увеличивается масса товаров, или потому, что в результате уменьшения производительной силы труда стоимость той же самой или даже меньшей товарной массы возросла. Что же станет в обоих случаях с данным количеством обращающегося металла? Если золото представляет собою деньги только потому, что оно находится в обороте как средство обращения, если оно вынуждено оставаться всегда в обращении, как, например, выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а их именно имеет в виду Рикардо), то в первом случае количество обращающихся денег будет чрезмерно большим при данной меновой стоимости металла; во втором случае оно будет меньше нормального уровня. Поэтому, хотя золото обладает собственной стоимостью, оно в первом случае стало бы знаком металла, имеющего меньшую меновую стоимость, чем его собственная, а во втором случае — знаком металла с более высокой стоимостью. В первом случае золото как знак стоимости расценивается ниже своей действительной стоимости, во втором случае — выше ее (опять-таки вывод из обращения бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае происходило бы то же самое, как если бы товары расценивались в металле с более низкой стоимостью, чем золото, во втором случае — в металле с более высокой стоимостью. Поэтому, в первом случае товарные цены поднялись бы, а во втором случае упали бы. В обоих случаях движение товарных цен, их повышение или падение, явилось бы следствием относительного расширения или

сокращения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной стоимости, т. е. выше или ниже нормального количества, определяемого отношением между его собственной стоимостью и стоимостью товаров, которые должны быть приведены в обращение.

Тот же самый процесс имел бы место в том случае, если бы сумма цен обращающихся товаров оставалась неизменною, но масса обращающегося золота стояла ниже или выше правильного уровня: первое происходило бы в том случае, если бы стирающиеся в обращении золотые монеты не замещались соответствующим новым производством рудников, последнее — в том случае, если бы новый привоз из рудников превышал потребности обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его стоимость остаются неизменными.

Резюмируем. Обращающиеся деньги держатся на нормальном уровне, если количество их, при данной меновой стоимости товаров, определяется их собственной металлическою стоимостью. Они превышают этот уровень, золото падает ниже своей собственной металлической стоимости и цены товаров возрастают, если сумма меновых стоимостей товарной массы уменьшается или если привоз золота из рудников увеличивается. Количество денег падает ниже своего нормального уровня, золото поднимается выше своей собственной металлической стоимости, и товарные цены падают, если сумма меновых стоимостей товарной массы увеличивается или если привоз золота из рудников не замещает массы изнашивающегося золота. В обоих случаях обращающееся золото представляет собою знак стоимости, обладающий большею или меньшею стоимостью, чем сколько действительно в нем содержится. Золото может стать знаком самого же золота, но имеющего более высокую или низкую стоимость. Как только все товары начнут расцениваться в этой новой стоимости денег, и все товарные цены соответственно поднимутся или упадут, количество находящегося в обращении золота окажется опять в соответствии с потребностями обращения (вывод, который Рикардо подчеркивает с особым удовольствием), но в противоречии с издержками производства благородных металлов и, следовательно, с отношением их как товара к другим товарам. В соответствии с теорией Рикардо о меновой стоимости вообще, повышение стоимости золота выше его меновой стоимости, т. е. стоимости, определяемой содержащимся в нем рабочим временем, вызовет увеличенное производство золота до тех пор, пока

увеличенный привоз его не понизит его стоимости до нормального уровня. Наоборот, падение золота ниже его стоимости вызовет сокращение его производства до тех пор, пока его стоимость не поднимется опять до своего нормального уровня. Этими противоположными движениями устранилось бы противоречие между металлическою стоимостью золота и стоимостью его как средства обращения, был бы восстановлен нормальный размер обращающейся массы золота, и уровень товарных цен соответствовал бы опять мере стоимостей. Эти колебания в стоимости обращающегося золота распространялись бы также и на золото в слитках, так как, согласно предположению, все золото, не употребляемое в качестве предметов роскоши, находится в обращении. Так как само золото, безразлично, в форме ли монеты или слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то понятно, что и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты являются разменными, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует номинальной их стоимости, но совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот вместе взятых (*the aggregate currency consisting of met. l and of convertible notes*) может получить более высокую или более низкую стоимость вследствие того, что совокупное их количество, по изложенным выше основаниям, поднимается выше или падает ниже того уровня, который определяется меновою стоимостью обращающихся товаров и металлическою стоимостью золота. Незаменные же бумажные деньги обладают с этой точки зрения, по сравнению с разменными, только тем преимуществом, что они могут обесцениваться вдвойне. Они могут упасть ниже стоимости металла, который они номинально представляют, вследствие выпуска их в чрезмерном количестве, или же они могут упасть вследствие того, что представляемый ими металл упал ниже своей собственной стоимости. Это обесценение, — не бумажных денег по сравнению с золотом, но золота и бумажных денег в совокупности или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собою одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о эксплуатировали в свою пользу и сделали основным принципом банкового законодательства сэра Роберта Пила 1844 и 1845 годов.

Что следовало доказать, так это то, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Доказательство же состоит в предположении того, что должно еще

быть доказано, а именно, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, — каково бы ни было отношение этого количества металла к его внутренней стоимости, — должно сделаться средством обращения, монетою и, следовательно, знаком стоимости для обращающихся товаров, какова бы ни была общая сумма стоимости последних. Другими словами, доказательство состоит в отвлечении от всех других функций, выполняемых деньгами, кроме их функции средства обращения. Прижатый к стене, как, например, в полемике с Бозанкетом, Рикардо, находясь всецело под впечатлением факта обесценения знаков стоимости в зависимости от их количества, прибегал к догматическим утверждениям.¹

Если бы Рикардо абстрактно развил эту теорию в том виде, как мы это сделали, не привнося в нее конкретных отношений и случайных пунктов, отвлекающих от самого вопроса, то пусто-порожность этой теории обнаружилась бы самым ярким образом. Но Рикардо придает всему делу *международный* характер. Легко, однако, показать, что видимая грандиозность масштаба не изменяет мизерности основных идей.

Итак, первое положение было следующее: количество обращающихся металлических денег является нормальным, если оно определяется суммой стоимостей обращающихся товаров, выраженной в металлической стоимости этих денег. В международном масштабе это положение гласит: при нормальном состоянии обращения каждая страна обладает количеством денег, соответствующим ее богатству и промышленности. Деньги в обращении имеют стоимость, соответствующую их действительной стоимости или издержкам их производства: это значит, что они имеют одинаковую стоимость *во всех странах*.² Поэтому деньги никогда не должны были бы вывозиться или ввозиться из одной страны в другую.³ Таким образом существовало бы равновесие между *circulations* (общими массами обращающихся денег) в различных странах. Нормальный уровень национального *circu-*

¹ *David Ricardo*, Reply to Mr. Bosanquets practical observations etc., p. 45: «Что товары повышаются или падают в цене пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, — я считаю фактом, не подлежащим спору».

² *David Ricardo*, The high price of bullion etc., p. 4: «Деньги будут иметь одинаковую стоимость во всех странах». В «Началах политической экономии» Рикардо видоизменил этот закон, но в такой форме, которая здесь не имеет для нас значения.

³ L. c., p. 3—4.

(денежного обращения) выражен теперь в виде интернационального равновесия между *sigtensies*, и в сущности этим не сказано ничего другого, как только то, что национальность ни в чем не изменяет всеобщего экономического закона. Мы пришли теперь опять к тому же роковому пункту, что и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, иными словами, каким образом нарушается международное равновесие между *sigtensies* или каким образом деньги перестают иметь одинаковую стоимость во всех странах, или, наконец, каким образом они перестают иметь свою собственную стоимость, которую должны иметь в любой стране? Как раньше нормальный уровень нарушался вследствие того, что масса обращающихся денег возрастала или уменьшалась при неизменяющейся сумме товарных стоимостей, или вследствие того, что количество обращающихся денег оставалось неизменным при возрастании или уменьшении меновых стоимостей товаров, точно так же теперь международный уровень, определяемый стоимостью самого металла, нарушается вследствие того, что масса находящегося в данной стране золота возрастает в результате открытия в ней новых рудников,¹ или вследствие того, что сумма меновых стоимостей обращающихся товаров в данной стране возросла или уменьшилась. Как раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось смотря по тому, было ли необходимо сократить или расширить *sigtensiu* и соответственно понизить или повысить товарные цены, точно так же действуют теперь вывоз и ввоз из одной страны в другую. В той стране, где цены возрастут и стоимость золота вследствие переполненного денежного обращения упадет ниже металлической его стоимости, золото обесценится по сравнению с другими странами, и, следовательно, товарные цены по сравнению с другими странами возрастут. Золото поэтому будет вывозиться, а товары ввозиться. В обратном случае имело бы место обратное. Как раньше производство золота продолжалось до тех пор, пока не восстанавливалось правильное соотношение стоимости между металлом и товарами, так теперь ввоз или вывоз золота, а вместе с этим повышение или падение товарных цен будут продолжаться до тех пор, пока не восстановится опять равновесие в международных *sigtensies*. Как в первом случае производство золота увеличивалось или уменьшалось только потому, что золото держалось выше или ниже своей стоимости,

¹ *David Ricardo*, The high price of bullion etc., p. 4.

точно так же только по этой причине будет происходить и международное перемещение золота. Как в первом случае каждое изменение в производстве золота влияло на количество обращающегося металла и тем самым на цены, так теперь будет влиять международный ввоз и вывоз золота. Как только была бы восстановлена относительная стоимость золота и товаров, или нормальное количество средств обращения, прекратилось бы в первом случае дальнейшее производство золота, а во втором случае дальнейший вывоз и ввоз золота, кроме необходимого для замещения изношенных монет и потребления предметов роскоши. Отсюда следует, что «соблазн вывезти золото в качестве эквивалента за товары или неблагоприятный торговый баланс никогда не могут иметь место иначе, как только в результате чрезмерного количества средств обращения».¹ Только обесценение или слишком высокая расценка металла в результате расширения или сокращения количества средств обращения выше или ниже нормального уровня вызывают ввоз или вывоз металла.² Далее отсюда вытекает следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором случае золото ввозится или вывозится только потому, что количество его стоит выше или ниже нормального уровня и стоимость его поднимается или падает выше или ниже металлической его стоимости, следовательно, товарные цены стоят слишком высоко или слишком низко, — то каждое такое движение действует как корректив,³ а именно посредством расширения или сокращения обращающихся денег оно приводит цены опять к их нормальному уровню, в первом случае к уровню стоимости золота и товаров, во втором случае — к международному уровню *signties*. Другими словами, деньги обращаются в различных странах лишь постольку, поскольку они в каждой стране обращаются в качестве монеты. Деньги представляют собою только монету, и поэтому находящееся в данной стране количество золота должно вступить в обращение, и, следовательно, оно может, в качестве знака своей собственной стоимости, подняться выше или упасть ниже своей стоимости. Таким образом, мы окольным

¹ «Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие чрезмерного денежного обращения» (*Ricardo*. I. c., p. 11, 12).

² «Вывоз монеты вызывается ее дешевизною и является не следствием а причиною неблагоприятного баланса» (I. c., p. 14).

³ I. c., p. 17.

путем запутанного международного денежного обращения пришли опять к простому догмату, образующему исходный пункт.

Как насилует Рикардо действительные явления для объяснения их в духе своей абстрактной теории, — покажут некоторые примеры. Он утверждает, например, что во времена неурожая, весьма частых в Англии в период от 1800 до 1820 годов, золото вывозилось не потому, что, с одной стороны, имелась нужда в хлебе, а с другой стороны, золото представляет собою деньги, т. е. покупательное и платежное средство, всегда действительное на мировом рынке, — но потому, что золото обесценилось в своей стоимости по сравнению с другими товарами и, следовательно, ситгенсу той страны, где имел место неурожай, обесценилось по сравнению с другими национальными ситгенсис. Так как неурожай уменьшил массу обращающихся товаров, то данное количество обращающихся денег превысило нормальный уровень, и в результате этого все товарные цены возросли.¹ В противоположность этому парадоксальному объяснению, было статистически доказано, что с 1793 года до последнего времени в случае неурожая в Англии наличное количество средств обращения оказывалось не чрезмерным, а недостаточным, и поэтому в обращении находилось и должно было находиться больше денег, чем раньше.²

¹ *Ricardo*, I. c., p. 74, 75: «Англия в результате неурожая окажется в положении страны, лишившейся части своих товаров и поэтому требующей меньшего количества средств обращения. Денежное обращение, которое раньше соответствовало платежам, окажется теперь чрезмерно обильным и сравнительно обесценится пропорционально уменьшению производства. Вывоз этой суммы, следовательно, приведет опять стоимость денежного обращения в соответствие со стоимостью денежного обращения других стран». Смещение денег и товара, а также денег и монеты обнаруживается в комическом виде в следующем положении Рикардо: «Если бы можно было предположить, что после неурожая, когда Англии необходим необычайно большой ввоз зерна, какая-нибудь другая нация обладает избытком этого продукта, но не нуждается ни в каких других товарах, то, бесспорно, подобная нация не станет вывозить свое зерно в обмен на товары. Но также не будет она вывозить зерно за деньги, так как деньги — товар, в котором все нации нуждаются не абсолютно, а лишь относительно» (I. c., p. 75). В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838—1842 годах, но и всюю историей их торговли.

² Ср. *Thomas Tooke*, *History of prices* и *James Wilson*, *Capital, currency and banking*. (Последняя книга представляет собою перепечатку статей, появившихся в 1844, 1845 и 1847 годах в «*London Economist*».)

Равным образом, во время наполеоновской континентальной блокады и английского закона о блокаде Рикардо утверждал, что англичане вывозят на континент золото вместо товаров по той причине, что деньги их обесценились по сравнению с деньгами континентальных стран, поэтому товары их поднялись в цене, и, таким образом, для англичан являлось более выгодною торговою спекуляцией вывозить золото вместо товаров. По его мнению, Англия была тем рынком, где товары были дороги и деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы и деньги дороги. «Факт тот, — говорит один английский писатель, — что цена наших фабрикатов и колониальных продуктов под влиянием континентальной блокады в последние шесть лет войны была разорительно низкая. Например, цены в золоте на сахар и кофе были на континенте в четыре или пять раз выше, чем те же цены в банкнотах в Англии. То было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, а в это самое время английские фермеры делали опыты откармливания быков патокою и сиропом. Англия овладела Гельголандом с целью устроить здесь торговый складочный пункт для облегчения контрабандного привоза на север Европы, а более легкие сорта британских фабрикатов искали для себя путь в Германию через Турцию... Почти все товары земного шара были накоплены в наших товарных складах и лежали там неподвижно, разве только небольшое количество продавалось на основании французской лицензии, за которую гамбургские и амстердамские купцы уплачивали Наполеону от 40 000 до 50 000 фунтов стерлингов. Что это за смешные купцы, которые уплачивали такие суммы за разрешение перевезти партию товара с дорогого рынка на дешевый? Какая простая альтернатива стояла перед купцом? Либо купить кофе по 6 пенсов в банкнотах за фунт и послать его на место, где оно может быть тут же продано по 3 или 4 шиллинга в золоте, либо купить золото по цене в 5 фунтов стерлингов в банкнотах за унцию и переслать его в место, где оно расценивалось в 3 фунта стерлингов 17 шиллингов 1 $\frac{1}{2}$ пенсов. Поэтому не было бы странно сказать, что пересылка золота вместо кофе представляла более выгодную торговую операцию... Ни в одной стране в мире нельзя было в то время получить такое большое количество желательных товаров, как в Англии. Бонапарт всегда тщательно следил за английскими преискурантами. Пока он находил, что золото в Англии дорого, а кофе дешево, он был вполне доволен

действием своей континентальной системы». ¹ Как раз в то время, когда Рикардо впервые выдвинул свою теорию денег, а комитет о слитках включил эту теорию в свой парламентский доклад, а именно, в 1810 году, имело место разорительное падение цен на все английские товары по сравнению с 1808 и 1809 годами, тогда как золото сравнительно поднялось в своей стоимости. Исключение представляли продукты сельского хозяйства, так как ввоз их из-за границы наталкивался на препятствия, а количество их, находившееся внутри страны, уменьшилось вследствие неурожаев. ² Рикардо настолько не понимал роли благородных металлов как международного платежного средства, что в своей речи перед комитетом палаты лордов (1819 год) мог заявить:

«Требования на монету для вывоза совершенно прекратятся, как только будут восстановлены платежи наличными и денежное обращение будет возвращено к своему металлическому уровню». Он умер как раз во-время, перед началом кризиса 1825 года, который показал ошибочность его пророчества.

Период, к которому относится литературная деятельность Рикардо, вообще мало благоприятствовал изучению функции благородных металлов как мировых денег. До введения континентальной системы торговый баланс был почти всегда благоприятным для Англии, во время же этой системы сделки с европейским континентом были слишком незначительны, чтобы влиять на английский вексельный курс. Пересылки денег носили преимущественно политический характер, и Рикардо, по-видимому, совершенно не понимал той роли, которую в английском денежном экспорте играли денежные субсидии. ³

Среди современников Рикардо, образовавших школу сторонников его экономических принципов, наиболее значительным является *Джеймс Милль*. Он сделал попытку изложить теорию денег Рикардо на основе простого металлического обращения, без ненужных осложняющих международных моментов, за которыми Рикардо скрывал несостоятельность своих взглядов, и без всякого полемического отношения к операциям Английского банка. Основные положения его следующие. ⁴

¹ *James Deacon Hume*, Letters on the cornlaws, London 1834, p. 29—31.

² *Thomas Tooke*, History of prices etc., London, 1848, p. 110.

³ Ср. *W. Blake*, цитированные выше «Observations» etc.

⁴ *James Mill*, Elements of political economy. В тексте дан перевод с французского перевода J. T. Parissot, Paris 1823.

«Стоимость денег равна пропорции, в которой они обмениваются на другие предметы, или количеству денег, которое отдается в обмен за определенное количество других вещей. Это отношение определяется общим количеством денег, находящихся в данной стране. Если мы предположим, что на одной стороне находятся все товары данной страны, а на другой — все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, всецело зависит от количества самих денег. Точь-в-точь таков же действительный ход вещей. Совокупная масса товаров данной страны не обменивается сразу на совокупную массу денег, но товары обмениваются частями, нередко очень малыми, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для большего числа меновых актов, другая — для очень малого числа, а третья часть накапливается и совсем не служит для обмена. Среди этих вариаций имеется некоторая средняя цифра, основанная на числе меновых актов, для которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая из них обслуживала одинаковое число меновых актов. Установим это среднее число произвольно, например 10. Если каждая находящаяся в стране монета послужила для 10 покупок, то происходит то же самое, как если бы общая масса монет удесятирилась и каждая из них служила только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, удесятирилась совокупная масса денег, и каждая монета совершала только один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности. Так как, согласно предположению, масса всех товаров, на которые деньги могут быть обменены, остается неизменною, то стоимость общей массы денег после увеличения их количества не стала больше, чем она была до этого. Если мы предположим увеличение количества денег на одну десятую часть, то стоимость каждой части совокупной массы, например одной унции, должна уменьшиться на одну десятую часть. Таким образом, какова бы ни была степень увеличения или уменьшения совокупной массы денег, но если количество других вещей остается неизменным, стоимость этой совокупной массы денег и каждой из ее частей испытывает обратно пропорциональное

уменьшение или увеличение.¹ Ясно, что этот закон представляет абсолютную истину. Во всех случаях, когда стоимость денег испытывала повышение или падение при неизменяющемся количестве товаров, на которые их можно было обменивать, и неизменяющейся быстроте обращения денег, это изменение должно было иметь свою причину относительно увеличение или уменьшение денег и не может быть приписано никакой другой причине. Если же уменьшается масса товаров при неизменяющемся количестве денег, то происходит то же самое, как если бы увеличилась общая сумма денег, и наоборот. Подобные же изменения являются результатом каждого изменения в быстроте обращения денег. Каждое увеличение числа оборотов монеты производит такое же действие, как и увеличение общего количества денег; уменьшение числа этих оборотов вызывает непосредственно обратное действие... Если какая-нибудь часть годичного производства совсем не поступает в обмен, как, например, потребляемая самими производителями, то эта часть не идет в счет. Так как она не обменивается на деньги, то по отношению к деньгам она как бы вообще не существует... Пока увеличение и уменьшение денег может происходить беспрепятственно, общее количество денег, находящихся в стране, регулируется стоимостью благородных металлов... Но золото и серебро суть товары, стоимость которых, как и всех остальных товаров, определяется издержками их производства, количеством содержащегося в них труда». ²

Все остроумие Милля сводится к ряду столь же произвольных, как и нелепых предположений. Он хочет доказать, что цена товаров или стоимость денег определяются «общим количеством денег, находящихся в данной стране». Если предполагают, что неизменными остаются масса и меновая стоимость обращающихся товаров, равно как быстрота обращения и определяемая издержками производства стоимость благородных металлов, и если одновременно *предполагают*, что тем не менее количество *обращающихся* металлических денег увеличивается или уменьшается пропорционально массе *находящихся* в стране денег, то действительно «очевидно», что здесь предполагается именно то, что имелось в виду доказать. Милль вообще впадает в ту же ошибку,

¹ [В подлиннике Маркса, цитировавшего сочинения Милля по французскому переводу, смысл фразы не совсем ясен, в частности пропущено слово «стоимость». Фраза исправлена нами по подлиннику Милля: *James Mill, Elements of political economy, 1826, p. 133.*]

² Л. с., p. 128—136 *passim*,

что и Юм, когда он полагает, что в обращение входят потребительные стоимости, а не товары с определенной меновой стоимостью, и поэтому его закон является ложным, если даже мы согласимся со всеми его «предположениями». Предположим даже, что остаются неизменными быстрота обращения, а также стоимость благородных металлов, равно как и *количество* обращающихся товаров, и тем не менее, вместе с изменением меновой стоимости последних, для их обращения потребуется то большее, то меньшее количество денег. Милль видит тот факт, что одна часть существующих в стране денег обращается, тогда как другая лежит неподвижно. Но при помощи в высшей степени забавного среднего расчета он *предполагает*, что на самом деле все находящиеся в стране деньги обращаются, хотя в действительности, повидимому, это не так. Если предположить, что в данной стране 10 миллионов серебряных талеров обращаются дважды в течение года, то, если бы каждый талер совершил только одну покупку, могли бы обращаться 20 миллионов. И если общая сумма находящегося в стране серебра во всех его формах равна 100 миллионам талеров, то можно предположить, что все 100 миллионов могли бы обращаться, если бы каждая монета совершала одну покупку в пять лет. И можно было бы также предположить, что деньги всего мира обращаются в Гемпстеде, но каждая часть их, вместо трех оборотов в течение года, совершает оборот в 3 000 000 лет. Для определения соотношения между суммой товарных цен и количеством средств обращения каждое из этих предположений имеет ровно такое же значение, как и другое. Милль чувствует, что для него в высшей степени важно сопоставить товары непосредственно не с тем количеством денег, которое находится в обращении, но с совокупным запасом денег, существующим в стране в данный момент. Он признает, что совокупная масса товаров данной страны не обменивается «сразу» на совокупную массу денег, но что различные части товаров обмениваются на различные части денег в различное время в течение года. Чтобы устранить это неудобное обстоятельство, он *предполагает*, что таковое не существует. Вообще все это представление о непосредственном противопоставлении товаров и денег и непосредственном их обмене выведено из движения простых покупок и продаж или из функции денег как покупательного средства. Уже в движении денег как платежного средства это одновременное появление товара и денег исчезает.

Торговые кризисы девятнадцатого столетия, и в частности

большие кризисы 1825 и 1836 годов, не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в шестнадцатом и семнадцатом столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в продолжение восемнадцатого и в начале девятнадцатого столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства; происхождение этих бурь и способы их предотвращения искали в самой поверхностной и абстрактной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономической погоды, состоит в сущности не в чем ином, как в догмате, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им же не оставалось ничего другого, как только подвести под эти законы кредитное и банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, следующее за более или менее длительным всеобщим их повышением. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, всеобщее же повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. Оба эти способа выражения только указывают на явление, но не объясняют его. Ставлю ли я перед собою задачу объяснить всеобщее периодическое повышение цен, чередующееся с всеобщим их падением, или же формулирую ту же самую задачу следующим образом: объяснить периодическое падение и повышение относительной стоимости денег по сравнению с товарами, — эта различная фразеология так же мало изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо оказалась весьма кстати, так как она придаст тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег. Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения. Сама постановка задачи предполагает, что имманентная стоимость денег, т. е. их стоимость, определяемая

издержками производства благородных металлов, остается *неизменной*. Если эта тавтология должна быть чем-то большим, чем тавтология, то она покоится на непонимании самых элементарных понятий. Если меновая стоимость А, измеряемая в В, падает, то мы знаем, что это может происходить одинаково от падения стоимости А, как и от повышения стоимости В. Точно так же и обратно, если меновая стоимость А, измеряемая в В, повышается. Но как только мы превращаем тавтологию в причинное отношение, все остальное вытекает с большою легкостью. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы знаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, т. е. оттого, что количество обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентною стоимостью и имманентною стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше имманентной их стоимости вследствие того, что денежное обращение недостаточно заполнено. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что в обращении периодически находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпало с уменьшившимся денежным обращением, а падение цен — с увеличенным денежным обращением, то, тем не менее, можно будет утверждать, что, вследствие некоторого, хотя статистически и недоказуемого уменьшения или увеличения обращающейся товарной массы, количество обращающихся денег относительно, хотя и не абсолютно, возросло или упало. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны происходить и при чисто металлическом обращении, но тут эти колебания вверх и вниз выравниваются; так, например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, а последнее — вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собою прилив денег в страну, а последний, в свою очередь, возрастание товарных цен. Обратное происходит при переполненном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако острая и насильственная форма этих колебаний, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому очевидно, что выпуски банкнот не регулируются в точном согласии с законами металлического обращения. Металлическое

обращение находит свой корректив в импорте и экспорте благородных металлов, которые немедленно вступают в качестве монеты в обращение и таким образом своим приливом или отливом заставляют товарные цены падать или возрастать. Такое же действие на товарные цены должны теперь оказывать искусственным путем банки, подражая законам металлического обращения. Если золото приливает из-за границы, то это доказывает, что денежное обращение не заполнено, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены слишком низки; отсюда следует, что банкноты должны быть выпущены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. Наоборот, они должны извлекаться из обращения пропорционально количеству золота, отливающегося из страны. Другими словами, выпуски банкнот должны регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и, следовательно, все ввозимое золото увеличивает собою количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота*. Лорд Оверстон (банкир Джонс-Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбутонт и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «сиггенсу принцип», не только проповедывали эту доктрину, но через посредство банкового акта сэра Роберта Пиля 1844—1845 годов сделали ее основой существующего английского и шотландского банкового законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в грандиозном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите.¹ Но уже теперь мы видим, как теория

¹ За несколько месяцев до начала всеобщего торгового кризиса 1857 года заседала комиссия палаты общин для исследования действия банковых законов 1844 и 1845 годов. Лорд Оверстон, теоретический отец этих законов, в своей речи перед комиссией изливал следующий поток похвал: «Благодаря точному и быстрому выполнению принципов акта 1844 года все совершалось регулярно и без затруднений; денежная система прочна и непоколебима, процветание страны бесспорно, вера публики в мудрость акта 1844 года о каждом днем возрастает. Если бы комиссия пожелала дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, или благодетельных результатов, обеспеченных им, то правильным и достаточным

Рикардо, обособляющая деньги в их текучей форме средства обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов такое абсолютное влияние на буржуазную экономику, которое никогда не снилось суеверной монетарной системе. Таким образом Рикардо, объявляющий бумажные деньги наиболее совершенною формою денег, становится пророком буллионистов.

После того, как теория Юма, или абстрактное противопоставление монетарной системе, была таким образом развита вплоть до последних ее выводов, конкретное понятие денег, встречающееся у Стюарта, было, наконец, опять восстановлено в своих правах *Томасом Туком*.¹ Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 до 1856 года. В первом издании своей «Истории цен», появившемся в 1823 году, Тук всецело еще находится в плену у рикардовой теории и тщетно старается согласовать факты с этой теорией. Его памфлет «On the currency», появившийся в свет после кризиса 1825 года, может быть даже рассматриваем как первое последовательное изложение взглядов, развитых впоследствии Оверстоном. Однако дальнейшие исследования в области истории товарных цен заставили Тука прийти к взгляду, что та прямая связь между ценами и количеством средств обращения, которая предполагалась указанною теорией, представляет собою только фантазию, что расширение и сокращение средств обращения, при неизменяющейся стоимости благородных металлов, является всегда следствием, а не причиною колебаний цен, что денежное обращение вообще есть только вторичное движение и что в действительном процессе производства деньги получают еще совершенно другие определенности формы, чем форма средства обращения. Детальные исследования Тука относятся к другой области, чем сфера простого

ответом комиссии были бы слова: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение торговли в стране, посмотрите на довольство народа, на богатство и процветание всех классов общества, — и после этого пусть комиссия решает, должна ли она препятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие результаты». Так победно трубил Оверстон самому себе 14 июля 1857 года; а 12 ноября того же года министерство было вынуждено приостановить за свою ответственность действие чудотворного закона 1844 года.

¹ Сочинение Стюарта было Туку совершенно неизвестно, как это видно из его «History of prices from 1839—1847», London 1848, где он дает обзор истории теорий денег.

металлического обращения, и потому не могут быть здесь рассмотрены, равно как принадлежащие к тому же направлению исследования *Вильсона* и *Фуллартона*.¹ Все эти писатели рассматривают деньги не односторонне, а в их различных моментах, однако только с материальной стороны, вне всякой живой связи этих моментов как между собою, так и с общею системою экономических категорий. Поэтому они ошибочно смешивают *деньги*, в их отличии от *средства обращения*, с *капиталом*, или даже с товаром, хотя, с другой стороны, они при случае вынуждены признать отличие денег от этих двух понятий.² Если, например, золото посылается за границу, то действительно за границу посылается капитал, но то же самое имеет место и при экспорте железа, хлопка, хлеба, — словом, всякого товара. Оба они суть капитал и различаются поэтому между собою не как капитал, но как деньги и товар. Следовательно, роль золота как международного средства обмена вытекает не из его определенности формы в качестве капитала, а из его специфической функции денег. Точно так же в тех случаях, когда золото или вместо него банкноты функционируют как платежное средство во внутренней торговле, они одновременно представляют собою капитал. Но капитал в форме товара не мог бы заменить их, как это весьма наглядно показывают, например, кризисы. Поэтому

¹ Наиболее значительным сочинением Тука, кроме «History of prices», изданной его сотрудником Ньюмарчем в шести томах, является «An inquiry into the currency principle, the connexion of currency with prices etc.», 2 edition, 1844. Сочинение Вильсона мы уже цитировали. Наконец, остается еще упомянуть сочинение *John Fullarton*, On the regulation of currencies, 2 edition, London 1845.

² «Необходимо проводить различие между золотом как товаром, т. е. капиталом, и деньгами как средством обращения» (*Tooke*, An inquiry into the currency principle etc., p. 10). «Можно считать, что золото и серебро при их получке почти в точности покрывают требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами... благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются в качестве монеты... Платежи долгов, внешних и внутренних, устанавливаются по договору обычно не в чае, кофе, сахаре или индиго, а в монете; и поэтому пересылка денег либо в тех самых монетах, которые обусловлены, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в данную монету на монетном дворе или на рынке той местности, куда они пересылаются, представляет для отправителя всегда наиболее верный, простой и точный способ уплаты, не подвергающий его риску потерпеть убыток вследствие недостатка спроса или колебаний цен» (*Fullarton*, l. c., p. 132, 133). «Всякий другой предмет (кроме золота и серебра) может по своему количеству и по качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он пересылается» (*Tooke*, An inquiry etc.).

опять-таки отличие золота в качестве денег от товара, а не бытие его в качестве капитала, делает его платежным средством. Даже в тех случаях, когда капитал экспортируется непосредственно как капитал, например, когда определенная сумма стоимостей отдается в ссуду за границу под проценты, от общей конъюнктуры зависит, будет ли этот капитал экспортирован в форме товара или золота, и если он экспортируется в последней форме, то это происходит в силу специфической определенности формы благородных металлов в качестве денег, в отличие от товара. Вообще указанные писатели не рассматривают сначала деньги в том абстрактном виде, как они развиваются внутри простого товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, находящихся в движении. Поэтому они постоянно колеблются между абстрактными определенностями формы, которыми деньги обладают в отличие от товара, и теми определенностями формы денег, в которых скрыты более конкретные отношения — например, капитал, доход и т. п.¹

¹ Превращение денег в капитал будет нами рассмотрено в третьей главе, трактующей о капитале и составляющей конец настоящего первого отдела.

*ПРИЛОЖЕНИЕ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА
И ЭНГЕЛЬСА*

1. Из письма Маркса к Энгельсу от 3 февраля 1851 г.

Моя новая теория ренты принесла мне пока только гордое сознание, к которому обязательно стремится каждый мещанин. Во всяком случае я доволен, что ты этим доволен. Обратнo-пропорциональное отношение плодородия земли к человеческому плодородию должно было глубже смущать такого отца семейства, как я. Тем более, что *mon mariage est plus productif que mon industrie* (мой брак более продуктивен, чем мое ремесло).

Теперь я предлагаю тебе иллюстрацию к *currency theory* (теории денежного обращения); мое изучение этого гегельянцы охарактеризовали бы как изучение «инобытия», «чуждого», словом — «священного».

Теория господина Лойда и *tutti frutti* (всех прочих), начиная от Рикардо, заключается в следующем:

Положим, что мы имеем чисто металлическое денежное обращение. Если бы денег здесь было слишком много, цены поднялись бы и, таким образом, вывоз товаров сократился бы. Зато ввоз из-за границы увеличился бы. Ввоз стал бы превышать вывоз. Таким образом создавался бы неблагоприятный торговый баланс и неблагоприятный вексельный курс. Звонкую монету стали бы вывозить, размеры денежного обращения сократились бы, цены товаров стали бы падать, — ввоз сокращаться, вывоз увеличиваться, деньги опять стали бы притекать к нам, словом — положение вернулось бы в прежнее состояние равновесия.

В обратном случае то же самое, *mutatis mutandis* (с соответственными изменениями).

Отсюда мораль: так как бумажные деньги должны повторять движение *metallic currency* (обращающихся металлических знаков) и так как в данном случае вместо естественного закона, действующего в первом случае, должно быть введено искусственное регулирование, то Английский банк должен увеличивать выпуск своих банкнот каждый раз, когда увеличивается ввоз *bullion* (металлических слитков) (например путем скупки

government securities (гарантированных правительством бумаг), Exchequer bills (казначейских знаков) и т. д.), а при уменьшении bullion сокращать выпуск банкнот путем уменьшения своих учетных операций или продажи государственных бумаг. Я же утверждаю, что банк должен поступать как раз наоборот, т. е. *увеличивать* свои учетные операции, когда металлический запас *сокращается*, и предоставить их естественному ходу вещей, когда bullion возрастает, — чтобы не усиливать надвигающегося торгового кризиса. Но об этом *une autre fois* (в другой раз).

То, что я хочу здесь развить, касается самых основных положений. А именно, я утверждаю, *что и при чисто металлическом обращении количество металлических денег, его увеличение и сокращение не связано с отливом или притоком благородных металлов, с благоприятным или неблагоприятным торговым балансом, с благоприятным или неблагоприятным вексельным курсом*, за исключением самых крайних случаев, которые никогда не встречаются в практике, но которые теоретически поддаются определению. Тут выставляет такое же положение; но я не нашел никаких доказательств в его «History of prices» («Истории цен») для 1843—1847 гг.

Как видишь, вопрос этот весьма важный. Во-первых, этим в своей основе отвергается вся теория обращения. Во-вторых, этим доказывается, что течение кризисов, хотя они и имеют своим условием существование *кредитной системы*, лишь постольку связано с *денежным обращением*, поскольку нелепое вмешательство государственной власти в его урегулирование может ухудшить протекший кризис, как это было в 1847 г.

Нужно принять во внимание, что в последующих иллюстрациях я исхожу из следующего допущения: *приток* металлических слитков бывает связан с хорошим состоянием дел, с еще невысокими, но повышающимися ценами, избытком капиталов, превышением вывоза над ввозом. Отлив золота бывает связан с противоположными условиями, *mutatis mutandis*. Вот предпосылка, которую признают и люди, против которых направлена моя полемика. Они ничего не могут против этого возразить. В действительности же можно себе представить тысячу и один случай, когда золото ушлывает, несмотря на то, что в стране, из которой оно вывозится, цены на остальные товары стоят значительно ниже, чем в тех странах, куда золото ввозится из данной страны. Так, например, было в Англии в 1809—1811 и 1812 гг. и т. д. Однако *общая предпосылка*, во-первых, *in abstracto* пра-

вильна и, во-вторых, признается сторонниками теории ситгенсу. Поэтому нам пока не о чем спорить.

Допустим таким образом, что в Англии господствует чисто металлическое обращение. Но это еще не предполагает прекращения существования системы кредита. Более того: Английский банк превратился бы в то же время в депозитный и ссудный банк, но его ссуды состояли бы исключительно из наличных денег. Если же не делать такого предположения, то все, что в данном случае являлось бы депозитами Английского банка, стало бы *hoards* (сокровищами) частных лиц, точно так же ссуды банка стали бы ссудами частных лиц. Таким образом, то, что здесь будет сказано о депозитах Английского банка, это—только схема для того, чтобы представить процесс не в раздробленном виде, а сосредоточенным в одном фокусе.

Первый случай — *influx bullion'a* (прилив металлических слитков). Здесь дело очень просто. Много свободных капиталов и, следовательно, рост вкладов. Для того, чтобы их пустить в оборот, банк должен был бы понизить норму процента. Это вызвало бы расширение дел в стране. Денежное обращение возрастало бы лишь в том случае, если бы обороты увеличились настолько, чтобы возникала нужда для их ведения в увеличенном количестве денег. В противном случае избыток выпущенных денег вернулся бы обратно в банк в качестве депозитов и т. д. благодаря истечению срока векселей и т. д. Таким образом, количество денег действует здесь не как причина. Его увеличение в конечном счете является следствием увеличения капитала, пущенного в обращение, а не наоборот. (Таким образом, в данном случае ближайшим результатом явился бы рост депозитов, т. е. свободных капиталов, а не денежного обращения.)

Второй случай. Тут, собственно, только дело и начинается. Предполагается вывоз металлических слитков. Начинается период депрессии. Вексельный курс неблагоприятен. При этом плохой урожай (или вздорожание сырья для промышленности) вызывает необходимость все большего ввоза товаров. Предположим, что баланс Английского банка в начале этого периода имеет следующий вид:

Капитал банка	14 500 000 ф. ст.
Остаток	3 500 000 » »
Депозиты	12 000 000 » »
	<hr/>
	30 000 000 ф. ст.

Гарантированные государственные ценности	10 000 000	ф. ст.
Векселя	12 000 000	» »
Металлические монеты и слитки	8 000 000	» »
	<hr/>	
	30 000 000	ф. ст.

Банк имеет задолженность — при том *предположении*, что не существует *банкнот* — только в 12 млн. депозитов. Согласно принципу (общему депозитным и эмиссионным банкам и заключающемуся в том, чтобы иметь на покрытие своих обязательств только одну треть наличными деньгами), — его, банка, металлический запас в 8 миллионов вдвое больше, чем нужно. Чтобы увеличить свою прибыль, банк *понижает* процент и расширяет свои discounts (учетные операции), скажем, на 4 миллиона, которые вывозятся за границу в уплату за хлеб и т. д. Тогда баланс банка можно представить следующим образом:

b.

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Остаток	3 500 000	» »
Депозиты	12 000 000	» »
	<hr/>	
	30 000 000	ф. ст.
Гарантированные государственные ценности	10 000 000	ф. ст.
Векселя	16 000 000	» »
Металлические монеты и слитки	4 000 000	» »
	<hr/>	
	30 000 000	ф. ст.

Из этой *figure* (таблицы) следует:

Купцы набрасываются *прежде всего* на *металлический запас* банка, когда им приходится вывозить *золото*. Это вывезенное золото *уменьшает* его (банка) запас, ни в малейшей степени не влияя на само *сиггену*. Для последнего *безразлично*, лежат ли эти 4 миллиона в банковских погребах или на корабле, идущем в Гамбург. Наконец, оказывается, что может произойти значительное *drain* (уменьшение) металлической наличности, в данном случае на 4 миллиона фунт. стерлингов, без того, чтобы это хоть в малейшей степени затронуло *сиггену* или деловую жизнь страны. Это имеет место в продолжение всего того периода, в который *металлический запас*, бывший *слишком большим* по сравнению с *liabilities* (долговыми обязательствами), будет сведен к его *due proportion* (правильной пропорции) по отношению к этим обязательствам.

с.

Но допустим, что обстоятельства, вызвавшие drain (уменьшение) на 4 миллиона, продолжают существовать: а именно недостаток хлеба, повышение цен на сырой хлопок и т. д. Банк начинает беспокоиться за свою безопасность. Он *увеличивает учетный процент* и ограничивает свои discounts (учетные операции). В связи с этим создается pressure (депрессия) в торговом мире. Как влияет эта pressure? Вкладчики требуют от банка свои депозиты, металлическая наличность банка соответственно уменьшается. Если вклады понижаются до 9 миллионов, т. е. если они уменьшаются на 3 миллиона, то металлический запас банка должен также уменьшаться на 3 миллиона. Этот запас, таким образом, упал бы (из 4 миллионов вычесть 3 миллиона) до размеров одного миллиона против 9 миллионов вкладов, что было бы опасным для банка. Таким образом, если банк захочет удержать запас своей наличности на уровне одной трети вкладов, он должен будет сумму своих discounts уменьшить на 2 миллиона. Тогда счет банка можно представить так:

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Остаток	3 500 000	» »
Депозиты	9 000 000	» »
	<hr/>	
	27 000 000	ф. ст.
Гарантированные государственные ценности	10 000 000	ф. ст.
Векселя	14 000 000	» »
Металлические монеты и слитки	3 000 000	» »
	<hr/>	
	27 000 000	ф. ст.

Отсюда следует: лишь только drain металлической наличности доходит до таких размеров, что металлический запас не превышает установленной пропорции по отношению к депозитам, банк повышает учетный процент и уменьшает discount. Но тогда это начинает *отражаться на депозитах*, и вследствие их уменьшения уменьшается также металлический запас, но еще в большей пропорции уменьшается учет векселей. Но суггесу ни в малейшей степени не затронута. Одна часть ушедшей наличности и вкладов *пополняет* ту пустоту, которая создается во внутреннем денежном обращении благодаря сокращению банковских операций, другая часть уходит за границу.

d.

Предположим, что ввоз хлеба и т. д. продолжается и что вклады уменьшились до 4 500 000; тогда банк, чтобы сохранить металлический запас в надлежащей пропорции к своим долговым обязательствам, уменьшит свой портфель векселей еще на 3 миллиона. Баланс тогда представился бы в следующем виде:

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Остаток	3 500 000	» »
Депозиты	4 500 000	» »
	<hr/>	
	22 500 000	ф. ст.
Гарантированные государственные ценности	10 000 000	ф. ст.
Векселя	11 000 000	» »
Металлические монеты и слитки	1 500 000	» »
	<hr/>	
	22 500 000	ф. ст.

При этом предположении банк понизил бы сумму учета векселей с 16 до 11 миллионов, т. е. на 5 миллионов. Необходимые потребности денежного обращения возмещаются извлеченными вкладами. Но в то же время остаются — недостаток капитала, высокие цены на сырье, сокращение спроса, а следовательно и дел, и, *наконец*, сокращение самого денежного обращения, т. е. необходимых *curtencies*. Излишняя часть последних пошла бы в форме металлических слитков за границу для оплаты ввоза. Таким образом, количество обращающихся денег было бы задето лишь в *последнюю очередь*, и оно *упало* бы ниже своей необходимой суммы лишь тогда, когда металлический запас упал бы ниже надлежащей пропорции по отношению к депозитам. К вышеуказанному нужно еще добавить:

1. Вместо того, чтобы уменьшить свои *discounts*, банк мог бы распродать свои гарантированные бумаги. Это при данных условиях было бы невыгодно, но результат был бы тот же. Вместо того, чтобы уменьшать свои собственные резервы и *discounts*, он уменьшил бы резервы частных лиц, помещающих свои деньги в *public securities*.

2. Я предположил здесь *drain* металлической наличности на 6 500 000 фунтов. В 1839 г. имело место уменьшение на сумму в 9—10 миллионов фунтов.

3. Предположенный процесс может и при чисто *metallic currency* (металлическом обращении) протекать, как при бумажном, и привести к краху кассы, как это было в XVIII столетии дважды в Гамбурге.

2. Из письма Энгельса к Марксу от 25 февраля 1851 г.

Во всяком случае я уже давно у тебя в долгу с ответом относительно истории с currency (денежным обращением). По существу вещь эта, как я полагаю, очень правильна и сильно поможет тому, что сумасшедшая теория обращения будет сведена к простым и ясным *fundamental facts* (основным фактам). Что же касается выводов в твоём письме, то я нахожу нужным заметить лишь следующее:

1. Допустим, что в начале *period of pressure* (периода депрессии) счет Английского банка включает, согласно твоему допущению, 12 000 000 ф. ст. вкладов и 8 миллионов *bullion* (металлических слитков) или *coin* (металлических денег). Для того, чтобы освободиться от излишних 4 миллионов ф. ст. *bullion*, ты заставляешь банк понизить учетный процент. По-моему, ему этого вовсе незачем делать, и, насколько я могу припомнить, понижение учетного процента в начале депрессии никогда еще не имело места. На мой взгляд депрессия окажет немедленно свое влияние на вклады и очень скоро не только восстановит равновесие между металлическим запасом и вкладами, но и заставит банк повысить учетный процент для того, чтобы металлический запас не опустился ниже трети вкладов. В той же мере, в какой увеличивается депрессия, приостанавливается обращение капитала, товарооборот. Но векселям, в свое время подписанным, истекает срок, и они должны быть оплачены. Поэтому должен быть пущен в ход резервный капитал — вклады, ты понимаешь, не в качестве платежных средств, а как капитал, и таким образом, простой *drain of bullion* (отлив металла), наряду с депрессией, окажется сам по себе достаточным, чтобы освободить банк от избытка его металлического запаса. При этом банку нет надобности *понижать* свою процентную норму при таком положении вещей, которое приводит к общему *повышению* процентной нормы во всей стране.

2. В период растущей депрессии банк, я полагаю, должен был

бы в той же степени повышать пропорцию металлического запаса по отношению к вкладам (для того, чтобы не оказаться в затруднительном положении), в какой будет возрастать депрессия. Четыре избыточных миллиона оказались бы для банка самой лучшей находкой, и он старался бы расходовать их как можно медленнее. При возрастающей депрессии отношение запаса к вкладам, равное $\frac{2}{5} : 1$, $\frac{1}{2} : 1$ и даже $\frac{3}{5} : 1$, было бы, принимая твое предположение, отнюдь не преувеличенным, и его тем легче было бы осуществить, что с сокращением вкладов и металлический запас стал бы абсолютно сокращаться, хотя относительно он и увеличивался бы. Run (набег вкладчиков) на банк был бы при этом положении в такой же мере возможен, как и при бумажных деньгах, и мог бы быть вызван самыми обычными торговыми отношениями без того, чтобы был поколеблен кредит банка.

3. Сигтенсу (денежное обращение) будет затронуто *последним*, говоришь ты. Твое собственное предположение, что оно будет затронуто вследствие наступающего затишья в делах, а тогда, естественно, нужно меньше платежных средств, приводит к тому заключению, что количество платежных знаков понижается одновременно с уменьшением торговли, и часть обращающихся денег становится излишней по мере усиления депрессии. *Ощутительным* это уменьшение становится лишь к концу при сильной депрессии; но в общем и целом этот процесс развивается с самого начала депрессии, хотя его и нельзя доказать на отдельных фактах и деталях. Но, поскольку это *superseding* (вытеснение) части денежных знаков является следствием всех прочих торговых отношений, депрессии, не зависящей от денежного обращения, а все остальные товарные и торговые отношения охватываются этой депрессией *раньше*, чем деньги, и, поскольку это уменьшение количества денег лишь в конце становится *практически* ощутительным, — постольку денежное обращение затрагивается кризисом в последнюю очередь.

Эти замечания, как видишь, относятся лишь к твоему *modus illustrandi* (методу изложения), по существу же все правильно.

ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ

Список цитированных книг. — А. Реуэль.
Примечания. — А. Реуэль и И. Рубин.
Предметный указатель. — А. Реуэль.
Именной указатель. — А. Реуэль.
Биографический справочник. — Е. Гурвич, А. Рубин.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ КНИГ

- Aristoteles*. De Republica, lib. I, edit. Bekkeri, Oxonii, 1837. — Стр. 90, 206.
- Aristoteles*. Ethicorum ad Nicomachum libri decem, lib. V, edit. Bekkeri, Oxonii, 1837. — Стр. 134, 185.
- Athenaeus*. Deipnosophistai, lib. IV, ed. Schweighäuser, 1802. — Стр. 140.
- [*Attwood*, T., *Wright*. T. B., *Harlow* I.] The currency question, the Gemini letters, London 1844. — Стр. 149.
- Bailey*, S. Money and its vicissitudes. London 1837. — Стр. 138 213.
- Barbon*, *Nicholas*. A discourse concerning coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's considerations etc. London 1696. — Стр. 145.
- Berkeley*, *George*. The Querist. London 1750. — Стр. 99, 145, 186.
- Bernier*, *François*. Voyage contenant la description des états du grand Mogul. Paris 1830. — Стр. 199.
- Blake*, W. Observations on the effects produced by the expenditure of government etc. London 1823. — Стр. 171, 250.
- Boisguillebert*, P. Dissertation sur la nature des richesses etc. — Стр. 121, 194.
- Boisguillebert*, P. Le détail de la France, 1697. Ed. Eugène Daire, Economistes financiers du XVIII siècle. Paris 1843, vol. 1. — Стр. 93, 163, 171, 194, 216.
- Bosanquet*, J. W. Metallic, paper and credit currency etc. London 1842. — Стр. 165.
- Bray*, I. F. Labours wrongs and labours remedy. Leeds 1839. — Стр. 153.
- Buchanan*, D. Observations on the subjects treated of in doctor Smith's inquiry on the wealth of nations etc. Edinburg 1814. — Стр. 181.
- Carli*, G. R. Примечание к Verri, Meditazioni sulla Economia Politica, t. XV, в собрании Custodi. — Стр. 220.
- Cobbet*, W. Political register, 1807. — Стр. 164.
- Cooper*, Th. Lectures on the elements of political economy. London 1831 (Columbia 1820). — Стр. 100.
- Corbet*, Th. An inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals etc. London 1841. — Стр. 165.
- Darimont*, Alfred. De la réforme des banques. Paris 1856. — Стр. 163.
- Dodd*, George. Curiosities of industry etc. London 1854. — Стр. 176.
- «Economist». July 10, 1858, London. — Стр. 173.
- Engels*, Friedrich. Die Lage der arbeitenden Klassen in England. Стр. 88.

- Franklin, Benjamin. The works etc. by J. Sparks. Boston 1836.— Стр. 122.
- Franklin, Benjamin. Remarks and facts relative to the American paper money, 1764. — Стр. 123, 186.
- Fullarton, John. On the regulation of currencies, 2 ed. London 1845. — Стр. 258.
- Galiani, Fernando. Della moneta, vol. III. В собрании Custodi, Scrittori classici Italiani di economia politica. Parte Moderna, Milano 1803. — Стр. 98, 124, 138, 156, 172, 223.
- Garnier, Germain. Histoire de la monnaie depuis les temps de la plus haute antiquité etc. — Стр. 140, 177.
- Genovesi, A. Lezioni di economia civile (1765) в собрании Custodi Part. Mod. I. VIII. — Стр. 193.
- Gray, John. Lectures on the nature and use of money. Edinburgh 1848. — Стр. 150.
- Gray, John. The social system. A treatise on the principle of exchange. Edinburgh 1831. — Стр. 150, 152.
- Hodgskin, Th. Popular political economy. London 1827.— Стр. 116.
- Horatius, Satir. I, II; Satir III. — Стр. 202.
- Hume, David. Essays and treatises on several subjects, London 1777, vol. I. — Стр. 231, 232, 233.
- Hume, James Deacon. Letters on the corn laws. London 1834.— Стр. 250.
- Jacob, W. An inquiry into the production and consumption of the precious metals. London 1831, vol. II. — Стр. 204.
- Locke, John. Some considerations on the lowering, of interest etc. в *ero Works*, 7 ed., London 1768, vol. III. — Стр. 142, 144, 145, 216.
- Luther, Martin. Bücher vom Kaufhandel und Wucher. — Стр. 199.
- Macleod, H. D. Theory of exchange. London 1858. — Стр. 178.
- Macleod, H. D. Theory and practice of banking etc. London 1855.— Стр. 213.
- MacCulloch, J. K. Discours sur l'origine de l'économie politique etc., traduit par Prévost. Genève 1825. — Стр. 99.
- MacCulloch, J. K. The litterature of political economy, a classified catalogue. London 1845. — Стр. 118, 119.
- Maclaren. History of the currency. London 1858. — Стр. 137, 238.
- Mandeville, J. Voyages and travels. London 1705. — Стр. 186.
- Marx, Karl. Misère de la philosophie etc. Paris 1847. — Стр. 88, 128.
- Marx, Karl. Discours sur le libre échange. — Стр. 88.
- Marx, Karl, und Engels, Fr. Manifest der Kommunistischen Partei. — Стр. 88.
- Marx, Karl. Lohnarbeit und Kapital. — Стр. 88.
- Marx, Karl. Das Kapital (3. Aufl.). — Стр. 67.
- Mill, James. Defence of commerce, 1808. — Стр. 164.
- Mill, James. Elements of political economy. В тексте пер. с франц. перевода Parissot. Paris 1823. — Стр. 164, 252.
- Misselden, E. Free trade or the means to make trade flourish etc. London 1662. — Стр. 193, 197, 200.
- Montanari. Della moneta, в собрании Custodi, vol. III, Parte Antica. — Стр. 174, 222.
- Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Berlin 1809.—Стр. 138, 139.

- O p d y k e, G. A treatise of political economy. New-York 1851. — Crp. 165.
- P e r e i r e, I s a a k. Leçons sur l'industrie et les finances. Paris 1832. — Crp. 162.
- P e t t y, W i l l i a m. An essay concerning the multiplication of mankind etc. 3 ed., 1686. — Crp. 118.
- P e t t y, W i l l i a m. — Political arithmetic. London 1699. — Crp. 118, 119, 120, 121, 193, 199.
- P l a t o. De Republica. London 1850. — Crp. 185.
- R i c a r d o, D a v i d. On the principles of political economy and taxation, 3 ed., London 1821. — Crp. 127, 240, 241.
- R i c a r d o, D a v i d. Proposals for an economical and secure currency. London 1816. — Crp. 241.
- R i c a r d o, D a v i d. Reply to Mr. Bosanquets practical observations etc. — Crp. 245.
- R i c a r d o, D a v i d. The high price of bullion etc. — Crp. 245, 247, 248.
- S e n i o r, W i l l i a m N a s s a u. Principes fondamentaux de l'économie politique, traduit par le comte Jean Arrivabene. Paris 1836. — Crp. 202, 213.
- S i s m o n d i, S i m o n d e d e. Etudes sur l'économie politique, t. II. Bruxelles 1837. — Crp. 127.
- S m i t h, A d a m. Wealth of Nations. — Crp. 68, 126.
- S p e n c e, W i l l i a m. Britain independent of commerce, 1807. — Crp. 164.
- S t e i n, L. System der Staatswissenschaften, Bd. 1. — Crp. 91, 99.
- S t e u a r t, J a m e s. An inquiry into the principles of political economy, being an essay on the science of domestic policy in free nations. Dublin 1770. — Crp. 124, 144, 147, 232, 235, 236, 237.
- S t o r c h, H e n r y. Cours d'économie politique etc. avec des notes par J.-B. Say. Paris 1823. — Crp. 185.
- T h o m p s o n, W. An inquiry into the distribution of wealth etc. London 1824. — Crp. 153.
- T o o k e, T h. History of prices. — Crp. 250, 257.
- T o o k e, T h. An inquiry into the currency principle, 2 ed. London 1844. — Crp. 258.
- U r q u h a r t, D a v i d. Familiar words. — Crp. 141.
- W i l s o n, J a m e s. Capital, currency and banking. — Crp. 248.
- X e n o p h o n. De Vectigalibus. — Crp. 206.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 73 и 227, 228.

Монетарная и меркантильная системы. Монетарная и меркантильная системы представляют собою две фазы в истории развития *меркантилизма*. Меркантилизмом называют систему государственной политики, распространенную в Западной Европе в эпоху раннего капитализма (приблизительно от XIV до середины XVIII столетия) и имевшую целью поощрение внешней торговли и промышленности, работающей на вывоз. При этом монетарная система, или система «раннего меркантилизма» (XIV—XVI века), была направлена прежде всего на привлечение в страну денег (золота и серебра) из-за границы при помощи целого ряда принудительных мероприятий (запрещение вывоза денег из страны, регулирование вексельного курса и т. п.). Отсюда эта система получила название «системы денежного баланса». Меркантильная же система, господствовавшая в более позднюю эпоху (XVII—XVIII века), имела своей целью прежде всего регулирование торгового баланса (путем расширения вывоза промышленных товаров и сокращения их ввоза), чтобы таким путем добиться привлечения денег в страну. Отсюда эта система получила название «системы торгового баланса». Маркс во «Введении к критике политической экономии» (см. стр. 73 настоящего издания) называет ее также «мануфактурною или коммерческою системою», так как она считала источником богатства «коммерческий и мануфактурный труд».

К стр. 141, 142.

Биметаллизм. Биметаллизм — система денежного обращения, при которой золото и серебро одновременно выполняют роль меры стоимости и законного платежного средства. Следует различать несколько разновидностей биметаллизма: 1) параллельную валюту, 2) двойную валюту и 3) хромающую валюту. При системе *параллельной валюты* на оба металла распространяется свобода чеканки. Ввиду отсутствия законом установленного соотношения между стоимостью обоих металлов это соотношение устанавливается рынком. Неудобство этой системы заключается в том, что каждый товар имел две цены — золотую и серебряную, причем соотношение этих цен все время менялось. Если при незначительном товарообороте средневековья, когда обращались большие массы порченной монеты, неудобства параллельной валюты не вносили ощутительных осложнений в товарооборот, то с развитием товарооборота необходимо было изменение денежной системы. Система *двойной валюты* по сравнению с системой параллельной валюты характеризуется добавочным признаком — установлением законодательным путем определенного соотношения между стоимостью золота и серебра. Но так как рыночное отношение между обоими металлами не всегда совпадало с отношением, установленным государственной властью, то в силу закона Грэма на один из

металлов появлялся лаж, и он исчезал из оборота, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Франция в течение первой половины XIX века оставалась при системе двойной валюты. Однако во второй половине XIX века Франция была вынуждена отказаться от этой системы ввиду обесценения серебра, вызванного удешевлением его производства и переходом целого ряда стран к золотой валюте. При системе *тромающей* валюты право свободной чеканки распространяется лишь на один металл, но при этом оба металла являются законным платежным средством, и стоимостное соотношение между ними фиксировано законом. На основах этой системы было построено денежное обращение целого ряда стран, вошедших в Латинский союз 23 декабря 1865 г. (Франция, Бельгия, Италия, Швейцария, Греция). Однако и эта система была кратковременным эпизодом на пути эволюции биметаллизма к золотому монометаллизму. Переход от биметаллизма к монометаллизму является блестящей иллюстрацией установленного Марксом положения, что там, где закон закрепляет за двумя товарами функцию меры стоимости, фактически эту функцию исполняет один товар. В тексте Маркса (стр. 142) упоминается Франция, денежное обращение которой было построено на основах биметаллизма; в результате временного понижения стоимости золота по сравнению с серебром, в 1850-х годах наблюдался вывоз серебра из Франции и вытеснение его из обращения золотом.

К стр. 143, 144.

Денежное обращение Англии в конце XVII века и спор Локка с Лаундсом. В конце XVII века денежное обращение Англии находилось в расстроенном состоянии. Большая часть денежного запаса состояла еще из старых серебряных монет, изготовленных при помощи грубой, ручной обработки молотом, различных по весу и потому легко доступных обрезыванию и фальсификации. В большинстве своем эти монеты обращались уже в обрезанном и испорченном виде и содержали меньше серебра, чем указывало их название. При таких условиях понятно, что рыночная цена уцелевшего серебра поднялась с 5 шилл. 2 пенс. до 6 шилл. 3 пенсов.

Начиная с 1663 г. английский монетный двор выпускал только монету, изготовленную новым, машинным, способом, с точно проверенным весом. Но так как большую часть обращавшихся денег составляли старые, стертые и обрезанные монеты, новая полновесная монета исчезала из обращения, переплавлялась в слитки, вывозилась за границу или припрятывалась. Полновесная монета, выпускавшаяся казначейством в обращение, не возвращалась обратно в казначейство, так как частные лица предпочитали вносить налоги, платежи и т. п. старыми монетами.

Единственным выходом из такого положения дел являлась монетная реформа: необходимо было перечеканить всю старую монету и уравнивать реальное металлическое содержание монет с их номинальным обозначением. В связи с предстоявшей реформой разгорелась в 1695 г. оживленная полемика, в которой деятельное участие приняли Лаунде и Локк (см. стр. 339, 340).

Лаунде, секретарь казначейства, предлагал в интересах казны уменьшить приблизительно на 20% металлическое содержание монет в соответствии с их уменьшившимся фактическим содержанием. Этот проект имел для казны ту выгоду, что она: 1) не понесла бы расходов по перечеканке монет и 2) могла бы уплатить свои долги финансистам, откупщикам и т. п. в новых, легковесных шиллингах (т. е. в монетах такого же веса, какие она получила от своих кредиторов). Локк же, защищая интересы буржуазии и, в частности, государственных кредиторов, выступил против проекта Лаунде и требовал,

чтобы новые монеты содержали такое количество чистого серебра, какое было в свое время установлено законом. Проект Локка возлагал на казну огромные расходы по перечеканке монеты, так как каждое частное лицо, приносившее на монетный двор 20 старых и обрезанных шиллингов, имело право требовать в обмен 20 полновесных шиллингов (по проекту Лаундса, это лицо получило бы 20 шиллингов нового, уменьшенного веса, т. е. содержащих столько же серебра, сколько содержали 20 стертых шиллингов).

В 1695 г. парламент назначил комиссию, которая высказалась в пользу проекта Лаундса. Правительство, однако, и в частности государственные деятели, которым была поручена монетная реформа (Монтего и Сомерс), стали на сторону проекта, предложенного Локком. В 1696 г. парламент принял соответствующий закон о перечеканке всей монеты в Англии. Операция перечеканки монеты затянулась на несколько лет и была закончена в 1699 г. Она потребовала от казны огромного расхода в 2,7 миллиона ф. ст. (в то время эта сумма превышала годовые обыкновенные доходы государства).

К стр. 147, 148.

Амстердамские банковые деньги. Амстердамский банк, основанный в 1609 г., был одним из первых публичных банков (до этого времени преобладали частные банки). Так как в обращении циркулировали монеты самого различного наименования и веса (в том числе много испорченной и обрезанной монеты), Амстердамский банк решил создать собственную счетную единицу, так называемый «банковый флорин», который принимался равным 211,91 ассам чистого серебра. Если вкладчик приносил в банк определенное количество различных монет, банк определял точное количество серебра, содержащегося в них, и записывал за вкладчиком в своих книгах соответствующее число «банковых флоринов». На эту сумму он выдавал вкладчику вкладные билеты, которые обращались в качестве денег; наличные же деньги оставались лежать в подвалах банка и не пускались в обращение. Таким образом, «банковый флорин» представлял собою специально созданную банком денежную единицу, которой не соответствовала какая-нибудь определенная серебряная монета.

К стр. 148, 239.

Ассигнаты. Ассигнатами называются бумажные деньги, выпущенные во время Великой французской революции. Декретом от 19—21 декабря 1789 г. Учредительным собранием Франции были выпущены ассигнаты. В обеспечении их тот же декрет постановил продать часть национальных имуществ, которые представляли собою конфискованные государством королевские и церковные недвижимые имущества. Первые пущенные в оборот ассигнаты не представляли собой бумажных денег в полном смысле слова. Они представляли собой ипотечную бумагу, ассигновку на «экстраординарную кассу», которая должна была их погасить к 1795 г. Однако вскоре начинается их превращение в бумажные деньги. Если в течение первых трех лет резкая инфляция не имела места, то впоследствии, в результате все растущих выпусков ассигнатов, их покупательная сила начинает все более падать. Несмотря на декреты от 11 апреля 1793 г. и 10 мая 1794 г., согласно которым лица, виновные в назначении и предложении двойных цеп (в металлических деньгах и в ассигнатах), подвергались суровым наказаниям, ассигнаты начинают катастрофически обесцениваться. Это обесценение достигает наивысшего пункта в 1796 г., когда ассигнаты аннулируются. 4 февраля 1797 г. был издан закон об их общем аннулировании.

К стр. 149, 227, 228, 239, 247.

Денежное обращение в Англии в эпоху неразмennyх банкнот (1797—1819 гг.). Война между Англией и Францией, продолжавшаяся более 20 лет, начиная с 1793 г., внесла значительное расстройство в денежное обращение Англии. Для покрытия огромных военных расходов правительство прибегало к кредиту со стороны Английского банка. Количество банкнот, выпущенных последним, поднялось в 1797 г. до суммы 8,6 миллиона фунт. стерл., в то время как наличный золотой запас банка упал до 1,27 милл. фунт стерл. При таких условиях правительство вынуждено было законом 3 мая 1797 г. (так называемый «рестрикционный акт») освободить Английский банк от обязанности размена банкнот на золото. С этого времени и вплоть до издания закона 1819 г. (а фактически до 1821 г.) банкноты Английского банка были неразмennyми.

Приостановка размена банкнот и необходимость посылки за границу огромных сумм золота для оплаты военных расходов и покупки хлеба (вследствие частых неурожаев в Англии) вызвали обесценение банкнот по сравнению с золотой монетой приблизительно на 25%. Рыночная цена золотых слитков поднялась выше монетной цены золота, установленной законом, многие товары вздорожали, и вексельный курс был очень неблагоприятен для Англии (в 1811 г. на 30% ниже паритета).

По вопросу о причинах обесценения английской валюты среди экономистов разгорелись оживленные споры. Группа экономистов во главе с Рикардо (в его сочинении «Высокая цена слитков», 1809 г.), стоя на точке зрения количественной теории денег, приписывала обесценение валюты чрезмерному выпуску банкнот. Они требовали сокращения выпуска банкнот и принятия мер к возобновлению размена банкнот на золото (так как обязанность размена банкнот на золото вынудила бы Английский банк сократить выпуски банкнот).

Другая группа экономистов (Бозанкет, Торитон, позднее Томас Тук), ссылаясь на факт неравномерного вздорожания различных товаров, видела причину обесценения валюты в ухудшении платежного баланса Англии, вызванном специфическими условиями военного времени (неурожаи и ввоз большого количества хлеба из-за границы, недостаток многих товаров, вывоз большого количества золота из Англии на континент для содержания английских войск и покрытия военных расходов).

В 1810 г. английский парламент назначил особый комитет для исследования состояния денежного обращения, так называемый «Комитет о слитках». Рикардо, как своими литературными произведениями, так и своими устными выступлениями, оказал сильное влияние на работы Комитета, который воспринял его точку зрения, объяснявшую обесценение валюты чрезмерными выпусками и неразмennyм характером банкнот (с тех пор сторонники этой точки зрения стали называться «буллионистами» — от английского «буллион», слиток).

По окончании войны с Францией английским правительством были приняты подготовительные меры к возобновлению обязательного размена банкнот на золото. Соответствующий закон был издан в 1819 г., а фактический размен банкнот на золото был введен в 1821 г.

К стр. 165.

Промышленный кризис 1857—1858 гг. Промышленный кризис 1857—1858 гг., в отличие от предшествовавших кризисов, был первым мировым кризисом, от разрушительного действия которого пострадали все страны,

ведущие значительную внешнюю торговлю. Этот универсальный характер кризиса является результатом революции 1848 г., которая уничтожила остатки феодализма в Западной Европе и дала толчок бурному промышленному расцвету капиталистического строя. Кризис прежде всего начался в Соединенных Штатах, куда в большом размере экспортировался капитал (а тем самым и товары) из Англии.

В 1856—1857 гг. американский экспорт возрос незначительно, что должно было привести к резкому падению цен товаров на внутреннем рынке Соединенных Штатов. Естественно, что американский кризис должен был вызвать такой же кризис в Англии, откуда он распространился и на другие европейские страны. Особенно многочисленны были банкротства в тех округах Англии, где преобладало железодельное производство. Разрушительное действие кризиса сильно сказалось также в Гамбурге.

К стр. 174.

Денежное обращение в Голландии. В первой половине XIX века в Голландии существовала биметаллическая денежная система. В середине XIX века правительство, опасаясь, что золото, удешевившееся благодаря открытию калифорнийских и австралийских золотых рудников, вытеснит из обращения серебро, ввело серебряную валюту (законом 1847 г.) и изъяло золото из обращения (изъятие производилось в 1850—1851 гг.). Серебряная валюта существовала около 20 лет. Падение стоимости серебра в начале 1870-х годов и переход Германии к золотой валюте вынудили также и Голландию возобновить в 1873—1875 гг. чеканку золотых монет.

К стр. 185.

К истории денег в России. В древнейшую эпоху роль денег выполнял скот. Древнее наименование княжеской казны было скотница, а казначей казывался скотником. Однако, наряду со скотом, деньгами являлись и куны, куницы, т. е. меха. Кунный счет был широко распространен в древней Руси, и «куны» обозначали деньги. Из этого, конечно, еще не следует, что все древнерусские деньги, посящие название «куны», действительно были мехами. В позднейшие времена этим названием обозначались металлические деньги. Металлические деньги появляются при Владимире Святом, при котором мы находим не только иностранную монету, но и русскую, чеканенную Владимиром по арабской системе в виде серебрянников. Однако вскоре собственная чеканка монеты на Русь прекращается. Для XII, XIII и большей части XIV столетия никаких данных о чеканке монеты нет. Пользовались наряду с медными деньгами слитками или иностранной монетой. Только в конце XIV столетия возобновляется чеканка русско-татарских монет при Дмитрии Донском. Русская монета XIV и XV столетий состояла из мелких серебряных денег, название которых — деньга — было заимствовано у татар. В конце XVII столетия ввиду недостатка серебра правительство было вынуждено чеканить монету из меди. Правильный чекан был установлен Петром Великим, когда была выбита серебряная полтина. Выпуск золота начался в 1701 г.

К стр. 205.

Употребление золота для промышленных целей. Значительная часть добываемого ежегодно золота употребляется на промышленные цели, в том числе для изготовления предметов роскоши. Эта часть золота абсолютно возрастает, хотя относительно падает.

Приводим данные за 1890—1910 гг.:

Годы	Стоимость добычи золота во всем мире (в млн долл.)	Промышленное потребление золота (в млн долл.)	Из всего производства идет на промышл. цели (в % ⁰ / ₀)
1890	119	50	42
1900	225	76	29,7
1910	455	112	24,6

К стр. 226.

Соотношение стоимости золота и серебра. Как видно из данных, приведенных Марксом, в ходе исторического развития, за исключением некоторых отдельных исторических периодов, стоимость золота, по сравнению с стоимостью серебра, возрастала. От XVII до середины XIX столетия это соотношение равнялось 15—16, т. е. один фунт золота по своей стоимости был равен 15—16 фунтам серебра. Маркс считал вероятным падение стоимости золота в результате открытия золотых рудников в Австралии, Калифорнии и Колумбии в середине XIX столетия. Действительно, за период 1850—1870 гг. стоимость золота незначительно упала. Соотношение стоимости золота к стоимости серебра составляло:

1841 — 1850 гг.	15,83
1851 — 1855 »	15,41
1856 — 1860 »	15,30
1861 — 1865 »	15,40
1866 — 1870 »	15,55

С конца 1860-х гг. стоимость золота начала опять возрастать, главным образом в результате перехода Германии и других стран от серебряной или биметаллической валюты к золотой. За период от 1870 до 1915 г. стоимость золота, по сравнению со стоимостью серебра, возросла более чем вдвое, с 15,55 до 36,57, как видно из следующих цифр:

1871 — 1875 гг.	15,97
1876 — 1880 »	17,81
1881 — 1885 »	18,63
1886 — 1890 »	21,16
1891 — 1895 »	26,56
1896 — 1900 »	33,48
1901 — 1905 »	36,03
1906 — 1910 »	35,57
1911 — 1915 »	36,57

Во время мировой войны, с 1916 по 1920 г., серебро вздорожало, и указанное выше соотношение упало в 1920 г. до 15,25, т. е. до уровня, на котором оно находилось в середине XIX в. Но с 1920 г. начался обратный процесс вздорожания золота. В 1923 г. указанное соотношение опять поднялось до 30.

По мере вздорожания золота, цена унции серебра (в золоте) падала. Маркс в примечании приводит данные о цене унции серебра за 1852—1858 гг. Наблюдавшееся в этот период повышение цены унции серебра продолжалось до конца 1860-х гг., т. е. до тех пор, пока продолжался процесс удешевления золота. Но с конца 1860-х гг., когда опять началось вздорожание золота, цена унции серебра постепенно уменьшалась. Приведем цифры цены унции серебра (в пенсах):

1860 г.	61 ¹¹ / ₁₆
1865 »	61 ¹ / ₁₆
1870 »	60 ⁹ / ₁₆
1875 »	56 ⁸ / ₁₆

1880 г.	52 $\frac{1}{4}$
1885 »	48 $\frac{5}{8}$
1890 »	47 $\frac{11}{16}$
1895 »	35 $\frac{9}{16}$

К стр. 233.

Революция цен в XVI веке. Открытие Америки Колумбом в 1492 г. внесло крупнейшие изменения в хозяйственную жизнь Европы. Вызванные этим открытием изменения торговых путей и возникновение океанской торговли привели к расширению связей между странами Европы и другими частями света. В Европе, кроме того, началось быстрое увеличение запасов, в особенности серебра, привозимого из Америки. К концу XVI в. количество европейских запасов благородных металлов возросло в 3—4 раза по сравнению с XV в. В XVII и XVIII веках стоимость добытого золота и серебра составляла 26 миллиардов марок вместо 2 миллиардов в конце XV века. При этом на долю Америки в середине XVI века приходилось $\frac{3}{4}$, а XVII века $\frac{5}{8}$ всей добычи. Это переполнение Европы благородными металлами, не сопровождавшееся достаточным увеличением товарных масс, вызвало колоссальное повышение уровня товарных цен. В XVI веке цены на хлеб повысились на 150—200%, а на другие товары — на 500—600%. Революция цен, как именуется этот процесс в истории, оказала разрушительное влияние на феодальное хозяйство. С одной стороны, она содействовала накоплению денежных капиталов в руках немногих, с другой — привела к обнищанию значительных масс крестьян и ремесленников. Итак, открытие Америки, связанное с расширением мировой торговли и революцией цен, ускорило подготовку предпосылок для развития промышленного капитализма.

К стр. 239, 240.

Бумажные деньги в XVIII веке. В средние века, при отсутствии развитого государственного кредита, короли не могли прибегать к выпуску бумажных денег и ограничивались фальсификацией металлической монеты. История бумажных денег в Европе начинается с XVIII века, со времени основания Джоном Ло в 1716 г. банка во Франции, банкноты которого обладали принудительным курсом и фактически представляли собою бумажные деньги. Крах банка Ло в 1720 г. (см. ниже биографию Ло) на некоторое время прервал попытки выпуска бумажных денег, но в 1789 г., когда началась Великая французская революция, бумажные деньги опять появились на сцене в виде ассигнатов (см. выше примечание «Ассигнаты»).

В английских колониях Северной Америки бумажные деньги появились в конце XVII века. В 1690 г. провинция Массачусетс, для облегчения своих финансовых затруднений, выпустила небольшое количество бумажных денег. Дальнейшие выпуски их привели к сильному обесценению бумажных денег; к середине XVIII века курс их по сравнению с золотом упал в 10 раз. Та же судьба постигла бумажные деньги, выпущенные в первой половине XVIII века другими провинциями Северной Америки.

В 1775 г. штаты Северной Америки начали войну за независимость с целью отложиться от Англии и образовать самостоятельное государство. Для финансирования войны были выпущены в 1775 г. «континентальные бумажные деньги». По мере увеличения выпуска бумажных денег, курс их падал. В 1777 г. за 1 серебряный доллар платили 2—3 бумажных, в 1778 г.—6, в 1779 г.—30. В 1780 г. правительство издало закон о девальвации выпущенных бумажных денег по курсу 1 : 40, т. е. за 40 бумажных долларов выдавали облигацию на 1 серебряный доллар.

К стр. 244, 248.

Споры вокруг банковского законодательства Роберта Пилля. В 1819 г. в Англии был издан закон о возобновлении обязательного размена банкнот Английского банка на золото (см. выше примечание «Денежное обращение в Англии в эпоху нераменных банкнот»). Тем не менее банкнотное обращение Англии оставалось в значительной мере неурегулированным благодаря тому, что правом выпуска банкнот пользовался не только Английский банк, но и многие провинциальные банки. После кризисов 1836 и 1839 гг., во время которых многие провинциальные банки оказались на краю банкротства, стала очевидна необходимость реформы банкнотного обращения и сосредоточения права эмиссии банкнот в руках Английского банка. По вопросу об основах, на которых должна быть проведена банковая реформа, в конце 1830-х и особенно в начале 1840-х годов разгорелась горячая полемика между представителями двух направлений, так называемой «currency-theory» и так называемой «banking-theory».

Сторонники первого направления, во главе с банкиром Лойдом (он же лорд Оверстон), развивая дальше количественную теорию денег Рикардо и «буллонистов» (см. названное выше примечание), считали чрезмерный выпуск банкнот главной причиной их обесценения, роста спекуляции и повышения товарных цен. Они требовали поэтому ограничения права Английского банка на выпуск банкнот, не покрытых золотом, определенной суммой.

Сторонники «banking-theory» (Томас Тук, Фуллартон, Вильсон) доказывали, что обращение разменных банкнот подчиняется другим законам, чем обращение бумажных денег. Если чрезмерное обращение бумажных денег действительно вызывает денежную инфляцию с сопровождающим ее обесценением денег и повышением товарных цен, то этого нельзя сказать о выпуске разменных банкнот. Последние выпускаются под известное обеспечение (векселя, товары и т. п.), т. е. в количестве, которое соответствует потребностям товарного обращения. Поэтому нельзя говорить о чрезмерном выпуске банкнот: каждая банкнота, которая не нужна для потребностей товарного обращения, была бы предъявлена к размену в банк. Всякие законодательные ограничения количества банкнот припесли бы вред торговле, нуждающейся в достаточном количестве средств обращения.

Английский премьер-министр Роберт Пиль в основном воспринял взгляды сторонников «currency theory» и в этом духе провел знаменитые банковые законы 1844 и 1845 гг. ими ограничивалась и постепенно отменялась эмиссионная деятельность провинциальных банков; эмиссионные операции были сосредоточены в Английском банке и строго отделены от обычных банковских операций; сумма выпускаемых банкнот, не обеспеченных запасами золота и серебра в подвалах банка, не должна была превышать 14 млн ф. ст.

Законы Пилля в общем упорядочили банкнотное обращение в Англии, но в моменты кризисов они обостряли нужду в средствах обращения, так как Английский банк не имел права выпускать не покрытые золотом банкноты сверх указанной суммы. Благодаря этому в моменты кризисов усиливалась паника, грозившая внести серьезное расстройство в хозяйственную жизнь. Поэтому правительство во время кризисов 1847, 1857 и 1866 гг. вынуждено было временно приостанавливать действие закона Пилля, т. е. временно разрешало Английскому банку выпускать не покрытые золотом банкноты в количестве, требуемом товарным обращением и превышающем сумму в 14 млн ф. ст.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абстрактно-всеобщий труд (Abstrakt allgemeine Arbeit) — см. *Труд*.

Абстрактное (Abstrakt) — см. *Абстракция*.

Абстракция (Abstraktion). — Абстракция имеет смысл, поскольку она действительно выделяет общее и фиксирует его, 53. Общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является весьма расчлененным и содержит в себе различные определения, 53. Общие условия производства как абстрактные моменты, 56. Путь апалпза есть переход исследования от конкретного к все более простым понятиям, 69. Синтез есть путь исследования от абстрактных понятий к более конкретным, 70. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, 70. Наиболее всеобъемлющие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития, 74.

Австралия. — Влияние открытия калифорнийских и австралийских рудников на денежное обращение в Голландии, 174. Открытие золота, 174, 227.

Азия. — Сокровища царей и жрецов, 176. Предметы роскоши в роли сокровища, 204. Серебро как покупательное средство, 220. Соотношение стоимости золота и серебра, 226. Спрос на серебро, 227. Завоевание Римом, 230.

Азиатский способ производства — см. *Общество*.

Акционерное общество (Aktiengesellschaft). — Акционерное общество в эпоху раннего капитализма, 78.

Америка. — Применение рабского труда в Южной Америке, 67. Наиболее развитая форма буржуазного общества, 74. Сравнительное состояние образования в Соединенных Штатах и в Европе, 80. Быстрое развитие буржуазного хозяйства, 122. Счетные деньги до конца XVIII века, 140. Война Испании с ее американскими колониями, 204. Потребление предметов роскоши, 205. Серебро как покупательное средство, 220. Влияние открытия американских рудников на стоимость золота, 227, 231. Банкноты в английских колониях Северной Америки, 239. Война за независимость, 239.

Амстердам. — Банкные деньги, 147, 148.

Анализ (Analyse) — см. *Метод*.

Англия. — 89, 164, 199. Крупная земельная собственность, 67. Классическая политическая экономия, 118. Противоположность социального строя Англии и Франции (XVII—XVIII века), 118. Петти о призвании Англии завоевать мировой рынок, 119. Проекты Петти о переселении жителей, 119. Конституционные экономисты об Англии, 120. Петти об Англии эпохи Карла II, 120. Контраст между французской и английской политической экономией, 121. Социалисты-рикардианцы, 129. Монетная система, 136, 133. Масштаб цен, 139, 140. Мюллер о чеканке монет в Англии, 139. Денежное обращение в эпоху Вильгельма Завоевателя, 140. Счетные деньги в Америке и Англии,

140, 141. Монеты в эпоху Вильгельма III, 143, 144. Локк о денежном обращении Англии XVII века, 144. Торговый кризис и проекты денежной реформы, 148. Бумажные деньги, 150. Вадорожание хлеба и увеличение количества обращающихся денег, 172. Уменьшение металлического обращения Англии в 1858 г., 173. Количество разменных монет в 1847—1857 гг., 180. Серебряные деньги предшествовали золотым, 181. Франклип об английских серебряных деньгах, 186. Золотая валюта, 192. Предметы роскоши как сокровище, 204. Потребление предметов роскоши, 206. Деньги как монета и платёжное средство, 212. Рикардо о вывозе золота в 1800—1820 гг., 248. Влияние неурожаев на количество средств обращения, 248. Цены товаров в Англии и на континенте в начале XIX века, 250.

Английский банк. — Полемика о деньгах во время приостановки размена банкнот (1797—1819 гг.), 148, 149. Полемика о разменности банкнот в начале XIX века, 150.

Английская философия — Беркли как представитель мистического идеализма, 145.

Английские экономисты — см. *Экономисты*.

Ангола — 147.

Античное общество — см. *Общество*.

Армия. — Денежное хозяйство в армии в древнем Риме, 73. В армии раньше развились буржуазные экономические отношения, чем внутри буржуазного общества, 79. Отношение между производительными силами и средствами сообщения в армии, 79.

Аскетизм. — Аскетизм и собирание сокровищ, 203.

Ассигнаты — см. *Французская революция*.

Афины — 125.

Африка — 147. Идеальные деньги, 148.

В

Банкноты (Banknoten). — Амстердамские банкноты также имели металлический базис, 147. Необходимость разменности, 150. Условия выдачи банкнот заключают в себе и условия их обратного притока, 170. Приостановка размена английских банкнот и споры начала XIX века, 239. Банкнотное обращение определяется другими законами, чем обращение бумажных денег, 240. Исследования о сущности денег в XIX веке были вызваны явлениями банкнотного обращения, 240. Сторонники currency-theory полагали, что выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов, 256.

Барщина. — В древнем Риме, 73. В феодальном обществе, 97.

Берберия. — Идеальные деньги, 148.

Биметаллизм. — Нарушения в денежном обращении при биметаллизме, 141, 142.

Бирмингемская школа. — Сторонники ее в первой половине XIX века предлагали уменьшить металлическое содержание монет, 149.

Благородные металлы. — Необходимые физические свойства денежного товара, 115, 123. В странах, производящих благородные металлы, определенное рабочее время непосредственно воплощается в определенном количестве этих металлов, 133. В странах, лишенных рудников, благородные металлы приобретаются путем обмена, 133. Ввоз и вывоз золота и серебра в зависимости от колебаний соотношения их стоимости, 142. Отклонение рыночной

цены благородных металлов от их монетной цены, 143. Борьба против вывоза благородных металлов в эпоху раннего капитализма, 197, 198. Высокая оценка роли благородных металлов меркантилистами, 198, 199. Изделия из благородных металлов как особая форма сокровища, 203, 204. Колебания в размерах потребления благородных металлов, как предметов роскоши, зависят от прогресса богатства, а не от колебаний стоимости золота, 204. Влияние войны американских колоний с Испанией на производство благородных металлов за время с 1810 по 1830 г., 204. Примеры возросшего потребления благородных металлов, как предметов роскоши, при уменьшении общего размера их производства, 205, 206. Влияние войны и мира на размеры потребления благородных металлов как предметов роскоши, 205, 206. Размеры потребления благородных металлов, как предметов роскоши, в начале XIX века, 205. Золотые и серебряные товары составляют капал для отлива и прилива благородных металлов из сферы обращения, 206. Изменение стоимости золота и серебра не отражается на их функции меры стоимости или счетных денег, 217. Изменение стоимости золота и серебра отражается на деньгах как платежном средстве, 217. Падение стоимости благородных металлов выгодно должникам, возрастание же их стоимости выгодно кредиторам, 218. Изменение стоимости золота и серебра отражается на деньгах как сокровище, 217. Благородные металлы являются международным покупательным средством для стран, производящих золото и серебро, 220. Двойное движение благородных металлов: 1) из одной страны в другую и обратно; 2) из мест их производства в другие страны, 220. Золото и серебро в местах своего производства вступают в обращение как товар, 220. Благородные металлы, получаемые страной, частью входят в обращение, частью образуют резервные фонды монеты, платежных средств и мировых денег, частью становятся сокровищем или превращаются в предметы роскоши, 220. Стимулирующее влияние благородных металлов на мировую торговлю, 222. Благородные металлы благодаря своим природным свойствам не так необходимы для процесса производства, как другие металлы, 224. Благородные металлы не являются необходимыми, как предметы потребления, 224. Эстетические свойства благородных металлов делают их формой богатства, 224. Способность благородных металлов принимать любую форму (монета, слитки, предметы роскоши и т. д.), 225. Золото и серебро не являются от природы деньгами, но деньги — по природе золото и серебро, 225. Золото и серебро имеют более постоянную величину стоимости, чем другие товары, 226. Изменение стоимости благородных металлов объясняется изменением количества рабочего времени, необходимого для их производства, 226. Важность колебаний в соотношении стоимости золота и серебра, 226. Рабочее время, необходимое для производства благородных металлов, зависит от относительной их редкости и от трудности их добывания, 226. Несмотря на меньшую абсолютную редкость серебра, его первоначальная стоимость была относительно выше, чем стоимость золота, 226. По мере развития производительных сил общества стоимость серебра падает по отношению к стоимости золота, 226. Влияние открытия новых рудников на стоимость благородных металлов, 226. Цифры колебаний стоимости золота и серебра, 227. Влияние увеличения благородных металлов на движение товарных цен, 230, 231. Металлическое обращение находит свой корректив в импорте и экспорте благородных металлов, 256.

Богатство (Reichtum). — Мануфактурная или коммерческая система источником богатства считала деятельность, производящую деньги, 73. Меркантилисты определяют богатство объективно, как вещи в денежной форме,

73, 228. Формой труда, создающей богатство, физиократы считали сельское хозяйство, 73. Понятие народного богатства у экономистов XVII и XVIII веков, 78. Богатство буржуазного общества как скопление товаров, 90. Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, 91. Конкретный труд как источник материального богатства, 100. Золото как материальное бытие абстрактного богатства, 193. Первая натуральная форма богатства заключается в излишке продуктов, которые не составляют непосредственной необходимости, 195. Метаморфоз товара Т—Д может совершаться ради превращения особого натурального богатства в богатство всеобщее и общественное, 196. Деньги как форма абстрактного богатства, 200. В буржуазном обществе богатство необходимо принимает форму одного предмета (золота), 225.

Бытие (Dasein). — Количественное бытие движения есть время, 93. Рабочее время как количественное бытие труда, 93. Рабочее время — живое бытие труда, 93. Бытие товара как непосредственное единство потребительной и меновой стоимости, 117.

Бумажные деньги (Papiergeld). — В акте обращения благородные металлы могут быть замещены знаками, 146, 183. Символ денег, выросший непосредственно из металлического обращения, вначале и сам является также металлом, 182. Бумажные деньги как символ золотых денег, 182, 184. Та часть золота, которая должна постоянно находиться в обращении, может быть заменена знаками, не имеющими стоимости, 182. Три ступени символизации золотых денег: 1) изношенная золотая монета; 2) разменные монеты; 3) бумажные деньги, 182. Величина стоимости, представляемой знаком золота, зависит от стоимости представляемого им количества золота, 183. Знак стоимости есть непосредственно только знак цены, т. е. знак золота, и только посредственно знак стоимости товаров, 184. Определенная вещь становится знаком денежного материала сначала в силу обычая, но утверждается в этой роли лишь благодаря принудительному курсу, 184. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом как законченная форма знака стоимости, 184. Самостоятельное существование денег исключительно как орудия обращения возможно только в сфере внутреннего обращения, 184. Символические деньги возникают из самого процесса обращения, а не благодаря вмешательству государства, 184. Россия как пример естественного происхождения знака стоимости, 185. Древние писатели (Платон и Аристотель) рассматривали монету как знак стоимости, 185. Старые экономисты (Фрапклин, Беркли) о происхождении знака стоимости, 186. Бумажные деньги в древнем Китае, 185, 186. Количество бумажных денег определяется количеством золотых денег, которые они заменяют в обращении, 187. Стоимость бумажных денег зависит от их количества, находящегося в обращении, 187, 190. Бумажные деньги, раз попавшие в обращение, оседают в его каналах, 188. Вне обращения бумажные деньги теряют всякую стоимость — как меновую, так и потребительную, 188. Пределы вмешательства государства в сферу бумажно-денежного обращения, 188. Увеличение количества бумажных денег изменяет название масштаба цен, 188. Зависимость движения товарных цен от количества бумажных денег, 189, 190, 191, 230. Количество золота, представляемое каждым знаком стоимости, зависит от количества этих знаков, находящихся в обращении, 189. Любое количество бумажных денег может быть поглощено процессом обращения, 190. Бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются, 190. В качестве знака стоимости деньги являются простым представителем товарных цен, 192. Законы банкнотного обращения и

законы обращения бумажных денег, 240. Бумажные деньги в конце XVIII и начале XIX века, 240.

Буржуазное общество — см. *Общество*.

В

Величина стоимости (Wertgrösse) — см. *Стоимость*.

Взаимодействие (Wechselwirkung). — Взаимодействие различных способов производства, 66.

Владение (Besitz). — Отношение владения предполагает наличие некоторых более конкретных отношений (семья, отношения господства), 71. Владение как простейшее правовое отношение субъектов, 71.

Восточное общество — см. *Азиатское общество*.

Всеобщее рабочее время (Allgemeine Arbeitszeit) — см. *Рабочее время*.

Всеобщий эквивалент — см. *Деньги*.

Всеобщность (Allgemeinheit). — Форма абстрактной всеобщности труда, 98.

Г

Гамбург. — Торговый кризис 1857—1858 гг., 165.

Гармония интересов. — Экономисты о гармонии социальных отношений, 53.

Географические условия. — Ошибочность объяснения промышленного развития страны ее географическими условиями, 54—55.

Германия. — Земледелие при помощи крепостных у германских варваров, 67. Общинная собственность, 97.

Голландия. — Торговая гегемония в XVIII веке, 119. Петти о завоевании мирового рынка Голландией, 119. Замена золотых денег серебряными, 174. Серебряная валюта, 192.

Государственный кредит. — Связь государственной задолженности с вопросом о выпуске неполноценных монет в Англии конца XVIII века, 141. Связь государственной задолженности Англии с полемикой о денежной реформе в начале XIX века, 148, 149.

Государство. — Право сильного в «правовом государстве», 56. Формы государства могут быть поняты, исходя из материальных условий жизни 86.

Гречия. — Бастия о древних греках, 67. Полное развитие денег наблюдалось только в период разложения, 72. Греческое искусство, 80, 81. Связь греческого искусства и эпоса с общественными формами развития, 80. Платон о деньгах для внешней торговли, 185. Государственная власть собирала сокровища, 196.

Грешама закон. — Исторические иллюстрации закона Грешама, 142.

Д

Денежное обращение (Geldzirkulation). — Движение форм обращающихся товаров кажется собственным движением денег, 168. Товарное обращение как предпосылка денежного обращения, 171.

Денежный капитал (Geldkapital) — см. *Капитал*.

Деньги (Geld).

I. Деньги как экономическая категория. — Деньги

могут существовать, и существовали исторически, раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д., 72. Деньги могут отсутствовать даже там, где имеются высшие хозяйственные формы (напр., в Перу), 72. Полное развитие денег является предпосылкой современного буржуазного общества, 72. Деньги выявляются исторически в полной своей силе только при наиболее развитых общественных отношениях, 73. Деньги представляют собой определенное производственное отношение в форме естественной вещи с определенными свойствами, 98. Общественное производственное отношение представляется в виде предмета, находящегося вне индивидов, 114. Деньги как новая определенность формы по сравнению с товаром, 114. Деньги—экономическая категория, а не материальное орудие, 116. И в добуржуазные эпохи продукт принимал форму товара, а товар — форму денег, 125. Денежная форма представляется обладающею бесконечно многообразным содержанием, которое ей самой чуждо, 130. Невозможность устранить недостатки буржуазного производства при помощи «рациональной денежной системы», 164. Товар становится деньгами как единство мерила стоимости и орудия обращения, 192. Природа не создает денег, 225. Золото и серебро не являются от природы деньгами, но деньги — по природе золото и серебро, 225. Денежное бытие золота и серебра проистекает только из их функций в общественном процессе обмена, 234. Деньги сначала должны рассматриваться в том абстрактном виде, как они развиваются внутри товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, 259.

II. Потребительная стоимость денег (*Gebrauchswert des Geldes*). — Потребительная стоимость золота существует как носитель меновой стоимости, как формальная потребительная стоимость, 157, 196. Для превращения золота в товар не существует никакого качественного предела, но лишь количественный, 159. Потребительную стоимость денег, как средства обращения, является само движение их в обращении, 169. Потребительная стоимость денег реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей, которые составляют эквивалент денег, 193. Деньги удовлетворяют всякой потребности, поскольку они могут быть непосредственно обменены на предмет любой потребности, 193.

III. Н е о б х о д и м о с т ь д е н е г. — Деньги не являются продуктом сознания или соглашения, но созданы инстинктивно в процессе обмена, 115. На известной ступени развития обмена возникает необходимость в полярном разделении определений потребительной и меновой стоимости, 115. Постоянное расширение меновой торговли вызывает необходимость образования денег, 116. Процесс обмена есть одновременно процесс образования денег, 118. Необходимость денег при буржуазном способе производства, 164.

IV. К и с т о р и я д е н е г. — В славянских общинах деньги играют незначительную роль внутри отдельных общин, но встречаются в их сношениях с другими общинами, 72. Вначале роль денег случайно играют товары, обладающие всеобщей потребительной стоимостью, 115. Первыми деньгами внутри общины являются товары, участвующие в меновой торговле между различными общинами, 116. Табак как законная монета, 141. Первоначальной формой орудия обращения был бесформенный сырой металл, 221. Какао как один из видов межобщинских денег, 224.

V. В с е о б щ и й э к в и в а л е н т (*Allgemeiner Äquivalent*). — Рабочее время отдельного лица должно быть выражено во всеобщем эквиваленте, 96. Данный товар находит исчерпывающее выражение как всеобщий эквивалент в сумме всех уравнений обмена, 103. В процессе обмена товар должен

сделаться всеобщим эквивалентом для других товаров, 110. Товар становится всеобщим эквивалентом благодаря тому, что все товары измеряют в нем свою меновую стоимость, 112. Всеобщий эквивалент как непосредственное овеществление всеобщего рабочего времени, 113. Всеобщий эквивалент, помимо своей собственной потребительной стоимости, имеет всеобщую потребительную стоимость, 113. Всеобщая потребительная стоимость всеобщего эквивалента вытекает из социальной, а не естественной природы последнего, 113. Всеобщий эквивалент как разрешение противоречий товара, 113. Все товары выражают свою меновую стоимость в виде идеального уравнения с всеобщим эквивалентом, которое подлежит еще реализации, 113. Потребительная стоимость всеобщего эквивалента имеет формальный характер и реализуется посредством превращения в действительные потребительные стоимости, 114. Золото как всеобщий эквивалент, 131. Действительным всеобщим эквивалентом товары делаются посредством своего отчуждения, 134. Золото является идеальным всеобщим эквивалентом, так как все товары измеряют в нем свою стоимость, 156. В форме золота или всеобщего эквивалента товар может быть представлен в потребительных стоимостях всех других товаров, 159. Золото, как всеобщий эквивалент, обращается на мировом рынке, 178. Золото и серебро становятся всеобщим эквивалентом в той мере, в какой расширяется ряд товаров, на которые они обмениваются, 221.

VI. Ф о р м ы д е н е г. — Необходимость выделения и самостоятельного изучения определенностей формы, присущих самим деньгам и вырастающих непосредственно из обмена товаров, 130. От определенности способа, которым товары друг для друга выражают свою собственную меновую стоимость, зависит определенность формы денег, 135. Обмен товаров происходит в виде перемены форм самого товара, которая кристаллизуется в определенных формах денег, 153—154. Как единство мерила стоимости и орудия обращения, золото имеет самостоятельное существование, отличное от его существования в обеих функциях, 192. Движение товаров, возникающее из противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью, проявляется в обращении денег и кристаллизуется в различных формах денег, 235. Различные функции денег вытекают из различных моментов товарного обмена, 235. Следует различать между абстрактными определенностями формы, которыми деньги обладают в отличие от товара, и теми определенностями формы денег, в которых скрыты более конкретные отношения, напр. капитал, 259.

VII. Д е н ь г и и т о в а р. — В деньгах, по сравнению с товарами, наиболее ярко проявляется овеществление производственных отношений, 114—115. Деньги, как новая определенность формы, по сравнению с товаром, 115. Главная трудность в анализе денег преодолена с того момента, когда понято происхождение их из самого товара, 130. Количество рабочего времени, содержащегося в золоте, выражается в потребительных стоимостях всех товаров, 131. Золото измеряет свою стоимость непосредственно в совокупности товарных эквивалентов, 131. Только посредством раздвоения товара на товар и золото разрешаются противоречия, заключающиеся в процессе обмена товаров, 157. В процессе обращения золото выступает не как простой товар, а как превращенная форма ранее отчужденного товара, т. е. как деньги, 158. В форме золота, или всеобщего эквивалента, товар может быть представлен в потребительных стоимостях всех других товаров, 159. Всеобщим продуктом отчуждения товаров является абсолютно отчуждаемый товар, 160. Противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей буржуазного способа производства, 164. Так как все товары

являются воображаемыми деньгами, то деньги — единственный действительный товар, 193. В функции орудия обращения деньги представляют собой бытие товара в форме, постоянно подлежащей отчуждению, 207. В процессе Т—Д товар, как действительная потребительная стоимость и идеальная меновая стоимость, относится к деньгам, как к действительной меновой стоимости и идеальной потребительной стоимости. 208.

VIII. Деньги и меновая стоимость. — Деньги являются меновой стоимостью товаров в виде особенного, выделенного товара, 114. Деньги — кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемой ими самими в процессе обмена, 114. Чтобы относиться друг к другу как меновые стоимости, товары должны принять новую определенность формы, развиться в виде денег, 114. При выражении меновой стоимости товаров в золоте проявляется: 1) всеобщий характер содержащегося в нем рабочего времени (качественный момент), 2) количество последнего в золотом эквиваленте (количественный момент), 132.

IX. Деньги и труд. — Деньги и труд, определяющий меновую стоимость, находятся во внутренней связи, 123. Вместе с деньгами, как всеобщей формой буржуазного труда, дана возможность развития противоречий последнего, 162. Деньги становятся овеществлением всеобщего рабочего времени, по мере того как расширяется сфера обмена, 221.

X. Деньги и капитал. — Деньги как исходный пункт процесса обращения Д—Т—Д, 191. Смешение денег с капиталом у Тука, Вильсона и Фуллартона, 257, 258. Если капитал экспортируется в форме золота, то это происходит в силу специфического характера благородных металлов, 259.

XI. Деньги и кризисы. — Денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения, 164.

XII. Деньги и богатство. — Золото как материальное бытие абстрактного богатства, 193. Деньги представляют собой форму абстрактного богатства, 200. При потрясениях, нарушающих расчетный механизм, деньги выступают как единственное богатство, 215.

XIII. Денежный товар. — Необходимые физические свойства денежного товара, 115. Для упрощения в качестве денежного товара в исследовании предполагается золото, 130. Товар, являющийся мерою стоимости, должен отличаться однородностью, делимостью, высокой стоимостью, прочностью, 223.

XIV. Идеальные деньги. — Товары в своих ценах только идеально превращаются в золото, 134. При выполнении функции меры стоимости золото является идеальными деньгами, 135, 156. Через посредство продажи идеальные деньги превращаются в действительные деньги, 156.

XV. Экономисты о деньгах. — Иллюзии монетарной системы вытекают из непонимания денег как общественного отношения, 99. Экономисты выводят деньги из внешних трудностей меновой торговли, 116. Иллюзия, будто деньги делают товары соизмеримыми, вытекает из того, что золото является мерою стоимости, 134. Меркантилисты рассматривают деньги как единственное богатство, 228. Меркантилисты смешивали деньги с капиталом, 228. Меркантилисты рассматривают деньги только как сокровище, 229. Классическая школа рассматривала деньги прежде всего как средство обращения, 229, 230. Социалистические деньги Луи Блана, 237.

XVI. Теория денег. — Смешение золота в качестве меры стои-

мости и масштаба цен породило самые нелепые теории, 137. Учение об идеальной мере стоимости возникло в Англии в конце XVII века, 143. Спор Локка с Лаундсом, 143, 144. Учение Атвуда об идеальном характере денег, 149. Poleмика между Пилем и Атвудом в 1840-х гг., 149. Детальное доказательство закона о количестве денег, необходимом для обращения, является заслугой послерикардовской английской политической экономии, 173. Исследователи, изучившие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли посягнуть основных законов денежного обращения, 190, 191. Классическая экономия рассматривала деньги как средство обращения, 229. Классическая экономия рассматривала деньги как монету, а металлическую монету как простой знак стоимости, 230. Для классической экономики цены товаров зависят от количества обращающихся денег, 230. Количественная теория денег у Юма, 230 — 235. Учение Ло и Франклина о дополнительной стоимости, приобретаемой благородными металлами в качестве денег, 234. Теории денег XVIII века как отражение борьбы с монетарной системой, 239. Исследования о сущности денег в XIX веке были вызваны явлениями банкнотного обращения, 239. Английские экономисты 1800—1809 гг. смешивают банкнотное обращение с обращением государственных бумажных денег, 239, 240. Количественная теория денег Рикардо, 240, 250. Сторонники currency-theory полагали, что выпуск банкнот должны регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов, 256. См. имена: Анахарсис, Арбутнот, Аристотель, Атвуд, Еарбот, Беркли, Луи Блан, Блэк, Бозанкет, Брей, Буагильбер, Бейли, Вильсон, Галиани, Гарнье, Годскин, Грей, Дженезви, Клей, Корбет, Ксенофонт, Локк, Люгер, Джеймс Милль, Миссальден, Монтескье, Мюллер, Норманн, Оверстон, Опдайк, Петти, Платон, Рикардо, Сепюр, Адам Смит, Джеймс Стюарт, Томпсон, Торренс, Тук, Форбонне, Франклин, Фуллартон, Шторх, Юм, Эврипид.

Диалектика (Dialektik). — Диалектическое примирение понятий, 58. Диалектика «производительных сил» и «производственных отношений», 79. *Движение* (Bewegung). — Количественное бытие движения есть время, 93.

Е

Евреи. — В эпоху средневековья, 77.

Европа. — Сравнительное состояние образования в Соединенных Штатах и в Европе, 80. Проблема труда как источника богатства в Европе XVIII столетия, 121. Изнашивание денег за 1809—1829 гг., 176, 177. Уменьшение количества монет, 204. Серебро как покупательное средство, 220.

Египет. — Сокровища царей и жрецов, 196. Завоевание Римом, 231.

Единица-мера (Masseinheit). — Техническая необходимость в единице-мере, 136. Определение единицы-меры, 138. Единица денежной меры в Англии, 139. Единица-мера и счетные деньги, 140. Теория идеальной единицы денежной меры, 142. Единица-мера у Стюарта, 147. Единица-мера в период французских ассигнатов, 148. Рабочее время как действительная единица денежной меры, 204. Учение Джона Грея о рабочем времени как непосредственной единице денежной меры, 151.

Единичное (Einzelheit). — Потребление, как единичное, в силлогизме, 57.

Единство (Einheit). — Производство и распределение как моменты единства, 58. Единство и раздвоенность, 59.

Завоевание. — Факты завоевания не устраняют определяющего влияния производства на распределение, 66, 67.

Закон. — Взгляд экономистов на буржуазные отношения как на естественные законы общества, 55. Все исторические различия могут быть погашены в общечеловеческих законах, 55. Общественные законы распределения, 56. Производство определяется, по мнению экономистов, общими законами природы, 57. Законы абстрактного мышления, 72. Закон стоимости, 127.

Закон стоимости (Wertgesetz) — см. *Стоимость*.

Заработная плата (Arbeitslohn). — Отсутствие заработной платы при рабстве, 64. Труд, будучи в производстве наемным трудом, участвует в распределении в форме заработной платы, 64. Учение о наемном труде разрешает кажущееся противоречие между теорией заработной платы и теорией трудовой стоимости, 128.

Запродажа. — В форме запродажи деньги функционируют в виде покупательного средства, 209.

Земледелие. — Земледелие у древних германцев, 67. В буржуазном обществе земледелие целиком подчиняется капиталу, 77. Производительность труда зависит от естественных условий, 102.

Земельная собственность (Grundeigentum). — Крупная земельная собственность как результат современной торговли и современной индустрии, 66. Концентрация крупной земельной собственности в Риме, 66. Крупная земельная собственность в Англии, 67. Раздробление крупной земельной собственности в период Великой французской революции, 67. Коллективная земельная собственность у пастушеских народов, 77.

Золото. — В качестве денежного товара в исследовании предполагается золото, 130. Непосредственное воплощение всеобщего рабочего времени, 131. Всеобщий эквивалент, 131. Количество рабочего времени, содержащегося в золоте, выражается в потребительных стоимостях всех товаров, 131. Мерио стоимости золота становится потому, что все товары измеряют в нем свои меновые стоимости, 132. Как мера стоимости, золото должно представлять стоимость, способную изменяться, 133. На месте производства золота относительная стоимость золота и другого товара выражается в их пропорциях обмена, 133, 158. В товарных ценах собственная стоимость золота уже дана, 133, 158, 171. Изменение цен товаров в зависимости от изменения меновой стоимости золота, 133. Изменение стоимости золота не отражается на его функции масштаба цен, 137. Для превращения товара в счетные деньги необходимо лишь мысленно представленное золото, 140. Золото, выполняющее роль счетных денег, не имеет цены, 141. Золото является идеальным всеобщим эквивалентом, так как все товары измеряют в нем свою стоимость, 156. Формальная потребительная стоимость золота, 157. Золото как всеобщий эквивалент обращается на всемирном рынке, 178. Как мера стоимости, золото является только идеальным золотом, 192. Как средство обращения, золото является символическим золотом, 192. Золото как материальное бытие абстрактного богатства, 193. Влияние открытия калифорнийского золота на мировую торговлю, 222.

И

Идеальные деньги — см. *Деньги*.

Идеология. — Экономической структуре общества соответствуют определенные формы общественного сознания, 87. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание, 87. С изменением экономического основания более или менее быстро или медленно преобразуется и вся огромная надстройка, 87. Материальный переворот в экономических условиях производства и идеологические формы, в которых люди воспринимают этот конфликт, 87. Сознание революционной эпохи должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, 87.

Идентичность (Identität). — Идентичность производства и распределения, 58, 66.

Имманентное мерило (Immanentes Mass). — Рабочее время как имманентное мерило труда, 93, 151.

Индивид. — В «буржуазном обществе» отдельная личность является освобожденной от естественных связей, 51. В буржуазном обществе общественные связи выступают по отношению к отдельной личности как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость, 52. Человек есть животное, которое только в обществе и может обособляться, 52. Если речь идет о производстве, то о производстве индивидов, которые живут в обществе, 52.

Индивидуальное рабочее время (Individuelle Arbeitszeit) — см. *Всобщее рабочее время*.

Индивидуальный труд — см. *Труд*.

Индия. — Англичане навязали индусам свой способ производства, 66. Общинная собственность, 55, 56, 97. Спрос Индии на серебро, 142. Предметы роскоши в роли сокровища, 204. Закупки опиума английским правительством, 209.

Индо-германские языки. — Связь названий благородных металлов с цветовыми отношениями, 225.

Инфляция — см. *Бумажные деньги*.

Ирландия. — Англичане навязали ирландцам свой способ производства, 66. Проект Петти о переселении жителей, 119. Петти в Ирландии, 120.

Искусство. — Предмет искусства создает публику, понимающую искусство, 66. Неравномерное развитие материального производства и искусства, 78. Зависимость развития искусства от развития общества, 79, 80, 81, 82. Классический характер греческого искусства, 80, 81, 82. Связь греческого искусства с мифологией, 80, 81, 82.

Испания. — Меркантилисты, 121. Кортесы против ввоза предметов роскоши, 197, 198. Война с американскими колониями, 204.

Испанские экономисты — см. *Экономисты*.

Историография. — Различные виды изложения истории, 79.

История. — Индивид в ходе исторического развития, 52. Индивид, как переходный пункт истории, в представлении писателей XVIII века, 52. Экономисты о законах производства, не зависящих от истории, 55. Каждая общественная формация рассматривает предыдущую формацию как ступень к самой себе, 76.

Итальянские экономисты — см. *Экономисты*.

К

Калифорния. — Открытие золота, 174, 227.

Капитал.

I. К а п и т а л (Kapital). — Экономисты о капитале как вечном естественном отношении, 53. Ошибочность определения капитала как вечного естественного отношения, 53. Двойкий смысл понятия капитала: 1) как агента производства, 2) как источника дохода, 63. Процент, как форма распределения, предполагает капитал как агент производства, 63. Прибыль, как форма распределения, предполагает капитал как агент производства, 63. Капитал в средние века, 77. В буржуазном обществе земледелие подпадает под господство капитала, 77. Земельная рента не может быть полята без капитала, но капитал может быть понят без ренты, 77. Капитал как господствующая экономическая сила буржуазного общества, 77. Капитал как высшая экономическая категория по сравнению с деньгами, 99. Иллюзии современных экономистов вытекают из непонимания капитала как общественного отношения, 99. Исследования о капитале разрешает вопрос, почему меновая стоимость труда меньше меновой стоимости его продукта, 129. Начальным и конечным пунктом Д—Т—Д являются деньги, 191. В Д—Т—Д товар является посредником при превращении денег в деньги, 191. Купить для того, чтобы продать (Д—Т—Д) представляет собой господствующую форму буржуазного производства, 191, 192. Полюсы Д—Т—Д одинаковы качественно, но различны количественно, 192. Обращение Д—Т—Д скрывает под формами денег и товара более развитые, а именно капиталистические производственные отношения, 192. Меркантилисты смешивали деньги с капиталом, 228. Различие между денежной и товарной формами капитала, 258. При экспорте капитала от общей конъюнктуры зависит, будет ли он экспортирован в форме товара или золота. 259. Если капитал экспортируется в форме золота, то это происходит в силу специфического характера благородных металлов как денег, 259. Характер золота как денег, а не как капитала, делает его платежным средством, 259. Капитал по сравнению с деньгами представляет собой более конкретные отношения, 259. Отличие денег от капитала, 259. Смещение денег с капиталом у Тука, Фуллартона и Вильсона, 259.

II. Д е н е ж н ы й к а п и т а л (Geldkapital). — Денежный капитал в древнем мире, 78. Капитал в денежной и товарной форме, 257, 258, 259.

III. Т о р г о в ы й к а п и т а л (Handelskapital). — Торговый капитал в древнем мире, 78.

Карфаген. — Карфагеняне как торговый народ, 77. Серебряные рудники, 227.

Категория (Kategorie). — Всем эпохам производства свойственны некоторые общие определения, 53. Одни определения относятся ко всем эпохам, другие — общи лишь некоторым, 53. За сходством экономических явлений не следует забывать их различия, 53. Простейшая экономическая категория не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного целого, 70. Простейшие категории являются выражением условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, 71, 72. Конкретная категория, по сравнению с простейшей, является идеальным выражением более многостороннего отношения, 72. Развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение, 72. Простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной, но в своем полном развитии она может встречаться только в развитых

общественных формах, 73. Конкретная категория иногда является совершенно развитой и в менее развитых общественных формах, 73. Абстрактные категории, хотя имеют силу для всех эпох, являются продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их, 75. Категории буржуазного производства позволяют нам проникнуть также в строение и производственные отношения отживших общественных форм, 75. Категории буржуазной экономики могут встречаться в других общественных формах лишь в существенно измененном виде, 75, 76. Буржуазное общество как предпосылка всех экономических категорий, 76. Категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны современного буржуазного общества, 76. Группировка экономических категорий определяется не тем порядком, в каком они исторически играли решающую роль, 77. Порядок категорий определяется их группировкой в рамках современного буржуазного общества, 77. Последовательность категорий при изложении политической экономики, 78. У Стюарта смешение абстрактных категорий политической экономики с их вещественным содержанием, 124.

Кельты. — Общинная собственность, 56, 97.

Китай. — Серебро как мера цен, 140. Спрос Китая на серебро, 142. Бумажные деньги, 186. Меновая торговля китайцев с русскими, 220. Соотношение стоимости золота и серебра, 226.

Класс. — Капитал, земельная собственность, наемный труд как экономические условия жизни трех больших классов современного буржуазного общества, 85.

Классическая политическая экономия. — Классическая экономия понимала деньги как средство обращения, 229, 230. Классическая экономия придерживалась количественной теории денег, 230. Классическая экономия начинается в Англии с Петти и завершается Рикардо, 118. Классическая экономия начинается во Франции с Буагильбера и завершается Сисмонди, 118. Анализ, который сводит товар к двойственной форме труда, является результатом исследований классической политической экономики, 118.

Количество средств обращения — см. *Средство обращения*.

Количественная теория денег — см. *Деньги (теория денег)*.

Конкретное. — Путь анализа есть переход исследования от конкретного к все более простым понятиям, 69. Синтез есть путь исследования от абстрактных понятий к более конкретным, 70. Конкретное заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии, 70. В мышлении конкретное выступает как результат, хотя оно является исходным пунктом в действительности. 70. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, 70.

Конкретный труд (Konkrete Arbeit) — см. *Труд*.

Конкуренция. — Учение о конкуренции разрешает вопрос, каким образом на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена, 129.

Конъюнктура — см. *Кризис*.

Кортесы. — Протест против ввоза предметов роскоши, 197, 198.

Космополитизм. — Специфическая идеология товарно-капиталистического общества, 222.

Кредит (Kredit). — В периоды расширенного кредита быстрота оборота денег увеличивается скорее, чем возрастают цены товаров; при ослаблении

кредита цены товаров понижаются медленнее, чем уменьшается быстрота обращения, 173. При продаже в кредит продавец и покупатель становятся кредитором и должником, 209. При продаже в кредит деньги функционируют прежде всего как мерило стоимости, 210. При продаже в кредит цена товара есть не только идеальное мерило стоимости, но и мерило обязательства покупателя, 210. Продажи в кредит вырастают естественным образом из простого обращения товара, 212. Отношения кредитора и должника составляют естественное основание кредитной системы, 212. Отношения кредитора и должника могут вполне развиваться прежде, чем возникает кредитная система, 212. Влияние кризиса на кредитную систему, 216. Кризисы наступают только при развитом кредите, 255.

Кредитные деньги (Kreditgeld). — Кредитные деньги принадлежат к высшей стадии процесса производства, а не к простой товарной, 130. Кредитные деньги, по сравнению с бумажными, принадлежат к высшей сфере общественного процесса производства и регулируются совершенно другими законами, чем бумажные деньги, 184.

Кризис. — Наличие торговли и промышленности как неизбежное условие торговых и промышленных кризисов, 148. Отсутствие у берберов кризисов ошибочно объясняли идеальной единицею их денежной системы, 148. Разделение в меновом процессе покупки и продажи представляет собой всеобщую возможность торговых кризисов, 163—164. Денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения, 164. Джемс Милль о равновесии между покупателями и продавцами, 164, 165. Учение Джемса Милля о невозможности кризисов, 164, 165. Увеличение количества средств обращения при всеобщем понижении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен представляет одно из наиболее точно констатированных явлений в истории товарных цен, 173. В периоды расширенного кредита быстрота оборота денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров; при ослаблении кредита цены товаров понижаются медленнее, чем уменьшается быстрота обращения, 173. Разница между покупательным и платежным средством сильно проявляется в эпоху торговых кризисов, 210. При потрясениях, нарушающих расчетный механизм, деньги превращаются из формы идеальных денег в действительное платежное средство, 215. В периоды денежных кризисов деньги выступают как единственное богатство, 215. Обесценение товаров во время кризиса, 216. Денежный кризис как особый момент кризиса, 216. Влияние кризиса на кредитную систему, 216. Торговые кризисы как разрешение противоречий всех элементов буржуазного производства, 254. Денежное обращение как самая поверхностная и абстрактная сфера торгового кризиса, 254. Экономисты объясняли большие кризисы 1825 и 1836 гг. процессами, происходившими в сфере денежного обращения, 254. Наиболее всеобщее явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, следующее за их всеобщим повышением, 255. Всеобщее изменение товарных цен не может быть объяснено изменением относительной стоимости денег по сравнению с другими товарами, 255. Кризисы наступают только при развитом кредите, 255. Кризис 1857 г., 256. Влияние конъюнктуры на форму экспортируемого капитала, 259. К истории теории кризисов см. имена: Мальтус, Джемс Милль, Рикардо, Сисмонди, Сайт, Шторх.

Кристаллизация. — Товары как кристаллизация одного и того же единства, 92. Кристаллизация различных определений всеобщего эквивалента, 118. Кристаллизация буржуазного производства в виде фетиша, 225. Различ-

ные определенности формы денег как кристаллизация противоречия между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, 236.

Кругооборот (Kreislauf). — Кругооборот Т—Д—Т представляет собой единство продажи и купли, 154. Результатом кругооборота Т—Д—Т является действительный обмен веществ, 154. Процессу обращения *свойственны две различные формы кругооборота:* Т—Д—Т и Д—Т—Д, 154.

I. Кругооборот Т—Д—Т (Kreislauf W—G—W). — В результате Т—Д товар находится в форме, всегда пригодной для обмена: поэтому существование товара в виде денег образует известный период в движении товарной формы, 158. В распадения актов покупки и продажи проявляется всеобщий характер труда, определяющего меновую стоимость, 158. В обращении Т—Д—Т товар проходит целый ряд метаморфоз, 159. В движении Т—Д товар своим отчуждением как потребительная стоимость реализует свою собственную цену и потребительную стоимость чужих денег, 159. В движении Д—Т товар своим отчуждением как меновая стоимость реализует свою собственную потребительную стоимость и цену другого товара, 159. Продажа и покупка могут быть временно и пространственно отделены друг от друга, 161. Кругооборот Т—Д—Т может быть, с абстрактно логической точки зрения, сведен к силлогизму О—В—Е, 162. Результатом Т—Д—Т является обмен веществ Т—Т, 163, 191. Т—Д—Т представляет собой не только единство покупки и продажи, но и их разделение, 163, 195. В Т—Д—Т деньги являются посредником при обмене товаров, 191. В форме Т—Д—Т оба полюса составляют товары, имеющие меновую стоимость одинаковой величины, но качественно различные потребительные стоимости, 191.

II. Кругооборот Д—Т—Д (Kreislauf G—W—G). — В Д—Т—Д товар является посредником для превращения денег в деньги, 191. Полюсы Д—Т—Д одинаковы качественно, но различны количественно, 192. Обращение Д—Т—Д скрывает под формами денег и товара более развитые а именно капиталистические производственные отношения, 192.

Клята. — Меновая торговля, 203.

Л

Лондон. — Торговый кризис 1857—1858 гг., 165.

Ломбардия. — Ломбарды в эпоху средневековья, 78.

М

Македония. — Завоевание Римом, 231.

Масштаб цен (Masstab der Preise). — Техническая необходимость в масштабе цен, 136. Первоначально масштаб цен являлись общепринятые меры веса металлов, 136. С установлением масштаба цен товары относятся друг к другу как одноименные величины, измеряемые в золоте, 137. Различия между мерою стоимости и масштаб цен, 137. Масштаб цен золото является как определенное весовое количество металла, 137. Необходимость в масштабе цен породила иллюзии фиксированной стоимости золота, 137. Меновые стоимости товаров превращаются в цены еще до того, как золото развивается в масштаб цен, 137. Изменение стоимости золота не отражается на его функции масштаба цен, 137. В ходе исторического развития одно и то же денежное название сохранялось для уменьшающегося веса благородных металлов, 138. Масштаб цен имеет условный характер и устанавли-

вается государственною властью, 138. На мировом рынке национальные денежные меры уступают место общим мерам веса металлов, 139. Функция масштаба цен придает деньгам характер счетных денег, 140. Попущение металлического содержания монет изменяет масштаб цен, 178. Название масштаба цен может быть изменено либо прямым путем, либо косвенно — через увеличение количества бумажных денег, 188, 189.

Машина. — Применение машин изменяет распределение как орудий производства, так и продуктов, 66. В армии машины раньше развились, чем внутри буржуазного общества, 79.

Материализация (Materialisierung). — Товары как материализация общественного труда, 92. Всеобщий эквивалент как материализация всеобщего рабочего времени, 115.

Материализм. — Отношение к натуралистическому материализму, 79.

Меновая стоимость (Tauschwert) — см. *Стоимость*.

Мера стоимости (Mass der Werte). — Каждый товар выражает свою стоимость в потребительных стоимостях всех других товаров и одновременно является общим мерилем стоимости последних, 104. Товары прежде всего создают для себя форму, в которой они идеально являются друг для друга как меновые стоимости, 130, 131. Вначале только определение золота, как меры стоимости, и делает золото деньгами, 132. Мерию стоимости золото становится потому, что все товары измеряют в нем свои меновые стоимости, 132. Действительною мерюю стоимости является сам труд, 133. Как мера стоимости, золото должно представлять стоимость, способную изменяться, 133. Изменение стоимости золота не мешает ему выполнять функцию меры стоимости, 133. При выполнении функции меры стоимости золото является идеальными деньгами, 134, 135, 156. В существовании золота, как меры стоимости, в скрытом виде заключаются противоречия товара, 136. Товары в своих пенах являются мысленно представляемыми количествами золота, 136. Социалисты-утописты предлагали уничтожить деньги как меру стоимости, 136. За невидимую мерюю стоимости скрываются реальные деньги, 136. Отличие меры стоимости от масштаба цен, 137. Мериюю стоимости золото является как овеществленное рабочее время, 137. Мериюю стоимости золото является потому, что его стоимость может изменяться, 137. Тенденция к закреплению функции меры стоимости за одним металлом, 142. Нарушение в денежном обращении при наличии двух металлов, выполняющих функцию меры стоимости, 142. С изменением меры стоимости изменяются цены товаров, 174, 230. Как мера стоимости, золото всегда является полновесным, так как оно служит только как идеальное золото, 178. Как мера стоимости, золото является только идеальным золотом, 192. Изменение стоимости золота и серебра не отражается на их функции мериле стоимости или счетных денег, 217. Первоначальными мерами стоимости являлись меры веса благородных металлов, 218. Во внутреннем обращении страны мерилем стоимости служит только один товар, 219. На мировом рынке существует двойная мера стоимости (золото и серебро), 219.

Меркантилизм. — Меркантилисты определяют богатство объективно, как вещи в денежной форме, 73. Мануфактурная или коммерческая система источником богатства считала деятельность, производящую деньги, 73. Иллюзии меркантилистов вытекают из непонимания денег как общественного отношения, 99. Протест против вывоза благородных металлов, 198, 199. Высокая оценка роли благородных металлов, 199. Деньги как единственное богатство, 228, 234. Мировая торговля как единственный источник

богатства, 228. В эпоху меркантилизма ббльшая часть национального производства находилась в феодальных формах, 228. В эпоху меркантилизма только сфера товарного обращения приняла уже буржуазный характер, 228. Меркантилисты рассматривали буржуазное производство с точки зрения сферы обращения, 228. Меркантилисты смешивали деньги с капиталом, 228. Ошибочная оценка меркантилистической системы современными экономистами, 228. Меркантилистическая система имела значение не только для своей эпохи, но отчасти сохраняет его и в развитом капитализме, 228. Меркантилисты рассматривают деньги только как сокровище, 229.

Металлическое обращение. — Золото обращается потому, что имеет стоимость, 190. Обращение товаров может поглотить только определенное количество золотых монет, 190. Необходимость переменного сокращения и расширения количества обращающихся металлических денег, 190. Металлическое обращение существовало еще до возникновения буржуазного производства, 223. Металлическое обращение находит свой корректив в импорте и экспорте благородных металлов, 255, 256.

Метаморфоз (Metamorphose). — Обращение Т—Д—Т представляет ряд метаморфозов, которые проходит каждый единичный товар, 155, 160, 161. Крутооборот Т—Д—Т представляет собой полный метаморфоз единичного товара и одновременно сумму односторонних метаморфозов других товаров, 155. Превращение какого-нибудь товара в деньги предполагает, что какой-то другой товар превратился уже в деньги, 157. Первый метаморфоз какого-нибудь товара является в то же время вторым метаморфозом какого-либо другого товара, 160—161. Полный метаморфоз единичного товара является членом целой цепи метаморфозов, 160. В часто повторяющейся перемене места денег проявляется сцепление товарных метаморфозов, 167.

Метод. — Путь анализа есть переход исследования от конкретного к все более простым понятиям, 70. Синтез есть путь исследования от абстрактных понятий к более конкретным, 70. Политическая экономия на первых стадиях развития применяла путь анализа, 70. Экономисты XVII века всегда начинают с конкретного целого и путем анализа выделяют некоторые абстрактные общие отношения, 70. Наиболее правильным в научном отношении является метод, представляющий собой единство анализа и синтеза, 70. Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, 70. При теоретическом методе политической экономии субъект, т. е. общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка, 71. Категории буржуазного производства позволяют нам проникнуть также в строение и производственные отношения отживших общественных форм, 75, 76.

Мировые деньги. — Золото, как мировые деньги, функционирует как всеобщий эквивалент, 218. На мировом рынке счетные названия денег превращаются в соответственные названия веса, 219. Благородный металл как мировая монета в форме слитка, 219. На мировом рынке существует двойная мера стоимости (золото и серебро), 219. Благородные металлы являются международным покупательным средством для стран, производящих золото и серебро, 219, 220. Благородные металлы функционируют как международное покупательное средство, когда нарушается обычное равновесие обмена между двумя народами, 220. Чем более развивается обмен между различными странами, тем более развивается функция мировых денег как платежного средства, 220. Резервный фонд мировых денег, 220. Двойное движение благородных металлов: 1) из одной страны в другую и обратно, 2) из мест их

производства в другие страны, 220. В мировых деньгах золото и серебро получают форму универсального товара, 221. Мировые деньги являются превращенной формой товаров мирового обращения, 221. Мировые деньги являются одновременно и продуктом всеобщего товарного обращения, и средством расширения его границ, 221, 222. Роль золота, как международного средства обмена, вытекает не из его определенности формы в качестве капитала, а из его специфической функции денег, 259.

Мировой рынок. — На мировом рынке национальные денежные меры уступают место общим мерам веса металлов, 139. В мировом обращении товары универсально развивают свою собственную меновую стоимость, 221. Мировые деньги являются одновременно и продуктом всеобщего товарного обращения, и средством расширения его границ, 221, 222.

Мифология. — Мифология и греческое искусство, 80.

Монголы. — Нашествие монголов на Россию, 66.

Монета (Münze).

I. М о н е т а в о о б щ е.—Спор Локка с Лаундсом о допустимости уменьшения металлического содержания монет, 143. Золото в своей функции средства обращения становится монетой, 175. Монетами являются кусочки золота с обозначением, 175. Сфера, в которой деньги обращаются как монета, ограничивается пределами определенного государства, 175. Примеры стирания монет, 175. В процессе обращения монета стирается и приобретает частью идеальный характер, 175, 180. С понижением металлического содержания денег полновесные монеты превращаются в слитки, 178. Английский закон об изъятии из обращения неполновесных монет, 179. Уменьшение веса монет вследствие стирания может иметь своим следствием изменение масштаба цен, 179. Функция монеты может выполняться несколькими металлами, 179. Возрастание товарных цен отставало от степени уменьшения металлического содержания монет (пример — история порчи монет в Англии и Франции), 189. Порча монеты препятствует ее функции орудия обращения, 190. Смит о постоянном превращении денег в монету и монеты в слитки, 195. Деньги, как монета, функционируют преимущественно в розничной торговле, 212. Первоначально монетная форма была только официальным знаком веса, заключенного в кусках металла, 218.

II. Р а з м е н н а я м о н е т а (Scheidemünze).—Необходимость образования (символических серебряных или медных) разменных денег, 179, 180. Серебряное и медное содержание разменных монет произвольно устанавливается законом, 179. Серебряные и медные монеты должны выпускаться только в таких количествах, в каких обращались бы представляемые ими мелкие доли золотой монеты, 180. Статистические данные о количестве разменных монет в Англии в 1847—1857 гг., 180. Ограничение платежной функции разменных монет определенной суммой, 180, 181. Скопление разменных монет в руках торговцев в результате чрезмерного выпуска их, 181. Стирание разменных монет, 181. Для разменных монет степень утраты ими металла не имеет значения, 181. Существование серебряных, медных и т. д. монет объясняется тем, что эти металлы служили деньгами раньше, чем золото, 181.

III. М о н е т н ы й р е з е р в (Münzreserv). — Необходимость образования монетных резервов, 195. Монетный резерв как деньги, временно находящиеся вне обращения, 195, 207. Монетный резерв представляет собой составную часть общей суммы денег, находящихся в обращении, 206. Сокровище не надо смешивать с монетным резервом, 206.

IV. М о н е т н а я ц е н а (Münzpreis). — Монетную цену золота на-

зывают его счетные названия, 141. Иллюзия о постоянстве цены золота, 141. Определение мощной цены золота и техническая операция чеканки являются делом государства, 175. С уменьшением металлического содержания денег рыночная цена золота становится выше его монетной цены, 178.

V. П о р ч а м о н е т ы. — Порча монеты государями и фальшивомонетчиками от начала средних веков до XVIII века, 1.8.

Монетарная система (Monetarsystem) — см. *Меркантилизм*.

Мышление. — Фиксация мышлением общих определений, 56. Конкретное в мышлении, 70. Законы абстрактного мышления, 72.

И

Накопление. — Накопление богатств в форме собирания сокровищ имеет место только в сфере простого обращения, 201.

Натурализм. — «Общественный договор» Руссо и натурализм, 51.

Наемный труд (Lohnarbeit). — Труд, будучи в производстве наемным трудом, участвует в распределении в форме заработной платы, 63, 64. В армии раньше развились известные экономические отношения (наемный труд, применение машин), чем внутри буржуазного общества, 79. Учение о наемном труде разрешает кажущееся противоречие между теорией заработной платы и теорией трудовой стоимости, 128. Меновая стоимость труда меньше меновой стоимости его продукта, 129.

На натуральный обмен. — Непосредственная меновая торговля как превращение потребительных стоимостей в товары, 107. В непосредственной меновой торговле меновая стоимость не получает никакой самостоятельной формы, 115. При натуральном обмене производство направлено на потребительную стоимость, а не на меновую, 115, 116.

Натуральное хозяйство. — Натуральные подати и повинности в древнем Риме, 72, 73. Натуральное хозяйство в патриархальной семье, 97. Натуральное хозяйство в феодальном обществе, 97. Натуральное хозяйство античного домашнего производства, 101. Вытеснение натуральных платежей деньгами, 213. Натуральное хозяйство в эпоху меркантилизма, 228.

Наука. — Историческое развитие наук приводит к их действительной исходной точке только через множество перекрещивающихся и обходных путей, 124.

Необходимое рабочее время — см. *Рабочее время*.

Необходимость (Notwendigkeit). — Общественные связи как внешняя необходимость, 52. Метафизическая необходимость равновесия между покупателями и продавцами, 164. Обмен является для товарладельцев внешней необходимостью, 168. Для должника продажа товара является необходимостью, 211.

Немецкие экономисты — см. *Экономисты*.

Неурожай. — В Англии 1800—1820 гг., 248. Влияние на количество средств обращения, 248.

О

Объект (Objekt). — Природа — объект хозяйства, 53.

Объективизация (Objektivierung). — В производстве личность объективируется, 57.

Обмен (Austausch). — Ошибочность общепринятого деления политической экономии по отдельным рубрикам (производство, распределение, обмен

и потребление), 56, 57, 58. Обмен заключен в производстве как один из его моментов, 67. Обмен продуктов, поскольку он является средством для производства готового продукта, является актом, входящим в производство, 68. Обмен во всех своих моментах или заключен в производстве, или определяется этим последним, 68. Взаимный обмен между производителями по своей организации всецело определяется производством, 68. Обмен представляет собою деятельность, входящую в производство, 68. Частный обмен предполагает частное производство, 68. Интенсивность обмена и его форма определяются развитием и структурой производства, 68. Процесс обмена товаров появляется первоначально на границах естественно выросших общин, 71, 72, 73, 125, 129. Процесс обмена есть общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивиды как владельцы товаров, 106. Действительное отношение товаров друг к другу—это процесс их обмена, 106. Процесс обмена как одновременное развитие и разрешение противоречий товара, 109. Постепенное расширение меновой торговли вызывает необходимость образования денег, 115, 116. Постепенное расширение меновой торговли развивает товар как меновую стоимость, 116. Обмен товаров включает в себя обмен веществ и установление определенных производственных отношений людей, 117, 118. Процесс обмена есть одновременно процесс образования денег, 118. Разделение труда возможно без частного обмена, 126. Частный обмен предполагает разделение труда, 68, 126. Определенные социальные характеры покупателя и продавца вытекают из меновых отношений между людьми, 162, 163. На первой ступени производства излишек продуктов, которые не являются непосредственной необходимостью, составляет сферу обмена товаров, 195, 196.

Оброк. — В древнем Риме, 72, 73.

Общее. — Производство как общее в силлогизме, 57. Общее, выделенное путем сравнения, само является расчлененным и содержит в себе различные определения, 53. Абстракция выдвигает общее, 53.

Общественный труд (Gesellschaftliche Arbeit) — см. *Труд*.

Общественно-необходимый труд (Gesellschaftlich notwendige Arbeit)— см. *Труд*.

Общество.

I. Общество вообще.—Обособление индивида возможно только в обществе, 52. Под производством понимается производство индивидов, живущих в обществе, 52, 53. Общество как субъект производства, 54. Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы внутри определенной общественной формы и посредством ее, 55. Общество как предпосылка экономического исследования, 70, 71. Различные формы общества отличаются преобладанием той или иной отрасли производства, 76. Экономическая структура общества как совокупность производственных отношений, 86, 87. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она представляет достаточно простора, 87. Азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства как прогрессивные эпохи экономической формации общества, 87.

II. Буржуазное общество. — Развитие буржуазного общества в XVI—XVIII столетиях, 51. Отдельная личность является освобожденной от естественных связей, 51. Общественные связи выступают по отношению к отдельной личности как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость, 52. Буржуазное общество как эпоха наиболее развитых общественных связей, 52, 75. Буржуазная экономика дает нам ключ к антич-

ной экономике, 75. В буржуазном обществе отношения предшествующих формаций сохраняются в выродившемся или замаскированном виде, 75. Буржуазный способ производства как прогрессивная эпоха экономической формации общества, 87. Буржуазные производственные отношения как последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, 87. Развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают материальные условия для решения антагонизмов этой формации, 88. Товар, как элементарная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежат только периоду буржуазного производства, 125. Внутренний характер буржуазной экономики не похож на поверхность ее явлений, 127. Все буржуазные отношения выступают как денежные отношения, 130. В противоположности между покупателями и продавцами антагонистическая природа буржуазного производства выражена поверхностно и формально, 162, 163. Противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей буржуазного способа производства, 164. Вместе с деньгами, как всеобщей формой буржуазного труда, дана возможность развития противоречий последнего, 165. Купить для того, чтобы продать (Д—Т—Д), представляет собой господствующую форму буржуазного производства, 191, 192.

III. Д о к а п и т а л и с т и ч е с к о е о б щ е с т в о. — В докапиталистические эпохи человеческая личность представляла собой составную часть некоторого ограниченного человеческого коллектива, 51. И в добуржуазные эпохи продукт принимал форму товара, а товар—форму денег, 125. Противоположность между покупателем и продавцом присуща также добуржуазным формам производства, 163.

IV. Ф е о д а л ь н о е о б щ е с т в о. — Буржуазная экономия достигла понимания *феодалного*, античного и восточного обществ лишь тогда, когда началась самокритика буржуазного общества, 76. Неправильность критики феодального общества буржуазными экономистами, 76. Промышленность организована по тому же типу, как и землевладение, 77. Феодальное общество как прогрессивная эпоха экономической формации общества, 87.

V. А н т и ч н о е о б щ е с т в о. — Буржуазная экономия достигла понимания феодального, *античного* и восточного обществ лишь тогда, когда началась самокритика буржуазного общества, 75. Буржуазная экономика дает нам ключ к античной экономике, 75. Промышленность организована по тому же типу, как и землевладение, 75. Античный способ производства как прогрессивная эпоха экономической формации общества, 87. Отсутствие меновой стоимости в античном производстве, 101.

VI. А з и а т с к и й с п о с о б п р о и з в о д с т в а. — Буржуазная экономия достигла понимания феодального, античного и *восточного* обществ лишь тогда, когда началась самокритика буржуазного общества, 75. Азиатский способ производства как прогрессивная эпоха экономической формации общества, 87.

Община (Gemeinde). — Общинная собственность как первоначальная форма собственности, 55, 56, 97. В славянских общинах деньги употреблялись не внутри отдельных общин, но в сношениях их с другими общинами, 72. Процесс обмена товаров появляется первоначально на границах естественно выросших общин, а не внутри общины, 72, 116, 219. Общинная собственность встречается в буржуазном обществе в выродившемся виде, 75. Общинная собственность как универсальная форма землевладения на ранних ступенях развития, 97, 98. Общественный характер труда в первобытной общине,

97. Первыми деньгами внутри общины являются товары, участвующие в меновой торговле между различными общинами, 116.

Определение (Bestimmung). — Всем эпохам производства свойственны некоторые общие определения, 53. Определения, приложимые к производству вообще, 53. Общее как единство различных определений, 53. Общие условия всякого производства как простые определения, 54. Конкретное как единство множества определений, 70. Конкретное как единство многочисленных определений и отношений, 70. Абстрактное определение, 70. Простейшие определения, 70.

Определенность формы (Formbestimmtheit). — При переходе продуктов от производителя к потребителю исчезает та определенность формы, которая характеризовала их как товары, 107. В отношении товаров друг к другу, как потребительных стоимостей, они не получают никакой новой экономической определенности формы, 107. Чтобы относиться друг к другу как меновые стоимости, товары должны принять новую определенность формы, развиться в виде денег, 114. Необходимо выделения и самостоятельного изучения определенностей формы, присущих самим деньгам и вырастающих непосредственно из обмена товаров, 130. От определенного способа, которым товары выражают друг для друга свою собственную меновую стоимость, зависит определенность формы денег, 135. Золото, как мера стоимости и как масштаб цен, обладает различными определенностями формы, 157. Средство обращения как определенность формы денег, 169. Изменение формы денег с изменением общественной роли товаровладельцев, 207. Различные формы денег являются только кристаллизованной переменной формы самих товаров, а эта последняя — только вещественным выражением изменяющихся общественных отношений людей, 208. Определенности формы денег являются только развитием определений, заключенных в метаморфозе товаров, 208.

Органическая связь. — Буржуазные экономисты заменяют органическую связь явлений рассудочною, 53.

Особенное. — Распределение и обмен как особенное в силлогизме, 57.

Отношение (Beziehung). — Абстрактные общие отношения, 69, 70. Конкретное как единство многочисленных определений и отношений, 69. Абстрактное, одностороннее отношение, 70. Развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение, 72.

Относительная стоимость (Relativer Wert) — см. *Стоимость*.

II

Парижский мир. — Возобновление размена банкнот после Парижского мира, 148. Потребление благородных металлов в Англии со времени Парижского мира, 204.

Пастушеские народы. — У пастушеских народов земельная собственность является коллективной, 70.

Патриархальная семья. — Общественный характер труда в патриархальной деревенской промышленности, 92.

Персонификация (Personifizierung). — Покупатель и продавец как персонификация различных товаров, 162. В процессе обращения покупатель и продавец выступают как персонификация вещей, владельцами которых они являются, 162.

Пору. — Наличие влисых хозяйственных форм (сотрудничество) при отсутствии денег, 72. Наличие развитого разделения труда при отсутствии обмена, 126.

Платежное средство (Zahlungsmittel). — При продаже в кредит продавец действительно отчуждает товар, но реализует его цену только в идее, 208. При покупке в кредит покупатель покупает только как представитель будущих денег, тогда как продавец продает как владелец наличного товара, 209. При продаже в кредит продавец и покупатель становятся кредитором и должником, 209. При покупке в кредит деньги функционируют прежде всего как мерило стоимости, 210. При продаже в кредит цена товара есть не только идеальное мерило стоимости, но и мерило обязательства покупателя. 210. При продаже в кредит деньги функционируют как мера стоимости и как идеальное покупательное платежное средство, 210. При продаже в кредит с наступлением срока платежа деньги вступают в обращение в функции всеобщего платежного средства, 210. В функции платежного средства деньги вступают в обращение как абсолютный товар, 210. Разница между покупательным и платежным средством сильно проявляется в эпохи торговых кризисов, 210. Чтобы быть в состоянии уплатить в срок, производитель должен сначала продать товар, 210. При покупке в кредит деньги не являются посредствующей формой товарного обращения, но его конечным результатом, 211. Продажи в кредит вырастают естественным образом из простого обращения товаров, 211. С развитием капитализма функция платежного средства приобретает преобладающее значение, 212. В оптовой торговле деньги являются преимущественно платежным средством, 212. Вытеснение натуральных платежей денежными, 213. Степень развития платежной функции денег указывает на степень развития меновых отношений, 213. Количество денег, обращающихся как платежное средство, определяется прежде всего суммой цен товаров, проданных в кредит, 173, 213. Быстрота оборота денег, как платежного средства, зависит: 1) от сцепления отношений кредитора и должника между владельцами товаров, 2) от промежутков времени, отделяющих различные сроки уплат, 213. Сумма денег, необходимых как платежное средство, определяется большей или меньшей концентрацией расплат, 214. Поскольку расплаты взаимно погашаются, деньги функционируют только в форме меры стоимости, идеальных счетных денег, 215. Противоречие платежного средства: с одной стороны, деньги — абсолютный товар, с другой, — при выравнивании платежей — деньги имеют идеальный характер, 215. При потрясениях, нарушающих расчетный механизм, деньги превращаются из формы идеальных денег в действительное платежное средство, 215. Необходимость образования резервного фонда платежных средств, 216. В развитом буржуазном обществе резервные фонды платежных средств ограничиваются минимумом, 216. Изменение стоимости золота и серебра отражается на деньгах как платежном средстве, 217. Падение стоимости благородных металлов выгодно должникам, возрастание же их стоимости выгодно кредиторам, 218. Характер золота как денег, а не как капитала, делает его платежным средством, 259.

Покупательное средство (Kaufmittel). — В покупке и в продаже деньги являются всегда в виде покупательного средства, 166. Деньги, как средство обращения, являются всегда покупательным средством, 207. Разница между покупательным и платежным средством сильно проявляется в эпохи торговых кризисов, 210.

Покупка — см. Продажа.

Политика. — Экономическая структура общества в качестве реального основания, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, 86.

Политическая экономия. — Материальное производство, как предмет исследования, 51. Индивиды, производящие в обществе, — отправной пункт

исследования, 51. Темой исследования является определенная историческая эпоха, современное буржуазное производство, 53. Политическая экономия — не технология, 54. Ошибочность общепринятого изложения политической экономии по отдельным рубрикам (производство, распределение и т. д.), 54, 55, 56, 57, 58. Потребление лежит вне экономики, 57. Политическая экономия на первых стадиях развития применяла путь анализа, 70. Буржуазная экономия достигла понимания феодального, античного и восточного общества лишь тогда, когда началась самокритика буржуазного общества, 76. Буржуазное общество как предпосылка всех экономических категорий, 76. Последовательность категорий при изложении политической экономии, 78, 79. Порядок изложения политической экономии, 85. Политическая экономия как анатомия гражданского общества, 86. Потребительная стоимость, как таковая, находится вне области исследования политической экономии, 91. Политическая арифметика Петти как первая форма, в которой политическая экономия выделилась как самостоятельная наука, 119. Определение меновой стоимости рабочим временем как основной закон современной политической экономии, 122. Детальное доказательство закона о количестве денег, необходимом для обращения, является заслугой послерикардовской английской политической экономии, 173.

Понятие (Begriff). — Диалектическое примирение понятий, 58. Конкретная совокупность не является продуктом саморазвивающегося понятия, 71. Конкретная совокупность как переработка созерцаний и представлений в понятия, 71.

Порча монеты — см. *Монета*.

Потребительная стоимость (Gebrauchswert) — см. *Стоимость*.

Потребительная стоимость денег — см. *Деньги*.

Потребление (Konsumption). — Ошибочность общепринятого деления политической экономии по отдельным рубрикам (производство, распределение, обмен и потребление), 56, 57, 53. Потребление лежит вне экономики, 57, 58. Производство есть непосредственно также и потребление, 53. Производство есть потребление рабочей силы, средств производства и сырого материала, 58. Экономисты о соотношении между производством и потреблением, 58. Потребление продуктов есть непосредственно также и производство рабочей силы, 58—59. Продукт, в отличие от простого предмета природы, становится продуктом только в потреблении, 59. Потребление создает производство в двойном отношении: 1) в потреблении продукт становится действительно продуктом; 2) потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, 59, 60. Потребление воспроизводит потребность, 60. Потребление создает предмет производства как потребность, как импульс и как цель, 60. Производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, 60, 61. Производство создает материал как внешний предмет потребления; потребление создает потребность как цель для производства, 61. Потребление завершает акт производства, придавая продукту законченность, 62. Производство создает потребление, порождая определенный способ потребления, 62. Потребление является моментом самого производства, 63. Потребительная стоимость реализуется только в процессе потребления, 90. Переход товаров из сферы обращения в сферу потребления, 155, 153.

Потребность (Bedürfnis). — Потребление воспроизводит потребность, 60. Производство создает самую способность потребления как потребность, как побудительный мотив, 61. Каждый товар, как потребительная стоимость, имеет отношение к особенной потребности, 107, 193. Как потребительные

стоимости, товары могут обмениваться только вследствие своего отношения к особым потребностям, 108, 109. Многосторонность потребностей отдельного товаропроизводителя находится в обратном отношении к односторонности его продукта, 160.

Право. — Каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, 56. Право сильного в «правовом государстве», 56. Владение как простейшее правовое отношение субъекта, 71. Неравномерное развитие производственных отношений и правовых отношений, 80. Римское право и буржуазное производство, 80. Правовые отношения могут быть поняты, исходя из материальных условий жизни, 86. Имущественные отношения как юридическое выражение производственных отношений, 87. Экономическая структура общества как реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, 87.

Прага. — Золотоискатели, 225.

Прибавочная стоимость (Mehrwert). — Для физиократов центральным был вопрос о том, какой труд создает прибавочную стоимость, 123, 124.

Прибыль (Profit). — Прибыль как момент производства самого капитала, 63. Прибыль, как форма распределения, предполагает капитал, как агент производства, 63. Прибыль — форма воспроизводства капитала, 63.

Природа. — Законы производства, как вечные законы природы, в представлении экономистов, 55. Природа участвует в производстве потребительной стоимости, но не стоимости, 100. Зависимость производительной силы труда от естественных условий, 102.

Продажа. — Кругооборот Т—Д—Т как единство продажи и покупки, 154. Через посредство продажи товар из золота, мысленно представленного, превращается в золото реальное, 155. Продажа необходимо представляет собой свою противоположность — покупку, 157. Как продажа является одновременно покупкою, так покупка есть одновременно и продажа, 160. Продажа и покупка могут быть временно и пространственно отделены друг от друга, 161. Продавец и покупатель как персонализация различных товаров, 162. Определенные социальные характеры покупателя и продавца вытекают из меновых отношений между людьми, 162. Покупатель и продавец вступают в меновое отношение лишь постольку, поскольку их индивидуальный труд превращается в деньги, 162. Экономические буржуазные характеры покупателя и продавца как исторические категории, 162. В противоположности между покупателями и продавцами антагонистическая природа буржуазного производства выражена поверхностно и формально, 162, 163. Противоположность между покупателем и продавцом присуща также добуржуазным формам общества, 163. Каждый производитель является одновременно продавцом одного товара и покупателем многих товаров, 194. Продавец, отчуждая товар как потребительную стоимость, реализует меновую стоимость товара и потребительную стоимость денег, 208. Покупатель, отчуждая деньги как меновую стоимость, реализует потребительную стоимость денег и цену товара, 208.

Производительный труд — 61.

Производительная сила труда. — Производительная сила труда в обрабатывающей промышленности, в земледелии и добывающей промышленности, 102. Меновая стоимость товара изменяется в обратной зависимости от изменения производительной силы труда, 102. Зависимость производительной силы труда от естественных условий, 102. С изменением производительной силы реального труда одинаковое рабочее время реализуется в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей, 133.

Производительные силы (Produktivkräfte). — Диалектика производительных сил и производственных отношений, 79. Производственные отношения соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил, 86. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, 87. Влияние развития производительных сил на меновые стоимости различных товаров, 102. Разделение труда как производительная сила, 118.

Производственное отношение (Produktionsverhältnis). — История производственных отношений в представлении Кэри, 53. Диалектика производительных сил и производственных отношений, 79. Производные, позаимствованные производственные отношения, 79. В общественном производстве люди вступают в известные необходимые производственные отношения, 86. Производственные отношения соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил, 86. Высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах старого общества не созреют материальные условия их существования, 87. Потребительная стоимость сама по себе не выражает никакого общественного производственного отношения, 91. Меновая стоимость представляет собой определенное экономическое отношение, 92. В товарном обществе отношение лиц в процессе их труда представляется скорее как отношение, в котором находятся вещи друг к другу и к лицам, 98, 114. Отношение товаров, как меновых стоимостей, есть не что иное, как отношение лиц в их производительной деятельности друг для друга, 98. Усложнение фетишизма в высших производственных отношениях, 98. Деньги представляют собой определенное производственное отношение в форме естественной вещи с определенными свойствами, 98. В товарном обществе общественное производственное отношение принимает форму вещи, 98. В руках производителя продукт становится носителем экономического отношения, 107. Общественное производственное отношение представляется в виде предмета, находящегося вне индивидов, 114.

Производство (Produktion). — Под производством понимается производство индивидов, живущих в обществе, 52. Производство вообще, это — абстракция, имеющая смысл, поскольку она фиксирует общие признаки, 53. Не существует общего производства, производство всегда представляет собой особую отрасль производства, 54. Ошибочность противопоставления производства распределению, 55. Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы внутри определенной общественной формы и посредством нее, 55. Нарушения в производстве в переходные эпохи от одних общественных отношений к другим, 53. Ошибочность общепринятого деления политической экономии по отдельным рубрикам (производство, распределение, обмен и потребление), 56, 57, 58. Производство есть непосредственно также и потребление, 58. Производство есть потребление рабочей силы, средств производства и сырого материала, 58. Экономисты о соотношении между производством и потреблением, 58. Потребление продуктов есть непосредственно также и производство рабочей силы, 58, 59. Потребление создает производство в двояком отношении: 1) в потреблении продукт становится действительным продуктом; 2) потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, 59, 60. Производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, 61. Производство порождает предмет потребления, способ потребления и импульс потребления, 61. Производство создает материал как внешний предмет для потребления;

потребление создает потребность как цель для производства, 61. Производство создает потребление, порождая определенный способ потребления, 61. Производство создает самое способность потребления как потребность, как побудительный мотив, 61. Потребление является моментом самого производства, 63. Ошибочность трактовки соотношения между производством и распределением в политической экономии, 62, 63. Отношения и способы распределения являются лишь оборотной стороной агентов производства, 64. Система распределения вполне определяется системой производства, 64. Распределение орудий производства и распределение членов общества по различным отраслям производства: 1) включено в самый процесс производства и обуславливает его организацию; 2) определяет распределение продуктов, 65. Производство, рассматриваемое независимо от заключающегося в нем распределения, является пустой абстракцией, 65. Ложность взгляда экономистов на производство как на историческую, а на распределение как на историческую категорию, 65. Условия и предпосылки производства являются моментами самого производства, 65. Факты завоеваний не устраняют определяющего влияния производства на распределение, 66, 67. Производство как целостный процесс, включающий в себя также распределение, обмен и потребление, и производство как один из моментов этого процесса, 67, 68, 69.

Промышленность. — В античном обществе промышленность организована по тому же типу, как и землевладение, 77. В феодальном обществе промышленность организована по тому же типу, как и землевладение, 77. Применение труда, 102.

Противоположность (Gegensatz). — Производство и потребление как противоположности, 58. Противоположность между потребительной и меновой стоимостью, 157. Противоположность между покупателем и продавцом в буржуазных обществах, 163. Противоположность между товаром и деньгами, как абстрактная форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде, 164. Полярная противоположность товара и денег, 208.

Противоречие (Widerspruch). — Противоречие между развитием искусства и общим развитием общества, 80. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями, 80. Идеология и противоречия материальной жизни, 87. Во всеобщем эквиваленте разрешается противоречие товарной формы, 113. Противоречие, которое скрыто в бытии товара, 117. Меновая стоимость как скрытое противоречие между конкретным и абстрактным трудом, 152. Противоречия процесса обмена товаров, 153. Разрешение противоречия товарной формы, 153. Вместе с деньгами дана возможность развития противоречий буржуазного труда, 165. Противоречие между золотом как монетой и золотом как масштаб цен, 178. Противоречие не между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, 235.

Процент (Zins). — Процент как момент производства самого капитала, 63. Процент — форма воспроизводства капитала, 63. Процент, как форма распределения, предполагает капитал как агент производства, 63.

Пруссия. — Бумажные деньги, 150.

Пуританизм. — Пуританизм и собирание сокровищ, 203.

Р

Рабство — 14. Отсутствие заработной платы при рабстве, 64. Рабство возможно только при известных условиях производства, 67.

Рабочее время (Arbeitszeit).

1. *Рабочее время.* — Рабочее время как количественное бытие

труда, 93. Рабочее время безразлично к форме, содержанию, индивидуальности труда, 93. Единственным различием труда, при данном его качестве является его продолжительность, 93. Рабочее время как имманентное мерило труда, 93. Рабочее время как субстанция меновой стоимости, 93. Рабочее время измеряет определенную величину стоимости товара, 93. Приведение всех товаров к рабочему времени как действительный факт, 94.

II. Индивидуальное рабочее время (Individuelle Arbeitszeit) — см. *Всеобщее рабочее время*.

III. Всеобщее рабочее время (Allgemeine Arbeitszeit). — Рабочее время отдельного индивида выступает непосредственно как всеобщее рабочее время, 96. Товар в своем непосредственном виде представляет собой только овеществленное индивидуальное, а не всеобщее рабочее время, 108. Каждый товар есть тот товар, который должен явиться как непосредственное воплощение всеобщего рабочего времени, 110. Индивидуальное рабочее время может быть представлено, как всеобщее рабочее время, посредством приравнивания данного товара к всеобщему эквиваленту, 111. Всеобщее рабочее время представляется в виде особенной вещи, товара, существующего рядом с другими товарами, 113. Золото как воплощение всеобщего рабочего времени, 131. Всеобщее рабочее время допускает только количественные различия, 223.

IV. Необходимое рабочее время (Notwendige Arbeitszeit). — Необходимым называется рабочее время, требующееся для производства товара при данных общепринятых условиях производства, 95. Рабочее время, выраженное в меновой стоимости, есть необходимое рабочее время, 95.

Равновесие (Gleichgewicht). — Буагильбер о естественном равновесии товарного обмена, 120. Метафизическая необходимость равновесия между покупателями и продавцами, 164. Метафизическое равновесие между покупками и продажами, 165. Равновесие обмена веществ между двумя нациями, 220. Равновесие в международном обращении денег, 246.

Развитие (Entwicklung). — Развитие выделяет различия в общем и сходном, 53.

Разделение труда (Teilung der Arbeit). — Разделение труда как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, 117. Товарное обращение предполагает развитое разделение труда, 117, 160. Разделение труда как производительная сила, 118. Частный обмен предполагает разделение труда, 125. Разделение труда возможно без частного обмена, 126. Товар, как развитая меновая стоимость, предполагает фактически развитое разделение труда, 154.

Различие (Unterschied). — Все исторические различия могут быть погашены в общечеловеческих законах, 54, 55. Реальное различие производительных сил и производственных отношений, 79. Меновые стоимости как количественные различия овеществленного в них труда, 92, 93. Всеобщий эквивалент представляет чисто количественные различия, 115. Кристаллизация различных определений всеобщего эквивалента, 118. Способность всеобщего эквивалента представлять чисто количественные различия, 223.

Разменная монета — см. *Монета*.

Раса — 80.

Распределение (Distribution). — Ошибочность обычной трактовки соотношения между производством и распределением, 55, 62. 63. Ошибочность общепринятого деления политической экономии по отдельным рубрикам (производство, распределение, обмен и потребление), 56, 57, 58. При помощи

общественных законов распределение определяет долю производителя в мире продуктов, 63. Отношения и способы распределения являются лишь оборотной стороной агентов производства, 64. Система распределения вполне определяется системой производства, 64. По отношению к отдельному индивиду распределение выступает как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, 64. Распределение как предэкономический факт, 64. Распределение в поверхностном понимании представляется как распределение продуктов, 65. Прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства, 2) распределение членов общества по различным родам производства, 65. Распределение орудий производства и распределение членов общества по различным отраслям производства: 1) включено в самый процесс производства и обуславливает его организацию, 2) определяет распределение продуктов, 65. Производство, рассматриваемое независимо от заключающегося в нем распределения, является пустой абстракцией, 65. Ложность взгляда экономистов на производство как на историческую, а на распределение — как на историческую категорию, 65. Факты завоеваний не устраняют определяющего влияния производства на распределение, 66, 67.

Расчетная палата.—В древнем Риме, 214, 215. Условия возникновения, 214, 215.

Рассудок.—Рассудочная связь понятий буржуазных экономистов, 55, 56.

Революция социальная.—Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развиваются все производительные силы, для которых она предоставляет достаточно простора, 87. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, 87. Материальный переворот в экономических условиях производства и идеологические формы, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт, 87. Высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах старого общества не созреют материальные условия их существования, 87.

Редкость благ.—Какущееся определение меновой стоимости продуктов их редкостью, 101, 102.

Религия.—Критика католицизма протестантами, 75. Критика язычества христианами, 75. Христианская религия достигла объективного понимания прежней мифологии лишь тогда, когда ее самокритика была до известной степени готова, 75. Протестантизм и собирание сокровищ, 203. Пуританизм и собирание сокровищ, 203. Аскетизм и собирание сокровищ, 203.

Рента.—Рента как доля общественного продукта, 55. Земельная рента, как форма распределения, предполагает крупную земельную собственность в качестве агента производства, 64. Оброк и десятина могут быть понятия, если мы знаем земельную ренту, однако нельзя их отождествлять с последней, 76. Ошибочно начинать политическую экономию с земельной ренты, 76. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал может быть понят без ренты, 77. Учение о земельной ренте разрешит вопрос о меновой стоимости земли, 129.

Рим—126, 127, 128, 129. Бастия о римлянах, 67. Полное развитие денег наблюдалось только в период разложения, 72. Денежное хозяйство было вполне развито только в армии, 73. Натуральный характер податей и повинностей, 73. Земледелие как базис общества, 76. Общинная собственность, 97. Медные деньги в древнем Риме, 182. Государственная власть собирала сокровища, 196. Расчетная палата, 214. Соотношение стоимости золота и серебра, 227. Повышение цен в древнем Риме, 231.

Робинзонада. — Производство обособленных личностей вне общества — бессмыслица, 52. См. имена: Бастна, Прудон, Рикардо, Адам Смит.

Род. — Связь индивида с родом, 52.

Роскошь (Luxus). — Борьба против роскоши в эпоху раннего капитализма, 197, 198.

Россия. — Набеги монголов на Россию, 66. Труд у русских, 74. Общинная собственность, 57. Деньги из кожи и меди, 184. Закупки иностранными купцами сельскохозяйственных продуктов, 209.

С

Семья. — Связь индивида с семьей, 52. Патриархальная семья, 97.

Сибирь. — Серебро как мера цен, 140.

Силлогизм (Schlussform). — Производство, распределение, обмен, потребление образуют силлогизм, 57. Кругооборот Т—Д—Т может быть сведен к силлогизму О—В—Е, 162.

Синтез (Synthese) — см. *Метод*.

Скупость. — Скупость как характерная черта собирателя сокровищ, 197, 203.

Славянская община — см. *Община*.

Сложный труд (Komplizierte Arbeit) — см. *Труд*.

Случайность — 80. Случайный характер распределения по учению экономистов, 57.

Совокупность (Totalität). — Производство как совокупность всех отраслей производства, 54. Население как богатая совокупность, 70. Конкретная совокупность не является продуктом саморазвивающегося понятия, 70. Конкретная совокупность как переработка созерцаний и представлений в понятия, 70. Конкретная совокупность как продукт мышления, 71. Совокупность действительных видов труда, 73. Разделение труда как совокупность особых видов производительной деятельности, 117.

Сокровище (Schatz). — Собрание сокровищ покоится на обособлении акта Т—Д, который не переходит в Д—Т, 194, 207. Чтобы иметь возможность покупать, не продавая, данное лицо должно раньше продавать, не покупая, 194. По окончании продажи Т—Д одна часть Д обращается как монета, тогда как другая часть находится в покое как деньги, 195. Золото и серебро, приведенные в неподвижное состояние в качестве денег, представляют собой сокровище, 196. Сокровище у древних народов, 196. Постоянная продажа является первым условием образования сокровищ, 197. Благодаря тому, что владелец товара может удерживать у себя, как сокровище, деньги, вырученные от продажи, обмен товаров становится самостоятельным мотивом обращения, 197. Собиратель сокровища должен как можно больше продавать и как можно меньше покупать, 197. Закапывание сокровищ в землю в докапиталистических обществах, 200. Во время общественных потрясений закапывание сокровищ имеет место даже в развитом буржуазном обществе, 200. Количественная ограниченность меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности, 200. Собрание сокровищ не имеет никакой меры, по является бесконечным процессом, 201. Сокровище собирается посредством извлечения денег из обращения и накопления, 201. Накопление богатств в форме собрания сокровищ имеет место только в сфере простого обращения, 201. Собрание денег для денег как варварская форма производства для производства, 203. Чем менее развито товарное производство, тем значительнее собрание сокровищ, 203, 216. Протестантизм и собрание сокровищ, 203.

Пуританизм и собирание сокровищ, 203. Аскетизм и собирание сокровищ, 203. В буржуазной экономике собирание сокровищ является служебной функцией механизма производства в его целом, 203. Изделия из благородных металлов как особая форма сокровища, 203, 204. В неразвитых обществах предметы роскоши из золота и серебра служат сокровищем, 203, 204. Отношение количества обращающихся денег, находящихся в стране, может изменяться лишь при паличии сокровища, 206. Сокровища являются каналами прилива и отлива обращающихся денег, 205. Раздробленность сокровищ в неразвитых обществах и концентрация их в развитом буржуазном обществе. 206. Сокровище не надо смешивать с монетным резервом. 206. Переливы денег из сокровища в сферу обращения и обратно, 206. В функции сокровища деньги выступают в форме отчужденного, обособленного бытия всех товаров, 207. В функции сокровища деньги выступают как абсолютный товар вне сферы обращения, 210. Сокровища как резервный фонд платежных средств, 216. Изменение стоимости золота и серебра отражается на деньгах как сокровище, 217. В развитом буржуазном производстве собирание сокровищ ограничивается минимумом, 221.

Социализм утопический. — Английские социалисты обратили формулу трудовой стоимости Рикардо против буржуазного общества, 128. Утописты, желающие сохранить товарное производство без денег, вполне последовательны в своем «упычтожении» денег как меры стоимости, 136. Невозможность устранить недостатки буржуазного производства при помощи «рациональной денежной системы», 164.

Сравнение (Vergleichung). — Общее, выделенное путем сравнения, 53.

Средние века (Mittelalter). — Земледельческий характер капитала в средние века, 77. Евреи в средние века, 78. Ломбардцы в средние века, 78. Общественный характер труда в средние века, 97. Барщина и оброк, 97.

Средство обращения (Zirkulationsmittel).

I. Средство обращения как определенность формы. — Средство обращения как посредник обмена веществ T—T, 163. В часто повторяющейся перемене места денег проявляется сцепление товарных метаморфозов, 167. Средство обращения как определенность формы денег, 169. Деньги приводят в обращение товары, пмеющие цену, 171. Монета представляет только преходящую денежную форму товаров, 183. Золото, как монета, может в этой функции заменяться знаком золота, 183. Порча монеты препятствует ее функции орудия обращения, 190. Золото, как средство обращения, является символическим золотом, 190. В функции орудия обращения деньги представляют собой бытие товара в форме, постоянно пригодной для отчуждения, 207. Деньги, как средство обращения, являются всегда покупательным средством, 207. Когда деньги служат средством обращения, товар и деньги противопоставляются друг другу одновременно, 207.

II. Количество средств обращения. — Количество денег, потребное для процесса обращения, определяется: 1) суммой цен товаров, 2) средним числом оборотов монеты, 170, 171, 172. Количество золота, находящегося в обращении, зависит от цен товаров, 170, 171, 173, 187, 190, 220, 221. Сумма товарных цен, подлежащих реализации, определяется: 1) уровнем цен, 2) количеством обращающихся товаров, 171. Быстрота оборота денег возмещает их количество только до известного предела, 172. Увеличение количества средств обращения при всеобщем понижении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен представляет одно из наиболее точно констатированных явлений в истории товарных цен, 172. В периоды расширенного кредита быстрота оборота

денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров; при ослаблении кредита цены товаров понижаются медленнее, чем уменьшается быстрота оборота денег, 173. Условия, определяющие количество обращающихся денег, лежат вне сферы самого денежного обращения, 173. Уровень цен не зависит от количества денег, находящихся в обращении, 173. Если быстрота оборота денег дана, то количество средств обращения определяется ценами товаров, 173. Количество денег, обращающихся в данной стране на протяжении продолжительных периодов, остается постоянным, 174. Количество обращающегося золота зависит от его собственной стоимости, 174, 186, 190. Масса металлических средств обращения должна обладать способностью к сокращению и расширению, 174, 190. Масса находящихся в обращении монет никогда не падает ниже определенного минимума, 182. Всегда обращается только такое количество денег, которое необходимо для удовлетворения потребностей обращения, 190, 205, 225, 229. Сокровища являются каналами прилива и отлива обращающихся денег, 205. Изменение количества обращающихся денег возможно лишь при наличии сокровища, 205. Общее количество денег, существующих в данной стране, находится в изменяющемся отношении к сумме денег, находящихся в обращении, 206. Видоизменение закона о количестве денег, необходимых для обращения, благодаря обращению платежных средств, 217. При исследовании отношения между количеством орудий обращения и движением цен товаров стоимость денежного материала должна быть принята за данную, 230.

III. О б о р о т д е н е г (Umlauf des Geldes). — Товар и деньги совершают движение в противоположных направлениях, 166. Движение форм обращающихся товаров кажется собственным движением денег, 167, 168. Обращение денег как вечная форма производственных отношений товарладельцев, 168. В денежном обращении отражается произвольное распадение дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза, 169. Одна и та же монета совершает большее или меньшее число оборотов, 169, 170. Быстрота обращения денег определяется средней быстротой, с которой товары пробегают различные фазы своих метаморфозов, 170. Быстрота оборота денег возмещает их количество только до известного предела, 172. Причины, вызывающие изменение быстроты оборота денег, находятся вне сферы самого денежного обращения, 172, 173.

Средства сообщения (Verkehrsverhältnisse). — Отношение между производительными силами и средствами сообщения в армии, 79. Средства сообщения, 79.

Стоимость (Wert).

I. Потребительная стоимость (Gebrauchswert). — Бытие товара, как потребительной стоимости, совпадает с его естественным существованием, 90. Потребительная стоимость реализуется только в процессе потребления, 90, 169, 196. Качественное и количественное определение потребительной стоимости, 90, 91. Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание, 90. Потребительные стоимости находятся между собой в общественной связи, 91. Потребительная стоимость сама по себе не выражает никакого общественного производственного отношения, 91. Потребительная стоимость, как таковая, находится вне области исследования политической экономии, 91. Потребительная стоимость принадлежит к области исследования политической экономии только тогда, когда она сама есть определение формы, 91. Немецкие экономисты о «потребительной стоимости», 91. Потребительная стоимость как материальная основа меновой стоимости, 91, 92. Различие потребительных

стоимостей отражает различие производительных деятельностей, 92. Различные потребительные стоимости—результат индивидуально различных работ, 93. Конкретный труд как труд, создающий потребительные стоимости, 100. Потребительная стоимость как результат полезного труда, 100. Потребительная стоимость как результат взаимодействия труда и природы, 100. Для своего владельца товар не является потребительной стоимостью, а лишь средством обмена, 106. Для своего владельца товар есть потребительная стоимость лишь постольку, поскольку он является меновой стоимостью, 106. Товар должен стать потребительной стоимостью для своего владельца, 107. Чтобы сделаться потребительной стоимостью, товар должен противостоять определенной потребности, 107. Товар становится потребительной стоимостью лишь посредством своего перехода из рук продавца в руки покупателя, 107. В отношении товаров друг к другу, как потребительных стоимостей, они не получают никакой новой экономической определенности формы, 107. Потребитель относится к продукту, как к потребительной стоимости, 107, 108. Реализация товара, как потребительной стоимости, предполагает реализацию его как меновой стоимости, а реализация последней, в свою очередь, предполагает реализацию первой, 108. Как потребительные стоимости, товары могут обмениваться только вследствие своего отношения к собственным потребностям, 108. Отчуждение товара, как потребительной стоимости, предполагает его бытие в качестве меновой стоимости, 109, 110. Всеобщая потребительная стоимость всеобщего эквивалента вытекает из социальной, а не естественной природы последнего, 113. Потребительная стоимость всеобщего эквивалента имеет формальный характер и реализуется посредством превращения в действительные потребительные стоимости, 113, 114. Товары, как потребительные стоимости, относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, 114. Товар, как действительная потребительная стоимость, переходит из сферы обращения в сферу потребления, 155. Если данная вещь не превращается в деньги, то она перестает быть не только товаром, но и продуктом, 155. Противоположность между потребительной стоимостью и меновой разделяется полярным образом между обоими членами Т—Д, 157.

II. Меновая стоимость (Tauschwert).—Меновая стоимость как простейшая экономическая категория, 70. Меновая стоимость, рассматриваемая как категория, существует и в докапиталистическом хозяйстве, 70, 71. Потребительная стоимость как материальная основа меновой стоимости, 91. Меновая стоимость представляет собой определенное экономическое отношение, 91. Меновая стоимость представляется прежде всего в виде количественного отношения двух потребительных стоимостей, 92. В меновом отношении товары выступают как эквиваленты, 92. Товары как выражение одного и того же единства, 92. Абстрактно-всеобщий труд как труд, определяющий меновую стоимость, 93. Абстрактно-всеобщий труд как субстанция меновой стоимости, 93. Меновая стоимость как определенное количество застывшего рабочего времени, 94. Меновая стоимость как отношение между лицами, скрытое под вещной оболочкой, 98. Меновая стоимость представляется свойством, присущим вещам от природы, 98. Меновая стоимость, как взаимное отношение труда отдельных лиц, в качестве равного и всеобщего, 99. Меновая стоимость как вещное выражение специфической общественной формы труда, 99. Абстрактный труд как источник меновой стоимости, 100. Труд, определяющий меновую стоимость является абстрактно-всеобщим и равным трудом, 100. Отсутствие меновой стоимости в античном производстве, 101. Кажущееся определение меновой стоимости продуктов их редкостью, 101, 102. Влияние развития производительных сил на меновые стоимости различных товаров,

103. Меновая стоимость одного товара проявляется в потребительных стоимостях других товаров, 103. Меновая стоимость данного товара реализуется в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей всех других товаров, 104. Меновая стоимость товара представляет собой овеществление всеобщего рабочего времени, 104. Реализованная меновая стоимость товара зависит не только от рабочего времени, непосредственно содержащегося в данном товаре, но и от рабочего времени товаров, на которые он обменивается, 105. Различные случаи изменения пропорции обмена товара А на товар В в зависимости от изменения рабочего времени, содержащегося в каждом из них, 105. Реализация товара, как потребительной стоимости, предполагает реализацию его как меновой стоимости, а реализация последней в свою очередь предполагает реализацию первой, 108. Товар не есть непосредственно меновая стоимость, но он еще должен сделаться таковою, 108. Чтобы проявиться в качестве меновой стоимости, товар должен быть сперва продан в качестве потребительной стоимости, 110. Все товары выражают свою меновую стоимость в виде идеального уравнения со всеобщим эквивалентом, которое подлежит еще реализации, 113. В непосредственной меновой торговле меновая стоимость не получает никакой самостоятельной формы, 115. Развитие меновой стоимости товара идет параллельно с удлинением ряда эквивалентов, в которых она выражается, 116. Постепенное расширение меновой торговли развивает товар как меновую стоимость, 116. Товары всесторонне выражают свои меновые стоимости в золоте, 131. Меновая стоимость как воплощение одинакового однородного рабочего времени, 132. При выражении меновой стоимости товаров в золоте проявляется: 1) всеобщий характер содержащегося в них рабочего времени (качественный момент), 2) количество последнего в их золотом эквиваленте (количественный момент), 132. Чтобы явиться в обращении в виде цен, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями, 132. Отличие меновой стоимости от цены имеет не только номинальный характер, 135. Меновая стоимость товара получает в цене только идеально отличное от самого товара существование, 135. Товар, как развитая меновая стоимость, предполагает фактически развитое разделение труда, 154. Противоположность между потребительной стоимостью и меновой разделяется полярным образом между обоими членами Т—Д, 157. В мировом обращении товары универсально развивают свою собственную меновую стоимость, 222.

III. Относительная стоимость (Relativer Wert). — На месте производства золота относительная стоимость золота и другого товара выражается в их пропорциях обмена, 158. Относительная стоимость товаров никаким образом не определяется их относительными количествами, 235.

IV. Величина стоимости (Wertgrösse). — Величина стоимости товара измеряется рабочим временем, 93. Величина стоимости товара изменяется в обратной зависимости от изменения производительной силы труда, 102. Величина стоимости данного товара не зависит от большего или меньшего числа товаров, в которых она выражается, 104. Величина стоимости товара изменяется в зависимости от количества рабочего времени, непосредственно содержащегося в этом товаре, 104. Товары являются как различные величины стоимости, 130, 131. В том отношении, в котором товары приравниваются к золоту, они приравниваются друг другу, 131.

V. Соизмеримость товаров (Kommensurabilität der Waren). — Иллюзия, будто деньги делают товары соизмеримыми, вытекает из того, что золото является мерой стоимости, 133. Лишь соизмеримость товаров, как овеществления рабочего времени, превращает золото в деньги, 134.

VI. Субстанция (Substanz). — Абстрактно-всеобщий труд как субстанция меновой стоимости, 93. Рабочее время как субстанция меновой стоимости, 93.

VII. Закон стоимости (Wertgesetz). — Закон стоимости для полного своего развития предполагает буржуазное общество, 127.

VIII. Теория стоимости (Werttheorie). — Основные противоречия теории трудовой стоимости в той формулировке, которую ей дала классическая школа, 128, 129. К истории теории стоимости см. имена: Аристотель, Буагильбер, Петти, Рикардо, Сисмонди, Смит А., Франклин В., Штейн Л.

Счетные деньги (Rechengeld). — Функция масштаба денег придает деньгам характер счетных денег, 140. Идеальное превращение товара в счетные деньги происходит всегда, когда любой вид богатства оценивается со стороны его меновой стоимости, 140. Для превращения товара в счетные деньги необходимо лишь мысленно представляемое золото, 140, 232. Для счетных денег безразлично, действительно ли их единицы меры чеканятся в виде монеты или нет, 140. Золото, выполняющее роль счетных денег, не имеет цены, 141. При определении цены золото и серебро функционируют как счетные деньги, 142, 143. Сфера, в которой деньги обращаются как счетные деньги, ограничивается пределами данного государства. 176. Поскольку расплаты взаимно погашаются, деньги функционируют только в форме мерила стоимости, идеальных счетных денег, 215. Изменение стоимости золота и серебра не отражается на их функции мерила стоимости или счетных денег, 217.

Субъект (Subjekt). — Человечество — субъект хозяйства, 53. Общество как субъект производства, 54. В потреблении вещи приобретают субъективные свойства, 57

Т

Теория стоимости — см. *Стоимость*.

Теория денег — см. *Деньги*.

Технология. — Политическая экономия — не технология, 54.

Товар (Ware). — Товар как элементарная форма богатства буржуазного общества, 90, 125. Двойственный характер товара: как потребительной стоимости и меновой стоимости, 90. Товар есть непосредственно единство потребительной и меновой стоимости, 106. Товар является таковым только в отношении к другим товарам, 106. При переходе продуктов от производителя к потребителю исчезает та определенность формы, которая характеризовала их как товары, 107. Товар не есть непосредственно меновая стоимость, но он еще должен сделаться таковою, 108. Процесс обмена как одновременное развитие и разрешение противоречий товара, 109. И в добуржуазные эпохи продукт принимал форму товара, а товар — форму денег, 125. В существовании золота, как меры стоимости, в скрытом виде заключаются противоречия товара, 135, 136. Внутри процесса обмена товары являются друг для друга: 1) реально — как потребительные стоимости, 2) идеально — в цене — как меновые стоимости, 151. Если данная вещь не превращается в деньги, то она перестает быть не только товаром, но и продуктом, 155. В процессе обмена оба противостоящих друг другу товара (товар и золото) представляют собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости, 156. Противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей буржуазного способа производства, 163.

Товарное обращение (Warenzirkulation). — Первый процесс обращения есть идеальный подготовительный процесс к действительному обращению,

130, 131. Обращение есть посредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением — с другой стороны, 67, 63. Товарное обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянное их возобновление, 153, 154. Кругооборот Т—Д—Т представляет собой полный метаморфоз единичного товара и одновременно сумму одно-сторонних метаморфозов других товаров, 155. Обращение Т—Д—Т представляет ряд метаморфозов, которые проходит каждый единичный товар, 155. Товарное обращение предполагает развитое разделение труда, 160. Процесс обращения представляет собой переплетение метаморфозов товарного мира, 160, 161. Процесс обращения представляется на внешний взгляд случайно протекающей совокупностью покупок и продаж, 162, 165. Движение товаров представляет собой постоянный их переход из сферы обращения в сферу потребления, 166. Обмен Т—Т есть действительный обмен веществ, 191.

Торговля. — Отделение продажи от покупки создает возможность появления множества фиктивных посреднических сделок, 165. Деньги, как монета, функционируют преимущественно в розничной торговле, 212. В оптовой торговле деньги являются преимущественно платежным средством, 212. Стимулирующее влияние благородных металлов на мировую торговлю, 221. Влияние открытия калифорнийского золота на мировую торговлю, 222. Космополитизм как отражение развития мировой торговли, 222. Меркантилисты рассматривают мировую торговлю как единственный источник богатства, 228.

Труд (Arbeit).

I. Т р у д в о о б щ е. — Рабочее время как количественное бытие труда, 93. Единственным различием труда при данном его качестве является его продолжительность, 93. Рабочее время безразлично к форме, содержанию, индивидуальности труда, 93. Рабочее время как имманентное мерило труда, 93. Труд как единственный источник меновой стоимости, 100. Действительною мерою стоимости является сам труд, 133. Труд товаропроизводителя является действительным трудом только в качестве полезного труда для других, 155.

II. К о н к р е т н ы й т р у д (Konkrete Arbeit). — Различие потребительных стоимостей отражает различие производительных деятельностей, 92, 100. Конкретный труд как источник материального богатства, 100. Потребительная стоимость как результат полезного труда, 100. Труд, определяющий потребительную стоимость, есть конкретный и особенный труд, 100. Конкретный труд только в соединении с природой создает потребительную стоимость, 101. Конкретный труд как независимое от всяких социальных форм условие обмена веществ между человеком и природой, 101. Только посредством всеобщего отчуждения товаров содержащийся в них труд становится полезным, 107. Признание труда источником материального богатства не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд есть источник меновой стоимости, 120.

III. И н д и в и д у а л ь н ы й т р у д (Individuelle Arbeit). — Различные потребительные стоимости — результат индивидуально различных работ, 93. Индивидуальный труд становится всеобщим, и в этой форме общественным, только благодаря действительно происходящему процессу обмена, 111. Особенности труда частных индивидов только в процессе обмена обнаруживает свой характер всеобщего общественного труда, 111.

IV. П р о с т о й т р у д (Einfache Arbeit). — Характер среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, но в данном обществе он является определенным, 94. Простым трудом является средний труд, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества,

94. Простой труд составляет наибольшую часть всего труда буржуазного общества, 94.

V. Ч а с т н ы й т р у д (Privatarbeit). — В процессе обмена друг другу противостоит только труд частных лиц, 110. Противоречие частного и общественного труда в товаре, 111. Товары суть непосредственно продукты труда частных лиц, который, через свое отчуждение в процессе частного обмена, должен доказать свой характер всеобщего общественного труда, 111.

VI. А б с т р а к т н о - в с е о б щ и й т р у д (Abstrakt - allgemeine Arbeit). — Абстрактное понятие труда вообще является современной категорией, 73. Безразличие к определенному виду труда предполагает: 1) что ни один вид труда не является более господствующим, 2) что индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому, 74. Абстракция труда вообще является лишь результатом конкретной совокупности трудовых процессов, 74. Абстрактное понятие труда вообще является практически истинным только как категория наиболее современного буржуазного общества, 74. Как материализация общественного труда, все товары представляют одно и то же единство, 92. В меновом отношении эквиваленты представляют равные количества одного и того же труда, 92. Абстрактно-всеобщий труд как труд одинаковый, простой и однородный, 92. Труд, определяющий меновую стоимость, является безразличным к особенной форме самого труда, 93. Абстрактно-всеобщий труд как труд, определяющий меновую стоимость, 93. Абстрактно-всеобщий труд как субстанция меновой стоимости, 93. Необходимость сведения различных видов труда к труду качественно одинаковому, 94. Перечень основных пунктов, характеризующих труд, образующий меновую стоимость, 94. Приведение всех товаров к рабочему времени как действительный факт, 94. Абстракция всеобщего человеческого труда существует в виде среднего труда, который в состоянии выполнять каждый средний индивид данного общества, 94. Труд, представленный в меновых стоимостях, как всеобщий человеческий труд, 94. Условия труда, определяющего меновую стоимость, суть специфические общественные определения труда, 95. Абстрактно-всеобщий труд как свойство труда, определяющего меновую стоимость, 95. Уравнение труда, равенство труда как свойство труда, определяющего меновую стоимость, 95. Рабочее время отдельного лица должно быть представлено как всеобщее рабочее время, 96. Всеобщий характер труда является его общественным характером, 96. Рабочее время отдельного лица должно быть выражено во всеобщем эквиваленте, 96. Лишь как всеобщая величина труд отдельного лица представляет собой общественную величину, 97. В товарном хозяйстве общественный характер труда обусловливается тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, 98. Меновая стоимость как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, 99. Абстрактный труд как источник меновой стоимости, 100. Труд, определяющий меновую стоимость, реализуется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов, 100. Труд, определяющий меновую стоимость, является абстрактно-всеобщим и равным трудом, 100. Труд, определяющий меновую стоимость, есть специфическая общественная форма труда, 100. Абстрактно-всеобщий труд принадлежит специфическому общественному строю, 101. Лист не понимал разницы между абстрактным и конкретным трудом, 101. Противоречие частного и общественного труда в товаре, 111. Индивидуальный труд становится всеобщим и в этой форме общественным только благодаря действительно происходящему процессу обмена, 111. Особенный труд частных индивидов только в процессе обмена обнаруживает свой характер всеобщего общественного труда, 111. Общественное рабочее время

существует в товарах лишь в скрытом состоянии и обнаруживается только в процессе их обмена, 111. Всеобщий общественный труд как результат становления, 111. Признание труда источником материального богатства не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд есть источник меновой стоимости, 120. Абстрактно-всеобщий труд возникает из всестороннего отчуждения индивидуального труда, 123. Деньги и труд, определяющий меновую стоимость, находятся во внутренней связи, 123. Общественный характер общественного процесса, принудительно устанавливающего равенство между неравными видами труда, 126. При определении цены товаров конкретный труд действительно существует как потребительная стоимость товаров, абстрактный же труд получает в их цене мысленно предстательное существование, 135. В различии между меновой стоимостью и ценою проявляется то, что конкретный труд должен через процесс отчуждения быть представлен как абстрактно-всеобщий труд, 135. Конкретный труд, чтобы стать общественным, должен быть представлен как абстрактно-всеобщий труд, 135, 136. Труд товаропроизводителя является полезным для него самого только в качестве абстрактно-всеобщего труда, 155. В эпоху меркантилизма продукты не являлись еще овеществлением всеобщего абстрактного труда, 228. К истории теории абстрактного труда см. имена: Буагильбер, Грей, Лист, Петти, Сисмонди, Дж. Стюарт, В. Франклин, А. Смит.

VII. **Общественный труд** (Gesellschaftliche Arbeit). — Как материализация общественного труда, все товары представляют одно и то же единство, 92. Условия труда, определяющего меновую стоимость, суть специфические общественные определения труда, 95. Только в качестве всеобщего труда труд становится общественным, 97. Общественный характер труда в патриархальной деревенской промышленности, 97. Общественный характер труда в средние века, 97. Общественный характер труда в первобытной общине, 97. В товарном хозяйстве общественный характер труда обуславливается тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, 98. Индивидуальный труд становится всеобщим и в этой форме общественным только благодаря действительно происходящему процессу обмена, 110, 111. Противоречие частного и общественного труда в товаре, 111. Всеобщий общественный труд как результат становления, 111. Особенности труда частных индивидов только в процессе обмена обнаруживает свой характер всеобщего общественного труда, 111. Все общественные формы труда, определяющие меновую стоимость, представляются как специфические свойства вещи, 114. Конкретный труд, чтобы стать трудом общественным, должен через процесс отчуждения быть представлен как абстрактно-всеобщий труд, 135 133. Товары суть непосредственно продукты труда частных лиц, который, через свое отчуждение в процессе частного обмена, должен доказать свой характер всеобщего общественного труда, 152. Цены выражают необходимость превращения рабочего времени, содержащегося в товаре, в форму общественного рабочего времени, 155.

VIII. **Общественно-необходимый труд** (Gesellschaftlich notwendige Arbeit). — Рабочее время отдельного лица есть в действительности рабочее время, которое требуется обществу для изготовления определенной потребительной стоимости, 96. Превращение меновой стоимости в цену происходит только при том условии, если содержащийся в нем труд является общественно-необходимым, 135, 133.

IX. **Сложный труд** (Komplizierte Arbeit). — Редукция сложного труда к простому, 96. Продукт самого сложного труда может быть эквивалентом продукта простого труда. 95.

У

Условия. — Общие условия всякого производства, 54. Общие условия производства как абстрактные моменты, 56.

Ф

Феодалное общество — см. *Общество*.

Фетишизм (Fetischismus). — Меновая стоимость как отношение между лицами, скрытое под вещной оболочкой, 98. Меновая стоимость представляется свойством, присущим вещам от природы, 98. Производственное отношение принимает форму вещи, 98. В товарном обществе отношение лиц в их труде представляется как отношение вещей друг к другу и к лицам, 98. В товаре фетишизация производственных отношений носит еще простой характер, 98. Отношение товаров, как меновых стоимостей, есть не что иное, как отношение лиц в их производительной деятельности друг для друга, 98. Усложнение фетишизации в высших производственных отношениях, 98. Меновая стоимость как вещное выражение специфически общественной формы труда, 99. В руках производителя продукт является носителем экономического отношения, 107. Взаимное отношение товаровладельцев к своему труду, как к всеобщему общественному труду, представляется в форме отношения товаров как меновых стоимостей, 114. В деньгах, по сравнению с товарами, наиболее ярко проявляется овеществление производственных отношений, 114. Все общественные формы труда, определяющие меновую стоимость, представляются как специфические свойства вещи, 114. Отношения в процессе производства представляются как специфические свойства вещи, 114. Производственное отношение представляется в виде предмета, находящегося вне индивидов, 114. Обмен товаров включает в себя обмен веществ и установление определенных производственных отношений людей, 117, 118. В процессе обращения покупатель и продавец выступают как персонификации вещей, владельцами которых они являются, 162. Для владельца товаров общественная связь основывается на товаре, 200. Различные формы денег являются только кристаллизованной переменной формы самих товаров, а эта последняя — только вещественным выражением изменяющихся общественных отношений людей, 208. В буржуазном обществе богатство необходимо принимает форму одного предмета (золота), 225.

Физиократы. — Влияние физиократов на Смита, 73, 74. Сельскохозяйственный труд как единственный источник богатства, 73. Учение о прибавочной стоимости, 77.

Философия. — Философское сознание, 71. Маркс и немецкая философия, 88.

Философия истории. — Философия истории у Прудона, 52.

Философия права. — Философия права у Гегеля, 70, 86.

Финансовая наука. — Буагильбер о финансовой науке, 121.

Финансы. — Натуральный характер податей и повинностей в древнем Риме, 72, 73.

Формы — см. *Определенность формы*.

Франция, 198. — Преобладание мелкого сельского хозяйства, 67. Классическая политическая экономия, 118. Противоположность социального строя Англии и Франции (XVII—XVIII века), 11. Торговая гегемония в XVII веке, 119. Контраст между французской и английской политической экономией, 121. Ввоз и вывоз золота и серебра, 142. Биметаллизм, 142. Ассигнаты—148.

Французская революция. — Раздробление крупной земельной собственности, сс. Ассигнаты, их характер и процесс их обесценения, 148, 239.

Французские экономисты — см. *Экономисты.*

Ц

Цена (Preis). — Меновая стоимость товаров, выраженная как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, есть цена, 131. Превращенная форма меновой стоимости, 132. Стоимость товаров выражается в виде их цены в золоте, 132. Чтобы явиться в обращении в виде цен, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями, 132. Изменение цен товаров в зависимости от изменения меновой стоимости золота, 133. Меновая стоимость товара получает в цене только идеально отличное от самого товара существование, 135. Отличие меновой стоимости от цены имеет не только номинальный характер, 135. Превращение меновой стоимости в цену происходит только при том условии, если данный товар является потребительной стоимостью и содержащийся в нем труд — общественно-необходимым, 135. Товары в своих ценах являются мысленно представляемыми количествами золота, 133, 192. Меновые стоимости товаров превращаются в цены еще до того, как золото развивается в масштаб цен, 137. Цена товара выражается в денежных названиях золотого масштаба, 139. Золото, выполняющее роль счетных денег, не имеет цены, 1 1. При определении цены золото и серебро функционируют как счетные деньги, 142. 143. Товары вступают в процесс обмена с определенными ценами, 154, 155. Цена является показателем величины стоимости товара, 155. Цены выражают необходимость превращения рабочего времени, содержащегося в товаре в форму общественного рабочего времени, 155. Через посредство продажи товар реализует свою цену, 156. В товарных ценах собственная стоимость золота уже дана, 158, 171. Причины, вызывающие изменение уровня цен, находятся вне сферы самого денежного обращения, 190. Уповень цен не зависит от количества денег, находящихся в обращении, 173. При вытеснении меры стоимости другим металлом происходит изменение товарных цен, 174, 23). Возрастанье товарных цен отставало от степени уменьшения металлического содержания монет (пример — история порчи монет в Англии и Франции), 188, 189. Цены товаров изменяются вместе с изменением количества бумажных денег, находящихся в обращении, 189, 190. При исследовании отношения между количеством орудий обращения и движением цен товаров стоимость денежного материала принимается за данную, 230. Влияние увеличения благородных металлов на движение товарных цен, 230—232.

Ч

Частный труд — см. *Труд.*

Ш

Швеция. — Медные деньги, 181.

Шотландия. — Проект Петти о переселении, 119. Монетная система, 133. Денежное обращение, 140. Медные деньги, 181.

Э

Эквивалент (Equivalent). — В меновом отношении эквиваленты представляют равные количества одного и того же труда, 92. Оба обменивающихся

товара являются эквивалентами друг для друга, 92, 96. Различные потребительские стоимости, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, эквивалентны друг другу, 98, 103, 109. Эквивалент есть меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости другого товара, 103. Развитие меновой стоимости товара идет параллельно с удлинением ряда эквивалентов, в которых она выражается, 116. Эквивалентом других товаров золото может делаться только в качестве воплощения рабочего времени, 133.

Эквивалентность (Äquivalenz). — Меновой стоимости товара соответствует выражение его эквивалентности в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях, 104—105. Меновая стоимость товаров, выраженная как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, есть цена, 132.

Экономисты.

I. Экономисты вообще. — Экономисты за сходством забывают различие, 53. Экономисты о соотношении между производством и потреблением, 58. Экономисты XVII века начинают с копнретного целого, 70. Все общественные формы рассматривают как формы буржуазные, 75. Понятие народного богатства у экономистов XVII и XVIII веков, 78. Непонимание капитала как общественного отношения, 99. Выводят деньги из внешних трудностей меновой торговли, 116, 117. Подставляют натуральный обмен вместо товарного, 117.

II. Немецкие экономисты. — О «потребительной стоимости» 117.

III. Французские экономисты. — Классическая политическая экономия начинается во Франции с Буагильбера и завершается Сисмонди, 118. Контраст между английской и французской политической экономией (пример: Петти и Буагильбер, Рикардо и Сисмонди), 118.

IV. Английские экономисты. — Классическая политическая экономия начинается в Англии с Петти и завершается Рикардо, 118. Контраст между английской и французской политической экономией (пример: Петти и Буагильбер. Рикардо и Сисмонди), 118. Английские экономисты 1800—1809 гг. смешивают банкотное обращение с обращением государственных бумажных денег, 240.

V. Итальянские экономисты. — Две школы итальянской политической экономии: неаполитанская и миланская, 121. Ранние итальянские экономисты подходили к правильному анализу товара, 124. Количественная теория денег у итальянских экономистов XVII века, 230.

VI. Испанские экономисты. — Меркантилистический характер ранней испанской политической экономии, 221.

Экспорт капитала. — Экспорт капитала в товарной и денежной форме, 259. Влияние конъюнктуры на форму экспортируемого капитала, 259.

Эстетика. — Эстетическая форма сокровища, 162, 1С3. Ощущение цветов является наиболее популярной формой эстетического чувства, 224, 225.

Я

Язык. — Наиболее развитые языки имеют нечто общее с менее развитыми, 53.

Япония. — Соотношение стоимости золота и серебра, 226.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адам — 52.

Анаксарх с. — Деньги как средство счета, 140.

Арбутнот (Arbutnot). — Учение о деньгах, 256.

Аретино (Aretino) — 238.

Аристотель. — Двойное употребление всякого имущества, 90. О меновой стоимости, 107. О первоначальном появлении обмена, 117. О соизмеримости товаров, 134. О деньгах, 185. «Экономика» и «хрематистика», 206. Об устойчивости стоимости благородных металлов, 225.

Атвуд (Atwood). — Учение об идеальном характере денег, 149. Спор с Шлем об идеальной денежной мере, 149.

Ауренгзеб — 199.

Агиллес — 81.

Барбон (Barbon). — Poleмика с Локком о денежном обращении, 145.

Бастиа (Bastiat). — Робинзонады в политической экономии, 52. Роль грабежа в древнем мире, 67. Категория «услуги», 101. Отвлечение от специфической определенности формы экономических отношений, 101.

Беркли (Berkeley). — Труд как источник материального богатства, 99. Представитель мистического идеализма, 145. Номиналистический характер теории денег, 145. Благородные металлы и бумажные деньги как знаки для счета, 145. Богатство — власть распоряжаться промышленной деятельностью людей, 145. Деньги — средство для перенесения власти распоряжаться промышленной деятельностью людей, 145. Ошибки Беркли в учении о деньгах, 146. Возникновение знаков стоимости из самого процесса обращения, 186.

Берлей (Burleigh). — Закон об уплате ренты университетам натурою, 213.

Бернье (Bernier). — О зарывании кладов на Востоке, 199.

Блан, Луи (Blanc Louis). — Социалистические деньги, 237.

Блак, В. (Blake). — Количество денег, необходимых для обращения, 171, 250.

Бозанкет, Джемс (Bosanquet). — Определение денег, 165.

Бозанкет, Чарльз (Bosanquet) — Poleмика с Рикардо, 245.

Бонапарт. — Континентальная блокада, 249.

Брей (Brau). — О рабочих деньгах, 153.

Брум (Brougham). — Отзыв о Рикардо, 127.

Буагильбер (Boisguillebert). — Петти и Буагильбер как представители английской и французской политической экономии, 118. Классическая политическая экономия начинается во Франции с Буагильбера, 118. Потребительные стоимости как истинное богатство, 120. О финансовой науке, 121. Сводит меновую стоимость товара к рабочему времени и выводит ее из пропорционального распределения труда между разными отраслями, 121. Деньги

нарушают естественное равновесие товарного обмена, 121. Буржуазную форму труда рассматривает как естественную общественную форму, 121. Сочувствие к угнетенным классам, 121. Буагильбер и Сисмонди, 128. Деньги только средство для обмена, 143. Количество денег, необходимых для обращения, 171. Золото как представитель общественного богатства, 193. Буагильбер против обожествления денег, 194. Деньги как средство обращения и сокровище, 195. О формах денег, 2. 6.

Бьюкен ен (Buchanan). — Английские медные монеты в 1798 г., 181.

Бэйли (Bailey). — О деньгах как общем предмете обязательств, 218. О мере стоимости, 138.

Бюш (Büsch). — Вульгаризатор Стюарта, 238.

Верри (Verri) — 220.

Вильгельм III. — Английские монеты при Вильгельме III, 148.

Вильгельм Завоеватель. — Денежное обращение в Англии в эпоху Вильгельма Завоевателя, 140.

Вильсон, Джемс (Wilson) — 248. Учение о деньгах, 258.

Вулкан — 81.

Галиани (Galiani). — Богатство как отношение между двумя лицами, 98. О происхождении монет, 133. Идеальные и реальные деньги, 156. О количестве денег, необходимых для обращения, 172. О благородных металлах, 223.

Гарнье, Г. (Garnier). — О стирании денег, 177. О пропорции между употреблением счетных денег и реальных денег, 140.

Гегель (Hegel). — Взгляд на реальное как на результат движения мышления, 70. «Гражданское общество» у Гегеля, 86. Маркс заимствовал термин «setzen» у Гегеля, 92.

Георг II (Georg II). — Закон 1734 г. о золотой валюте, 139. Английское денежное обращение от Эдуарда III до Георга II, 141, 142.

Георг III (Georg III). — Закон 1816 г. о золотой валюте, 139.

Гермес — 81.

Гизо (Guizot) — 86.

Гладстон (Gladstone). — Выступления в парламентских прениях по поводу банковского законодательства 1844—1845 гг., 130.

Гоббс (Hobbes). — Труд как источник материального богатства, 119.

Годскин (Hodgskin). — Деньги, будучи материальным орудием, не являются объектом исследования политической экономии, 116.

Гомер — 238.

Горичий. — О собирании сокровищ, 201.

Готтшед (Gottsched) — 233.

Грей, Джон (Gray). — Систематически развито учение о рабочем времени как непосредственной единице денежной меры, 150. Национальный банк как регулятор обмена, 151. Грей принимает частный труд товаропроизводителей за непосредственно общественный труд, 151. Ложность теории Грея, что каждый товар представляет собой непосредственно деньги, 152, 153. Невозможность планомерной организации обмена при сохранении товарного производства, 153. Грей и Прудон, 153. Грей и английские социалисты, 153.

Гримм, Яков (Grimm). — Об этимологической связи между названиями благородных металлов и цветовыми отношениями, 255.

Даримон (Darimont). — Последователь Прудона в теории денег, 153.

Джекоб (Jacob). — О стирании денег за 1809—1829 гг., 177. О предметах роскоши из золота и серебра, 204.

Джемсовеци (Gemovesi). — О всеобщем товаре, 114. Товары как представители золота и серебра, 193.

Додд (Dodds). — Об изнашивании монет, 176.

Елизавета. — Закон об уплате ренты университетам натурою, 213.

Карл II — 120.

Карли, Р. (Carli). — О сокровищах как резервном фонде мировых денег, 220.

Катон. — О пользе бережливости, 198.

Кернер, Т. (Körner). — О золотонскателях в Чехии, 225.

Клей (Clay). — Учение о деньгах, 256.

Коббет, Вильям (Cobbet) — 164.

Колумб. — О золоте, 227.

Корбет (Corbet). — Определение денег, 165.

Коттон. — Изобретатель машины для взвешивания золота, 179.

Кромвель — 120.

Ксенофонт — 204. Деньги как сокровище, 206. Соотношение между стоимостью золота и серебра, 226.

Купер, Т. (Cooper). — Труд как источник материального богатства, 100.

Кустоди — 98, 104, 124, 177, 193, 220.

Кэри (Carey). — Применение робинзонад к политической экономии, 52. Непонимание закономерности развития производственных отношений, 53.

Кэстльри (Castlereagh). — Теория идеальной денежной меры, 148.

Лаунде (Lowndes). — Спор с Локком об уменьшении металлического содержания монет, 144, 189.

Ленсдоун — 120.

Лессинг (Lessing) — 238.

Лист (List). — Непонимание разницы между абстрактным и конкретным трудом, 101.

Ло. — Золото и серебро получают, благодаря своей функции денег, дополнительную стоимость, 234. Луи Блан и Ло, 257. Банк Ло, 280.

Локк (Locke). — Об устойчивости денег, 142. Защищал интересы буржуазии, 144. Защищал интересы государственных кредиторов, 144. Возражал против уменьшения металлического содержания монет, 144. Спор с Лаундсом, 144. Poleмика с Барбоном о денежном обращении, 145. Спор с Лаундсом о металлическом содержании монет, 189. О резервных фондах платежных средств, 216. О зависимости цен товаров от количества обращающихся денег, 233. Золото и серебро имеют только условную стоимость, 234. Макларен о теории денег Локка, 233.

Людовик XIV — 121.

Лутер (Luther). — О влиянии вывоза благородных металлов на народное хозяйство Германии, 199. Различие между покупательным средством и платежным средством, 210. Вред роскоши, 216.

Макларен (Maclaren). — О денежной системе Англии, 137. О теории денег Смита, 238. О теории денег Смита и Локка, 239.

Мак-Куллох (Mac Culloch). — Материя сама по себе лишена стоимости, 99. О Петти, 118.

Маклеод (Macleod). — Критика теории стоимости Рикардо, 128. Ошибочно рассматривает платежное средство как первичную функцию денег, 212, 213.

Мальтус (Malthus). — Полемика с Сэем о торговых кризисах, 164.

Мандевиль. — О бумажных деньгах в Китае, 186.

Маркс, Карл (Marx, Karl) — 63, 89, 91, 92, 99, 134, 138, 140, 144, 214, 225, 230, 252.

Мендельсон, Моисей (Mendelsohn) — 238.

Милль, Джеймс (Mill, James). — Метафизическое равновесие между покупателями и продавцами, 164. Невозможность всеобщих кризисов, 164. Сторонник теории денег Рикардо, 250. Количественная теория денег, 251, 252. Механическое противопоставление массы товаров и массы денег в стране, 253.

Милль, Джон-Стюарт (Mill, John Stuart) — 161. Внеисторический характер производства и исторический характер распределения, 54, 55.

Миссельден (Misselden). — Значение денег, 193. О чрезмерном потреблении иностранных товаров в Испании XVII века, 197. Отлив денег из Европы в восточные страны, 200.

Моисей — 101.

Молох — 120.

Монтанари (Montanari). — О мере стоимости, 104. Образование мирового рынка, 222.

Монтескье (Montesquieu). — Цены товаров находятся в зависимости от количества обращающихся денег, 230. Количественная теория денег, 235.

Мюллер, А. (Müller). — О праве правителей определять номинальную стоимость денег, 138. О чеканке монет в Англии, 139.

Нестор — 120.

Норман (Norman). — Учение о деньгах, 256.

Оверстон (Overstone) — 257. Учение о деньгах, 244, 257.

Опдайк, Г. (Opdyke). — Определение денег, 165.

Оуэн, Р. (Owen) — Оуэн и Рикардо, 127.

Перейр, Исаак (Pereire). — О связи между стоимостью и обменом, 162.

Петр Великий. — Замена монет из кожи мелкими медными монетами, 185.

Петр Мученик — 224.

Петти, Генри (Petty) — 120.

Петти, В. (Petty). — Труд и земля как источник богатства, 99. Петти и Буагильбер как представители английской и французской политической экономии, 118. Классическая политическая экономия начинается в Англии с Петти, 118. Трудом, определяющим меновую стоимость, он считает реальный труд добывания золота и серебра, 118, 119. Отсутствие у Петти различия между меновой стоимостью и деньгами, 119. Действительный труд он рассматривает в его общественной совокупности как разделение труда, 119, 120. Взгляды на налоговую политику, 120. Свобода совести как условие успешного развития торговли, 119. Математический характер его метода, 119, 120. Разделение труда как производительная сила, 120. Страсть к золоту как двигатель промышленного развития, 120. О голландцах, 121, 130. Благородные металлы как всеобщее богатство, 193, 199.

Пиль (Peel). — Парламентские прения по поводу банкового законодательства 1844—1845 гг., 13. Спор об идеальной денежной мере между Пилем и Атвудом, 149. Банковое законодательство 1844—1845 гг., 140, 256.

Платон. — О деньгах, 185.

Плиний, — О скупости, 201.

Прометей — 52.

Прудон (Proudhon). — Применение робинзонад к политической экономии, 52. Порядок категорий определяется их последовательностью «в идее», 78. Представитель французского социализма, 121. Утопический истолкователь формулы трудовой стоимости Рикардо, 128, Грей и Прудон, 151. Социализм Прудона основан на непонимании им элементарной связи между товаром и деньгами, 153.

Пушкин — 248.

Рикардо (Ricardo). — Робинзонады Рикардо как предвосхищение буржуазного общества, 51. Непонимание, что индивид буржуазного общества есть продукт истории, 126. Распределение как единственный предмет политической экономии, 64. Рикардо и Сисмонди как представители английской и французской политической экономии, 118. Классическая политическая экономия завершается в Англии Рикардо, 118. По сравнению с Смитом более ясно развил определение стоимости товара рабочим временем, 126. Исследовал исключительно величину стоимости, 126, 127. Рассматривает буржуазную форму труда как вечную естественную форму, 127. Полемика вокруг теории трудовой стоимости Рикардо, 128. Рикардо наиболее последовательно развил определение меновой стоимости рабочим временем, 128. Рикардо и Сэй, 164. Рикардо и Юм, 238. Стоимость золота и серебра определяется количеством рабочего времени, овеществленного в них, 240. Стоимость единицы золота определяется общей массой обращающегося золота, 240. Любое количество благородного металла может вступить в обращение, 241. Деньги как знак стоимости являются знаком определенного количества золота, 241. В теории денег Рикардо смешиваются идеи трудовой стоимости с идеями количественной теории денег, 241, 242, 243, 244, 245, 247, 248. Рикардо отвлекается от функций денег, кроме функции средства обращения, 245. Рикардо смешивает обращение банкнот с обращением знаков стоимости, 245. Исторический фон теории денег Рикардо, 241, 242, 244.

Руссо, Ж.-Ж. — «Общественный договор» Руссо как предвосхищение буржуазного общества, 51.

Сениор (Senior). — Деньги как абстрактное богатство, 201. Деньги как платежное средство, 23.

Сен-Симон (Saint-Simon). — Исаак Перейр и Сен-Симон, 162.

Сисмонди (Sismondi). — Рикардо и Сисмонди как представители английской и французской политической экономии. 118. Классическая политическая экономия завершается во Франции Сисмонди, 118. Подчеркивает специфический общественный характер труда, определяющего меловую стоимость, 127. Определяет величину стоимости необходимым рабочим временем, 128. Отрицательно относится к крупному промышленному капиталу, 128. Полемика с Сэем о торговых кризисах, 161.

Смит, Адам (Smith, Adam). — Робинзонады Смита как предвосхищение «буржуазного общества», 51. Непонимание, что индивид буржуазного общества есть продукт истории, 51. О прогрессирующем и стационарном состоянии общества, 54. Две сферы обращения: обмен между торговцами и обмен между торговцами и потребителями, 63. Взгляд на богатство как на результат труда вообще, 73. Влияние физиократов на Смита, 74. Труд как источник материального богатства, 101. Анализ разделения труда у Смита уступает анализу Петти, 118. Смит и меркантилизм, 121, 124. Относит закон трудовой стоимости к докапиталистическому хозяйству, 125. Смещение

капиталистического производства с простым товарным, 125. Противоречия в определении стоимости товаров трудом, 126. Рассматривает разделение труда вне его общественной формы, 126. Смит видит только номинальную разницу между меновой стоимостью и ценою, 135. О постоянном превращении денег в монету и монеты в деньги, 195, 215. Влияние Джемса Стюарта на Адама Смита, 238. Рассматривает деньги ложно, как простой товар, 233. Резкая критика меркантилизма помешала Смигу объективно понять явления металлического обращения, 233. Оригинальность его взглядов на кредитные деньги, 233. Отсутствие у Смита различия между средством обращения и деньгами, 239.

Смит, Томас (Smith Thomas). — Закон об уплате ренты университетам чатуурою, 213.

Спенс (Spence) — 164.

Спиноза (Spinoza). — Положенне «determinatio est negatio», 58, 238.

Страбон. — Сведения о соотношении стоимости золота и серебра, 226.

Стюарт, Джемс (Steuart, James). — Понимание исторического характера буржуазного общества, 52. Смещение абстрактных категорий политической экономии с их вещественным содержанием, 12. Различие между абстрактным и конкретным трудом. 125. Буржуазный характер абстрактного труда, 125. О патриархальном земледелии, 125. О перечеканке монет, произведенной в Англии в конце XVII века, 144, 145. Номиналистический характер теории денег Стюарта, 146. Счетные деньги как произвольный масштаб для измерения относительной стоимости предметов, 146. Деньги — идеальный масштаб с равными делениями, 146. Он ограничивается только формой проявления денег в обращении в качестве масштаба цен и счетных денег, 147. Смещение функций меры стоимости и масштаба цен, 147, 148, 232. Открывает существенные функции денег и общие законы денежного обращения, 236. Обращение, основанное на кредите, возвращается к своему исходному пункту, 236. Влияние различия нормы процента в различных странах на международное движение благородных металлов, 236. 237. Бумажные деньги служат национальными деньгами, металллические — мировыми, 238. Непонимание функции меры стоимости, 235. Неясное представление о меновой стоимости, 236. Непонимание различия между символическими деньгами и кредитными деньгами, 236. Присутствие элементов меркантилизма в его системе, 237, Стюарт и Смит, 238, 257.

Сэй. — отождествление производства и потребления у Сэя, 62. Категория «услуги», 101. Отвлечение от специфической определенности формы экономических отношений, 101. Критика теории стоимости Рикардо, 128. Poleмика Сэя с Сисмонди и Мальтусом о торговых капиталах, 164. Заимствовал теорию кризисов у Джемса Милля, 164. Примечания Сэя к книге Шторха, 185. Сэй как вульгаризатор А. Смита, 238.

Томпсон (Thompson). — О рабочих деньгах, 153.

Торренс (Torrens). — Учение о деньгах, 256.

Тук (Tooke). — Определение денег, 165, 246, 250. Тук выводит свои принципы из анализа товарных цен с 1793 г. о 1856 г., 257. В первом издании своей «Истории цен» Тук стоит на точке зрения Рикардо, 257. Дальнейшие исследования заставили Тука отказаться от взгляда, что существует прямая связь между ценами и количеством средств обращения, и признать, что денежное движение есть только вторичное движение, 257, 258.

Уркхарт, Давид (Urquhart). — О стоимости золота, 141.

Устарич (Ustariz). — Представитель испанского меркантилизма, 121.

Филипп II — 198.

Форбонне (Forbonnais). — О дополнительной стоимости золота и серебра, 234.

Франклин, Бенджамин (Franklin). — Труд как мерило стоимости, 122. Смешение конкретного труда с абстрактным, 122. Отсутствие внутренней связи между абстрактным трудом и деньгами, 123. Взгляд на деньги как на техническое средство обмена, 123. Анализ меновой стоимости у Франклина не оказал влияния на общее развитие науки, 123. О возникновении знаков стоимости из самого процесса обращения, 186. Золото и серебро получают, благодаря своей функции денег, дополнительную стоимость, 186.

Фуллертон (Fullarton). — Учение о деньгах, 258.

Ховельянос (Jovellanos). — Представитель испанского фритредерства, 121.

Шанпер — 85.

Шевалье (Chevalier). — О теории денег Аристотеля, 185. Соотношение стоимости золота и серебра, 227.

Шекспир (Shakespeare). — Шекспир как пример связи расцвета искусства, с общим развитием общества, 80.

Шенайх — 238.

Шлемиль, Петр. — 184.

Штейн, Л. (Stein). — О потребительной стоимости, 91. Стоимость и материя, 99.

Шторх (Storch). — Критика взгляда Сэя о тождестве производства и потребления, 62. Шторх и Сэй, 185. Деньги как представитель богатства, 202.

Юм, Давид (Hume, David) — 253, 254, 257. Исторический фон теории Юма — повышение твердых цен в XVI—XVII веках, практический мотив — полемика против меркантильной системы, 230. Теория обращения Юма: 1) Цены товаров определяются количеством денег в данной стране. 2) Деньги как представители товаров. 3) Обратная зависимость между количеством денег и их ценой или стоимостью, 230, 231. Смешивает счетные деньги и средства обращения, 232. Количественная теория денег Юма явилась результатом одностороннего анализа возрастания цен в XVI и XVII веках, 232, 233. Товары входят в обращение без цены, а деньги без стоимости, 234. Механическое уравнение между массой денег и массой товаров, 234, 235. Юм и Смит, 23. Теория денег, 241.

Юм, Джеймс-Дункон (Hume). — О влиянии континентальной блокады на цены товаров, 250.

Юлиус, Густав (Julius). — 238.

Юнг, Артур (Joung). — Poleмика против Стюарта, 237.

Юпитер — 81.

Эврипид. — О деньгах, 206.

Эдуард III. — Английское денежное обращение от Эдуарда III до Георга II, 141.

Энгельс (Engels). — 88.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

А

Анахарсис — имя одного скифа королевского рода, посетившего Грецию и Афины с целью получить греческое образование. В Афинах дружил с Солоном. Прославился своими меткими изречениями.

Арбутнот, Джордж (1802—1865) — личный секретарь Р. Пиля. Принадлежал к сторонникам «Currency principle». Свой взгляд по вопросу о денежном обращении в Англии развил в книге: «Sir Robert Peel's Act of 1844, regulating the Issue of Bank Notes vindicated» (1853).

Аретино, Пьетро (1492—1556) — итальянский поэт. Прославился своими скабрешными стихами и комедиями. Писал язвительные сатиры против князей, которые откупались от него крупными суммами. Его имя стало синонимом продажного поэта и скабрешного писателя.

Аристотель, по проявлению *Стагирит* (384—322 до нашей эры) — один из крупнейших философов древней Греции, родом из Стагиры. Аристотель был учеником Платона, однако он отошел от платонова идеализма, установив в вещах единство нематериальной формы и материального содержания. Без формы вещество только «возможно»; «действительным» оно становится, будучи сопряжено с формой. Аристотель, которого Энгельс по справедливости назвал «всеобъемлющей головой» древности, впервые дал законченное учение о логике. Логика Аристотеля называется «формальной» в отличие от *диалектической логики* Гегеля и Маркса; об этом отличии см.: Ф. Энгельс, «Развитие социализма от утопии к науке», и Г. Плеханов — предисловие к брошюре Энгельса «Л. Фейербах». В эпоху средневековой философии, в особенности в XIII веке, философия Аристотеля была воспринята церковными писателями и приспособлена к религиозному воззрению христианства. Отказ от схоластики в эпоху Возрождения знаменовал собою и отказ от Аристотеля в его схолистическом истолковании.

Атвуд, Томас (1783—1856) — банкир из Бирмингама. Глава «Бирмингамской школы» («Birmingham school») и политический деятель второго периода чартизма. Атвуд был сторонником бумажно-денежной инфляции, не обеспеченной золотым покрытием. В целях стимулирования подъема промышленности Атвуд считал полезным повышение товарных цен, являющееся результатом денежной эмиссии. В парламентской реформе 1832 г. Атвуд сыграл большую роль. В период кризиса 1837 г. он требовал отмены закона 1819 г., восстанавливавшего платеж золотом, а также рекомендовал неограниченный выпуск банковых билетов. Атвуд написал ряд сочинений по вопросу о денежном обращении.

Ауренгзеб — великий могол Индии (1619—1707), правил с 1658 г., когда свергнул своего отца и занял его престол. Распространял ислам и преследо-

вал иноверцев. Покровительствовал наукам и искусствам, основывал школы и библиотеки. Сильно повысил налоги. Двор свой в Дели окружил великолепием и роскошью.

Ахиллес, сын Пелея — главный герой поэмы «Илиады». Судьба предоставила ему выбор между долгою и бесславною жизнью и короткою, но славною; он выбрал последнее. Гомер изобразил Ахиллеса величайшим из всех героев, бывших под Троей; он превосходил всех красотой и храбростью. От его руки падает Гектор, защитник Трои. По мнению Гегеля, образ Ахиллеса есть высшее создание греческой фантазии.

Б

Барбон, Николай (1640—1698) — английский экономист меркантилистической эпохи. Получил медицинское образование в Лейдене и впоследствии был избран почетным членом медицинского факультета в Лондоне. Барбон, наряду с занятиями по медицине, посвящал много времени и промышленной деятельности, носившей зачастую спекулятивный характер. В качестве экономиста Барбон один из первых наметил в общих чертах теорию субъективной полезности; в теории денег придерживался взгляда, что стоимость денег устанавливается государством («легальная теория денег»). Наиболее значительные его труды: «1) A discourse of trade», London 1690; 2) «A discourse concerning the new money lighter» (1696, Полемика с Локком).

Бастиа, Фредерик (1801—1850) — французский экономист. Бастиа был представителем манчестерской школы (свободной торговли) во Франции. Его статьи в защиту свободы торговли собраны в книге «Экономические софизмы» (1845 г.). В 1848 г. он выпустил книгу против социализма. К этому времени относится целый ряд его памфлетов, между прочим «Даровой кредит», в котором он полемизирует с Прудоном относительно справедливости процента на капитал. Бастиа стремится доказать, что право частной собственности прогрессивно и демократично. В своем главном сочинении, «Экономические гармонии», Бастиа отрицает положение об антагонизме экономических интересов капиталистов и рабочих. Бастиа утверждает, что экономические интересы, предоставленные самим себе, стремятся к гармонии, ко все большему перевесу общественного блага, что все зло происходит от стеснения свободы конкуренции. Бастиа наиболее яркий представитель вульгарной политической экономии во Франции.

Беркли, Джордж (1685—1753) — знаменитый английский философ идеалистического направления, писал также по экономическим вопросам. С 1734 г. был епископом в Клойне. В экономических вопросах критик меркантилизма. В теории денег выдвинул номиналистическую теорию, отрицающую внутреннюю стоимость металлических денег.

Берлей, Вильям-Сесиль (1520—1598), с 1571 г. барон Берлей — английский государственный деятель, ближайший советник Елизаветы. С 1572 г. лорд-канцлер Англии.

Бернье, Франсуа (1625—1688) — известный путешественник и философ. Изучив медицину в Монпелье, он отправился путешествовать: побывал в Сирии, Египте и Индии. Здесь он стал врачом при дворе Аурангзеба, где пробыл 12 лет. По возвращении в Европу издал под названием «Voyages de Bernier contenant la description des états du grand Mogul» описание своего пребывания в Индии.

Блан, Луи (1811—1882) — журналист, историк, политический деятель, социалист. В 1840 г. издал книгу «Организация труда», которая пользовалась большим распространением в рабочей и социалистической среде. Из

исторических работ наиболее известны его «История десяти лет, 1830—1840» (1841—1844) и «История французской революции» (1847—1862). Он отрицает борьбу классов и думает осуществить социалистическое переустройство буржуазного общества мирным путем, — путем организации общественных мастерских при содействии государства. В февральские дни 1848 г. был провозглашен членом временного правительства и стал во главе правительственной комиссии, заседавшей в Люксембургском дворце и имевшей своей задачей изучение способов разрешения рабочего вопроса и улучшения современного положения рабочих. После движения 15 мая и июньских дней эмигрировал в Бельгию, а затем в Англию. После падения империи вернулся во Францию, был избран в Национальное собрание; стоял в стороне от движения Коммуны и новейшего социалистического движения.

Блэк, Вильям — английский экономист первой половины XIX века, выпустил в 1810 и 1823 гг. работы об обесценении банкнот в Англии во время приостановки их размена на золото. В 1839 г. выпустил полемическую работу против Ричарда Джонса.

Бозанкет, Джемс Уотмен (1804—1877) — банкир, опубликовал в 1842 г. работу о денежном обращении под заглавием «Metallic, paper and credit currency». Остальные его работы посвящены библейской и ассирийской хронологии.

Бозанкет, Чарльз (1769—1850) — английский экономист, крупный купец и член парламентской комиссии по денежному обращению. Был противником количественной теории денег Рикардо и полемизировал с ним в приобретшем широкую известность труде: «Practical observations on the report of the bullion committee» (1810). Рикардо ответил Бозанкету в специальной работе.

Брум, Генри (1778—1868) — лорд, английский политик и писатель. Вел борьбу против торговли рабами, известен также как деятель в области просвещения; участвовал в учреждении Лондонского общества распространения прикладных знаний. Написал много работ, в том числе о колониях и обесценении английских банкнот.

Брай, Джон-Франсис — жил в первой половине XIX столетия. Он был последователем Р. Оуэна. Подобно Томпсону, делал социалистические выводы из теории стоимости Рикардо. В своем замечательном произведении «Бедствия рабочего класса и средства к их устранению» (1839) он доказывает, что все несправедливости вытекают из системы частной собственности и поэтому необходимо полное ниспровержение существующего строя. Место предпринимателей займут акционерные компании. Все люди должны работать и получать полный продукт своего труда.

Буагильбер, Пьер — французский экономист, род. в Руане в 1646 г., ум. в 1714 г. По своим теоретическим воззрениям он является предшественником физиократов, подвергавшим резкой критике меркантилизм. Он протестовал против отождествления денег и богатства. Источником богатства он считал земледелие, которое поэтому и должно пользоваться особым покровительством государства.

Бьюкенен, Давид (1779—1848) — английский экономист, последователь Смита. Издал в 1814 г. «Богатство народов» Смита, с приложением специального тома (под заглавием: «Observations on the subjects treated of in Doctor Smith's inquiry on the wealth of nations»), содержащего добавления и примечания Бьюкенена. Написал также сочинение о налогах.

Бэйли, Самуил (1791—1870) — английский философ и экономист. Выступал против теории стоимости Рикардо, отвергая понятие абсолютной стоимости. Бэйли ограничивал понятие стоимости количественным отноше-

нием двух товаров, т. е. относительною величиною стоимости. Важнейшая работа Бэйли, направленная против Рикардо: «A critical dissertation of the nature, measure and causes of value» (1825).

Биш, Иоганн-Георг (1728—1800) — изучал теологию, историю и математику. В 1756 г. состоял профессором математики при Гамбургской гимназии и основал в 1767 г. Академию торговли. В своих экономических воззрениях эклектически совмещал меркантилистические и физиократические идеи. Издал ряд трудов, посвященных торговле и денежному обращению.

В

Верри, Пьетро (1728—1797) — итальянский экономист, занимал также административные должности в Ломбардии, провел ряд таможенных и финансовых реформ. Главное произведение Верри — «Meditazioni sull'economia politica» (1771). Верри был противником строгих меркантилистических ограничений, отстаивал свободу внутренней торговли, но в вопросах внешней торговли был умеренным протекционистом. Он был одним из первых критиков учения физиократов.

Вильгельм Завоеватель — король Англии (1027—1087) — основатель англо-норманнской династии. В 1066 г., будучи вождем норманнов, снарядил экспедицию в Англию, разбил у Гастингса англосаксов и захватил английский престол.

Вильгельм III (1650—1702) — сын Вильгельма II Оранского и дочери английского короля Карла II. После второй английской революции 1688 г. сделался английским королем, причем власть короля в силу закона 1689 г. была сильно ограничена в пользу парламента. Во время правления Вильгельма III предпринята была перечеканка золотой монеты, был увеличен земельный налог.

Вильсон, Джемс (1805—1860) — английский экономист, основал в 1843 г. известный журнал «Economist». Наиболее известен своими сочинениями о денежном обращении (главное: «Capital, currency and banking», 1847), в которых отстаивал — вместе с Туком и Фуллартоном — так называемый «banking principle» (см. примечание о Туке).

Вулкан — римское название греческого бога Гефеста. Считается искусным мастером по металлу, имеет на Олимпе мастерскую с искусственными раздувательными мехами, построил богам медные дворцы, изготовил оружие Ахиллесеу, латы Диомеду и т. п.

Г

Галиани, Ф. (1728—1787) — итальянский экономист-меркантилист, приверженец теории «торгового баланса». Выступал против физиократов по вопросу о политике хлебной торговли и в своем сочинении «Dialogues sur le commerce des blés» (1770) резко критикует эдикт 1794 г., в силу которого хлеб мог свободно вывозиться из страны. Кроме упомянутого сочинения Галиани написал известный теоретический труд «Della moneta» (1750).

Гарнье, Жермэн (1754—1821) — французский экономист, перевел на французский язык «Богатство народов» Смита; критиковал некоторые части теории Смита (напр. учение о производительном труде) и старался внести в нее элементы, заимствованные у физиократов. Главные сочинения: «Abrégé élémentaire des principes de l'économie politique» (1796), «Histoire de la monnaie» (1819).

Гезель, Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831) — крупнейший германский

философ, завершитель классического немецкого идеализма. Истиной всего существующего Гегель считал «абсолютный дух»; абсолютный дух в своем развитии проходит известные ступени, каждая из которых представляет собою определенное логическое, естественное или общественное, явление. Так, абсолютный дух проходит сперва область чистой логики, обнаруживая на каждой ступени все новые и новые стороны самого себя; он есть *бытие*, измеряемое качественно и количественно; *сущность*, которая вместе с своим явлением составляет действительность; логическое *понятие*, становящееся, путем сочетания субъективного и объективного моментов, *идея*. Из области логики идея отчуждает себя в *природу* и вновь возвращается в себя самое в качестве *духа*. Ступенями развития духа являются семья, государство, религия, философия. Эта абсолютно идеалистическая система Гегеля была у него тесно связана с диалектическим *методом*. (Сущность диалектики изложена у Ф. Энгельса в «Л. Фейербахе»; у Плеханова — в предисловии к брошюре Энгельса «Л. Фейербах»; у Энгельса — в «Анти-Дюринге»; у Ленина — «К вопросу о диалектике».) Диалектический метод составлял революционную сторону гегелевской философии.

Геср II (1683—1760) — английский король; на престол вступил в 1727 г.

Георг III, внук Георга II (1738—1820) — английский король; на престол вступил в 1760 г. Во время его правления от Англии отложились американские колонии и основали Соединенные Штаты. Под конец своей жизни заболел умопомешательством.

Гермес, сын Зевса, бог стад, а также бог богатства и защитник путей. В качестве бога богатства он становится покровителем воров, а в качестве защитника путей он становится богом торговли, под покровительством которого находятся купцы.

Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1871) — французский государственный деятель и историк. Начал свою карьеру в качестве профессора новой истории. Принадлежал к политической школе так называемых «доктринеров», преклонявшейся перед английской конституцией. Реакционное министерство Виллеля запретило ему в 1822 г. чтение лекций, более умеренное министерство Мартиньяка вернуло ему кафедру. Написал ряд исторических работ, из которых наиболее известны: «История цивилизации в Европе», «История цивилизации во Франции», «История английской революции». Избранный в палату депутатов в январе 1830 г., примкнул к оппозиции. При июльской монархии несколько раз был министром и проводил реакционную политику. После революции 1848 г. удалился временно в Англию.

Гладстон, Вильям (1809—1893) — знаменитый английский государственный деятель. Был неоднократно премьером в кабинете министров. Лидер либеральной партии.

Гоббс, Томас (1588—1679) — знаменитый английский философ материалистического направления. В своих сочинениях «De cive» (1646) и «Leviathan» (1651) касался также экономических вопросов и высказывал мысль о важности человеческого труда как источника материального богатства.

Годскин, Томас (1787—1869) — экономист послерикардовского периода, критик капиталистического строя. Исходя из теории трудовой стоимости Рикардо, Годскин содействовал разработке теории прибавочной стоимости. Его главные сочинения были написаны в период 1825—1832 гг. Общественные идеалы Годскина сводились к замене капиталистического строя патриархальным хозяйством ремесленников и крестьян.

Гомер — по преданию автор «Илиады» и «Одиссеи», знаменитых греческих поэм, представляющих лучшее создание греческого эпоса и вызвавших

многочисленные подражания у древних и новых народов. Согласно Геродоту, Гомер жил в IX веке до нашей эры.

Гораций, Квинт-Гораций-Флакк (65 г. до нашей эры — 8 г. нашей эры) — знаменитый римский поэт, автор од и сатир, в которых он бичует пороки римской жизни.

Готтшед, Иоганн-Кристоф (1700—1766)—известный немецкий критик. Нападал на безвкусие и напыщенность современной ему немецкой литературы, находя, что за образцы для подражания надо брать древних авторов. Когда вышла известная поэма Клопштока «Мессиада», Готтшед противопоставил ей поэму «Герман» Шенайха, превознося последнего не по заслугам и называя его Гомером.

Грей, Джон (1798—1850) — экономист послерикардовского периода, критик капиталистического строя, автор проектов преобразования общества на началах новой организации обмена. В 1825 г. Грей выпустил брошюру «Заметки о человеческом счастье» в оуэновском духе. В ней Грей математически доказывает, что производительный, т. е. рабочий класс получает только $\frac{1}{8}$ продуктов своего труда, остальные же $\frac{7}{8}$ идут в карманы непроизводительного класса. В 1831 г. вышла его книга «Социальная система», в которой изложен следующий проект организации обмена на новых началах. Производство и распределение должны сохранить свой частный индивидуалистический характер. Только готовые уже продукты должны обмениваться через посредство центральных кооперативных учреждений. Для этой цели устраивается Национальный банк, пользующийся исключительным правом выпускать бумажные деньги (приемные расписки). Кроме того, устраиваются товарные склады. Производители сдают свои изделия на склады, где они оцениваются. На сумму сданных ими товаров производители получают бумажные деньги (приемные расписки), на которые могут в других складах получать необходимые им хозяйственные блага. Таким образом, количество обращающихся бумажных денег всегда соответствовало бы наличному запасу товаров, и производители всегда имели бы возможность обменивать свои товары на нужные и желательные им равноценные товары, не страдая от недостатка сбыта и не попадая в кабалу к крупным капиталистам. Утопическая идея планомерной организации обмена, при сохранении неорганизованного частного производства, пользовалась в первой половине XIX столетия значительным успехом и повела к устройству целого ряда меновых банков. Попытки эти в большинстве случаев кончались быстрым банкротством банков.

Гримм, Яков (1785—1863) — знаменитый немецкий языковед. Вместе с своим братом Вильгельмом издал собрание немецких народных сказок; автор замечательных трудов по немецкой грамматике и истории немецкого языка и поэзии.

Д

Даримон, Альфред (1819—1902) — французский журналист, последователь Прудона и издатель его сочинений, редактировал различные прудонистские периодические издания. В книге «De la réforme des banques» (1856) излагает прудоновскую теорию организации безденежного обмена.

Джекоб, Вильям (1762—1851) — английский экономист, автор книги «An historical inquiry into the production and consumption of the precious metals» (1831), содержащей обильный материал о производстве и потреблении золота и серебра с древнейших времен. Джекоб является также автором отчетов о состоянии сельского хозяйства в Европе.

Дженсовези, Антонио (1712—1769) — итальянский экономист, запоздалый

представитель умеренного меркантилизма. Был профессором в Неаполе и оказал значительное влияние на неаполитанскую экономическую школу. Главное сочинение: «Lezioni di economia civile» (1765)

Додд, Георг (1808—1881) — английский писатель, автор многочисленных статей, посвященных описанию отдельных отраслей английской промышленности. Статьи эти помещались в различных энциклопедиях и журналах и часть издавались также в виде книг.

Е

Елизавета — английская королева (1533—1603) — на престол вступила в 1558 г. Во время ее правления в Англии окончательно упрочился протестантизм. В 1601 г. Елизавета издала закон в приварения рудных. В 1566 г. основана была первая биржа в Лондоне. В эпоху Елизаветы замечаются подъем торгово-промышленного класса и признаки упадка родовой знати и духовенства Эпо.. Елизаветы занимает видное место в истории английской литературы — она связана с именами Шекспира и Бэкона.

К

Карл II (1630—1685) — сын английского короля Карла I, казненного в 1649 г. Вступление на английский престол Карла II в 1660 г. означало конец первой революции и начало реставрации.

Карли, Джованни-Ринальдо (1720—1795) — граф, пальянский политический деятель и экономист. Принимал участие в проведении административных реформ в Ломбардии. Написал несколько сочинений в умеренно-меркантилистическом духе по финансовым вопросам и по истории торговли.

Катон, Марк Порций, Катон Старший (234—149 до нашей эры) — сторонник консервативной строгости нравов, вел борьбу против роскоши. Считается образцом древнего римлянина. Был плодотворным писателем; из его сочинений, между прочим, сохранилось сочинение о земледелии. В нем рисуются хозяйство римского имения во II веке до нашей эры; согласно Катону, самым почетным занятием для истинного римлянина служит сельское хозяйство.

Клей, Вильям — английский экономист, принимал в 1830—1840 гг. деятельное участие в полемике вокруг банковского законодательства Роберта Пизля. Клей выступал сторонником так называемой школы «sound money principle», требовавшей ограничения выпуска банкнот.

Коббет, Вильям (1762—1835) — английский политический деятель и экономист. По своим политическим взглядам был мелкобуржуазным радикалом. Выступал против хлебного закона 1815 г. и денежной политики правительства. Свои взгляды защищал в издаваемом им журнале «Political register» (1803—1835) и «Paper against Gold» (1811).

Колумб, Христофор — знаменитый путешественник, открывший Америку. Родился около 1446 г. или в 1451 г. в Генуе, умер в 1506 г. В молодости предпринимал морские путешествия по торговым делам. Занятия географией и астрономией укрепили в нем убеждение в возможности открыть прямой и кратчайший путь в Индию, не обходя Африки. В 1492 г. отправился с тремя кораблями, снаряженными на средства испанского правительства, в Атлантический океан. Во время этого путешествия открыл Америку.

Корбет, Томас — английский экономист, автор книги «Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals» (1841 г.).

Кромвель, Олшвер (1599—1658) — главный государственный деятель

первой английской революции 1640—1648 гг., лорд-протектор Англии. В 1628 г. был выбран в парламент, где выступил с речью в защиту пуританского учения. Во время войны короля Карла I с парламентом Кромвель стал во главе армии, организованной парламентом, подавил несколько монархических восстаний и победами своей армии обеспечил успех революции, закончившейся свержением королевской власти и казнью Карла I. В основанной после казни короля республике Кромвель играл первую роль и был избран лордом-протектором Англии пожизненно.

Ксенофонт (ок. 430—354 до нашей эры) — ученик Сократа, знаменитый греческий писатель, написавший «Воспоминания о Сократе», «Анабазис», «Греческую историю». У Маркса упоминается сочинение о государственных доходах, посвященное вопросам улучшения расстроившихся афинских финансов.

Купер, Томас (1759—1840) — американский экономист. Родился в Лондоне, но вследствие сочувствия французской революции пригужден был эмигрировать в 1793 г. в Америку, где он принимал активное участие в политической жизни. Купер был сторонником свободы торговли. Главные его сочинения: «Lectures on the elements of political economy», «Columbia» (1826) и «Manual of political economy» (1834). В этих книгах он излагает учение Смита и Рикардо.

Кустоди, Пьетро (1771—1842) — был генеральным секретарем в министерстве финансов при Наполеоне I. В 1801 г. предпринял многотомное издание итальянских экономистов меркантилистической эпохи (XVI—XVIII столетия). Собрание Кустоди, часто цитируемое Марксом, является ценным пособием для изучения истории экономической мысли XVI—XVIII столетий.

Кэри, Генри (1792—1879) — американский экономист эпохи разложения классической школы. В своем сочинении «Гармония интересов» (1851 г.) Кэри выступает с защитой капитализма против нападок социалистов. Кэри известен как критик теории ренты Рикардо и апологет протекционизма.

Кэстльри, Генри-Роберт-Стюарт (1769—1822) — английский государственный деятель. В 1812 г., будучи министром внутренних дел, настаивал на войне с Наполеоном. Благодаря своей реакционной политике сделался предметом всеобщей ненависти. В припадке сумасшествия лишил себя жизни.

Л

Лаундс, Вильям (1652—1724) — канцлер английского казначейства, большой знаток денежного обращения. На основании произведенного им обследования состояния денежного обращения в Англии Лаундс выпустил в 1695 г. сочинение «A report containing an essay for the amendment of the silver coins». Предложение Лаундса об уменьшении при перечековке количества серебра в шиллинге вызвало полемику между ним и Локком. Последний написал против Лаундса специальное сочинение («Further considerations concerning the raising the value of money», 1695), в котором отстаивал необходимость сохранения прежнего количества серебра в шиллинге. Правительство присоединилось к предложению Локка.

Лендодун, Генри, маркиз (1780—1863) — играл видную роль в партии вивгов. Был решительным защитником католиков, стоял за реформу парламента, за уничтожение рабства в колониях, за свободу торговли, внес билль о смягчении суровых наказаний за уголовные преступления.

Лессинг, Готтольд-Эфраим (1729—1781) — знаменитый немецкий писатель. Деятельность Лессинга имела огромное значение для развития духовной жизни не только Германии, но и всего человечества. Его реформаторская

деятельность находила себе выражение не только в его поэтических произведениях, он имеет огромные заслуги в области теории поэзии и критики. Всю свою жизнь Лессинг боролся за свободу мысли и был ожесточенным противником всякого догматизма. По мировоззрению его надо причислить к последователям Спинозы. Лучшим его поэтическим произведением, проповедующим идеи терпимости и гуманности, была драма «Натан Мудрый».

Лист, Фридрих (1789—1846) — германский экономист. В своем известном труде «Национальная система политической экономии» (1841 г.) Лист выступил против основных принципов английской классической школы. В противоположность классикам Лист считал, что идея свободной торговли и невмешательства государства в хозяйственную жизнь страны не имеет абсолютного значения для всех времен и народов. Для стран отсталых в экономическом отношении — в частности для Германии сороковых годов — введение покровительственных пошлин может иметь благотворное значение и способствовать развитию нарождающейся промышленности данной страны. Идеи Листа не пользовались популярностью при его жизни, лишь после его смерти они получили широкое распространение.

Ло, Джон (1671—1729) — известен как создатель финансовой системы, основанной на безграничном выпуске бумажных денег. Его исходная предпосылка состояла в том, что стоимость монеты определяется не только содержащимся в ней металлом, но и употреблением данного металла в качестве монеты. Рост богатства поэтому возможен не только в форме металлических денег, но и в форме бумажных, выполняющих роль монеты. Крах основанного им в 1716—1720 гг. частного коммерческого банка, происшедший вследствие чрезмерного выпуска бумажных денег, опроверг на опыте теории Ло.

Локк, Джон (1632—1704) — по своим экономическим взглядам Локк примыкал к критикам меркантилизма, хотя по отдельным вопросам он разделял представления меркантилистов (напр., в определении богатства, в учении о торговом балансе, о народонаселении и т. д.). По вопросу о стоимости Локк формулировал закон спроса и предложения как фактор, определяющий меновую стоимость. Потребительная стоимость определяется, по его мнению, трудом. В учении о деньгах он разделял количественную теорию. По другим вопросам он выступал защитником торгового и денежного капитала, в частности требовал отмены законодательных ограничений высоты процента. О полемике его с Таундсом см. выше (примечание о Лаундсе).

Людов. к XIV (1643—1715) — был королем Франции с 1654 г. Его время названо Вольтером «веком Людовика XIV». Это была эпоха небывалого военного могущества и огромного хозяйственного расцвета Франции, закончившаяся полным истощением страны. Людовику XIV приписывается известная фраза: «государство это — я».

Лютер, Мартин (1483—1546) — германский религиозный реформатор, сын саксонского рудокопа. Выступая против догматов католицизма и папства, он в ходе своей религиозной борьбы отстаивал интересы князей и осуждал оба современных ему революционных движения, рыцарское и крестьянское. Основанная им лютеранская церковь тесно связана с светской властью, находясь от нее в полной зависимости.

М

Мак-Куллох, Джон-Рамзей (1789—1864) — английский экономист. С 1817 по 1827 г. сотрудничал в эдинбургском журнале «Scotsman», с 1818 по 1820 г. редактировал этот журнал. Будучи учеником Рикардо и ревностным

пропагандистом его теоретических воззрений, Мак-Куллох, однако, значительно вульгаризировал учение классиков и является ярким представителем так называемой «вульгарной» политической экономии. Мак-Куллох был одним из основателей теории «фонда заработной платы». Им были изданы сочинения Смита и Рикардо с вводными биографическими статьями. Мак-Куллох выпустил огромное количество работ, из которых наиболее значительная: «The principles of political economy» (1822).

Маклюд, Генри (1821—1902) — английский бабковский деятель и экономист. Писал главным образом по вопросам банковской практики и кредита.

Мальтус, Томас-Роберт (1766—1834) — английский экономист, автор напумевшей книги: «Исследование о законах народонаселения» («An essay on the principle of population, or a view of its past and present effects on human happiness»), в которой доказывается особый закон «народонаселения». Согласно этому закону народонаселение растет быстрее, чем средства производства: первое растет в геометрической прогрессии, а последние — в арифметической прогрессии. Отсюда — рост безработицы и увеличение нищеты. Средством преодоления этих бедствий является, по Мальтусу, не преобразование социальных отношений, не разрушение капиталистической системы, а уменьшение населения.

Мандевиль, Джон (1300—1372) — вероятный составитель популярного рассказа о путешествиях. Занимался медициной и математикой. В течение 34 лет путешествовал по Египту, Китаю и другим странам. Новейшими научными изысканиями биографов Мандевилля установлено однако, что большинство его описаний чужих стран не основано на личном знакомстве, а списано у других авторов.

Мендельсон, Моисей (1729—1789) — немецкий философ. Представитель популярной философии, проповедывавшей рационалистический деизм; пользовался большим успехом благодаря своему легкому, изящному стилю. Дружил с Лессингом; когда Якоби выпустил после смерти Лессинга свою книгу о Спинозе, где утверждал, что Лессинг был спинозистом, Мендельсон выступил против Якоби с опровержением. Мысль о том, что его лучший друг, Лессинг, мог быть спинозистом, внушала Мендельсону ужас.

Милль, Джеймс (1773—1836) — английский экономист, друг и последователь Рикардо; после смерти последнего — один из главнейших рикардланской школы. Главное его сочинение: «Элементы политической экономии» (1821); написал также большую книгу «История Индии» (1818). Милль первый высказал мысль о невозможности всеобщих кризисов, получившую потом дальнейшее развитие под названием теории рынков Сэя-Рикардо. В учении о деньгах Милль, подобно Рикардо, придерживался количественной теории. Милль был также одним из основателей теории фонда заработной платы.

Милль, Джон-Стюарт (1806—1873) — известный философ и экономист, сын экономиста Джеймса Милля. В области философии самым замечательным произведением Милля является его «Система логики». Из экономических работ Милля самая крупная — «Основания политической экономии». Как экономист, Милль является учеником и продолжателем Рикардо, но он находился также под сильным влиянием французских социалистов. В основных теоретических вопросах Милль верен своим учителям Рикардо и Мальтусу.

Миссельден, Эдуард — английский экономист первой трети XVII века, один из наиболее ярких представителей меркантилистского направления. В книге «Free trade» (1622) Миссельден рекомендует ряд принудительных мероприятий для удержания денег в стране, напр. ограничение ввоза предметов роскоши и т. п.

Моисей. — Библия приписывает Моисею руководство исходом евреев из Египта. Позднейшее предание связывает с его именем составление Пятикнижия. Согласно библейскому преданию, Моисей получил воспитание при дворе египетского фараона. Маркс упоминает о Моисее, вероятно, в связи с библейским законодательством, где подробно регламентируется отношение рабов к хозяевам и устанавливается один день отдыха в неделю.

Монтанари, Джеминиано (1633—1687) — итальянский профессор математики и экономист меркантилистического направления. Написал известное сочинение о деньгах, перепечатанное под названием «Della moneta» в собрании Кустоди.

Монтескье (1689—1755) — знаменитый французский политический писатель. Автор известной идеи об отделении законодательной власти от исполнительной. Особой известностью пользовалась его книга «Дух законов». По своим экономическим взглядам Монтескье примыкал к сторонникам количественной теории денег.

Мюллер, Адам (1779—1829) — представитель романтической школы, видевший свой идеал в средневековых социальных отношениях. Мюллер был противником учения Адама Смита, которого обвинял в преувеличении эгоистических склонностей человеческой природы и значения материального богатства для общественной жизни. Наиболее значительные сочинения: «Elemente der Staatskunst» (1809) и «Versuch einer neuen Geldtheorie» (1816).

И

Наполеон I (1769—1821) — император французов. Выдвинулся во время революции в качестве революционного генерала, а затем произвел переворот 18 брюмера — 9 ноября 1799 г., провозгласив себя одним из трех консулов республики. 18 мая 1804 г. был провозглашен императором. Устроенный по этому поводу плебисцит дал ему огромное количество голосов: за него голосовало крестьянство, видевшее в Наполеоне защитника приобретенной земли, буржуазия, напуганная террором и таксациями и жаждавшая сильной власти, и даже часть рабочего класса. Наполеон очень много сделал для укрепления промышленности Франции и поднятия престижа и военного могущества Франции на недостижимую высоту. Неудачный поход в Россию знаменовал собою перелом в победоносном шествии французских войск. Соединенные войска европейских государств разбили наполеоновские армии, осадили Париж и принудили Наполеона отречься от престола, дав бывшему императору французов во владение остров Эльбу. Наполеон бежал с Эльбы, победоносно опять прошел по Франции, — вернувшаяся, было, династия Бурбонов принуждена была бежать. — но торжество Наполеона было недолгим (сто дней). При Ватерлоо его армия была окончательно разбита, сам он был взят англичанами в плен. Кончил Наполеон жизнь в ссылке на глухом острове св. Елены.

Нестор — один из любимейших героев знаменитой поэмы «Илиада» Гомера. Изображен как самый старший и мудрый из всех греческих царей, участвовавших в Троянской войне. Имя Нестора стало символом старости, умудренной опытом.

Норман, Уорд (1793—1882) — английский публицист, писал о политических и экономических вопросах, преимущественно злободневного характера. Много писал по вопросам денежного обращения, выступая горячим сторонником так называемой школы «currency principle».

О

Оверстон, лорд (или *Лойд*, Самуэль-Джонс) (1796—1833) — английский богатый банкир, считался залотом денежного обращения и финансовых вопросов, часто привлекался в качестве эксперта в парламентские комиссии и был одним из вдохновителей банковского законодательства Роберта Пилля 1844—1845 гг. Оверстон был главою так называемой школы «*singleness principle*», требовавшей ограничения банкнотного обращения (см. примечание о Тукере).

О. да'ик, Джордж (1805—1880) — американский экономист. Был противником рабства, сторонником свободы торговли и неразмешных бумажных денег.

Оуэн, Роберт (1771—1858) — английский утопист-коммунист, которого Маркс и Энгельс причисляли к «великим утопистам». Сын ремесленника, Оуэн с малых лет был приказчиком и вскоре, благодаря своей старательности, честности и способности, выдвинулся и сделался управляющим хлопчатобумажной фабрики в Нью-Ланарке. Там он стал проводить свои первые опыты изменения обстановки, окружающей рабочего, и улучшения его положения. В короткое время Нью-Ланарк превратился в образцовый, цветущий поселок, где жило здоровое рабочее население, производительность труда значительно поднялась и даже прибыли увеличились. Нью-ланаркский опыт стал знаменит во всем мире, а сам Оуэн сделался популярнейшим человеком. Однако на этом Оуэн не остановился. Он начал кампанию за вмешательство государства во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями и явился первым проповедником идеи «рабочего законодательства». С тех пор буржуазия стала косо поглядывать на Оуэна, и неприязнь к нему стала особенно сильной, когда Оуэн объявил себя противником лицемерной религии и буржуазного брака и сторонником коммунизма. В 1826 г. Оуэн пытался устроить коммунистическую колонию в Америке под названием «Новая Гармония», вложив в этот опыт почти все свое состояние. Опыт не удался. Несмотря, однако, на эту неудачу, Оуэн не пал духом и продолжал в Англии свою проповедь, обратившись теперь к пропаганде идеи кооперативных товариществ, «рабочих базаров», где можно было бы получать продукты не за деньги, а за «трудовые квитанции», и примкнув всецело к рабочему движению, переживавшему подъем в связи с развитием чартизма. Высказываясь против революционных методов борьбы, Оуэн стоял за организацию всех английских рабочих в великое профессиональное объединение союзов. Ученики Оуэна принимали непосредственное участие в борьбе чартистов, но принадлежали к умершему крылу.

П

Перейр, Псаак (1806—1880) — известный французский финансист, автор сочинений о банках, финансах, железных дорогах и т. п. В молодости вместе с братом своим Эмилем был последователем Сен-Симона. После того как сен-симонистская школа распалась, братья Перейр стали во главе различных коммерческих предприятий и были крупнейшими грюндерами своего времени; в частности они были основателями знаменитого банка *Crédit Mobilier*, который ставил себе целью финансирование промышленных предприятий.

Петр I (Великий) (1672—1725) — самый выдающийся из русских царей,

известный как крупный государственный реформатор, проводивший свои реформы с исключительной жестокостью.

Петр Мученик из Ангера (1457—1526) — известный ученый и писатель XV века. В своей книге «Decades de orbe novo» («Декады о новом мире») излагает историю открытий в Америке за период 1493—1525 гг. Цитата из этого сочинения, приведенная Марксом, имеется также в известной книге W. Prescott, «History of the conquest of Peru» (см. французское издание 1846 г., т. I, стр. 117), откуда, повидимому, Маркс ее заимствовал.

Петти, Вильям (1623—1687) — известный английский экономист. Богато одаренный от природы, он занимался разными науками и искусствами: медициной, математикой, землемерным делом, музыкой и судостроением. Кроме того, он принимал деятельное участие в государственной жизни Англии, пажил миллионное состояние и получил звание пэра. В истории политической экономии известен как родоначальник теории трудовой стоимости и один из основателей политической экономии.

Пиль, Роберт (1788—1850) — известный английский государственный деятель, участвовал во многих министерствах, провел ряд важнейших экономических и финансовых мероприятий. Особенную известность приобрел своими законами о банках. В 1819 г. провел закон о восстановлении размена английских банкнот на золото. В 1844 г. провел так называемый «банковский акт Пилля» об ограничении выпуска банкнот, не покрытых золотом. Вокруг этого акта разгорелась жестокая полемика между представителями так называемых школ *currency principle* и *banking principle* (см. примечания о Туке и Оверстоне); первые защищали акт Пилля, последние критиковали его. Недостатки акта Пилля, стеснявшего деятельность Английского банка, сказывались особенно резко в периоды кризисов, когда правительство бывало вынуждено временно приостанавливать его действие.

Платон — знаменитый греческий философ 427—347 гг. до нашей эры. Ученик Сократа, основатель учения об «идеях». Писал свои сочинения в форме диалогов. У Маркса упоминается сочинение «Государство» и «Законы», где Платон развивает свои политические взгляды. В «Государстве» Платон рисует свой идеал общества. Первые два класса общества, философы и воины, ведут коммунистический образ жизни, у них нет частной собственности, им запрещено употреблять деньги. В позднейшем сочинении — «Законы» — государство регулирует всю хозяйственную жизнь; для внутреннего обращения употребляются деньги исключительно из неблагородного металла. Для внешних сношений употребляются благородные металлы, но частным лицам владением ими воспрещено весь запас их сосредоточен в руках государства. Деньги служат только в качестве средства обмена и знака стоимости. Ссуды под проценты воспрещены, благодаря чему и кредитные операции в этом государстве невозможны.

Плиний, Кай, Плиний Старший (род. в 23—24 г. нашей эры — погиб в 79 г. во время извержения Везувия). Самое известное его сочинение — «Естественная история» в 36 книгах, энциклопедического содержания. В ней даются сведения по астрономии, географии, антропологии, зоологии, ботанике, медицине, живописи и скульптуре. Это сочинение, представляющее ряд заметок, собранных дилетантом без определенной системы, пользовалось большой славой в древности и в особенности в средние века.

Прометей — герой греческой мифологии, сын Титана и Климены, похитивший с неба огонь и передавший его людям. По греческим сказаниям Прометей является олицетворением бесстрашного человека-борца, восставшего против слепых сил природы и противопоставляющего ей человеческий ум, смелость и изобретательность. Образ Прометея вдохновлял лучших

поэтов (Эсхила, Гете, Шелли и др.) и нашел свое отражение в целом ряде превосходных поэтических произведений.

Проперций, Секст (52—15 гг. до нашей эры)—римский поэт, прославился своими любовными элегиями.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — родился в Безансоне в семье бедного ремесленника из крестьян. Прудон всю жизнь гордился своим крестьянским происхождением. Он перепробовал несколько профессий: был наборщиком, одно время даже содержал небольшую типографию, был частным секретарем, приказчиком, пока не стал, наконец, профессиональным писателем. Он не получил систематического образования, знания свои развивал самоучкой. В 1840 г. вышла его известная книга «Что такое собственность?», в которой есть знаменитая фраза — «Собственность есть кража», сказанная за 60 лет до него жирондистом Бриссо. В 1843 — 1844 гг. Прудон познакомился с Бакуниным, а также с Марксом. Когда Прудон выпустил свое сочинение «Экономические противоречия, или философия нищеты», Маркс выступил с резкой критикой ее, которую назвал «Нищетою философии». После этого Прудон порвал отношения с Марксом. Во время революции 1848 г. Прудон был выбран от Парижа в Учредительное собрание. В 1849 г., когда он открыл в одном из рабочих предместий свой народный банк, акции которого охотно раскупились рабочими и которым он надеялся мирным путем разрешить социальный вопрос и уничтожить бедность, он за статью в газете был приговорен к трем годам тюрьмы. Во время его заключения Наполеон III совершил свой государственный переворот и объявил себя императором. Прудон в тюрьме написал брошюру, в которой выражал надежду, что Наполеон осуществит его социальные идеалы. Однако в 1858 г. Прудон за новую книгу был опять приговорен к трем годам тюрьмы. На этот раз он бежал в Бельгию. В своей первой книге он дает всестороннюю критику понятия о собственности. Он требует равного вознаграждения за любую единицу труда. Но в этой же книге он нападает на социализм и коммунизм. Прудон отрицал не собственность вообще, а лишь собственность крупной буржуазии. Его идеалом был мелкий собственник, не эксплуатирующий чужого труда, но и сам не подвергающийся эксплуатации. Прудон требовал, чтобы работникам был обеспечен продукт их труда, чтобы они могли работать; не подвергаясь эксплуатации, но без экспроприации буржуазной собственности, без насильственной революции, без обобществления производства. Впоследствии он выступил с планом обменного банка, присоединив к этому еще идею дарового кредита. Прудон думал, что если каждый работник будет получать кредит из народного банка, он сам будет в состоянии приобрести нужные ему орудия производства и сырье и обойтись без капиталиста. Таким образом, социальный вопрос будет разрешен мирным путем, путем как бы постепенного выкупа буржуазной собственности. Он считал свободную ассоциацию единственно справедливой и возможной формой общества. Все его планы были приспособлены к обществу мелких производителей, ремесленников и крестьян: его мелкобуржуазный социализм боролся с эксплуатацией крупного капитала: его высшим идеалом была ассоциация мелких ремесленников. В области политической Прудон относился отрицательно к государству и государственной власти и пазывал себя анархистом.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — знаменитый русский поэт. Маркс имеет в виду I главу «Евгения Онегина», где Пушкин в следующих стихах описывает экономические занятия Онегина:

Зато читал Адама Смита
И был великий эконом, —

То есть умея судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет и почему
Не важно золота ему,
Когда прочтой продукт плещет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог

Р

Рикардо, Давид (1772—1823) — величайший экономист начала XIX века. Его книга «Начала политической экономии», вышедшая в 1817 г.; знаменует собою высшее развитие классической школы. Рикардо устранил все противоречия в теории трудовой стоимости Смита и дал законченную формулировку основного закона капиталистического хозяйства. Идеи Рикардо о трудовой стоимости легли в основу социалистической критики капиталистической системы, исходившей как со стороны социалистов-утопистов, так и со стороны научного социализма. После Рикардо классическая школа стала приходить в упадок. Апологеты капитализма всех оттенков выступили против Рикардо. Только в экономической системе Маркса рикардрианские идеи получили свое дальнейшее развитие. Рикардо имеет также огромные заслуги в разработке теории ренты. Он первый дал научно-разработанную теорию дифференциальной ренты. Впоследствии Родбертус и Маркс исправили теорию ренты, заложенную Рикардо, и дополнили ее учением об абсолютной ренте.

Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — известный французский мыслитель XVIII в. Руссо вышел из семьи ремесленника и был самоучкой. Он много странствовал и приобрел большую известность своими литературными произведениями, направленными против феодального общества и неравенства вообще. Наиболее знаменитое сочинение Руссо «Общественный договор» вышло в 1762 г. Взгляды Руссо оказали огромное влияние на политическую мысль Европы XVIII в., особенно же его учение о необходимости полной демократизации государственного строя (так называемое учение об общественном договоре и народном суверенитете).

С

Сениор, Вильям-Нассау (1790—1864) — английский экономист эпохи разложения классической школы, апологет капитализма. Сениор старался доказать справедливость и законность прибыли с точки зрения общественных интересов, создал теорию «воздержания» как основания прибыли. Согласно этой теории, капиталист может дать двоякое направление накопленному имуществу: или затратить на свои личные потребности, или пустить в хозяйственный оборот. В последнем случае он «воздерживается» от его использования для своих личных нужд и за это «воздержание» должен получить награду в виде прибыли. Сениор выступал против сокращения рабочего дня, доказывая, что вся прибыль капиталиста получается им от последнего часа труда рабочих, и поэтому сокращение рабочего дня хотя бы на один час лишит капиталиста всей его прибыли.

Сен-Симон, Анри (1760—1825) — один из наиболее замечательных представителей утопического социализма, который предвосхитил некоторые идеи исторического материализма и указал на роль классовой борьбы в истории человечества. Ученик Даламбера, он уже в раннем возрасте проявлял необыкновенные способности. Жизнь его была полна приключений. Он участвовал в борьбе американских колоний за независимость. Во время Великой французской революции вернулся во Францию, но непосредственного уча-

стия в революции не принимал, ограничился только отказом от графского титула. Основной целью Сен-Симона было осуществление такого строя, при котором страдания низших классов были бы немислимыми. В «Новом христианстве» цель общества излагается как возможно быстрое улучшение участи наиболее бедного класса. Все общество должно трудиться и должно быть организовано для достижения этой цели. Сен-Симон не оставил законченного изложения своих взглядов. Об этом позаботились его ученики, в особенности Базар. В основу социального строительства Сен-Симон ставит влияние и труд. Два класса должны руководить обществом; ученые — представители теоретической индустрии, и промышленники — представители практической индустрии. К индустриальному классу он причисляет не только промышленников, но и представителей труда (физического и умственного). Главные положения социально-философской системы Сен-Симона и практические выводы были изложены в коллективном труде его учениками с Базаром во главе. Учение Сен-Симона можно резюмировать следующим образом: до сих пор господствует эксплуатация человека человеком. В будущем должна господствовать всеобщая ассоциация; каждому по его способностям, каждой способ ости по ее делам. Человек больше не эксплуатирует человека, но люди, соединившись вместе, эксплуатируют природу. Верховным собственником при новом строе явится государственная власть. При помощи единого правительственного банка она будет приводить в соответствие производство с потреблением. Важнейшими произведениями Сен-Симона считаются: «Введение в научные труды XIX века», «Промышленность», «Промышленная система», «Катехизис промышленников», «Письма женеевского обитателя к своим современникам», «Новое христианство», «Парабола».

Сисмонди (1773—1842) — швейцарский экономист, выступавший с критикой классической школы. В своих работах (из них главная — «Новые начала политической экономии» — вышла в 1819 г.) Сисмонди объявил себя защитником мелких товаропроизводителей, разорявшихся капиталистической системой. Исторической заслугой Сисмонди является его постановка вопроса о теории рынков и кризисов, сделанная им в выступлениях против классиков. Сисмонди доказал, что кризисы являются необходимым спутником капитализма, при котором невозможна никакая гармония интересов. По своим социальным идеалам Сисмонди был идеологом мелкой буржуазии.

Смит, Адам (1723—1790) — знаменитый экономист, основатель так называемой классической школы. В 1776 г. издал «Исследование о богатстве народов», доставившее ему мировую славу и открывшее новую эпоху в истории экономической мысли. Экономические взгляды Смита, хотя и не свободные от внутренних противоречий, легли в основу целого направления в политической экономии, известного под именем классической школы. Как идеолог прогрессивной для того времени промышленной буржуазии, Смит доказывал, что свободное развитие капиталистического хозяйства обеспечивает наилучшее удовлетворение интересов всех членов общества. Смит дал лучший для своего времени анализ явлений капиталистического хозяйства (теории стоимости, заработной платы, капитала, прибыли и т. д.). Особенно большое значение в истории экономической мысли сыграла формулированная Смитом теория трудовой стоимости, впоследствии освобожденная от внутренних противоречий и развитая дальше Рикардо и Марксом.

Смит, Томас (1514 или 1515—1577) — английский профессор гражданского права, состоял также во время правления королевы Елизаветы послом и государственным секретарем. В книге «Commonwealth of England» дал подробное описание английских законов и сословий.

Спенс, Вильям (1783—1860) — английский энтомолог, писал также сочинения на экономические темы. Защищал старые хлебные законы. Он утверждал, что благосостояние, созданное земледелием, гораздо важнее благосостояния, созданного промышленностью и торговлей. Был одним из основателей энтомологического общества в Лондоне и одно время его председателем.

Спиноза, Бенедикт (1632—1677) — знаменитый философ, создатель философской системы, получившей название пантеистической. Главное сочинение «Этика» было издано после его смерти. Деисты XVIII века, в том числе Мендельсон, отвергали систему Спинозы, находя ее безнравственной, в виду того, что в ней отрицается существование личного бога и свободы воли. В конце XVIII века в Германии интерес к Спинозе сильно поднялся в связи с книгой Якоби о Спинозе, вызвавшей оживленную полемику. Гете, Гердер, Шеллинг и Гегель находились под сильным влиянием Спинозы.

Страбон (63 г. до нашей эры — 19 г. нашей эры) — выдающийся греческий географ времен Августа и начала правления Тиберия. Его «География» в 17 книгах, дошедшая до нас почти целиком, является памятником географических представлений греческого образованного общества начала нашей эры.

Стюарт, Джеймс (1712—1780) — английский экономист, запоздалый представитель меркантилизма. В его сочинении, вышедшем в 1767 г., содержатся основы теории издержек производства и «товарной» теории денег.

Сэй, Жан-Батист (1767—1832) — французский экономист. Основатель так называемой «вульгарной» школы политической экономии, выступавший апологетом капиталистического строя. Сэй критиковал теорию трудовой стоимости классиков (Смита и Рикардо) и считал, что стоимость создается трудом, природой и капиталом и составляется (конституируется) заработной платой, рентой и прибылью. Теоретические работы его оказали большое влияние на все буржуазные школы политической экономии.

Т

Томпсон, Вильям (1785—1833) — первая книга которого «Исследование о принципах распределения, наиболее способствующих человеческому счастью», вышла в 1824 г., один из наиболее ярких представителей утопического социализма в Англии. Главною своей целью он ставит открытие и обоснование нового справедливого распределения продуктов. Исходя из теории трудовой стоимости Рикардо, из того положения, что только труд создает стоимость всего продукта, также и прибавочную стоимость (additional value), которая присваивается капиталистом в виде прибыли, Томпсон устанавливает три основных закона распределения богатств: 1) труд каждого должен быть свободным и добровольным; 2) производители должны получать полный продукт своего труда; 3) обмен продуктами труда должен быть свободным и добровольным. Эти условия не соблюдаются в современном обществе, где капиталисты и землевладельцы захватывают у рабочего большую часть продукта его труда. Томпсон считает, что рабочие должны платить капиталистам умеренную сумму за пользование их орудиями и средствами производства. С точки зрения рабочего за пользование капиталом следует платить такую сумму, которая возместит бы трату капитала за время пользования им таким добавочным вознаграждением капиталиста, которое приблизительно равняется заработной плате квалифицированного рабочего. Капиталисты же, наоборот, претендуют на всю ту добавочную стоимость, которая создается благодаря пользованию их машинами и средствами производства. Выход из этого противоречия Томпсон видел в коммунизме.

Торренс, Роберт (1780—1864) — английский экономист. Служил в английском флоте, вышел в отставку в чине полковника. Торренс был одним из учредителей знаменитого лондонского клуба политической экономии, в который входили Рикардо, Мальтус, Джеймс Милль, Тук и др. В области теории Торренс был противником Рикардо, в особенности его теории стоимости. Считая закон трудовой стоимости Рикардо неприменимым к капиталистическому хозяйству, Торренс выступал сторонником вульгарной теории издержек производства. Основной труд Торренса: «Опыт о производстве богатства» (1821). Торренс принимал горячее участие в борьбе вокруг банкового законодательства Роберта Пиля в качестве сторонника школы «сиггенсу principle».

Тук, Томас (1774—1858) — английский экономист и статистик. Главные труды Тука: «История цен» (1838—1857) и несколько сочинений по денежному обращению. В последних Тук выступает противником банкового акта Роберта Пиля 1844 г., регулировавшего эмиссионные операции Английского банка согласно так называемому сиггенсу principle. Тук отстаивает так называемый banking principle. Сущность теории Тука заключается в том, что, при сохранении равенности банковых билетов, банк не может выпустить больше билетов, чем требуется для товарного обращения, так что количество выпущенных банковых билетов не оказывает никакого влияния на товарные цены; увеличение их количества не повышает цен и не вызывает падения вексельного курса и отлива драгоценных металлов за границу, как утверждают представители сиггенсу principle. Учение Тука о денежном обращении и связи его с движением товарных цен было использовано Марксом в его теории денег (*Маркс*, Капитал, т. III, отд. 5, гл. 28). Подробнее о борьбе указанных направлений см. выше, стр. 274, примечание «Споры вокруг банкового законодательства Роберта Пиля».

У

Уркарт, Давид (1805—1877) — английский дипломат. Принимал участие в войне за независимость Греции. Занимал разные дипломатические посты. Писал много по вопросам международного права и международной политики.

Устарци, Иероним (род. в 1689 г.) — известный испанский экономист, горячий сторонник меркантилистических мероприятий и, в частности, политики Кольбера; рекомендовал испанскому правительству ввести, по примеру Кольбера во Франции, ряд мероприятий для поощрения вывозной торговли, судоходства и мануфактур. Автор сочинения «Teoria y Practica del Comercio y Marina» (1724).

Ф

Фама (Молва) — римское название греческой богини Оссы, вестницы бога Зевса; служит олицетворением быстро распространяющейся молвы.

Филипп II (1527—1598) — был королем Испании, Нидерландов и всех заморских владений Испании. Ревностный сторонник католицизма, сурово преследовал протестантов, евреев, еретиков; прославился своей жестокостью и деспотизмом. В 60-х годах XVI столетия, в ответ на введение Филиппом инквизиции в Нидерландах, в этой стране вспыхнула революция, закончившаяся после многолетней борьбы отложением Нидерландов от Испании. Политика Филиппа II, с ее бесконечными войнами и репрессиями, ускорила процесс хозяйственного упадка Испании.

Форбонне, Франсуа-Верон (1722—1800) — французский экономист, автор

сочинений о торговле и финансах. Находился еще под влиянием меркантилистических представлений и выступал с резкими полемическими работами против физиократов. Главное сочинение: «*Éléments du Commerce*» (1754).

Франклин, Бенжамин — американский государственный деятель, дипломат и ученый. Родился в 1706 г. в городе Бостоне (Северо-Американские Соединенные Штаты), умер в 1790 г. в должности губернатора штата Филадельфия. Играл видную роль в борьбе Северо-Американских Соединенных Штатов за освобождение. В качестве экономиста Франклин не оставил законченных трудов. Его теоретические взгляды разбросаны в многочисленных статьях. Он был одним из первых экономистов, развивавших в долгие до А. Смита закон трудовой стоимости.

Фуллартон, Джон (1780—1849) — английский экономист, один из главнейших теоретиков так называемой школы «banking principle», представители которой критиковали закон Роберта Пилля об ограничении выпуска банкнот. В книге «*The regulation of currencies*» (1844) Фуллартон отстаивал принцип саморегулирования банкнотного обращения (см. примечание о Туке).

X

Ховельянос (Jovellanos), Гаспар (1744—1811) — испанский экономист. Будучи в первый период своей научной деятельности физиократом, Ховельянос в дальнейшем подпадает под влияние Адама Смита. Ховельянос энергично боролся против меркантилистической политики своего времени и выступал поборником идеи свободной торговли. Ховельянос написал ряд экономических сочинений на теоретические и практические темы. Первое собрание сочинений вышло в 1830—1832 гг.; Маркс цитирует издание 1839 г.

III

Шевалье, Мишель (1806—1879) — французский экономист. В теории денежного обращения Шевалье был сторонником золотого монометаллизма, в банковской политике держался взглядов Тука и Фуллартона. Экономические воззрения Шевалье изложены в его «*Cours d'économie politique*» и в целом ряде других сочинений.

Шекспир, Вильям (1564—1616) — величайший драматург всех времен и народов, творец великих художественных произведений: «Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Лир» и др., имеющих общечеловеческое значение. Шекспир был любимым писателем Маркса. Маркс часто и охотно цитировал Шекспира в своих сочинениях и пользовался его образцами.

Шенайх, Кристоф-Отто (1725—1807) — немецкий поэт, автор эпической поэмы «Герман». Известный критик Гёттше превозносил Шенайха не по заслугам, отдавая его поэме предпочтение перед известною поэмою Клопшток «Месснада».

Шлеммель, Петер — герой произведения немецкого поэта Адальберта Шамиссо (1781—1838). Под этим заглавием Шамиссо выпустил повеллу, в которой описывается история человека, потерявшего свою тень и странствующего по свету в поисках ее. В ней изображена душевная драма самого Шамиссо, родившегося французом, но переселившегося в Германию и писавшего на немецком языке.

Штейн, Лоренц (1815—1890) — известный немецкий юрист, государствовед и экономист. Заинтересовавшись учениями французских социалистов, Штейн в начале 40-х годов отправился в Париж для изучения социалисти-

ческого движения. Его книга «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842),—одна из первых попыток дать общее описание и характеристику социалистического движения, — имела большой успех. Впоследствии Штейн написал ряд выдающихся трудов по государственному и административному праву; из них важнейшее «Die Verwaltungslehre».

Шторж, Генрих (род. в 1766 г. в Риге, умер в 1835 г. в Петербурге и должности вице-президента Академии наук) — выдающийся экономист-статистик, представитель так называемой немецко-русской экономической школы. Сторонник экономической системы Адама Смита, он вместе с тем разделял многие взгляды Сэя, особенно в учении о нематериальных благах. Основной труд — «Cours d'économie politique» (1815).

Э

Эврипид — последний из великих греческих трагиков (род. ок. 485 г., умер в 405 г. до нашей эры). Эврипид находился под влиянием новых философов, Анаксагора и софистов; ему приписывают дружбу с Сократом. Драмы его носят более реалистические черты, чем драмы старших трагиков, и отличаются рассудочным характером.

Эдуард III (1327—1377) — английский король. При Эдуарде III было издано много актов, касавшихся торговли и промышленности, введена золотая монета, расширены права парламента. При нем в 1349—1350 гг. черная смерть (чума) истребила огромную часть (по некоторым свидетельствам, почти половину) населения Англии. За чумой последовал в Англии сильный экономический кризис.

Ю

Юлиус, Густав (1810—1851) — талантливый журналист, младогегельвец. С осени 1842 г. состоял редактором «Лейпцигской всеобщей газеты».

Юм, Давид (1711—1776) — в своих экономических сочинениях, главным образом о торговом балансе, уровне процента и деньгах, Юм выступал как критик меркантилизма. Юм особенно известен своей критикой теории торгового баланса и проповедью свободной торговли, а также своею количественною теорией денег.

Юм, Джеймс-Дикон (1774—1842) — английский фритредер. Юм занялся переработкой таможенных законов и свел их к десяти законам, изданным им с примечаниями и указаниями. Юм был большим противником покровительственных пошлин и требовал отмены хлебных законов. Написал ряд работ против хлебных законов.

Юнг, Артур (1741—1820) — английский писатель. Долго путешествовал по Англии, Ирландии, Франции, Испании и Италии и оставил описание этих стран, в частности сельского хозяйства в них. Сочинения Юнга, помимо их значения в агрономии, являются также важным источником по истории конца XVIII века.

Юпитер — древне-италийский бог светлого неба, с его атмосферными явлениями — дождем и грозой бог плодородия, изобилия, победы, высший источник и охранитель правопорядка и т. д.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Д. Рязанов. К семидесятилетию «Критики политической экономии» . . .</i>	3
<i>Энгельс о книге Маркса</i>	37
<i>Введение к критике политической экономии</i>	
1. Производство вообще	51
2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению	56
3. Метод политической экономии	69
4. Производство, средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и средства сообщения. Формы государства и собственности в отношении к производственным отношениям и средствам сообщения. Правовые отношения, семья	79
<i>К критике политической экономии</i>	
Книга первая. О капитале	
Предисловие	85
<i>Отдел первый. Капитал вообще</i>	<i>90</i>
<i>Глава первая. Товар</i>	<i>90</i>
<i>А. К истории анализа товара</i>	<i>118</i>
<i>Глава вторая. Деньги, или простое обращение</i>	<i>130</i>
1. Мера стоимости	130
<i>В. Теории единицы-меры денег</i>	<i>142</i>
2. Средство обращения	153
а) <i>Метаморфоз товаров</i>	<i>154</i>
б) <i>Обращение денег</i>	<i>165</i>
с) <i>Монета. Знак стоимости</i>	<i>175</i>
3. Деньги	191
а) <i>Образование сокровищ</i>	<i>194</i>
б) <i>Платежное средство</i>	<i>206</i>
с) <i>Мировые деньги</i>	<i>218</i>
4. <i>Благородные металлы</i>	<i>223</i>
<i>С. Теории средств обращения и денег</i>	<i>227</i>
<i>Из переписки Маркса и Энгельса</i>	
1. Из письма Маркса к Энгельсу от 3 февраля 1851 г.	263
2. Из письма Энгельса к Марксу от 25 февраля 1851 г.	269
<i>Примечания и указатели</i>	
Список цитированных книг	273
Примечания	276
Предметный указатель	284
Именной указатель	325
Биографический справочник	334

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

- Выпуск I. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Коммунистический манифест. М. — Л. 1926. Стр. 143. Ц. 50 к.
- Выпуск II. Ф. Энгельс. — Развитие социализма от утопии к науке. Изд. 2-е. М. — Л. 1928. Стр. 165. Ц. 50 к.
- Выпуск III. Ф. Энгельс. — Крестьянская война в Германии. М. — Л. 1926. Стр. 160. Ц. 70 к.
- Выпуск IV. Карл Маркс — мыслитель, человек, революционер. М. — Л. 1926. Стр. 175. Ц. 80 к.
- Выпуск V. П. Лафарг. — Томас Кампанелла. М. — Л. 1926. Стр. 103. Ц. 50 к.
- Выпуск VI. Г. В. Плеханов. — Основные вопросы марксизма. Изд. 3-е. М. — Л. 1929. Стр. 128. Ц. 45 к.
- Выпуск VII. Карл Маркс. — Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарты. М. — Л. 1926. Стр. XVI + 152. Ц. 80 к.
- Выпуск VIII. Карл Маркс. — Гражданская война во Франции в 1871 г. С введением Ф. Энгельса. М. — Л. 1926. Стр. 163. Ц. 80 к.
- Выпуск IX. Вильгельм Либкнехт. — Никаких компромиссов! М. — Л. 1926. Стр. 147. Ц. 80 к.
- Выпуск X. Вильгельм Либкнехт. — Социализм и культура. М. — Л. 1926. Стр. 159. Ц. 80 к.
- Выпуск XI. Г. В. Плеханов. — Materialismus militans (Воинствующий материализм). М. — Л. 1928. Стр. VIII + 131. Ц. 50 к.
- Выпуск XII — XIII. Карл Маркс. — Ницета философии. Изд. 2-е. М. — Л. 1930. Стр. 200. Ц. 70 к.
- Выпуск XIV. Фридрих Энгельс. Людвиг Фейербах. М. — Л. 1928. Стр. XV + 168. Ц. 65 к.

* Звездочкой отмечены удешевленные издания в помощь партизанами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КНИГИ

Москва — Ленинград

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

- Выпуск XV. Письма Маркса к Кугелману. М. — Л. 1928.
Стр. XXIV + 100. Ц. 60 к.
- Выпуск XVI. Г. Плеханов. — Анархизм и социализм. М. — Л.
1929. Стр. VIII + 124. Ц. 50 к.
- Выпуск XVII. Ф. Меринг. — Фрейлиграт и Маркс в их переписке. М. — Л. 1929. Стр. XXVII + 151. Ц. 60 к.
- Выпуск XVIII. К. Маркс и Ф. Энгельс. — Революция и контр-революция в Германии. М. — Л. 1929. Стр. XXIV + 149. Ц. 60 к.
- Выпуск XIX. — XX. К. Каутский. — Экономическое учение Карла Маркса. Изд. 3-е. М. — Л. 1930. Стр. VII + 242. Ц. 75 к.
- Выпуск XXI. К. Маркс. — Классовая борьба во Франции. Изд. 2-е. М. — Л. 1930. Стр. XI + 160. Ц. 50 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- П. Лафарг. — Pamфлеты.
- Г. Плеханов. — Социализм и политическая борьба.
- Ф. Энгельс. — О „Капитале“.
- Ф. Энгельс. — Жилищный вопрос.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. — О свободе торговли и протекционизме.
- Г. Плеханов. — Очерки по истории материализма.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. — Наемный труд и капитал. Цена, заработная плата и прибыль.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- К. Маркс и Ф. Энгельс. — Речи.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. — Статьи о программе.
- Ф. Энгельс. — На русские темы.

* Звездочкой отмечены удешевленные издания в помощь партизанам.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КНИГИ
Москва — Ленинград